СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МОСКОВСКАЯ АКАДЕМИЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА
ИМЕНИ А.Я. СУХАРЕВА

СУДЕБНЫЕ ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции

(Москва, 3 июля 2025 года)

Москва, 2026

УДК 343.98
ББК 67.53
С 89

С 89 **Судебные экспертизы в уголовном процессе: теория и практика:** материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 3 июля 2025 г.) / под ред. И.Н. Озерова, Э.С. Сарыгиной. М.: Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2026. – 305 с.

Редакционная коллегия

Озеров И.Н., заведующий кафедрой судебно-экспертной и оперативно-разыскной деятельности Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Сарыгина Э.С., доцент кафедры судебно-экспертной и оперативно-разыскной деятельности Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, капитан юстиции.

УДК 343.98
ББК 67.53

Сборник сформирован по материалам, представленным на IV Всероссийскую научно-практическую конференцию, проведенную в Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева 3 июля 2025 года.

Конференция организована Московской академией Следственного комитета имени А.Я. Сухарева при участии ведущих вузов, ученых, специалистов, сотрудников правоохранительных органов России.

Сборник представляет интерес для юристов, судебных экспертов – учёных и практиков.

Редакционная коллегия обращает внимание на то, что научные подходы и идеи, и взгляды, изложенные в статьях сборника, отражают субъективные оценки их авторов.

© Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2026

IV Всероссийская научно-практическая конференция «Судебные экспертизы в уголовном процессе: теория и практика»

(3 июля 2025 года)

Конференцию открыл ректор Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук, доцент, генерал-майор юстиции Алексей Александрович Бессонов, который поприветствовал участников, поблагодарил за проявленный интерес к конференции и пожелал плодотворного обсуждения проблем, связанных с использованием специальных знаний при расследовании преступлений.

А.А. Бессонов отметил, что широкий круг междисциплинарных исследований, представленных на нашей конференции, безусловно, позволит получить новые научные выводы и рекомендации по многим направлениям следственной, судебной и экспертной практики.

Остаётся пожелать всем участникам конференции плодотворной работы и открыть нашу IV Всероссийскую научно-практическую конференцию «Судебные экспертизы в уголовном процессе: теория и практика».

Приветственное слово
ректора Алексея Александровича Бессонова

Приветственные слова участникам конференции также высказали члены президиума в лице руководителей государственных экспертных учреждений: Соболева Александра Михайловича – первого заместителя директора Судебно-экспертного центра Следственного комитета Российской Федерации, кандидата юридических наук, генерал-майор юстиции; Багмета Анатолия Михайловича – заместителя руководителя Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации, кандида юридических наук, доцента, генерал-майора юстиции; Громовой Анастасии Викторовны – заместителя начальника ЭКЦ МВД России, кандида филологических наук, полковника полиции; Макарова Игоря Юрьевича – директора Российского центра судебно-медицинских экспертиз Минздрава России, доктора медицинских наук, профессора. С приветственным словом также выступили ведущие Российские ученые в области судебной экспертологии и криминалистики, среди них Россинская Елена Рафаиловна – заведующая кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, академик РАЕН.

Выступление Елены Рафаиловны Россинской

После перерыва работа конференции прошла в режиме активной научной дискуссии с участием профессорского-преподавательского состава и экспертного сообщества из числа сотрудников СЭЦ СК России и его филиалов, ЭКЦ МВД России и РФЦСЭ Минюста России имени А.Р. Шляхова.

Всего в конференции приняло участие более 70 человек, в том числе 19 докторов наук, 26 кандидатов наук и 25 экспертов-практиков.

В ходе работы конференции участники обсудили правовые, организационные и научно-методические проблемы судебно-экспертной деятельности в уголовном процессе, современное состояние и тенденции развития частных судебно-экспертных теорий и учений, их роль в судебно-экспертной деятельности, особенности назначения и производства отдельных видов судебных экспертиз, а также наметили перспективы проведения дальнейших, в том числе совместных научных исследований.

Н.В. Анисимова
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя

Значение судебной экспертизы в ходе предварительного следствия

Аннотация. В данной статье рассматриваются организационные и процессуальные вопросы назначения судебной экспертизы, их незаменимость и значение при производстве предварительного следствия.

Ключевые слова: следователь, эксперт, специалист, судебная экспертиза, заключение эксперта, назначение экспертиз.

В ходе расследования уголовного дела неотъемлемой частью деятельности следователя является назначение судебных экспертиз и по каждой категории уголовных дел назначается определенный перечень судебных экспертиз, однако, процессуальный порядок их назначения, закрепленный в УПК РФ остается неизменным.

Фактическим основанием для назначения экспертизы является возникшая при производстве по уголовному делу необходимость в специальных познаниях в науке, технике, искусстве или ремесле. Экспертиза не должна назначаться для доказывания фактов, которые могут быть установлены и без специальных познаний[1]. Судебная экспертиза может проводиться по самым разнообразным вопросам, относящимся к различным отраслям науки и техники, искусства или ремесла.

Основанием для назначения судебной экспертизы является необходимость следователя получить разъяснения специалиста относительно областей знаний, которыми он не располагает. При этом обосновать следователь должен как производство судебной экспертизы по уголовному делу вообще, так и конкретной разновидности судебной экспертизы. Это необходимо для того, чтобы минимизировать случаи безосновательной нагрузки на экспертов, а также экономии ресурсов, используемых при производстве судебной экспертизы. Как правило, постановление о назначении судебной экспертизы содержит в себе краткую фабулу преступления или события, время, место совершения преступления, обстановка, наличие причиненного вреда или ущерба[2].

В целях упорядочения практики назначения и производства экспертиз принято постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. «О судебной

---

[1] Пименов М.Г., Кондрашов С.А., Платоненкова Л.С. и др. Экспертные методики исследования тканей и выделений человека: учебное пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 2006. С. 60.

[2] Практическое руководство по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов: науч.- практич. пособие / под ред. Т.В. Аверьяновой, В.Ф. Статкуса. М.: Изд-во Юрайт 2017. С. 163.

экспертизе по уголовным делам»[1], которым следователь должен руководствоваться в своей деятельности[2].

Производство судебных экспертиз при расследовании уголовного дела затрагиваем процессуальные права всех участников уголовного судопроизводства, в связи с чем вопросы, касающиеся обеспечения прав этих самых участников, становятся актуальными.

От результатов экспертизы может полностью зависеть ход расследования, начиная от процесса возбуждения уголовного дела, заканчивая привлечением лица к уголовной ответственности[3]. Именно в этой связи законодатель предусмотрел широкий спектр прав участников уголовного судопроизводства относительно производства и назначения судебной экспертизы.

Изучение практики деятельности государственных органов показывает, что судебная экспертиза находит широкое применение в их деятельности, так как является одним из уникальных способов получения ценной доказательственной информации, способствующей установлению истины по делу, которую в большинстве случаев без их производства обнаружить крайне затруднительно. Статистические данные свидетельствуют о том, что использование экспертиз в российском судопроизводстве из года в год приобретает все большую популярность, но при этом число нарушений так же неуклонно возрастает. Учитывая вышеизложенные обстоятельства, особое внимание следует уделить механизму правового обеспечения прав личности при назначении и производстве экспертизы в уголовном судопроизводстве[4].

Понятие эксперта предусмотрено в ч. 1 ст. 57 УПК РФ. Исходя из сравнительного анализа этого понятия и понятия специалиста, данного в ч. 1 ст. 58 УПК РФ, одно и то же лицо в разное время может выступать как в уголовно-процессуальном статусе эксперта, так и в статусе специалиста, в зависимости от того, какая задача ставится перед ним следователем. Так, один и тот же эксперт-криминалист может выступать и в статусе специалиста, если он участвует в

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 2.

[2] Анисимова Н.В., Уханова Н.В., Алимамедов Э.Н. Назначение судебных экспертиз в ходе предварительного следствия // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 24–28.

[3] Каторгина Н.П. Процессуальные и тактические особенности назначения и производства судебной экспертизы на предварительном следствии // Научные ведомости. Философия. Социология. Право. 2014. № 22 (193). С. 134–146.

[4] Колиев В.В. Аспекты правового обеспечения прав личности при назначении и производстве экспертизы в уголовном судопроизводстве // Успехи современной науки. 2017. Том 7. № 3. С. 206.

осмотре места происшествия, и в статусе эксперта, если ему поручено производство, например, дактилоскопической экспертизы[1].

Недооценить значение судебной экспертизы для процесса доказывания по уголовному делу практически невозможно. Заключение эксперта является «безапелляционным» доказательством, ссылаясь на которое, стороны уголовного процесса могут выстраивать свою позицию[2] то есть, заключение эксперта считается неоспоримым доказательством. Но благодаря чему достигается данная неоспоримость? Обоснуем свою позицию на примере сравнения заключения экспертизы с заключением специалиста. Их сходством является то, что они используют специальные познания, но при детальном рассмотрении сходства заканчиваются. Так, заключение эксперта основывается на научно-выверенных методиках, основанных на ГОСТах, которые в свою очередь имеют статус нормативного акта. Заключение специалиста представляет собой оценочное суждение, которое может отличаться в зависимости от компетенций лица. Термин «суждение», используемый законодателем подчеркивает субъективную составляющую заключения специалиста. В тоже время заключение специалиста может быть дано по более широкому кругу вопрос и сфер жизнедеятельности, в особенности выходящих за рамки научного познания, например искусство или религия.[3] Неправильность заключения специалиста практически невозможно установить, в то время как при изучении заключения эксперта можно установить просчеты, допущенные экспертом в ходе исследования[4]. Кроме того, немаловажным является тот факт, что заведомо ложное заключение специалиста не влечет для него никакой ответственности. В то время как в ст. 307 УК РФ четко обозначено, что заведомо неправильное заключение эксперта влечет за собой уголовное наказание, в то время как специалист подлежит уголовной ответственности только за заведомо неправильные показания, данные им в ходе допроса.

Сказанное еще раз подчеркивает, что заключение специалиста – это только оценочное суждение, не имеющее той доказательственной силы в уголовном судопроизводстве, что имеет заключение эксперта.

Судебная экспертиза является комплексным процессуальным институтом, который состоит из назначения, проведения и дачи заключения экспертом в установленных законом областях, который при этом является одним из

---

[1] Анисимова Н.В., Уханова Н.В., Алимамедов Э.Н. Назначение судебных экспертиз в ходе предварительного следствия // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. – С. 24 – 28.

[2] Кудрявцев И.К., Обыденнова А.А. Понятие и значение судебной экспертизы при расследовании уголовных дел // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 2. С. 129.

[3] Зайцева Е.А., Гарисов С.М. К вопросу о заключении специалиста // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2009. №4 (11). С. 67.

[4] Днепровская М.А., Хертуева С.Л. Проблемы разграничения заключения эксперта и заключения специалиста // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2013. №1 (4). С. 28–29.

важнейших институтов доказательственного права, не только в сфере уголовного судопроизводства, но и других видах юридической деятельности. Судебная экспертиза назначается уполномоченным на то лицом и имеет приоритетной задачей установление истины по делу, одновременно являясь способом защиты прав и свобод граждан, вовлеченных в уголовный процесс.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 2.
2. Анисимова Н. В., Уханова Н. В., Алимамедов Э. Н. Назначение судебных экспертиз в ходе предварительного следствия // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 24–28.
3. Практическое руководство по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов: науч. - практич. пособие / под ред. Т.В. Аверьяновой, В.Ф. Статкуса. М.: Юрайт, 2017.
4. Днепровская М.А., Хертуева С.Л. Проблемы разграничения заключения эксперта и заключения специалиста // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2013. №1 (4). С. 28–34.
5. Зайцева Е.А., Гарисов С.М. К вопросу о заключении специалиста // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2009. №4 (11). С. 67–72.
6. Каторгина Н.П. Процессуальные и тактические особенности назначения и производства судебной экспертизы на предварительном следствии // Научные ведомости. Философия. Социология. Право. 2014. № 22 (193). С. 134–146.
7. Колиев В.В. Аспекты правового обеспечения прав личности при назначении и производстве экспертизы в уголовном судопроизводстве // Успехи современной науки. 2017. Том 7. № 3. С. 206–208.
8. Кудрявцев И.К., Обыденнова А.А. Понятие и значение судебной экспертизы при расследовании уголовных дел // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. №2. С. 129–132.
9. Пименов М.Г., Кондрашов С.А., Платоненкова Л.С. и др. Экспертные методики исследования тканей и выделений человека: Учебное пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 2006. 71 с.

А.О. Афанасьев
Судебно-экспертный центр Следственного комитета
Российской Федерации

Различный подход к оценке материалов налоговой проверки налоговыми и следственными органами

Аннотация. в статье рассматривается проблема по оценке объектов исследования экспертом результатов налоговой поверки налоговыми сотрудниками и следователями.
Ключевые слова: налоговая проверка, следователь, налоги, экспертиза.

Различный подход к оценке материалов налоговой проверки налоговыми и следственными органами обусловлены, в том числе, расхождением принципа достаточности объектов исследования (бухгалтерских и налоговых регистров, черновых записей и иных документов проверяемой организации и ее контрагентов) для целей исчисления налога на прибыль организаций:

1) при вынесении Решения о привлечении к налоговой ответственности налоговыми органами в целях арбитражного судопроизводства;

2) при производстве судебных налоговых экспертиз государственными судебными экспертами в целях уголовного судопроизводства.

Исходя из сложившейся правоприменительной практики в случае отсутствия бухгалтерских и/или налоговых регистров проверяемой организации в целях исчисления налога на прибыль организации налоговые органы производят расчет недоимки на основе имеющейся у них информации, отраженной в разделе 8 «Сведения из книги покупок об операциях, отражаемых за истекший налоговый период» налоговых деклараций по НДС проверяемой организации. Расчет недоимки производится инспекторами ФНС РФ так называемым «расчетным способом» (в литературе встречается также следующие названия: «расчетным путем», «расчетным методом» и т.п.).

Стоит отметить, что, рассчитанная таким образом недоимка по налогу на прибыль организаций, в случае ее оспаривания в арбитражном суде, в последующем как правило уменьшается, либо отменяется вовсе.

При передаче, в соответствии с пунктом 3 статьи 32 Налогового кодекса РФ (далее по тексту – НК РФ), материалов налоговой проверки для принятия решения о возбуждении уголовного дела в порядке ст. 144-145 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее по тексту – УПК РФ) следственным органом, последним необходимо оценить достаточность имеющихся материалов (в том числе: наличие в них бухгалтерских и налоговых регистров проверяемой организации), поскольку при производстве судебной налоговой экспертизы по уголовным делам, связанным с уклонением организации от уплаты налогов, государственные эксперты не смогут дать категоричный вывод о сумме заниженного к уплате налога на прибыль организации лишь на основе сведений из раздела 8 налоговых деклараций по НДС.

У сотрудников следственных органов возникает разумный вопрос: «Почему инспектора ФНС РФ производят доначисления налога на прибыль организации «расчетным путем», а эксперты государственных экспертных учреждений не могут применять данный метод в экспертной практике?».

Давайте вместе попробуем разобраться почему так происходит.

Подпунктом 7 пункта 1 статьи 31 НК РФ закреплены права налоговых органов, в том числе: определять суммы налогов, подлежащие уплате налогоплательщиками в бюджетную систему Российской Федерации, расчетным путем на основании имеющейся у них информации о налогоплательщике, а также данных об иных аналогичных налогоплательщиках в случаях отказа налогоплательщика допустить должностных лиц налогового органа к осмотру производственных, складских, торговых и иных помещений и территорий, используемых налогоплательщиком для извлечения дохода либо связанных с содержанием объектов налогообложения, непредставления в течение более двух месяцев налоговому органу необходимых для расчета налогов документов, отсутствия учета доходов и расходов, учета объектов налогообложения, ведения учета с нарушением установленного порядка, приведшего к невозможности исчислить налоги.

Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, наделение налоговых органов правом исчислять налоги расчетным путем вытекает из возложенных на них обязанностей по осуществлению налогового контроля в целях реализации основанных на Конституции Российской Федерации и законах общеправовых принципов налогообложения всеобщности и справедливости налогообложения, юридического равенства налогоплательщиков, равного финансового бремени (определения от 05.07.2005 № 301-О, от 23.04.2013 № 488-О, от 29.09.2015 № 1844-О, от 29.09.2020 № 2314-О и др.).

Согласно разъяснениям Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, данным в пункте 8 постановления от 30.07.2013 № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации», при определении налоговым органом сумм налогов, подлежащих уплате налогоплательщиком в бюджетную систему Российской Федерации, расчетным путем должны быть определены не только доходы налогоплательщика, но и его расходы.

Бремя доказывания того, что размер доходов и (или) расходов, определенный налоговым органом по правилам подпункта 7 пункта 1 статьи 31 НК РФ, не соответствует фактическим условиям экономической деятельности налогоплательщика, возлагается на последнего, поскольку именно он несет риски, связанные с возникновением оснований для применения налоговым органом расчетного метода определения сумм налогов.

Это обусловлено тем, что в случае применения налоговым органом расчетного метода начисления налогов достоверное исчисление налогов невозможно по объективным причинам. Налоги могут быть исчислены достоверно только при надлежащем оформлении учета доходов и расходов, в то время как применение

расчетного метода предполагает исчисление налогов с той или иной степенью вероятности (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2010 № 5/10).

Из приведенных положений законодательства и правовых позиций высших судебных инстанций вытекает, что исчисление налогов расчетным путем предполагает значительную степень гибкости производимых налоговым органом расчетов, поскольку именно налогоплательщик, не обеспечивший надлежащий учет своих доходов и расходов спровоцировал возникновение ситуации, при которой точное определение налоговой обязанности стало невозможным.

При применении расчетного способа налоговому органу достаточно представить доказательства, разумно обосновывающие произведенную им оценку доходов (расходов), которые могли быть получены (понесены) налогоплательщиком в рамках осуществляемой им экономической деятельности, а налогоплательщик - вправе представлять доказательства, уточняющие расчет налогового органа.

При этом к налоговому органу не могут предъявляться требования по обеспечению такой же степени точности расчета, производимого по правилам подпункта 7 пункта 1 статьи 31 НК РФ, которая должна была быть обеспечена самим налогоплательщиком.

Стандарт доказывания размера полученных доходов и произведенных расходов, связанных с их извлечением, в условиях недобросовестных действий налогоплательщика не может быть аналогичным с ситуацией, когда факт получения дохода и произведенных расходов, связанных с их извлечением, оформляется налогоплательщиком надлежащим образом. В ином случае недобросовестное лицо, уклоняющееся от уплаты налога, оказывается в более благоприятном правовом положении по сравнению с добросовестным налогоплательщиком.

В практической плоскости это право налогового органа производить доначисления по налогу на прибыль организаций «расчетным способом» приводит к тому, что при проведении выездных налоговых проверок финансово-хозяйственной деятельности организации (либо камеральных проверок налоговых деклараций по налогу на прибыль организаций) в случае непредставления налоговому органу необходимых для расчета налогов документов налоговые органы производят расчет налоговых обязательств на основании имеющихся у них сведений, которыми, как правило, являются сведения из раздела 8 «Сведения из книги покупок об операциях, отражаемых за истекший налоговый период» налоговых деклараций по НДС.

Расчет производится банальным перемножением итоговой стоимости товаров (работ, услуг) без учета НДС поставленных (выполненных, оказанных) от имени «спорных» организаций, отраженных в разделе 8 налоговых деклараций по НДС, на ставку налога (например: 20%).

Таким образом, налоговым органом при расчете недоимки по налогу на прибыль организации не устанавливается факт включения в налоговую

декларацию по налогу на прибыль организаций «заведомо ложных сведений», касающихся полноты включения затрат по взаимоотношениям со «спорными» организациями.

Наиболее наглядно это можно изобразить на примере принятия к учету материалов от «спорной» организации.

Пример: проверяемая организация в исследуемом периоде принимает к учету от «спорной» организации материалы, отразив данную операцию в бухгалтерском учете корреспонденцией счетов:

Дт 10.1 «Основной склад» Кт 60 «Расчеты с поставщиками и подрядчиками» на сумму 100 тыс. руб. – приняты к учету материалы от «спорной» организации;

Дт 19 «Налог на добавленную стоимость по приобретенным ценностям» Кт 60 «Расчеты с поставщиками и подрядчиками» на сумму 20 тыс. руб. – принят к учету «входной» НДС;

Дт 60 «Расчеты с поставщиками и подрядчиками» Кт 51 «Расчетные счета» на сумму 120 тыс. руб. – произведена оплата «спорной» организации за поставленные материалы;

Дт 68.2 «Расчеты по налогам сборам/НДС» Кт 19 «Налог на добавленную стоимость по приобретенным ценностям» на сумму 20 тыс. руб. - сумма «входного» НДС отражена в Книгах покупок и принята к вычету.

Применяя «расчетном способ» исчисления НДС налоговый орган на основе раздела 8 «Сведения из книги покупок об операциях, отражаемых за истекший налоговый период» производит расчет налога на прибыль организаций банальным перемножением, а именно:

100 тыс. руб. * на ставку налога 20% = 20 тыс. руб. – сумма недоимки по налогу на прибыль организаций исчисленная «расчетным способом».

Однако, как мы видим из корреспонденции счетов, стоимость материалов еще не списана в состав расходов и не может быть отражена в конечном итоге в составе строки по коду 130 «Итого признанных расходов» налоговой декларации по налогу на прибыль организации.

Следовательно, в налоговую декларацию по налогу на прибыль организаций на конец исследуемого периода еще не включены «заведомо ложные сведения» относительно финансово-хозяйственных операций со «спорной» организацией и занижение налога на прибыль организации в исследуемом периоде отсутствует.

В исследуемом периоде возможно следующее развитие финансово-хозяйственных операций связанных с приобретением материалов от «спорных» организаций:

- принятые к учету в исследуемом периоде от «спорной» организации материалы на конец исследуемого периода могут все еще находится на складах организации;
- принятые к учету в исследуемом периоде от «спорной» организации материалы в течении исследуемого периода могут быть перемещены из «основного склада» на «производственный склад»;
- принятые к учету в исследуемом периоде от «спорной» организации материалы в течении исследуемого периода использованы в основном

производстве при изготовлении товаров, но сами готовые товары в исследуемом периоде не реализованы, т.е. товары находятся на складе готовой продукции;

- принятые к учету в исследуемом периоде от «спорной» организации материалы в течении исследуемого периода списаны в основное производство, однако выполненные этапы работ еще не предъявлен заказчику.

Во всех указанных выше случаях в налоговую декларацию по налогу на прибыль организаций еще не включены «заведомо ложные сведения» относительно финансово-хозяйственных операций со «спорной» организацией и занижение налога на прибыль организации в исследуемом периоде отсутствует.

На рассматриваемом примере наглядно продемонстрирован недостаток «расчетного способа», а именно то, что инспекторами ФНС не учитывается тот факт, что готовые товары либо материалы в исследуемом периоде могли еще находиться на складе (т.е. их еще не продали, либо не списали в производство) и следовательно, исходя из правил бухгалтерского и налогового учета, затраты по их приобретению не могли быть списаны в состав расходов и в последующем в строку 130 «Итого признанных расходов» налоговой декларации по налогу на прибыль организации.

Таким образом, вывод инспекторов ФНС о сумме недоимки по налогу на прибыль организаций, произведенный «расчетным способом», по своей природе является вероятностным, поскольку основывается на предположении, что все материалы в исследуемом периоде реализованы покупателю, либо материалы списаны в производство и по окончании производственного цикла готовый товар также реализован конечному покупателю.

Основываясь лишь на данных раздела 8 «Сведения из книги покупок об операциях, отражаемых за истекший налоговый период» налоговых деклараций по НДС невозможно достоверно установить факт включения «заведомо ложных сведений», а именно затрат по приобретению материалов от «спорной» организацией, в налоговую декларацию по налогу на прибыль организаций.

Обобщив вышесказанное, приходим к выводу о том, что «расчетный способ» исчисления налога на прибыль организаций может быть применен лишь в арбитражных делах, связанных с уклонением от уплаты налогов.

Расчетный способ исчисления налога на прибыль организации не может быть применен в экспертной практике при производстве налоговой судебной экспертизы по уголовным делам, поскольку уголовное судопроизводство основывается на «презумпции невиновности», установленной:

А) статьей 49 Конституции РФ, из содержания которой следует:

1. Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

2. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность.

3. Неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого.

Б) статьей 14 УПК РФ, из содержания которой следует:

1. Обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

2. Подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения.

3. Все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном настоящим Кодексом, толкуются в пользу обвиняемого.

4. Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях.

Диспозицией статьи 199 Уголовного кодекса РФ установлено, что уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией - плательщиком страховых взносов, осуществляется путем:

1) непредставления налоговой декларации (расчета) или иных документов, представление которых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах является обязательным;

2) путем включения в налоговую декларацию (расчет) или такие документы заведомо ложных сведений.

Таким образом, при производстве налоговой судебной экспертизы государственным экспертом в отличии от инспекторов ФНС необходимо описать механизм совершения преступления, а именно: факт включения в налоговую декларацию по налогу на прибыль организаций «заведомо ложных сведений», т.е. необходимо проследить полноту включения затрат от «спорных» организаций в состав расходов налоговой декларации по налогу на прибыль организаций.

Поэтому для производства налоговой судебной экспертизы необходимо предоставить:

1) налоговую декларацию по налогу на прибыль организаций, в которую по версии следствия были включены заведомо ложные сведения (как правило это последняя уточненная декларация до начала выездной налоговой проверки);

2) налоговые регистры либо регистры бухгалтерского учета, раскрывающие содержание расходной части обобщенных показателей налоговых деклараций по налогу на прибыль организаций;

3) оборотно-сальдовые ведомости по счету 10 «Материалы», 20 «Основное производство», 41 «Товары», 90.02 «Себестоимость продаж» в разрезе номенклатурных групп за исследуемый период;

4) карточки счетов 10 «Материалы», 20 «Основное производство», 41 «Товары», 60 «Расчеты с поставщиками и подрядчиками», 90.02 «Себестоимость продаж» за исследуемый период;

5) протокола допросов должностных лиц организации (директора, главного бухгалтера), в которых они поясняют были ли отнесены затраты по «спорным» организациям в состав расходов налоговой декларации по налогу на прибыль организаций;

6) документы, подтверждающие фактические затраты, установленные следствием (например: черновые записи, протокола допросов и т.п.).

Данный список не является исчерпывающим и зависит от индивидуальных особенностей каждой отдельной экспертизы.

Хотелось бы обратить Ваше внимание на то, что первичные документы, такие как: Накладные, Товарные накладные, Товарно-транспортные накладные, Акты выполненных работ, Справки о стоимости выполненных работ, Акты, Универсальные передаточные документы (УПД) и т.п. для производства судебных налоговых экспертиз не требуются, поскольку в соответствии с пунктом 1 статьи 10 Федерального закона от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» данные, содержащиеся в первичных учетных документах, подлежат своевременной регистрации и накоплению в регистрах бухгалтерского учета.

Предоставление первичных бухгалтерских документов, оформленных от имени «спорных» организаций, не позволяет детализировать обобщенные показатели налоговых деклараций по налогу на прибыль организаций. Следовательно, не позволяет установить факт включения «заведомо ложных сведений» в налоговую декларацию по налогу на прибыль организаций экспертным путем и применяемыми методами, а лишь загромождает объекты исследования и увеличивает сроки производства экспертизы.

Поскольку речь зашла о методах, применяемых государственными экспертами при производстве судебных налоговых экспертиз, то давайте остановимся на этом моменте более подробно.

В экспертной практике при производстве налоговых судебных экспертиз наиболее распространен метод дедукции.

Дедукция – это метод рассуждения от общего к частному, т.е. в ходе производства экспертного исследования государственный эксперт отталкивается от общего, в нашем случае это обобщенные показатели налоговой декларации по налогу на прибыль организаций, к частному – сводным регистрам бухгалтерского и налогового учета, в которых отражены данные первичных учетных документов, отражающих факты хозяйственной деятельности организации.

Само же исследование состоит из следующих этапов:

1) сопоставление итоговых данных, отраженных в налоговой декларации по налогу на прибыль организаций за исследуемый период с соответствующими им регистрами налогового учета (либо регистрами бухгалтерского учета в случае отсутствия регистров налогового учета) с целью установления их соответствия;

2) расчет сумм затрат по взаимоотношениям со «спорными» организациями за исследуемый период;

3) прослеживание отнесения затрат на себестоимость продаж;

4) корректировка показателей налоговой декларации по налогу на прибыль организаций за интересующий период исходя из установленных фактических обстоятельств путем:

- исключения из общей суммы расходов, уменьшающих сумму доходов, затрат по спорным организациям;

- включение в состав расходов, уменьшающих сумму доходов, фактически произведенных затрат, установленных следствием;

5) сравнивание сумм налога на прибыль организаций, подлежащих исчислению к доплате (к уменьшению), рассчитанных экспертом, с суммами налога на прибыль организаций, исчисленными самой организацией к доплате (к уменьшению), согласно налоговым декларациям, представленным в налоговый орган;

6) формулирование обобщающего вывода по поставленному вопросу.

Таким образом, из содержания заключения эксперта следователем может быть извлечена следующая информация:

- механизм совершения преступления, а именно включение «заведомо ложных сведений» в налоговую декларацию по налогу на прибыль организаций;

- квалифицирующий признак такой как «крупный», либо «особо крупный» размер уклонения от уплаты налогов.

Именно поэтому заключение эксперта является важным доказательством по уголовному делу, а также ложится в основу обвинительного заключения следователя, которое содержит сформулированное по делу обвинение фигуранту уголовного дела (как правило директору организации, либо конечному бенефициару, либо группе лиц).

Кроме того, эксперт зачастую отстаивает выводы своей экспертизы в ходе судебного разбирательства.

Часть 4 статьи 302 УПК РФ установлено, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств.

Обобщив вышесказанное, приходим к выводу о том, что в целях уголовного судопроизводства выводы экспертов должны быть категоричными.

Вероятностные либо условные выводы экспертов (в случае если следователь заложит условие о том, что все затраты от спорных организаций включены в налоговую декларацию по налогу на прибыль организаций в установочную часть постановления о назначении налоговой судебной экспертизы) по большому счету для следствия не имеют доказательного значения, поскольку в последующем не могут быть положены в основу обвинительного приговора суда.

Таким образом, в случае отсутствия бухгалтерских и налоговых регистров государственные эксперты не применяют «расчетный способ», поскольку в противном случае выводы экспертов не могут быть положены в основу обвинительного заключения следователя и, в последующем, в основу обвинительного приговора суда.

Литература

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изменениями и дополнениями).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изменениями и дополнениями).
4. Налоговый кодекс Российской Федерации часть первая от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ и часть вторая от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (с изменениями и дополнениями).
5. Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. N 402-ФЗ «О бухгалтерском учете».
6. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 7 июня 2024 г. N 309-ЭС23-30097 по делу № А76-5542/2022.
7. Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.07.2013 № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации».
8. Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2010 № 5/10.

А.С. Бегун
Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Проблемы судебной бухгалтерской экспертизы по делам, связанным со злоупотреблением должностными полномочиями

Аннотация. В статье подробно анализируются проблемы судебной бухгалтерской экспертизы по делам, связанным со злоупотреблением должностными полномочиями. Автор приводит примеры типовых вопросов, ставящихся перед судебными экспертами. Статья подчёркивает важность компетентного бухгалтерского анализа для обеспечения объективности и правовой обоснованности судебных решений.

Ключевые слова: экономика, судебная бухгалтерская экспертиза, судебная экономическая экспертиза, злоупотребление должностными полномочиями.

Расследование преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления остается одним из приоритетных направлений деятельности Следственного комитета. Согласно статистическим данным Судебного департамента при ВС РФ, только в

2024 году по статье 285 УК РФ было осуждено 3 562 лица[1], при этом существенная часть дел связана с причинением крупного ущерба государственным и общественным интересам. Актуальность темы подтверждают существующие проблемы правоприменительной практики: при рассмотрении дел о злоупотреблении должностными полномочиями суды и следственные органы нередко сталкиваются с трудностями в установлении характера причинённых материальных убытков, определении объёма полномочий должностных лиц и доказательстве причинно-следственной связи между их действиями и наступившими последствиями. Эти проблемы отражаются в аналитических обзорах судебной практики[2] и в сводных статистических таблицах по уголовным делам, публикуемых Судебным департаментом при Верховном Суде РФ[3].

Согласно подпункту а пункту 1 части 2 статьи 151 УПК РФ для Следственного комитета Российской Федерации расследование преступлений, связанных со злоупотреблением полномочиями, является одним из приоритетных направлений деятельности. Эта категория уголовных дел относится к экономическим преступлениям. Эффективность расследования по таким делам напрямую зависит от качества использования специальных экономических знаний, среди которых необходимую роль играет судебная экономическая экспертиза, в том числе судебная бухгалтерская экспертиза.

Особую сложность в доказывании состава преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, представляет установление причинно-следственной связи между действиями (бездействием) должностного лица и наступившими вредными последствиями, а также точное определение размера материального ущерба. В этой связи судебная бухгалтерская экспертиза становится одним из ключевых средств доказывания, позволяющим:

- документально подтвердить факт расхождения должностного лица с требованиями;
- установить соответствие (несоответствие) правилам документооборота и бухгалтерского учета;
- определить механизм причинения материального убытка от деятельности должностных лиц;
- определить размер причиненного убытка.

В связи с этим требуется повышение качества доказательной базы и более широкое и методически обоснованное использование судебных экономических экспертиз, в частности судебной бухгалтерской экспертизы, как инструмента

[1] Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2024 год № 10.1 «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания» // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации.

[2] Обзор судебной практики ВС РФ № 1 (2024), утверждён 29.05.2024 .

[3] Судебная статистика РФ / Другие преступления против интересов службы в органах власти и местного самоуправления (ст. 285–288, 292, 293 УК РФ) за 2024 год.

установления фактических обстоятельств, определения размера материальных убытков.

В судебно-следственной и экспертной практике Следственного комитета России имеют место системные проблемы, связанные с порядком назначения и последующего использования заключений судебной экономической, налоговой, финансовой, бухгалтерской экспертизы по уголовным делам о злоупотреблении должностными полномочиями:

- отсутствие единых подходов к формулировке вопросов эксперту;
- сложности в определении предмета и объектов экспертизы;
- недостаточное методическое обеспечение проведения судебной бухгалтерской экспертизы;
- проблемы оценки заключения эксперта-бухгалтера следователями и судами.

Очевидно, что судебная бухгалтерская экспертиза занимает всё более значимое место в системе доказательств, она даёт возможность не только документально подтвердить факт злоупотребления должностными полномочиями, но и установить конкретный механизм причинения государству или обществу материальных убытков.

Кроме того, в научной литературе вопросы применения судебной бухгалтерской экспертизы именно по делам о злоупотреблении должностными полномочиями представлены фрагментарно. Основной фокус исследований направлен на общие методологические аспекты судебной экономической экспертизы, тогда как специфика ст. 285 УК РФ раскрыта недостаточно. При этом судебная практика по ст. 285 УК РФ достаточно подробно регламентируется нормативно-правовыми актами и комментариями, но научные работы по судебной бухгалтерской экспертизе часто не раскрывают специфику именно данного уголовно-правового состава, что создает пробел в теории и методике расследования преступлений по этой статье.

Для более эффективной практики необходимы специализированные исследования, которые комплексно объединяют бухгалтерский анализ и особенности уголовного права по ст. 285 УК РФ

Объектами судебной бухгалтерской экспертизы являются:

- общественные отношения, складывающиеся в процессе назначения, производства и оценки судебной бухгалтерской экспертизы по уголовным делам о злоупотреблениях должностными полномочиями;
- деятельность следователя и суда по использованию заключения судебной бухгалтерской экспертизы;
- следственная, судебная и экспертная практика.

Предметом судебной бухгалтерской экспертизы являются особенности назначения, производства и оценки судебной бухгалтерской экспертизы в расследовании преступлений, предусмотренных ст. 285 УК РФ.

Целью судебной бухгалтерской экспертизы по делам, связанным со злоупотреблением должностными полномочиями, является, разработка теоретических основ и практических рекомендаций по использованию судебной

бухгалтерской экспертизы при расследовании злоупотреблений должностными полномочиями.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие проблемы:

- проанализировать уголовно-правовую и криминалистическую характеристику преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ;
- определить место судебной бухгалтерской экспертизы в системе доказательств;
- исследовать предмет, объекты и задачи судебной бухгалтерской экспертизы;
- разработать алгоритм назначения судебной бухгалтерской экспертизы;
- сформулировать типовые вопросы эксперту;
- выявить особенности оценки заключения судебной бухгалтерской экспертизы.

В заключении скажем, судебная бухгалтерская экспертиза является одним из наиболее значимых инструментов расследования преступлений, предусмотренных ст. 285 УК РФ. Благодаря возможности документального анализа финансово-хозяйственных операций, выявления механизма причинения материального убытка и определения его размера, она играет ключевую роль в формировании доказательственной базы.

Литература

1. Белов А.А., Белов А.Н. Судебно-бухгалтерская экспертиза. – 2 изд., перераб., доп. – М.: Книжный мир, 2004. 643 с

2. Керимов Д.А. Использование специальных экономических знаний при расследовании преступлений в сфере экономики: дис. канд. юрид. наук. М., 2022. 215 с

3. Методические рекомендации по порядку назначения и производства судебных экспертиз в рамках доследственных проверок и расследования преступлений, подследственных федеральной службе судебных приставов от 15 сентября 2014 г. № 0004/22.

В.В. Бекетова
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя

Уголовно-правовое регулирование судебной экспертизы в современной России

Аннотация. В статье рассматривается уголовно-правовое регулирование судебной экспертизы в России. Анализируются основные положения Уголовно-процессуального кодекса, касающиеся статуса эксперта, его прав и обязанностей, а также процессуальные аспекты назначения и проведения экспертиз. Обсуждаются статьи, определяющие роль эксперта в уголовном процессе, включая уголовную ответственность за ложные заключения и разглашение данных следствия. В

заключение поднимается вопрос о необходимости пересмотра некоторых норм законодательства для повышения правовой определенности и качества судебной экспертизы.

Ключевые слова: судебная экспертиза, правовой статус эксперта, уголовно-процессуальный кодекс, права и обязанности, экспертиза в уголовном производстве.

В современном уголовном законодательстве роль судебной экспертизы и эксперта в уголовном судопроизводстве регламентируется Уголовно-процессуальным Кодексом Российской Федерации от 18.12.2001 года, а именно в главе 27 (ст. 195-207). В статье 57 законодатель дает определение эксперту, а также определяет права, обязанности и ответственность эксперта при производстве судебной экспертизы. Вдобавок, в пункте 2 этой статьи указаны все статьи, в порядке которых осуществляется деятельность судебного эксперта. Помимо статей 195-207 УПК РФ деятельность эксперта руководствуется статьями 269, 282 и 283 УПК РФ. Разберем каждую статью для формирования точного правового статуса экспертизы в целом и эксперта в частности.

Статья 57 разъясняет, кто такой эксперт. Эксперт - лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном настоящим Кодексом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения (п.1 ст.57 УПК РФ). В этом определении четко прописываются две основные функции эксперта - производство экспертизы и дача заключения непосредственно. Эксперт имеет право в соответствии п. 3 ст. 57 УПК РФ:

1. знакомиться с материалами дела, имеющими отношение к судебной экспертизе;
2. просить о предоставлении ему дополнительных материалов, а также о привлечении других экспертов к производству экспертизы;
3. участвовать в процессуальных действиях и задавать вопросы, относящиеся к предмету судебной экспертизы;
4. давать заключение, отвечая на вопросы, хотя и не заданные следователем в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету судебной экспертизы;
5. обжаловать действия (бездействия) дознавателей, органов дознания, следователей и суда, ограничивающие его права;
6. отказаться от дачи заключения при недостаточности предоставленных ему материалов, а также если поставленные перед ним вопросы выходят за пределы его специальных знаний.

Интересно отметить, что в соответствии с п.5 ст.57 УПК РФ эксперт за дачу заведомо ложного заключения несет уголовную ответственность в соответствии со статьей 307 Уголовного Кодекса РФ (максимальное наказание в соответствии с п.2 ст. 307 УК РФ – лишение свободы на срок до 5 лет). Также в соответствии с п.6 этой же статьи УПК РФ эксперт несет уголовную ответственность за разглашение данных предварительного расследования в соответствии со статьей 310 УК РФ (максимальное наказание – арест на срок до 3 месяцев).

Статьей 70 УПК РФ регламентируются все варианты отвода эксперта:

1. если у эксперта имеется любой из видов заинтересованности по принятию решения по данному делу (отсылка к ст. 61 УПК РФ);
2. если эксперт находится в служебной или иной зависимости от любой из сторон судопроизводства или их представителей;
3. если выявится его некомпетентность.

Обратимся к главе 27 для подробного рассмотрения производства судебной экспертизы: статья 195 УПК РФ определяет порядок назначения судебной экспертизы. Основание для производства экспертизы — вынесение следователем (дознавателем) постановления о назначении судебной экспертизы, в котором должно быть указано:

1. основание назначения судебной экспертизы;
2. фамилия, имя и отчество эксперта или наименование экспертного учреждения, в котором должна быть произведена судебная экспертиза;
3. вопросы, которые ставятся перед экспертом;
4. материалы дела, предоставляемые эксперту для производства экспертизы.

Немаловажным фактом является то, что экспертиза в отношении потерпевшего может производиться только с его согласия или согласия его законных представителей.

В случаях, когда принятие решения о возбуждении уголовного дела без производства экспертизы невозможно, она может быть назначена до возбуждения уголовного дела (очень часто такая практика происходит с делами по хранению и обороту наркотиков, т.к. не всегда очевидно, является ли то или иное вещество наркотическим или психотропным средством).

Статья 196 УПК РФ устанавливает случаи, в которых судебная экспертиза назначается обязательно:

1. для установления причин смерти;
2. для установления характера и степени причинения вреда здоровью;
3. для установления психического или физического состояния здоровья подозреваемого и потерпевшего;
4. для установления возраста, если документы лица отсутствуют или вызывают сомнения.

В остальных случаях экспертиза назначается по усмотрению следователя (дознавателя, судьи).

Статья 197 УПК РФ разрешает следователю по своему усмотрению присутствовать при производстве судебной экспертизы. Данный факт эксперт должен отразить в своем заключении.

Статья 198 УПК РФ определяет права подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего:

1. знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы;
2. заявлять отвод эксперту (ходатайствовать о переводе экспертизы в другое экспертное учреждение);
3. конкретизировать перевод экспертизы к другому лицу или в другое учреждение;
4. просить о внесении в постановление дополнительных вопросов эксперту;

5. присутствовать при производстве экспертизы, давать объяснения эксперту (с разрешения следователя);

6. знакомиться с заключением эксперта (сообщением о невозможности дать заключение).

Статья 199 УПК РФ устанавливает порядок направления материалов для исследования экспертом. В ней говорится, что следователь обязан отправить руководителю экспертного учреждения вместе с постановлением о назначении судебной экспертизы материалы дела для ее производства. Если в данном учреждении есть эксперты соответствующей компетенции, то руководитель органа поручает экспертизу конкретному эксперту (экспертам) и уведомляет об этом следователя. При отсутствии в учреждении подходящего под специфику экспертизы экспертов руководитель органа вправе вернуть материалы дела вместе с постановлением без исполнения. Также сам эксперт вправе возвратить без исполнения постановление и материалы, если он считает, что этих материалов недостаточно, либо же он не обладает специальными знаниями для производства этой экспертизы.

Статья 200 УПК РФ регламентирует комиссионную экспертизу. Комиссионная экспертиза должна производиться не менее, чем двумя экспертами, причем одной специальности. При схожести во мнениях комиссия создает единое заключение, при присутствии разногласий каждый эксперт оформляет свое заключение с указанием вопросов, которые вызвали разногласия.

Статья 201 УПК РФ регламентирует комплексную экспертизу - судебную экспертизу, при производстве которой участвуют эксперты, имеющие разную специальность. При составлении заключения каждый эксперт описывает те работы и исследования, которые проводил непосредственно он и впоследствии подписывает эту часть заключения. Данная экспертиза часто применяется на практике и существенно ускоряет и упрощает процесс производства судебной экспертизы.

Статья 202 УПК РФ описывает возможность следователя получить материалы для сравнительного исследования. Получение таких образцов возможно до возбуждения уголовного дела. О получении образцов для сравнительного исследования следователь обязан вынести постановление (возможно и участие специалиста). При этом при получении образцов не должны применяться методы, опасные для жизни и здоровья граждан, а также унижающие его честь и достоинство (нельзя похищать эти материалы, шантажировать граждан для их получения, угрожать физической или иной расправой и т. д.).

Статья 204 УПК РФ устанавливает такой важный процессуальный документ, как заключение эксперта. В нем обязательно должны быть указаны:

1. дата, время и место производства судебной экспертизы;

2. основания производства судебной экспертизы (постановление следователя);

3. должностное лицо, назначившее экспертизу;

4. экспертное учреждение, а также данные об эксперте, производившем экспертизу;

5. сведения о предупреждении эксперта о несении ответственности по ст. 307 УК РФ;

6. все вопросы, поставленные перед экспертом;

7. объекты и материалы исследования, предоставленные эксперту для производства судебной экспертизы;

8. данные о лицах, присутствовавших при производстве судебной экспертизы;

9. содержание и результат исследования (при этом указываются использованные методики);

10. выводы по поставленным эксперту вопросам и их обоснование.

Материалы, иллюстрирующие заключение эксперта (фототаблицы, схемы и т. д.) прилагаются к заключению и являются его составной частью.

Статья 205 УПК РФ разъясняет суть такого процессуального действия, как допрос эксперта. В статье отмечается, что следователь может допросить эксперта по собственной инициативе или же по инициативе лиц, указанных в части 1 статьи 206 (потерпевшего, его представителя, подозреваемого, обвиняемого, его защитника). Отметим, что если в нормативно-правовых актах столетней давности регламентировался допрос эксперта обвиняемым или подозреваемым с разрешения следователя, то сейчас допрос проводит сам следователь по ходатайству этих лиц.

На наш взгляд, это верное решение законодателя, поскольку лицами, находящимися под следствием, могло оказываться давление на эксперта при проведении допроса, что не может быть допустимо в судопроизводстве. В ходе допроса эксперту могут задать вопросы касающиеся его заключения, а он должен разъяснить моменты, непонятные следователю. Здесь встает вопрос о возможности следователем понять те или иные моменты в деятельности эксперта, ведь эксперт – лицо, обладающее специальными знаниями, теми, которыми следователь не обладает. Тогда что может объяснить эксперт следователю, которому не понятна та или иная методика, либо работа какого-либо прибора. Здесь законодатель не дает четкого разъяснения, какие именно разъяснения должен давать эксперт следователю.

Также в этой статье отмечается, что допрос эксперта не может быть произведен ранее, чем дача экспертом заключения. Это вполне логично, если учесть, что при допросе задаются вопросы непосредственно по заключению. К слову, следователь не вправе задавать вопросы эксперту о сведениях, ставших ему известными в ходе исследований, но не имеющих отношения к предмету данной экспертизы. То есть, следователь может задавать вопросы вне заключения эксперта только относительно предмета экспертизы.

Статья 206 УПК РФ регламентирует процесс предоставления подозреваемому, обвиняемому, его защитнику, потерпевшему, его представителю, свидетелю заключения эксперта. После ознакомления с заключением (сообщением о

невозможности дать заключение) любая из сторон вправе ходатайствовать о назначении повторной или дополнительной экспертизы.

Статья 207 УПК РФ регламентирует порядок назначения повторной и дополнительной экспертизы. Дополнительная экспертиза, поручаемая для производства тому же или другому эксперту, назначается при:

1. недостаточной ясности или полноте заключения;
2. при возникновении новых вопросов.

Повторная экспертиза же назначается другому эксперту в случаях:

1. возникновения сомнений в обоснованности заключения эксперта;
2. наличия противоречий в выводах эксперта (экспертов).

И повторная, и дополнительная экспертиза проводятся в соответствии со статьями 195-205 УПК РФ.

Статья 269 УПК РФ регламентирует порядок разъяснения эксперту его прав и ответственности, предусмотренных статьей 57 УПК РФ. После разъяснения эксперт дает подписку, которая приобщается к протоколу судебного заседания.

Статья 282 УПК РФ также регламентирует допрос эксперта, но уже не следователем, а судом. Суд может вызвать эксперта на судебное заседание по ходатайству одной из сторон, а также по собственной инициативе в целях разъяснения или дополнения данного им заключения. Стороны после оглашения заявления вправе задать вопросы эксперту (приоритетное право имеет сторона, ходатайствовавшая о вызове для допроса эксперта). Если необходимо, суд может предоставить эксперту время для подготовки ответа на вопрос.

Статья 283 УПК РФ говорит о том, что не только следователь и дознаватель, а еще и суд может назначить производство судебной экспертизы (по собственной инициативе или по ходатайству сторон). Вопросы для такой экспертизы готовят участники процесса (сторона обвинения и сторона защиты) в письменном виде. После сбора вопросов они должны быть оглашены и необходимо заслушать мнения сторон касательно этих вопросов. После этого суд своим постановлением или определением отвергает неудачные вопросы, формулирует новые. Если между заключениями экспертов есть противоречия, преодолеть которые невозможно путем допроса экспертов по ходу судебного заседания, суд вправе назначить дополнительную или повторную судебную экспертизу (также по ходатайству сторон либо по собственной инициативе).

Давая комментарий к данному вопросу, отметим, что итогом работы эксперта является дача им заключения, но на этом его участие в уголовном судопроизводстве не заканчивается. Множество вопросов остается непонятным касающихся разъяснения экспертом своих действий (кому именно он должен их объяснять, если не все участники судопроизводства обладают специальными знаниями? Зачем понимать все нюансы научно-исследовательской работы, проводимой экспертом?). На наш взгляд, стоит пересмотреть данные пункты в законодательстве. Безусловно, эксперт должен нести ответственность за проведенное им исследование. Экспертиза должна быть подвергнута проверке, но эту проверку, как и проверку показаний эксперта должны проводить, на наш взгляд, лица, обладающие специальными знаниями в конкретных видах

экспертиз. Решением в данном вопросе может стать приглашение на судебное заседание как экспертов из ведомства, в котором была проведена экспертиза, так и из других учреждений, а также экспертов из частных экспертных организаций или же лиц, не имеющих отношения к производству экспертиз, но обладающих теми специальными знаниями, которые необходимы для установления истины.

Литература

1. Порядок назначения судебных экспертиз, исследований и использования экспертно-криминалистических учетов в органах внутренних дел Российской Федерации: справ. пособие / Экспертно-криминалист. центр МВД России; авт.-сост.: П.Л. Гришин, И.Е. Богданов, [и др.]; под ред. П.Л. Гришина. М.: ЭКЦ МВД России, 2016.
2. Майлис Н.П. Теория и практика судебной экспертизы в доказывании. Спецкурс: учебн. пособие для студентов вузов. М.: Юнити-Дана, 2015.

А.В. Белавин[1], **А.С. Катаев**[2], **А.С. Суворов**[3]
[1]Международный юридический институт
[2, 3] Российский биотехнологический университет

Некоторые вопросы использования искусственного интеллекта в судебно-медицинской экспертизе на современном этапе развития технологий комплексной экспертной практики

Аннотация. В статье представлена информация о перспективных возможностях использования искусственного интеллекта для реализации задач судебно-медицинской экспертизы при составлении и алгоритмизации экспертного заключения.
Ключевые слова: судебно-медицинская экспертиза, экспертное заключение, алгоритм, протоколирование, искусственный интеллект.

Теория и практика доказывания, несомненно, констатирует, что судебно-медицинская экспертиза (далее – СМЭ), как и иная судебная экспертиза, в современной российской правовой системе остается неотъемлемым и обязательным источником доказательственной информации в уголовном судопроизводстве.

Судебная экспертиза играет ключевую роль на первоначальном этапе расследования и выступает весомым доказательством в суде, что соответствует принципу равенства доказательств (ч. 2 ст. 17 УПК РФ). Отметим, что заключение СМЭ обеспечивает фундаментальную объективность и научную обоснованность уголовного дела. Однако сохраняются проблемы, связанные с эффективностью составления заключений и соблюдением временных рамок. Внедрение искусственного интеллекта в судебно-медицинскую экспертизу (СМЭ) обладает исключительной перспективностью, выходящей далеко за рамки оптимизации текущих процессов. Его развитие способно кардинально

трансформировать саму методологию экспертных исследований и создать новые классы доказательств.

Внедрение искусственного интеллекта в судебно-медицинскую экспертизу (СМЭ) обладает исключительной перспективностью, выходящей далеко за рамки оптимизации текущих процессов юридической практики. Его развитие в периоде времени до 2035 года способно кардинально трансформировать саму методологию экспертных исследований и создать новые классы доказательств. Мы прекрасно понимаем и обратную негативную сторону технологического несовершенства процедур исследования ИИ.

Вместе с тем представляется, что развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) делает его внедрение в СМЭ технологически необходимым инструментом современной юриспруденции. ИИ способен оптимизировать анализ данных, минимизировать субъективные (логико-технические) ошибки эксперта и повысить эффективность и качество экспертиз. Вместе с тем, внедрение ИИ в практику составления заключений СМЭ требует комплексного подхода к решению технических и юридических проблем.

Применение ИИ в СМЭ создает систему, позволяющую оперативно моделировать и формировать результаты в виде экспертного заключения как процессуального документа с его приложениями. Обоснованно предполагать, что использование ИИ позволит получать более качественные доказательства (в рамках ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Заключения, сгенерированные с помощью ИИ, могут избежать проблем с логикой изложения и субъективных ошибок, присущих человеку (например, сохранение устаревших фрагментов текста в матрице заключения). ИИ также решает традиционные проблемы СМЭ: длительность анализа материалов и сложность обработки больших объемов данных при установлении причины и времени смерти, идентификации повреждений и интерпретации медицинских данных в уголовно-правовом контексте.

Искусственный интеллект, включая машинное (ML) и глубокое обучение (DL), за последние полгода предложил инновационные решения для преодоления барьеров СМЭ при:

1. сопоставлении результатов исследования различных групп общих и частных признаков (диагностическое и идентификационное экспертное исследование) в рамках экспертизы.

2. составлении экспертного заключения (идентификационное исследование) с процессуальными и иными материалами для обеспечения полноты доказывания.

По нашему мнению, ключевыми направлениями использования ИИ в СМЭ являются:

1. анализ постановления о назначении СМЭ. Использование ИИ на подготовительном этапе для:

2. сопоставления материалов постановления следователя.

3. анализа и получения дополнительных сведений из электронных справочных правовых систем (Консультант Плюс, Гарант) для толкования вопросов следователя и разграничения положений СМЭ и юриспруденции.

4. проверки действия нормативных актов (федеральных и ведомственных) и их соответствия действующему Приказу Минздрава России от 25.09.2023 N 491н[1].

Процессуальная проверка включает оценку ИИ соблюдения формальных требований (наличие постановления следователя, оттиска печати, правильность оформления названий экспертного учреждения и экспертизы, номер дела, ссылки на УПК РФ).

Проверка логики и полноты содержания документов подразумевает анализ обоснованности назначения экспертизы, соответствия вопросов (логика, содержание, компетенция эксперта), полноты представленных объектов и материалов дела.

Рекомендации по оптимизации:

а) Межведомственная унификация требований к оформлению электронных постановлений (создание единой электронной матрицы) на уровне министерств РФ (разработка совместной инструкции, ведомственных приказов).

б) Создание единой системы документооборота и обработки информации с ИИ в экспертной среде.

в) Обязательное обучение судей, прокуроров, следователей, дознавателей, судмедэкспертов основам электронного документооборота в закрытых сетях.

г) Развитие стандартов качества информации в системе Минздрава РФ и смежных ведомствах, включенных в уголовное судопроизводство.

Интеграция с медицинскими данными предполагает использование ИИ для запросов в Федеральную интегрированную электронную медицинскую карту (ФИЭМК) ЕГИСЗ (п. 4 Инструкции, утв. Постановлением Правительства РФ от 09.02.2022 N 140)[2].

Вместе с тем анализ медицинской и следственной документации. Детальный и комплексный анализ истории болезни, протоколов осмотра места происшествия (ОМП), допросов и др., изучение следов и вещественных доказательств.

По нашему мнению, перспективно применение ИИ для логического и инструментального анализа транскрибаций протоколов следственных действий (при наличии материалов от правоохранительных органов), обработке изображений и компьютерное зрение.

По нашему мнению, сверточные нейронные сети (CNN) могут быть использованы для анализа рентгеновских снимков (неразрушающий метод) состояния трупа. Результаты лягут в основу описательной части заключения и иллюстрационных таблиц. ИИ обеспечивает высокую точность обнаружения переломов, кровоизлияний, инородных тел (орудий преступления). Сегментация

---

[1] Приказ Минздрава России от 25.09.2023 № 491н «Об утверждении Порядка проведения судебно-медицинской экспертизы» (Зарегистрировано в Минюсте России 24.10.2023 № 75708).

[2] Постановление Правительства РФ от 09.02.2022 № 140 (ред. от 04.03.2024) «О единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения».

изображений для выделения областей повреждений (критично для установления причины смерти).

Алгоритм работы ИИ при первичном осмотре (труп или живое лицо):

1. Фиксация общего состояния (труп: поза, выраженность и локализация посмертных изменений (трупные пятна, окоченение); живое лицо: общее физическое состояние, признаки насилия или заболевания).

2. Документирование повреждений (следов): обнаружение, идентификация и иллюстрация частных признаков следов (огнестрельные, колото-резаные раны, странгуляционная борозда и др.) в фототаблице; точное описание локализации, формы, размеров, характера повреждений.

3. Фиксация хода и результатов осмотра: протоколирование процедуры фото- и видеосъемки; проведение съемки по правилам криминалистической съемки (узловая, детальная). Возможно дополнительно использование 3D-сканирования, экспертного света для визуализации скрытых следов.

Для улучшения наглядности и практичности результатов судебной экспертизы возможно создавать «цифровые (электронные) двойники» осматриваемых объектов. Так, например, создание высокоточных 3D-моделей трупа или травм живого лица на основе данных компьютерной томографии (КТ), магнитно-резонансной томографии (МРТ), 3D-сканирования и фотограмметрии с использованием ИИ. Позволит дистанционному консилиуму экспертов (судебных медиков и криминалистов) в сети виртуально исследовать объект в интерактивном режиме, сохраняя его в неизменном виде. Также это дает возможности стыковать знания в рамках комплексной экспертизы (например, криминалистической судебно-баллистической, трасологической) и проводить симуляции механизмов образования повреждений (например, баллистическое моделирование прохождения пули, моделирование удара тупым предметом) для проверки версий в дистанционном формате. Моделирование позволяет создавать интерактивные доказательства для суда, наглядно демонстрирующие выводы экспертизы и работать удаленно при даче показаний экспертом.

По нашему мнению, увеличивает возможности прогностической аналитики и установления прижизненности повреждений с высочайшей идентификационной точностью:

Применение алгоритмов глубокого обучения ИИ к гистологическим срезам тканей для определения с минутной точностью времени наступления смерти или последовательности нанесения повреждений на основе аутопсии.

На систему ИИ может быть возложено составление детальных схем повреждений с шаблонами и соотнесением с фототаблицей. По нашему мнению, возможен поиск микрочастиц и использование ИИ-ассистентов. ИИ может применяться для детального осмотра одежды и тела с целью обнаружения микрочастиц (доказательная информация), например, по системе разбивки тела на участки 10х10 см. Перспективно использование ИИ-ассистентов (наподобие анонсированного Microsoft Dragon Copilot от 03.03.2025 или отечественных аналогов) для:

При составлении экспертного заключения ИИ может проводить анализ голосовых данных эксперта в реальном времени с автоматической транскрипцией. Генерации медицинской документации (включая проекты заключений СМЭ).

На электронную систему возможно возложить разработку экспертных систем ИИ, основанных на машинном обучении на значительных массивах анонимизированных заключений СМЭ, судебных решений и медицинской литературы. Такая система, интегрированная в рабочее место эксперта, сможет (автоматизированное рабочее место эксперта АРМ) в реальном времени предлагать наиболее вероятные интерпретации обнаруженных повреждений или патологий на основе прецедентов.

Также возможно применение ИИ для быстрой сортировки и первичного анализа данных (медицинских карт, изображений, генетических проб) в условиях массовых катастроф (техногенные аварии, стихийные бедствия, теракты). ИИ сможет оперативно идентифицировать жертв (по стоматологическим картам, ДНК, уникальным признакам), классифицировать типы и тяжесть повреждений, выявлять закономерности для установления причины катастрофы, значительно ускоряя работу экспертных групп.

Важное условие для обработки персональных данных, фото- и видеосъемки живого лица (или трупа) необходимо добровольное информированное согласие (или согласие законного представителя или родственников) в соответствии с ФЗ-152 «О персональных данных»[1]. Это минимизирует проблемы обработки и хранения данных в системе Минздрава РФ.

Необходимо учитывать, что современный ИИ несет риски, прежде всего, потенциальную субъективность и ошибки интерпретации (особенно повреждений), что требует обязательного контрольного анализа экспертом-человеком.

Искусственный интеллект обладает потенциалом для революционизации судебно-медицинской экспертизы, значительно повышая точность и скорость анализа данных. Однако успешное внедрение ИИ требует решения комплекса этических, юридических и технических задач. Ключ к созданию надежных и верифицируемых экспертом систем ИИ, способных укрепить доверие к выводам СМЭ, лежит в тесном междисциплинарном взаимодействии юристов, медиков и специалистов по данным.

Процесс проведения СМЭ с использованием ИИ – это строгая последовательность действий (алгоритм), обеспечивающая научную обоснованность и процессуальную чистоту доказательств для российского суда. Современные технологии (молекулярная биология, цифровизация) повышают точность исследований, но квалификация и беспристрастность судебно-медицинского эксперта остаются ключевыми факторами. Дальнейшее развитие

[1] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О персональных данных».

тактики и методологии СМЭ неразрывно связано с внедрением междисциплинарных подходов и стандартизацией протоколов применения ИИ.

М.В. Беляев
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя

К вопросу отнесения исследуемых изделий к устройствам и инструментам для нештатного отмыкания механических ключевых замков

Аннотация. В статье в систематизированном виде представлены конструктивные характеристики устройств и инструментов для нештатного отмыкания механических ключевых замков изготовленные как самодельным способом, так и промышленным. Представленная классификация и типовые конструкции инструментов и устройств для нештатного отмыкания механических замков позволят повысить эффективность оперативно-разыскных действий и судебной трасологической экспертизы по делам о незаконном обороте специальных технических средств (ст. УК РФ 138.1.). Изложены принципы воздействия устройств и инструментов на механические замки. Представляется, что данная статья позволит экспертам-трасологам и специалистом-криминалистам использовать на практике полученные знания при решении вопроса об относимости представленного (обнаруженного) объекта к специальному техническому средству для негласного проникновения в помещения.

Ключевые слова: отмыкание замка, инструмент, устройство, бамп-пистолет, импрессия, самоимпрессия, манипуляционный метод воздействия, специальные технические средства, негласное проникновение в помещения, замок механический ключевой, нештатные манипуляции, сувальдный замок, цилиндровый блок секрета, трасологическая экспертиза замков.

В Уголовном кодексе Российской Федерации в статье 138.1. «Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации» раскрывается определение специальных технических средств, для негласного получения информации, а именно: *специальные технические средства,* предназначенные для негласного получения информации[1]. По смыслу данной статьи и судебной практики ее применения следует констатировать, что специальные технические средства (устройства, приборы, инструменты) для негласного проникновения и обследования помещений, транспортных средств и других объектов[2] запрещены для

[1] Далее – специальные технические средства.
[2] Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21.04.2015 № 30 (ред. от 21.11.2023) «О мерах нетарифного регулирования». Доступ из справ. – правовой системы «Консультант Плюс».

свободного гражданского оборота в Российской Федерации[1]. Их приобретение и использование без соответствующей лицензии относится к уголовно наказуемому деянию.

Как следствие вышеизложенного при возбуждении уголовного дела по признакам статьи 138.1 УК РФ, следователь назначает криминалистическую экспертизу с постановкой вопроса об относимости представленного изделия к специальным техническим средствам для негласного проникновения.

Стоит обратить внимание, что традиционно объектами трасологических экспертиз являются замки со следами нештатного (несанкционированного) воздействия. В свою очередь данные следы образуются в результате применения вышеуказанных специальных технических средств (приборов), в процессе отмыкания механических замков и иных запирающих устройств при совершении преступлений. В рамках сравнительных исследований по оставленным данными инструментами следам решаются вопросы их отождествления, а также установления конкретного примененного способа нештатного отмыкания замков[2] (известных в экспертной практике). Определяются технические, конструктивные особенности действия инструментов, использованных для отмыкания.

Учитывая изложенные позиции, нами предлагается специальные технические средства для негласного проникновения и обследования помещений, транспортных средств и других объектов, *предназначенные для нештатного отмыкания механических ключевых замков*, *относить к объектам трасологической экспертизы.* При этом исследование устройств (инструментов) для вскрытия электронных, электромеханических и магнитных замков требуют, по нашему мнению, применения комплекса знаний, в том числе в области радиоэлектроники, и, следовательно, в данной работе не будут рассмотрены.

В настоящее время существует несколько подходов к классификации технических средств нештатного отмыкания замков, так в первую очередь необходимо отметить ГОСТ Р 56742-2015 «Замки механические», согласно которому используется классификация по следующим основаниям:

Классификация методов отмыкания ключевых замков:

- подбор постороннего ключа;

---

[1] Постановление Правительства РФ от 01.07.1996 № 770 «Об утверждении Положения о лицензировании деятельности физических и юридических лиц, не уполномоченных на осуществление оперативно-разыскной деятельности, связанной с разработкой, производством, реализацией, приобретением в целях продажи, ввоза в Российскую Федерацию и вывоза за ее пределы специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации, и Перечня видов специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации в процессе осуществления оперативно-разыскной деятельности. Доступ из справ. – правовой системы «Консультант Плюс».

[2] Установление способа криминального отмыкания методических ключевых замков: методические рекомендации. - ЭКЦ МВД России, 2020.

- подбор имитаторов ключа;
- манипуляционные методы;
- методы разрыва кодовой кинематической цепочки подпружиненных деталей блока секрета *(метод бампинга);*
- методы изготовления имитатора ключа по меткам, образуемым на заготовке задержками блока секрета замка *(импрессионный метод);*
- методы, обеспечивающие деформацию ключевой заготовки задержками блока секрета замка с целью образования имитатора ключа *(метод самоимпрессии);*
- методы механического прощупывания конфигурации задержек *(подвид манипуляционного метода);*
- механические и оптические измерительные методы;
- интроскопические методы (ультразвуковое воздействие);
- методы, основанные на грубых конструкционных промахах.

Принимая во внимание что экспертом при трасологическом исследовании может быть выявлен комплекс следов от нештатного воздействия как правило только от определенных методов воздействия предлагаем следующую классификацию *нештатного отмыкания механических ключевых замков* (см. рис 1).

Исходя из вышеобозначенной классификации можно дать следующие определения нештатным методам отмыкания:

Бампинг – это метод нештатного отмыкания механических замков, основанный на процессе разрыва кодовой кинематической цепочки подпружиненных деталей блока секрета по средством механического (ударного) воздействия устройством.

Импрессия – это метод нештатного отмыкания механических замков, основанный на процессе инструментального изменения ключевой заготовки (устройства) согласно следам (маркерам), оставленным на ней частями механизма кода секрета замка.

Самоимпрессия – это метод нештатного отмыкания механического замка, основанный на процессе самостоятельного изменения ключевой заготовки (устройства) в результате воздействия частей механизма кода секрета замка.

Манипуляционный метод – это метод нештатного отмыкания механического замка, основанный на процессе непосредственного воздействия на механизм кода секрета элементами ключевой заготовки (устройства) оригинальной конструкции.

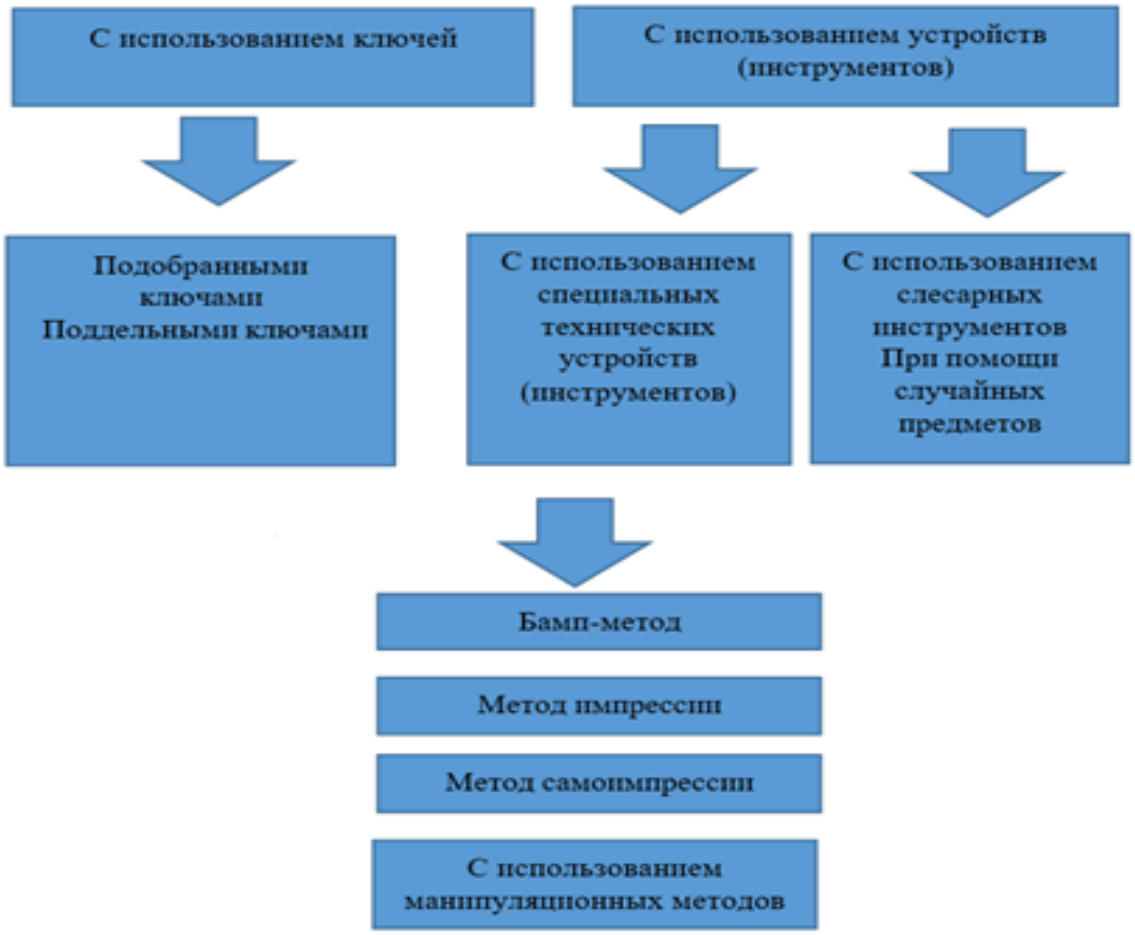

Рис. 1. Схема классификации нештатных методов отмыкания ключевых механических замков

Что касается *инструментов, применяемых для нештатного вскрытия механических замков,* то в общем виде их классификация может быть представлена в следующем виде:

- монтажные инструменты;
- металлообрабатывающие инструменты;
- иглы, щупы, поводки, шила;
- комплекты ключей;
- имитаторы ключей и их элементов;
- инструменты, изготовленные из ключей;
- медицинские инструменты, включая оптические;
- оптические увеличивающие инструменты;
- слесарные фиксирующие инструменты;
- измерительные инструменты;
- инструменты, позволяющие поочередно перемещать задержки блока секрета ключевого замка[1];
- инструменты, позволяющие перемещать засов ключевого замка[2] (см. рис. 2.);

[1] В целях сокращения названия предлагаем именовать – «адаптивные».
[2] В целях сокращения названия предлагаем именовать – «силовые».

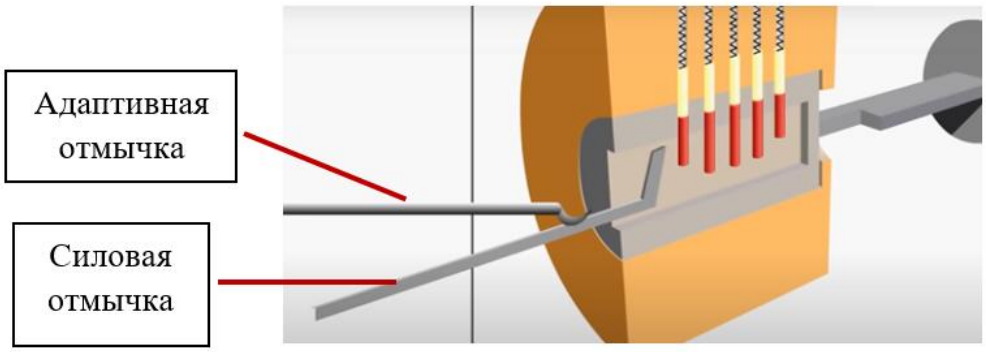

Рис. 2. Пример адаптивного и силового инструментов (отмычки) для цилиндровых блоков секрета с штифтовым видом задержки

- ключевые заготовки промышленного изготовления;
- имитаторы ключевых заготовок;
- инструменты для динамического импульсного воздействия на задержки блока секрета ключевого замка.

Следует обратить внимание, что в рамках настоящей статьи, автором рассматриваются *инструменты, позволяющие нештатно и скрыто оказывать воздействие на механические ключевые замки*,[1] что в целом соответствует смыслу понятия специальных технических средств для негласного получения информации, заложенного законодателем в ст. 138.1 УК РФ. Это означает, что тематика механических замков слишком широка для ее изложения в рамках статьи. Например, сейфовые кодовые замки, электромеханические, магнитные и прочие замки отмыкаемые не ключевым, а иным способом не относятся к предмету настоящего исследования.

Рассуждая далее, необходимо констатировать, что понятия «устройство» и «инструменты» различны по содержанию. Инструмент представляет собой оригинальную конструкцию с неподвижной (закрепленной) рабочей частью, выполняющая силовую или адаптивную функции одновременно (рис. 3). В то время как в устройстве смонтированы два и более элемента (рабочие части, как правило подвижные), выполняющие самостоятельно силовую и адаптивную функции (рис. 4).

Рис. 3. Инструменты (слева – для воздействия на ЦБС) и устройство (справа – для воздействия на сувальдный замок) для нештатного отмыкания МКЗ

[1] Далее по тексту – МКЗ.

Инструмент, который выполняет силовую функцию, используют для создания предварительного натяжения ротора в цилиндровом блоке секрета[1] в сторону отмыкания, адаптивную функцию - для воздействия на кодовые штифты блока секрета. Воздействие вторым инструментом осуществляется с целью перемещения кодовых штифтов на линию разделения (в ЦБС) или для перемещения сувальдных пластин (в сувальдном замке). Наблюдаются конструктивные закономерности их строения. Например, для нештатного отмыкания ЦБС с штифтами первый инструмент, имеет Г-образную или Z-образную форму (рис. 4).

а)

б)

Рис. 4. Силовой (а) и адаптивный (б) инструменты промышленного изготовления для отмыкания цилиндрового блока секрета с штифтовым видом задержки нештатным способом

Классификация устройств для нештатного отмыкания *по способу изготовления:*

1. Устройства, изготовленные *промышленным способом*. В качестве отличительных признаков определения таких устройств могут служить следующие критерии (рис. 5, 6):

а) высокое качество обработки элементов конструкции и точный способ их крепления между собой;

б) наличие маркировочных обозначений;

в) однотипные поверхности деталей (их частей) совпадают по комплексу признаков обработки.

а)

б)

Рис. 5-6. Устройство и инструменты, изготовленные промышленным способом:
а) Бамп-пистолет; б) инструменты для отмыкания цилиндрового блока секрета

[1] Далее по тексту – ЦБС.

2. Устройства (инструменты), изготовленные *самодельным способом.* Для такого вида устройств характерны следующие отличительные критерии (рис. 7,8):

а) Низкое качество обработки деталей, а также качество их соединения между собой.

б) Отсутствие маркировочных обозначений.

в) Наличие следов «грубой» механической обработки поверхности деталей.

г) Наличие однотипных деталей (их частей) отличающихся по обработке поверхностей.

В некоторых случаях при самодельном изготовлении устройств данного вида используют изделия массового производства или их частей, в конструкцию которых внесены изменения, необходимые для нештатного отмыкания замка.

Рис. 7. Самоимпрессионный ключ для вскрытия сувальдного замка, изготовленный самодельным способом

Рис. 8. Инструменты для манипуляционного подбора кода секрета цилиндровых замков, изготовленные самодельным способом из ножовочного полотна

Далее предлагаем подробнее рассмотреть методы нештатного отмыкания механических ключевых замков согласно вышеуказанной классификации.

Одним из часто используемых на практике методов отмыкания МКЗ является *метод механического прощупывания конфигурации задержек (манипуляционный метод)*. Поскольку данный метод по своей сути можно отнести к манипуляционным методам отмыкания, то его в отдельных криминалистических источниках называют методом манипуляционного подбора кода замка.

Сущность применения метода механического прощупывания конфигурации задержек при отмыкании МКЗ состоит в определенной последовательности действий, с помощью которых возможно преодолеть разрешительную систему

для перемещения засова из положения «замкнуто» в положение «отомкнуто». Данный способ может быть реализован в двух вариантах:

- с использованием одного специального (моноблочного) устройства, в котором вмонтировано два элемента – «щуп» и «рычаг» (рис. 9);

Рис. 9. Специальное (моноблочное) устройство для отмыкания механических замков методом механического прощупывания конфигурации задержек

- с использованием двух отдельных инструментов (отмычек), которые работают по вышеуказанному принципу действия – «щуп» (адаптивный) и «рычаг» (силовой) (рис. 10).

Рис. 10. Специальные (инструменты) для отмыкания механических ключевых замков методом прощупывания конфигурации задержек

При отмыкании *сувальдного МКЗ* с использованием двух инструментов методом механического прощупывания конфигурации задержек один из них создает предварительный натяг в сторону продвижения засова, а другой предназначен для перемещения сувальд (их подъема). При создании усилия на паз рейки хвостовика засова происходит «закусывание» между стойкой засова и сувальдами (рис. 11, 12).

В результате перемещения сувальд происходит проход стойки засова между выступами окон сувальд. Оба инструмента имеют Г-образную форму и отличаются друг от друга размерами их рабочих частей. Однако следует отметить, что первый инструмент может иметь различные формы головной части.

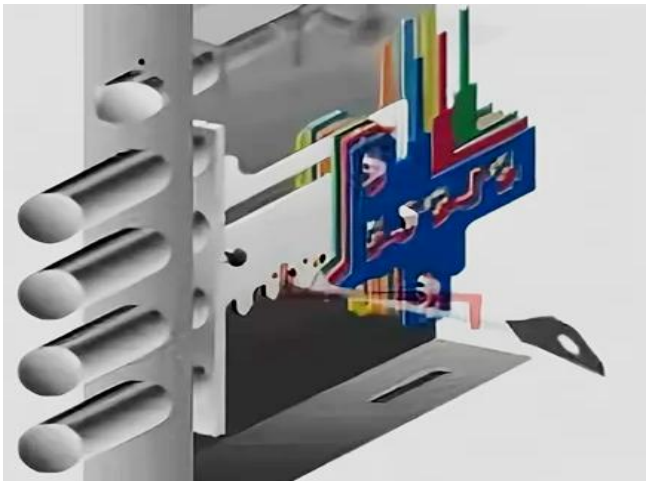

Рис. 11. Воздействие на замок с сувальдным блоком секрета адаптивным и силовым специальными инструментами

Порядок действий при использовании отмычек для отмыкания замков с сувальдным блоком секрета состоит из следующих этапов:

1. В замочную скважину для ключа вводится первый инструмент (силовой) для обеспечения предварительного натяжения, направленного в сторону продвижения засова в положение «отомкнуто». Однако засов не может переместиться, так как стойка заблокирована сувальдами, не позволяющими продвинуть засов.

2. Далее в замочную скважину для ключа вводится второй инструмент (адаптивный) для воздействия на сувальды и их перемещения, при этом важно не потерять натяжение. Из-за наличия люфта между стойкой засова и вырезами в окнах сувальд достаточно переместить одну-две сувальды для создания условий для перемещения засова замка в положение «отомкнуто».

3. Затем, перемещая оставшиеся сувальды, заставляют выйти засов на один вырез в окнах сувальд. Далее все операции по созданию предварительного натяжения и перемещению сувальд повторяются необходимое количество раз для отмыкания замка (рис. 12).

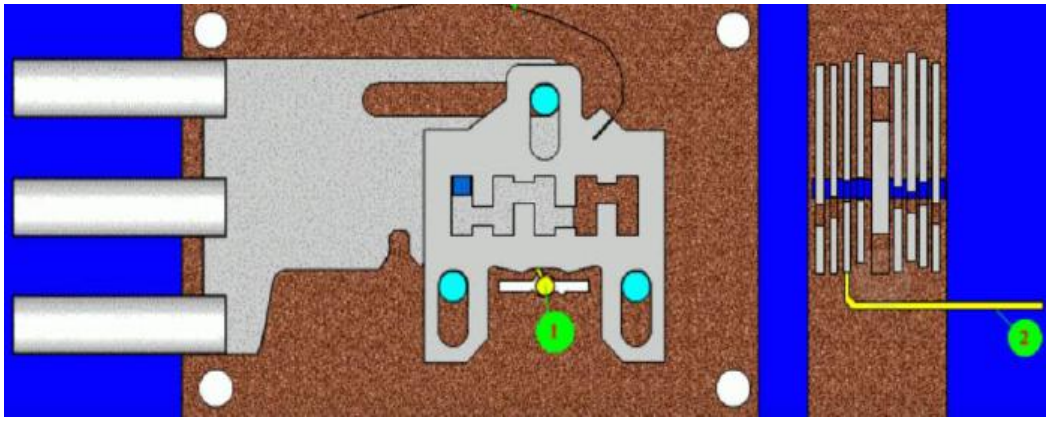

Рис. 12. Схема воздействия на замок с сувальдным блоком секрета во фронтальном и горизонтальном отображении:1 – инструмент для создания предварительного натяжения; 2 – инструмент для перемещения сувальд

Следующий метод нештатного отмыкания – это *изготовление имитатора ключа по меткам, образуемым на заготовке задержками блока секрета замка (импрессионный метод).* Принцип данного метода основывается на вскрытии замка с помощью заготовок из мягкого металла, на которых после приложения усилия на отмыкание/замыкание остаются следы кодовых элементов замка.

При отмыкании механического ключевого замка при импрессии прост: в замок вставляется заготовка ключа конкретной модели и (или) группы моделей, изготовленная из мягкого металла (чаще всего латуни), и после приложения усилия по отмыканиею/замыканию на его рабочей поверхности остаются характерные следы кодовых элементов (сувальд, либо штифтов (пинов)), в соответствии с конфигурацией которых происходит доработка рабочей поверхности заготовки (рис. 13, 14). Данный метод применим как к сувальдным замкам, так и к замкам с цилиндровым блоком секрета.

Рис. 13. Ключевая заготовка для отмыкания механических сувальдных замков импрессионным методом

Рис. 14. Ключевая заготовка для отмыкания замков с цилиндровым блоком секрета импрессионным методом

Например, порядок отмыкания сувальдного замка реализуется путем применения методов изготовления имитатора ключа по меткам, образуемым на заготовке задержками блока секрета замка, и заключается в следующем. При попытке открытия сувальдного механического замка на заготовке остаются характерные следы, оставляемые сувальдами. Следы на заготовке обычно плохо различимы, иногда их практически невозможно рассмотреть. В соответствии с этими следами на заготовке делаются пропилы, после чего процесс повторяется до получения полного или приближенного рисунка первой бородки ключа, который позволит совершить первый полуборот замка. Такие же действия повторяются для получения рисунка второй бородки ключа и совершения второго полуоборота. После этого заготовка представляет копию оригинального ключа, секретность которой позволит отомкнуть замок (рис. 15).

Следует обратить внимание, что для лучшего отображения кода секрета на бородках заготовки может использоваться отдельная отмычка – «силовая», с целью прижатия стойки засова замка.

Исходя из сказанного данный процесс нельзя назвать простым и быстрым, так как, по своей сути, это достаточно длительная работа с применением различных инструментов: надфилей, рашпилей и различных напильников. Следовательно, от исполнителя требуется обладание специальными навыками и в целом понимание общих принципов работы различных механических сувальдных замков.

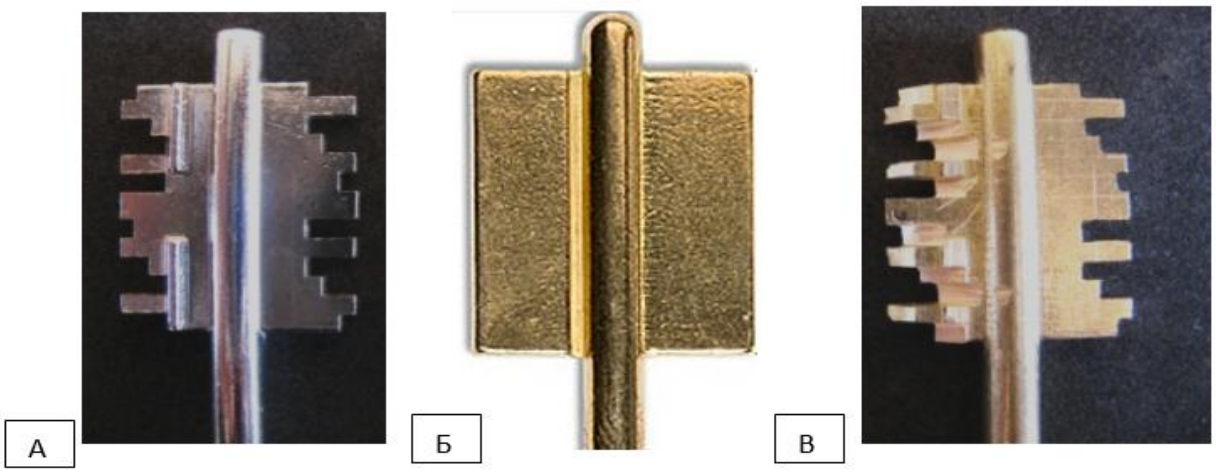

Рис. 15. Рабочая часть заготовки для отмыкания механических сувальдных замков импрессионным методом и штатный ключ: А – штатный ключ; Б – заготовка ключа (типовой шаблон); В – копия изготовленного штатного ключа «по меткам сувальдного блока секртета»

Метод самоимпрессии – это метод нештатного отмыкания замков с помощью приспособлений, которые после введения в замочную скважину способны принять форму, необходимую для открытия запирающего механизма. Основой этого метода является самоимпрессионный ключ. Применительно к сувальдным замкам называемый также «самонаборным» или «болгарским».

Методом самоимпрессии могут вскрываться как сувальдные, так и цилиндровые замки. Принцип действия метода для сувальдных замков и ЦБС приведены ниже.

Сувальдные замки

Для каждого типа сувальдного замка существуют свои самонаборные ключи, их конструкция зависит от количества сувальд, профиля ключа и прочих конструктивных особенностей замка. Устройство этих ключей таково: на концивике ключевого стержня, в сквозных проточенных отверстиях находятся подвижные пластинки-штифты (их называют также пинами или иголками), а в случае самодельного устройства – штифтами, фрагментами тонкой проволоки и других аналогичных по форме элементов. Ширина и место размещения данных элементов полностью совпадают с аналогичными характеристиками оригинального (штатного) ключа. Соответственно, каждый из штифтов взаимодействует с конкретной сувальдой (кодовым элементом замка) (см. рис. 16, 17).

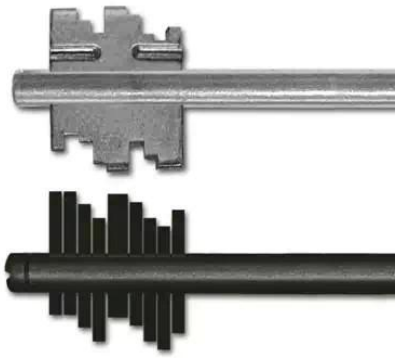

Рис. 16. Бородки штатного (сверху) и штифты самонаборного (снизу) ключей

Рис. 17. Пример самоимпрессионного ключа для сувальдных замков

Подвижность штифтов на бородках стержня моноблочного устройства позволяет принять конфигурацию, повторяющую код секрета (нарезку) штатного ключа.

Самоимпрессионный метод для ЦБС

Отмыкание цилиндровых блоков секрета имеет особенности — самонаборного ключа как такового нет, вместо него используются специальные ключевые заготовки (рис. 18, 19), индивидуальные для каждой модели или ряда моделей одного производителя.

Рис. 18, 19. Наборы для заготовки самоимпрессионного ключа для отмыкания цилиндрового блока секрета со штифтовым видом задержки

Самоимпрессией вскрываются механизмы со штифтовой системой секретности и разным расположением штифтов – как однорядные механизмы, так и горизонтальные двухрядные (лазерные, перфорированные). В последнее время появилась информация об уязвимости цилиндровых блоков секрета с дисковым режимом задержки простой конструкции.

Отмыкание происходит следующим образом: в замочную скважину вставляется ключевая заготовка, на которую наложена фольга (рис 20, 21). После ввода заготовки в ключевой канал производятся небольшие движения на открытие и закрытие, за счет постепенного продавливания фольги в местах контакта со штифтами можно добиться их положения, при котором цилиндр отомкнётся.

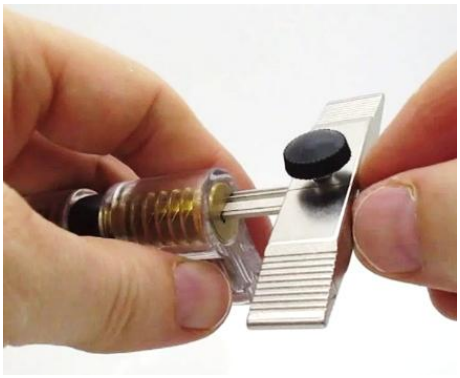

Рис. 20, 21. Процесс отмыкания самоимпрессионным ключом цилиндрового механизма замка: слева – введение заготовки в замочную скважину замка; справа – стержень ключа со следами от кода секрета на фольге

В процессе рассматриваемого нештатного отмыкания происходит воздействие частей самоимпрессионного ключа и фольги со штифтами ЦБС, в

результате этого на верхних/нижних гранях штифтов остаются слабовыраженные динамические следы в виде трасс и микрочастицы фольги.

Способ ударно-вращательного воздействия ключевой заготовкой с максимальными типоразмерами (бамп-метод)

Наряду с рассмотренными выше методами нештатного отмыкания механических ключевых замков, широкое распространение получило отмыкание с помощью ключевой заготовки с наличием на ее стержне максимальных по типоразмерам пазов (углублений), т.е. *бамп-ключа* (бампинг – от англ. *bump* – стук, удар). Данный метод воздействия применим только к замкам с цилиндровым блоком секретности – как с вертикальным, так и с горизонтальным расположением замочной скважины для ключа.

О возможностях бамп-метода официально заявлено весной 2004 года, когда на специализированной выставке в Германии было продемонстрировано отмыкание замков самых распространенных брендов за считанные секунды[1]. Широкий резонанс такого явления, как бамп-метод, нашел отражение и в средствах массовой информации, начиная с 2005 года многочисленные телепрограммы демонстрировали простоту использования и чрезвычайную его эффективность. Кроме отмыкания дверных замков, также уязвимы перед данным методом и механические противоугонные блокираторы для автомобилей.

Сущность применения данного метода заключается в передаче кинетической энергии ударного импульса системе «кодовый штифт – плунжер – пружина» с одновременным приложением вращательного момента. В замочную скважину помещается бамп-ключ (ключ, секрет которого расположен на одном, максимально глубоком уровне), проворот которого осуществляется в момент удара по нему подручным предметом.

Отличительной особенностью бамп-ключа (рис. 22) от штатного является отсутствие выраженной системы секретности, т.е. все вырезы («гнезда») имеют одинаковую глубину и расположены максимально близко к канавке на стержне (рис. 23).

Рис. 22, 23. Бамп-ключи к разным цилиндровым блокам механического замка

1 Случаи бесшумного взлома были? Будут! // Ваш тайный советник. – № 44 (173), 2005 / Завод замочно-скобяных изделий «DAFOR OY» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.locks.su/bump/tain_sovet /tain_sovet.shtm

Важным принципом данного метода является то, что при ударе по ключевой заготовке в блоке секрета замка, состоящий из кодовых и запирающих штифтов, расположенных на пружинах, изменяется их положение («подпрыгивают») – кодовые штифты выстраиваются в одну линию, которая дает возможность осуществить проворот ротора (рис. 24, 25).

Рис. 24, 25. Схема ударно-вращательного воздействия на цилиндровый блок секрета с помощью бамп-пистолета

Причем после отмыкания бамп-методом замок остается полностью работоспособным.

В заключении хотелось бы отметить, что изученные и представленные нами типовые конструкции инструментов и устройств для нештатного отмыкания механических замков позволят повысить эффективность оперативно-разыскных действий и судебной трасологической экспертизы по делам о незаконном обороте специальных технических средств.

Литература

1. ГОСТ Р 56742-2015 Национальный стандарт Российской Федерации. Замки механические. Классификация. Общие положения.

2. ГОСТ 33484-2015. Замки механические. Термины и определения.

3. ГОСТ 34024-2016 Замки сейфовые. Требования и методы испытаний на устойчивость к криминальному открыванию и взлому.

4. ГОСТ Р 52582-2006 Замки для защитных конструкций. Технические требования и методы испытаний на устойчивость к криминальному отмыканию и взлому.

5. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон XXI, 2000, 334 с., 2-е изд.

6. «Трасология и трасологическая экспертиза»: учебник / [Н. П. Майлис и др.]. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2024.

Л.Г. Бордюгов
Донбасский государственный университет юстиции

Решение ситуалогической экспертной задачи при проведении судебной экспертизы охраны труда и техники безопасности

Аннотация. Судебная экспертиза охраны труда и техники безопасности является новым родом экспертиз, проводимых судебно-экспертными учреждениями Минюста России. Именно этим обуславливается необходимость разработки ее теоретических и методических основ. В частности, в статье представлена стратегия и алгоритм решения ситуалогической экспертной задачи при проведении судебной экспертизы охраны труда и техники безопасности.

Ключевые слова: экспертная задача, комплексный подход, мысленная динамическая модель чрезвычайной ситуации, идеальная модель действий работников, оперативно-информационная модель исследуемой ситуации, ситуалогическое моделирование.

Как уже отмечалось ранее, в 2023 году в Перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, был включен новый род судебной экспертизы «Экспертиза охраны труда и техники безопасности»[1].

Данная экспертиза находится в стадии своего становления и развития, поэтому необходимо продолжать развивать ее методологические основы. В связи с этим данная работа посвящена теоретическим вопросам производства именно судебной экспертизы охраны труда и техники безопасности.

Вопросы решения экспертных задач в судебной экспертологии еще в советское время в своих работах довольно подробно исследованы выдающимися отечественными учеными-криминалистами, в частности такими,

[1] Бордюгов Л.Г. Экспертиза охраны труда и техники безопасности: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы использования специальных знаний в уголовном, гражданском, арбитражном процессе и по делам об административных правонарушениях: сборник материалов XIII международной научно-практической конференции (Уфа, 25 октября 2024 г.) / Частное учреждение «Научно-исследовательский институт проблем правового государства». Уфа, 2024. С. 21.

как Г.Л. Грановский[1], Ю.Г. Корухов[2], Н.Т. Малаховская[3], А.Р. Шляхов[4] и многие другие.

В соответствии с этими работами в процессе проведения судебных экспертиз используются различные специальные экспертные методики, которые позволяют решать те или иные задачи, стоящие перед судебными экспертами.

В основном эти задачи сводятся к четырем видам: идентификационные, классификационные, диагностические и ситуалогические. Хотя учеными описываются и другие задачи.

Структура проведения судебных экспертиз по уголовным делам, связанным с нарушениями требований правил охраны труда, базируется на общей методологии судебной экспертизы и состоит из следующих этапов: подготовительная стадия (предварительное исследование), основное исследование, включающее аналитическую, сравнительную, синтезирующую стадии, и заключительная стадия, которая состоит из оценки всех результатов исследования и формулирования окончательных выводов5.

Хотя предлагаемая структура регламентирует проведение судебных экспертиз по исследованию основных вопросов, возникающих в судебно-следственной практике при рассмотрении дел, связанных с нарушениями требований охраны труда, ее гносеологические положения имеют универсальный характер.

Предложенная структура не является новой разработкой, она применялась и ранее, в частности, судебными экспертами Республиканского центра судебных экспертиз при Министерстве юстиции Донецкой Народной Республики при решении ситуалогических задач в процессе проведения судебных горнотехнических, инженерно-экологических, автотехнических экспертиз. Ее

---

[1] Грановский Г.Л. Экспертные задачи: понятие, структура, стратегия решения // Теоретические и методические вопросы судебной экспертизы. Сб. науч. тр. М.: ВНИИСЭ, 1985. С. 55–80.

[2] Корухов Ю.Г. Методологические основы криминалистической экспертной диагностики // Современное состояние и перспективы развития традиционных видов криминалистической экспертизы. Сб. науч. тр. М.: ВНИИСЭ, 1987. С. 12–26.

[3] Малаховская Н.Т. Понятие экспертных задач и возможность построения их иерархической системы (применительно к дактилоскопической экспертизе) // Теоретические и методические вопросы судебной экспертизы. Сб. науч. тр. М.: ВНИИСЭ, 1985. С. 81–104.

[4] Шляхов А.Р. Задачи судебной экспертизы // Экспертные задачи и пути их решения в свете НТР. Сб. науч. тр. М.: ВНИИСЭ, 1980. Вып.42. С. 3–26.

[5] Шляхов А.Р. Структура экспертного исследования и гносеологическая характеристика выводов эксперта-криминалиста // Труды ВНИИСЭ М.: ВНИИСЭ, 1972. Вып.4. С. 3–112.

теоретическое и практическое значение ранее описывалось, в том числе, и автором данной статьи[1].

Однако, поскольку судебная экспертиза охраны труда и техники безопасности является новым родом экспертиз, проводимых государственными судебно-экспертными учреждениями Министерства юстиции Российской Федерации, которая находится в стадии своего становления и развития, автор данной статьи рассматривают применение указанной структуры именно при проведении судебной экспертизы охраны труда и техники безопасности.

В основном при проведении судебных экспертиз по делам, связанным с нарушениями требований охраны труда, используются ситуалогические исследования, целью которых является установление обстоятельств и механизма события или отдельных его фрагментов.

При этом под событием в данном случае понимается: чрезвычайная ситуация, происшествие, авария, несчастный случай и т.д., что и будет в дальнейшем использоваться как синонимы.

При выполнении исследований судебным экспертом по охране труда изучается процесс функционирования производственной системы, в том числе механизм возникновения, осложнения и развития чрезвычайных ситуаций, в основном техногенного характера, устанавливается взаимосвязь различных обстоятельств, исследуются различные факторы возникновения этого состояния и устанавливаются неадекватные действия работников предприятия, в результате которых возникли эти обстоятельства.

В процессе проведения судебной экспертизы охраны труда и техники безопасности применяется комплексный подход, который базируется на системно-структурном и инженерно-логическом анализах.

На первой фазе подготовительной стадии судебный эксперт знакомится с предоставленными на исследование материалами и объектами, определяет пути решения экспертной задачи, необходимые методы и приемы исследования, намечает порядок и план проведения экспертизы, предварительный срок окончания производства экспертизы.

Разумеется, что все это может происходить как одномоментно, так и растягиваться во времени.

В связи с тем, что чаще всего при проведении судебных экспертиз по охране труда и технике безопасности исследуются причины и последствия чрезвычайных ситуаций, возникающих на различных предприятиях, главным для осознания экспертной задачи является изучение материалов уголовного дела, возбужденного по данному факту. Это обуславливается, прежде всего, тем,

---

[1] Бордюгов Л.Г. Общая характеристика методики судебной инженерно-экологической экспертизы // Современные тенденции развития криминалистики и судебной экспертизы в России и Украине: материалы междунар. науч.-практ. конф. в рамках проекта «Российско-украинские криминалистические чтения на Слобожанщине», 25-26 марта 2011 г.: в 2 т. / отв. ред. И.М. Комаров. Белгород: Изд-во БелГУ. 2011. Т. II. С. 25–28.

что одним из главных элементов чрезвычайной ситуации, требующих тщательного анализа, является механизм события, который наряду с другими элементами включает действия лиц, причастных к событию.

Поэтому для осознания экспертной задачи, которая связана с изучением механизма происшествия, судебному эксперту следует уже на данном этапе получить представление о характере исследуемого события, стадиях его развития. Все эти данные могут и должны быть почерпнуты из материалов уголовного дела. Изучая материалы дела, эксперт оценивает объем и характер информации о событии: определяет достаточность такой информации. В этом состоит вторая причина, согласно которой эксперту необходимо тщательное изучение материалов дела на стадии осознания экспертной задачи.

Поэтому, как было указано ранее, отправным моментом проведения судебной экспертизы охраны труда и техники безопасности является осознание содержания и характера вопросов, поставленных на разрешение эксперта, а также изучение фактических данных о происшествии. Эти два взаимозависимых момента деятельности судебного эксперта имеют своей целью, прежде всего, оценку исходных данных, представленных на экспертизу.

Второй этап (основное исследование) состоит из аналитической, сравнительной и синтезирующей стадий. На данном этапе проводится системно-структурный и инженерно-логический анализ произошедшего события, при этом выявляются взаимозависимые показатели и устанавливаются причинно-следственные зависимости. Эти исследования основываются на инженерных расчетах (при необходимости) и научных положениях, изучении качественных сторон и внешних проявлений одно- и многомерных признаков, логическом исследовании их причинно-следственных зависимостей.

На первой (аналитической) стадии данного этапа на основании изучения представленных материалов уголовного дела судебным экспертом строится мнимая динамическая модель произошедшего события.

При этом в соответствии с местом, где произошла чрезвычайная ситуация (предприятие, цех, участок и т.п.), в процессе изучения уголовного дела необходимо проверить и проанализировать следующее:

- наличие схемы расположения технологического оборудования и соответствие его расположения схеме;
- наличие журнала регистрации инструктажей по вопросам охраны труда, соблюдение сроков проведения инструктажей;
- наличие и ведение журнала учета нарядов-допусков на выполнение работ повышенной опасности (при наличии таких работ);
- наличие на рабочих местах инструкций, плакатов и предупреждающих надписей по охране труда, знаков безопасности, технологических карт с основными требованиями безопасности во время выполнения той или иной операции;
- наличие перечня объектов, машин, механизмов, оборудования повышенной опасности, графика их периодического осмотра и его выполнения;

- наличие средств коллективной защиты, а именно (ограждающих приспособлений; предохранительных приспособлений для предотвращения аварий и разрушений отдельных частей оборудования; тормозных устройств для быстрой остановки оборудования и отдельных его элементов; сигнализирующих устройств (световой и звуковой сигнализации, указателей уровня давления, температуры);

- наличие устройств дистанционного управления производственным оборудованием, технологическими процессами, связанными с производством и использованием взрывчатых, токсичных, легковоспламеняющихся веществ и материалов;

- наличие устройств дистанционного управления запорной и регулирующей аппаратурой, размещенной в труднодоступных, огнеопасных и других зонах, длительное пребывание обслуживающего персонала в которых недопустимо;

- наличие и состояние первичных средств пожаротушения;

- наличие и работу общеобменной приточно-вытяжной и местной вентиляций;

- соблюдение сроков обучения работников по охране труда;

- обеспечение работников средствами индивидуальной защиты и правильность их использования;

- состояние организации рабочих мест и соответствие их требованиям норм охраны труда;

- соблюдение регламентов технологических процессов;

- состояние санитарно-бытовых помещений и устройств, проходов, проездов, мест эвакуации людей[1].

В связи со значительным количеством различных технологических процессов на любом производственном предприятии требования безопасности регламентируются также значительным количеством определенных правил, поэтому изложить эти требования безопасности в одной работе невозможно.

Проанализировав указанное выше, судебный эксперт может проследить последовательность действий работников в определенных технологических процессах, а также установить организационные и технические факторы, которые привели к возникновению чрезвычайной ситуации.

После построения мнимой динамической модели происшествия судебным экспертом создается идеальная модель, то есть идеальная функциональная система предприятия (или его части – цеха, участка и т.п.), в которой определенные действия работников, а также работа машин и механизмов соответствуют всем параметрам технических и организационных условий и не могут привести к возникновению события. Другими словами, на основе идеальной модели определяются надлежащие действия работников, которые соответствуют требованиям охраны труда.

Построением воображаемой динамической модели происшествия на предприятии и идеальной модели действий работников, отвечающих

[1] Лесенко Г. Методика контроля состояния условий и безопасности труда // Охрана труда. Научно-производственный журнал, 2003. № 9. С. 37–38.

требованиям правил охраны труда заканчивается аналитическая стадия данного этапа исследования.

На второй (сравнительной) стадии данного этапа мнимая динамическая модель происшествия и идеальная модель действий работников, отвечающих требованиям правил охраны труда, сравниваются. При этом надлежащие действия работников сравниваются с их фактическими действиями и устанавливаются причинно-следственные зависимости этих действий с возникновением чрезвычайной ситуации.

Именно сравнение отмеченных моделей определяет формирование у судебного эксперта оперативно-информационной исследовательской модели. Эта общая модель является информационной, потому что она отражает признаки исследуемого объекта, несет информацию о нем. Кроме этого, она является оперативной, поскольку содержит в себе совокупность исследовательских операций, определяющих ход решения поставленной задачи.

На третьей (синтезирующей) стадии проводится оценка результатов исследования данного этапа. Оценка результатов исследования предполагает выяснение ряда обстоятельств, в частности, все ли существенные факторы учтены, не содержат ли они скрытых допущений, какое влияние оказывают имеющиеся скрытые допущения на вывод, вытекающий из результата исследований.

Заключительный этап является оценкой результатов всех этапов исследования и формулированием окончательного вывода.

Следует отметить, что в методике проведения любой экспертизы оценочная деятельность занимает особое положение. С одной стороны, она является самостоятельной стадией экспертного исследования, завершающей проведение экспертизы, а с другой стороны – она тесно связана со всеми основными стадиями[1].

Таким образом, в процессе проведения судебной экспертизы охраны труда и техники безопасности используются метод ситуалогического моделирования, то есть ситуалогическое исследование выполняется, как было указано выше, на основе формирования экспертом оперативно-информационной модели исследуемой ситуации (которая строится на основе сравнения мнимой динамической модели происшествия и идеальной модели действий работников предприятия, отвечающих требованиям правил безопасности и охраны труда).

Ниже представляется в общем виде алгоритм решения ситуалогической экспертной задачи, согласно которому судебный эксперт при проведении судебной экспертизы охраны труда и техники безопасности должен пошагово произвести следующие действия:

- ознакомиться с предоставленными на исследование материалами, осознать экспертную задачу, составить план дальнейшей работы с предоставленными

[1] Ароцкер Л.Е. Сущность оценки и ее место в методике экспертного исследования. Судебная экспертиза: V Сб. проблемных научных работ по судебной экспертизе. Л.: МЕДИЦИНА, Ленинградское отделение, 1977. С. 135.

материалами; запросить дополнительные материалы, необходимые для проведения экспертизы; отказаться от проведения исследования при наличии соответствующих оснований;

- осуществить аналитическую стадию исследования. Создать воображаемую динамическую модель чрезвычайной ситуации. Создать идеальную модель функциональной системы. Осуществить сравнительную стадию исследования. Создать оперативно-информационную исследовательскую модель исследуемой ситуации. Осуществить синтезирующую стадию исследования. Оценить результаты исследований данного этапа;

- оценить все результаты исследования. Сформулировать вывод и составить заключение эксперта.

Дальнейшая разработка методологических основ судебной экспертизы охраны труда и техники безопасности позволит на более квалифицированном уровне проводить судебные экспертизы при расследовании уголовных дел по фактам нарушений требований охраны труда.

Литература

1. Ароцкер Л.Е. Сущность оценки и ее место в методике экспертного исследования. Судебная экспертиза: V Сб. проблемных научн. работ по судебн. экспертизе. Л.: МЕДИЦИНА, Ленинградское отделение, 1977. С. 133–136.

2. Бордюгов Л.Г. Общая характеристика методики судебной инженерно-экологической экспертизы // Современные тенденции развития криминалистики и судебной экспертизы в России и Украине: материалы междунар. науч.-практ. конф. в рамках проекта «Российско-украинские криминалистические чтения на Слобожанщине», 25-26 марта 2011 г.: в 2 т. / отв. ред. И.М. Комаров. Белгород: Изд-во БелГУ. 2011. Т.II. С. 25–28.

3. Бордюгов Л.Г. Экспертиза охраны труда и техники безопасности: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы использования специальных знаний в уголовном, гражданском, арбитражном процессе и по делам об административных правонарушениях: сборник материалов XIII международной научно-практической конференции (Уфа, 25 октября 2024 г.) / Частное учреждение «Научно-исследовательский институт проблем правового государства». Уфа, 2024. С. 19–23.

4. Грановский Г.Л. Экспертные задачи: понятие, структура, стратегия решения//Теоретические и методические вопросы судебной экспертизы. Сб. науч. тр. М.: ВНИИСЭ, 1985. С. 55–80.

5. Корухов Ю.Г. Методологические основы криминалистической экспертной диагностики // Современное состояние и перспективы развития традиционных видов криминалистической экспертизы. Сб. науч. трудов. М.: ВНИИСЭ, 1987. С. 12–26.

6. Лесенко Г. Методика контроля состояния условий и безопасности труда // Охрана труда. Научно-производственный журнал, 2003. № 9. С. 37–38.

7. Малаховская Н.Т. Понятие экспертных задач и возможность построения их иерархической системы (применительно к дактилоскопической экспертизе) // Теоретические и методические вопросы судебной экспертизы. Сб. науч. тр. М.: ВНИИСЭ, 1985. С. 81–104.

8. Шляхов А.Р. Задачи судебной экспертизы // Экспертные задачи и пути их решения в свете НТР. Сб. науч. тр. М.: ВНИИСЭ, 1980. Вып. 42. С. 3–26.

9. Шляхов А.Р. Структура экспертного исследования и гносеологическая характеристика выводов эксперта-криминалиста // Труды ВНИИСЭ М.: ВНИИСЭ, 1972. Вып. 4. С. 3–112.

А.Ю. Боршавец[1], **В.А. Шурухнов**[2]
[1]Главное следственное управление Следственного комитета
Российской Федерации по городу Москве
[2]Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева

Возможности судебных экспертиз при расследовании нераскрытых преступлений прошлых лет

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные аспекты возможностей назначения и производства отельных видов (родов) судебных экспертиз по делам о нераскрытых преступлениях прошлых лет в зависимости от факторов, которые влияют на их выбор и особенности назначения и производства.

***Ключевые слова*:** расследование преступлений, нераскрытые преступления, прошлые годы, судебные экспертизы.

Расследование любого преступления представляет собой довольно сложную последовательную деятельность следователя, в которую вовлекаются, на каждом этапе, различные подразделения и службы. Раскрыть и расследовать большинство видов преступлений невозможно без использования специальных знаний[1]. Нераскрытые преступления прошлых лет в категории отдельных видов преступлений занимают особое место, так как процесс их раскрытия и расследования перманентно может занимать существенный период времени, который укладывается в несколько лет.

Анализ судебно-следственной практики свидетельствует о том, что применение специальных знаний, в виде производства отдельных видов (родов) судебных экспертиз могут проводиться на всем протяжении расследования преступлений рассматриваемой категории. При этом, ранее, на первоначальном этапе в период обнаружения преступления, были изъяты следы, которые не могли быть исследованы в целях идентификации конкретной личности, а к моменту возобновления расследования, такие исследования могут проводиться достаточно активно и эффективно.

[1] Шурухнов Н.Г. Об экспертной деятельности, и не только о ней // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2021. Т. 2. № 1(3). С. 271–283.

Как отметил Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин, мировой опыт и наша собственная практика показывают, что выявление и качественное расследование преступлений невозможно без эффективного экспертного обеспечения. В условиях ускорения темпов развития науки и техники эта зависимость только возрастает. Хочу подчеркнуть, что на момент образования Следственный комитет РФ был единственным федеральным органом с функциями предварительного расследования, который не имел своей ведомственной системы экспертного обеспечения[1].

Сегодня, как далее отметил А.И. Бастрыкин, эти подразделения оснащены лучшим, а по некоторым позициям уникальным для России, экспертным оборудованием и технологиями. На должности экспертов приняты высококлассные аттестованные специалисты, имеющие специальную экспертную подготовку и опыт работы в государственных судебно-экспертных и научных учреждениях. В работе используются прошедшие апробацию экспертные методики, утвержденные и применяемые в государственных судебно-экспертных учреждениях других федеральных ведомств. Экспертами СК России ежегодно проводится более 30 тысяч (всего выполнено 176 тысяч) сложных экспертиз специальных видов (молекулярно-генетических, компьютерно-технических, фоноскопических, лингвистических, видеотехнических, налоговых, психофизиологических и др.), результаты которых зачастую решают судьбу резонансных и сложных в раскрытии преступлений, совершенных в условиях неочевидности[2].

По данным Следственного комитета Российской Федерации, например, только по делам, находящимся в производстве ГСУ СК России по г. Москве, в 2023 году, проведено 9089 экспертиз и исследований, в 2024 году – 11045 экспертиз и исследований, в том числе в СЭЦ СК России. По сравнению с 2021 годом, когда криминалистическими подразделениями ведомства выполнено всего 13895 различных видов (родов) экспертиз[3].

Таким образом, количество проведенных экспертиз, их увеличение за короткий промежуток времени, свидетельствует об эффективности рассматриваемого средства, в процессе раскрытия и расследования преступлений на современном этапе. Такая ситуация является закономерной, в том числе по делам о нераскрытых преступлениях прошлых лет.

Как, в этой связи отметил А.И. Бастрыкин, следователи и криминалисты СК РФ в 2024 году раскрыли более 4,1 тысячи преступлений прошлых лет – на 5% больше, чем в прошлом году. Он добавил, что с момента основания СК РФ было

---

[1] Интервью Председателя СК России Александра Бастрыкина «Российской газете». URL: https://sledcom.ru/press/interview/item/1331846/ (дата обращения: 04.06.2025).

[2] Там же.

[3] Шурухнов В.А., Милованова М.М. Современные проблемы судебно-экспертной деятельности // Судебные экспертизы в уголовном процессе: теория и практика: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Москва, 18–19 октября 2022 года. Москва: Московская академия Следственного комитета, 2023. С. 245–248.

раскрыто 102 тысячи преступлений прошлых лет, свыше 70% из раскрытых преступлений прошлых лет – это тяжкие и особо тяжкие преступления[1].

Специфика расследования нераскрытых преступлений прошлых лет обусловлена рядом факторов. Во-первых, способом совершения и сокрытия преступной деятельности. Во-вторых, специфическими особенностями раскрытия и расследования указанного вида преступлений на первоначальном этапе, которые привели к приостановлению расследования и длительному периоду, проходящему с момента возбуждения уголовного дела до возобновления расследования. В-третьих, особенностями использования и применения специальных знаний в процессе расследования на всех этапах, как до приостановления уголовного дела, так и после его возобновления. В-четвертых, иные субъективные факторы, которые относятся к деятельности конкретных лиц, которые оказывают влияние на все перечисленные выше факторы (кадровые проблемы; уровень подготовки следователя, следователя-криминалиста, специалиста, эксперта и других лиц, принимающих участие в расследовании; и иные подобные).

Указанные факторы свидетельствуют о том, что одним из основных направлений установления всех обстоятельств по нераскрытым преступлениям прошлых лет является назначение и производство судебных экспертиз. Анализ судебно-следственной практики по делам о нераскрытых преступлениях прошлых лет, свидетельствует о том, что в 100% случаев, при расследовании назначались одна или более судебных и иных видов экспертиз. Данная ситуация является закономерной, так как в ходе расследования любого преступления изымаются следы, пригодные для идентификации.

Учитывая характер преступной деятельности (совершение тяжких и особо-тяжких) преступлений, по делам о нераскрытых преступлениях прошлых лет, наиболее часто назначается судебная молекулярно-генетическая экспертиза выделений человека и судебная биологическая экспертиза запаховых следов человека (судебно-биологическая ольфакторная экспертиза).

Существенное значение при расследовании рассматриваемого вида преступлений имеют судебная дактилоскопическая экспертиза, судебная трасологическая экспертиза следов ног и обуви, судебная механоскопическая экспертиза следов одежды и ее повреждений, судебная трасологическая экспертиза установления целого по частям, судебная транспортная трасологическая экспертиза.

В любом случае, выбор вида (рода) судебной экспертизы обусловлен видом, характером, состоянием имеющихся в уголовном деле следов, а также результатов назначенных и проведенных на первоначальном этапе судебных экспертиз.

---

[1] Бастрыкин рассказал о числе раскрытых преступлений прошлых лет в 2024 году. URL: https://ria.ru/20241018/sk-1978644266.html?ysclid=mcd7dkpywh341654288 (дата обращения: 04.06.2025).

Установление всех обстоятельств проведенного ранее исследования или выявление причин его непроведения, определяет характер дальнейших действий следователя, направленных на назначение и производство соответствующей судебной экспертизы.

Получаемые результаты от производства судебных экспертиз по делам о нераскрытых преступлениях прошлых лет зависят от профессиональных качеств следователя, который определяет время, вид (род), место проведения экспертизы, а также подготавливает необходимые для этого объекты и материалы.

В свою очередь, качество производства судебной экспертизы, в полной мере зависит от профессиональности деятельности следователя[1], а также профессиональных качеств, навыков и мастерства эксперта, которые реализовываются через грамотное использование современных технических средств и технологий, стоящих на вооружении экспертных учреждений.

Литература

1. Сааков Т.А., Шурухнов В.А. Судебная экспертиза как основа для формирования необходимых компетенций будущих следователей Следственного комитета Российской Федерации // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: Материалы Международной научно-практической конференции, Москва – Санкт-Петербург, 24–25 октября 2024 года. СПб: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, 2024. С. 115–118.

2. Шурухнов Н.Г. Об экспертной деятельности, и не только о ней // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2021. Т. 2. № 1(3). С. 271–283.

3. Шурухнов В.А., Милованова М.М. Современные проблемы судебно-экспертной деятельности // Судебные экспертизы в уголовном процессе: теория и практика: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 18–19 октября 2022 года. М.: Московская академия Следственного комитета, 2023. С. 245–248.

[1] Сааков Т.А., Шурухнов В.А. Судебная экспертиза как основа для формирования необходимых компетенций будущих следователей Следственного комитета Российской Федерации // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: материалы Международной научно-практической конференции, Москва – Санкт-Петербург, 24–25 октября 2024 года. СПб: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2024. С. 115–118.

Д.Н. Васильева [1]
Научный руководитель: **И.Н. Озеров** [2]
[1, 2] Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Стратегия назначения судебных экспертиз для использования фото- и видеоматериалов, полученных оперативно-разыскным путем

Аннотация. В современный век технологий и информационного развития большую роль в доказывании преступлений по уголовным делам играют видеозаписи с камер видеонаблюдения, а также фотографии, сделанные очевидцами преступлений. Однако в настоящее время существует ряд проблем, связанных с использованием таких материалов в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве. В данной статье рассмотрены аспекты приобщения видеоматериалов к уголовному делу, полученных оперативно-разыскным путем.

Ключевые слова: правоохранительные органы, судебная фотовидеотехническая экспертиза, судебная портретная экспертиза, отождествление личности, доказательства по уголовному делу, ОРД.

В настоящее время в крупных городах нашей сраны реализован ряд решений по обеспечению общественной безопасности, который включает в себя не только видеокамеры, расположенные на стенах частных зданий, коммерческих и государственных организациях, но и интегрированные системы мониторинга и аналитики, объединённые в аппаратно-программный комплекс «Безопасный город». Основная предпосылка использования таких систем в расследовании преступлений — возможность получения объективных цифровых доказательств, восстановление хронологии событий и оперативного поиска подозреваемых. Реализуемая некоторыми регионами Российской Федерации программой «Безопасный город» (Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Казань) уже доказала свою эффективность в раскрытии преступлений, однако зачастую возникают проблемные вопросы, связанные с приобщением видеозаписей к материалам уголовного дела и признанием их доказательствами.

Одной из проблем, которую можно выделить уже на первоначальных этапах, является проблема приобщения фото и видеоизображений, полученных оперативно-разыскным путем к материалам уголовного дела.

Согласно Приказу МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27 сентября 2013 г. N 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 "Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд", результаты ОРД могут использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, регламентиру-

ющими собирание, проверку и оценку доказательств[1]. В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 17, для придания оперативным материалам статуса соответствующих видов доказательств должен быть указан источник их получения, но как показывает практика, не всегда есть возможность рассекретить источник получения подобных материалов. Некоторые очевидцы, могут побояться предоставлять фото и видеоизображения, на которых зафиксированы преступные действия из-за опасения за свою жизнь, а коммерческие организации, на видеокамеры которых попал подозреваемый, в большинстве случаев не заинтересованы в том, чтобы в суде разглашалось наименование их организации из-за угрозы потери рейтинга и прочих причин. На данном этапе, как показывает практический опыт, одним из способов приобщения различных оперативных материалов к уголовному делу является допрос оперативных работников в качестве свидетелей и приобщение к протоколу допроса соответствующих материалов, о которых дается показание.[2] Однако обстоятельства, связанные с получением фото и видеозаписей, нередко носят негласный характер и это может быть сопряжено с разглашением конспиративных сил и средств оперативно-разыскной деятельности, а также других сведений, составляющих государственную тайну, что регулируется Федеральным законом "Об оперативно-разыскной деятельности" от 12.08.1995 № 144-ФЗ и вышеупомянутым приказом, что не дает возможность оставить анонимным источник получения материалов, но в то же время снова мы упираемся в вопрос о возможности привлечении таких материалов в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве. В данном случае можно рассмотреть такое следственное действие как опознание, однако, согласно статье 193 УПК РФ, оно не представляется возможным по видео, так как законодатель регламентирует опознание только по фото подозреваемого, что также делает невозможным предоставить на опознание «скриншот» видеозаписи, предоставленной оперативными сотрудниками следователю. Помимо этого, опознающий может ошибиться и показать не на то фото, так как визуальное восприятие информации в стрессовой ситуации (например, в момент нападения) меняется.

---

1 Приказ МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд». Приложение. Инструкция о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд.

2 Оперативно-разыскная деятельность: совершенствование форм вхождения ее результатов в уголовный процесс: Учебно-практическое пособие. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Изд. Шумилова И.И., 2004. С. 84.

Для признания предметов, документов вещественными доказательствами соответствующие материальные объекты подлежат осмотру. Выносится отдельное постановление о признании и приобщении к уголовному делу вещественных доказательств[1]. Порядок признания предметов (документов) вещественными доказательствами непосредственно устанавливает ч. 2 ст. 81 УПК РФ. Однако, проблема может возникнуть с самим подозреваемым, который, несмотря на объективное сходство с лицом, представленным на видеозаписи, будет отрицать своё присутствие на последней, что даст возможность его защитнику оспорить такое доказательство в суде, так как «мнение» следователя в протоколе осмотра предметов не в полной мере соответствует признаку допустимости, применяемого к доказательствам по уголовному делу.

В данной ситуации, возникает необходимость проведения *судебной портретной экспертизы,* а также *судебной фотовидеотехнической экспертизы* (ФВТЭ). Вынесением постановления о проведении этих экспертиз, следователь разрешает как минимум две задачи: «вводит» полученные оперативно-разыскным путем фото и видеоматериалы в уголовное дело, а также решает вопрос с идентификацией и аутентификацией лица, изображение которого есть на фото-видеоматериалах. Это относится и к видеозаписям, полученным из «Безопасного города», так как, несмотря на высокий процент совпадения лица в указанной системе (от 78 %, рекомендованных для аутентификации конкретного лица), сама система распознавания лиц (основанная на работе искусственного интеллекта и возможностях распознавания по биометрическим данным) не является основанием для придания видеозаписи доказательного значения по УПК, а также другим нормативно-правовым актам.

Необходимость в проведении именно двух экспертиз, принадлежащих разным родам обусловлена и тем, что для проведения портретной экспертизы необходимо предоставление именно качественных фото и видеозаписей, так как бывают случаи, когда в результате предоставления некачественного материала эксперты уже на стадии осмотра и предварительного исследования объектов отказываются от проведения экспертизы из-за неудовлетворительного качества исходных изображений[2]. Для предотвращения данной проблемы, мы предлагаем проводить предварительную фотовидеотехническую экспертизу, так как ее объектами как раз являются цифровые фотоснимки, видеозаписи (выделенные из них фрагменты, кадры, отдельные изображения), а также технические средства, используемые для их изготовления. В диагностические задачи ФВТЭ входит следующее: цифровая обработка (шумоочистка, фильтрация, восстановление) фото-, видеоизображений с целью повышения различимости запечатленных объектов; распознавание запечатленных на фото-, видеоизображениях предметов, объектов (одежда, предметы в руках людей,

1 Приложения к ст. 476 УПК РФ №№ 51, 52 предусматривают формы таких процессуальных актов: протокол осмотра предметов (документов), постановление о признании и приобщении к уголовному делу вещественных доказательств.

2 Зинин А.М. Актуальные проблемы судебной портретной экспертизы // Вестник экономической безопасности. 2018. № 1. С. 64–66.

марки и модели транспортных средств и пр.); установление их соответствия сведениям в материалах дела; распознавание объектов, запечатленных на спутниковых фотоизображениях дистанционного зондирования Земли; определение размеров предметов, изображенных на фотоснимке или видеозаписи, и расстояний между ними; расчет геометрических характеристик, параметров движения запечатленных объектов; установление ситуационных обстоятельств фото-, видеосъемки (дата, время года, суток, метеорологические условия, геокоординаты, расположение устройства фотовидеофиксации и пр.); установление технических обстоятельств изготовления фотоснимков и видеозаписей (дата и время изготовления, перекодировка и копирование, монтаж или иные изменения и пр.).[1] После проведения шумоочистки, фильтрации и восстановления качество полученного изображения улучшится, что даст возможность другому эксперту в рамках уже портретной экспертизы провести исследование.

В идентификационные задачи судебной фотовидеотехнической экспертизы входят: идентификация предметов, помещений и участков местности, запечатленных фото-, видеосъемкой (идентификация личности по признакам внешности относится исключительно к компетенции портретной экспертизы); идентификация технических средств изготовления фотоснимков и видеозаписей (устройств фотовидеофиксации), а так же установление общего источника происхождения нескольких фото-, видеоизображений; назначению портретной экспертизы предшествует выбор необходимых объектов экспертизы, например, видеозаписи, которые являются вещественными доказательствами. Наиболее значимыми из перечисленных идентификационных задач для решения вопроса о привлечении материалов к уголовному делу, как мы видим, является идентификация технических средств изготовления фотоснимков и видеозаписей (устройств фотовидеофиксации), а также установление общего источника происхождения нескольких фото-, видеоизображений, так как назначению портретной экспертизы предшествует выбор необходимых объектов экспертизы, например, видеозаписи, которые являются вещественными доказательствами[2].

Таким образом, фотовидеотехническая экспертиза является необходимым методологическим и процессуальным шагом перед проведением портретной экспертизы. Она обеспечивает законность, доказательственную надёжность и корректность методики опознания, снижает риски отторжения доказательства и повышает качество экспертных выводов. Следователям рекомендуется инициировать ФВТЭ как обязательный этап при работе с фото- и видеоматериалами, в том числе предоставленными из системы «Безопасный город».

Назначение и проведение портретной экспертизы так же обусловлено рядом проблем. В экспертных центрах, проводящих экспертизы подобного рода (ЭКЦ

[1] На основе информации, опубликованной на официальном сайте Судебно-экспертного центра Следственного комитета Российской Федерации. URL: http://sec.sledcom.ru/categories/vte.html (дата обращения: 05.05.2025).

2 Там же.

МВД, ФСБ, РФЦСЭ при Минюсте России) мы можем встретить отличные друг от друга названия и определения указанной экспертизы. Например, в ЭКЦ МВД России портретную экспертизу определяют как вид экспертизы, проводимой с целью отождествления внешности лиц, запечатленных на различных объективных носителях информации (фотографиях, видеоизображениях и т.д.), а Министерство Юстиции в свою очередь определяет портретную экспертизу (габитоскопическую) как род класса криминалистических экспертиз, проводимых в целях установления личности по признакам внешности, зафиксированным на различных объективных отображениях и выполняемых с помощью специализированных методов исследования, что также вызывает ряд проблем у следователя, при выборе организации, куда может быть назначена экспертиза. Предметом судебно-портретной экспертизы является диагностика и отождествление личности по портретным изображениям. Не конкретизирован также и перечень вопросов, ставящихся на разрешение экспертов. Понятно, что формулировка вопросов зависит от каждой конкретной следственной ситуации, однако обобщенный перечень вопросов сформулировать всё-таки можно. Суть данной проблемы заключается в том, что приведение к единому стандарту данного вопроса и закрепление его в межведомственном нормативно-правовом акте существенно бы облегчило работу следователей и экспертов. Примерные вопросы судебной портретной экспертизы, традиционно можно разделить на два блока: вопросы, решающие идентификационные задачи (например, «изображено ли на представленных на экспертизу фото/видео записях лицо, сравнительный образец которого представлен на экспертизу?»; «одно или разные лица изображены на представленных фото/видео записях?») и диагностические (например: «какова половая принадлежность лица, изображенного на фото/видео записях?»; «к какому антропологическому типу относится лицо, изображенное на фото/видео записях?»; «к какому типу телосложения (конституционному типу) относится лицо, изображенное на фото/видео записях?»; «к какой возрастной группе относится человек, изображенный на фото/видео записях?»).

Следователю в назначении данной экспертизы с целью идентификации и аутентификации лица, изображение которого получено от очевидцев или из АПК «Безопасный город» и полученным контрольным образцом в постановлении о назначении судебной портретной экспертизы следует большее внимание уделять вопросам, в рамках которых эксперт, осуществляющий проведение портретной экспертизы, будет решать идентификационные задачи, которые как раз включают в себя отождествление изображенных на фото и видеоизображениях лиц. В рамках диагностических задач решаются, в основном, вопросы установления пола и возраста запечатленных лиц, антропологического типа, определения пригодности изображений для идентификации и т.д. Одним из возможных представленных на данную экспертизу объектов как раз может являться носитель, содержащий видеозаписи, полученные из АПК «Безопасный город» по запросу следователя в оперативное подразделение или фото и видеоизображения, предоставленные очевидцами преступления.

Таким образом, в настоящее время существует проблема отсутствия систематизации и унификации действий следователей при приобщении фото и видеозаписей, полученных оперативно-разыскным путём к материалам уголовного дела, что создает риск утраты одних из наиболее значимых доказательств по уголовному делу, увеличения сроков расследования преступлений уголовной направленности и ряд других, не менее важных, проблем. Решение данного вопроса, а именно составление методических рекомендаций по назначению ряда экспертиз, включающих перечень конкретных вопросов по каждой из них, а также унификация названий экспертиз и их определений в разных ведомствах, помогли бы усовершенствовать уголовное судопроизводство, повысить уровень раскрываемости преступлений и, в частности, качество работы следователей в разных регионах нашей страны.

Литература

1. Оперативно-разыскная деятельность: совершенствование форм вхождения ее результатов в уголовный процесс: учебно-практическое пособие. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Изд. Шумилова И.И., 2004.
2. Зинин А.М. Актуальные проблемы судебной портретной экспертизы. Вестник экономической безопасности. 2018. № 1. С. 64–66.
3. Черкашина И.И. Состояние и задачи методического обеспечения производства судебно-портретных экспертиз // Теория и практика судебной экспертизы (по материалам Криминалистических чтений, посвященных памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора В.А. Снеткова). М., ЭКЦ МВД России, 2010.
4. Ильин Н.Н. Криминалистическая идентификация человека по признакам внешнего облика, запечатлённым на видеоизображениях: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 216 с.
5. Ильин Н.Н. Проблемные вопросы, связанные с производством портретных экспертиз по видеоизображениям // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. №4-2. С. 243–247.

М.М. Виноградова
Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Судебная экономическая экспертиза в уголовном процессе: зарождение, формирование и современное состояние

Аннотация. Изложена история становления и развития судебной экономической экспертизы. Приведены определения класса экономических экспертиз, составляющих ее родов и видов. Рассмотрены различные основания классификации бухгалтерских и экономических экспертиз. Затронуты вопросы производства экспертиз по вопросам, связанным с обращением криптовалюты.

Ключевые слова: преступления экономической направленности судебная экономическая экспертиза, судебный эксперт-экономист, специальные знания, криптовалюта, цифровизация.

При расследовании и судебном рассмотрении экономических преступлений – «предусмотренных уголовным законом общественно опасных деяний..., посягающих на общественные экономические отношения»[1] – судебная экономическая экспертиза является одним из важных и эффективных инструментов для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Как правило, она назначается при расследовании уголовных дел, связанных с мошенничеством, присвоением и растратой денежных средств, незаконными предпринимательством, банковской деятельностью, получением кредита, легализацией денежных средств или имущества, полученных преступным путем, фиктивным или преднамеренным банкротством, невыплатой заработной платы, уклонением от уплаты налогов и сборов и т.п.

Судебная экономическая экспертиза представляет собой самостоятельный класс экспертиз. Она имеет свой предмет, специфический объект, решает определенные задачи присущими ей методами, что четко определяет ее место в системе судебных экспертиз и отличает ее от иных классов экспертных исследований. История ее существования насчитывает более 150 лет.

Как известно, в результате судебной реформы 1864 года в Российской Империи была изменена система судопроизводства, которая выстраивалась по образцу западноевропейских стран, и в роли доказательств стали выступать не столько свидетельские показания, сколько письменные документы. Экономические преступления разбирались в суде, и обращение последнего к экспертам стало нормой, а не исключительным случаем[2].

В начале для нужд судопроизводства в основном привлекались лица, владеющие счетоводческими или бухгалтерскими знаниями. При этом в ряде

[1]Бертовский Л.В. Расследование преступлений экономической направленности: научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2018. С. 5.

[2] Белов А.А., Белов А.Н. Судебно-бухгалтерская экспертиза. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Книжный мир, 2004. 643 с.

публикаций советского и современного периодов высказывалось мнение, что в царской России эксперт-бухгалтер не считался полноценным судебным экспертом, а выступал скорее в роли «справочного свидетеля»[1], а отношение к бухгалтерской экспертизе «носило пренебрежительный характер»[2]. Однако это утверждение не совсем верно.

Действительно, в ряде работ, например, в Руководстве по уголовному процессу Ю. Глазера (перевод с немецкого А. Лихачева), изданном в Санкт-Петербурге в 1884 году типографией Правительствующего Сената, бухгалтеры, призываемые судом в качестве сведущих лиц, без которых «он не в состоянии оценить или проверить вещественные доказательства, для оценки коих недостаточно общего образования» стоят на промежуточной ступени между лицами, оказывающими помощь суду в применении «различных приспособлений» при проведении судьей осмотра доказательств, и теми, «которые доставляют доказательства»[3].

Однако в отчете из зала суда Ю.О. Шрейера, составленному по «Овсянниковскому делу» и напечатанному в 1875 году Типографией Ретгера и Шнайдера, описываются производство нескольких, в том числе и бухгалтерских экспертиз, выполненных чиновниками Контрольной палаты, а также допрос экспертов в суде по поводу сделанных ими заключений и выводов по результатам исследования конторских книг.

На страницах журнала «Дело» за 1879 год, издававшегося в Санкт-Петербурге издателем Г. Благосветловым и редактором Н. Шульгиным, рассказывалось о бухгалтерской экспертизе, проведенной в 1877 году при расследовании растраты денежных средств – казенной субсидии, выделенной на капитальный ремонт участков Сибирского тракта. В результате ее производства были установлены сумма остатка средств, предоставленных из государственной казны на финансирование сметы, и суммы произведенных расходов.

В 1888 году издательством «Новости дня» был опубликован стенографический отчет по делу москательщиков братьев Александра и Ивана Поповых, которых обвиняли в мошенничестве. В нем также говорилось о проведенном экспертами-бухгалтерами, которых привлек следователь, исследовании конторских книг и установлении количества и номенклатуры товара, поступившего на склад братьев и реализованного ими.

Приведенные примеры показывают, что бухгалтеры, знатоки счетного и конторского дела в ряде случаев выступали в качестве полноценных экспертов в судебных процессах по уголовным делам.

Примерно в это же время начала формироваться и методическая база данного рода экспертиз. В 1889 году появились первые выпуски журнала «Счетовод», в

---

[1] Любкин В.Б. Основы судебной бухгалтерии. Саратов: издательство «Коммунист», 1956. С. 233.

[2] Климович Л.П. Теоретико-прикладные основы судебно-экономических экспертиз: монография. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2004. С. 60.

[3] Глазер Ю. Руководство по уголовному процессу. Т.1, кн. 2 / пер. с нем. А Лихачева. С.-Петербург: типография Правительствующего Сената. С. 260.

котором изобретатель тройной бухгалтерии Ф.В. Езерский печатал статьи, посвященные вопросам производства судебно-счетоводных экспертиз. А одним из первых полномасштабных научных изданий, раскрывших сущность судебно-бухгалтерской экспертизы, очертивших область и цели ее применения, можно считать книгу С.Ф. Иванова «Бухгалтерская экспертиза в судебном процессе», изданную в 1913 году. Судебная бухгалтерская экспертиза впервые была определена как «исследование через особо приглашенных судом лиц, опытных в счетоводстве, бухгалтерских книг, документов и отчетных ведомостей для выяснения необходимых по делу вопросов специального характера, которые могут быть решены только этими сведущими лицами»[1].

После Октябрьской революции 1917 года последовательно создавались различные организации, в профессиональные обязанности сотрудников которых входило производство судебных исследований по вопросам бухгалтерского учета, экономики, финансов, финансового и производственного планирования – Отдел учета хозяйственной деятельности при Московском отделении русского технического общества, Институт государственных бухгалтеров-экспертов при НК РКИ, Всесоюзное общество содействия социалистическому учету при ВЦСПС, Центральное бюро судебно-бухгалтерской экспертизы при Прокуратуре СССР, Бюро государственной бухгалтерской экспертизы при Минфине СССР, которое впоследствии было передано в подчинение Юридической комиссии Совета Министров РСФСР, а затем – министерствам юстиции РСФСР и союзных республик, Всесоюзный Центральный научно-исследовательский институт судебных экспертиз[2].

В различных наставлениях по расследованию экономических и хозяйственных преступлений неизменно указывалось на важность привлечения к рассмотрению определенных вопросов экспертов-экономистов и бухгалтеров[3].

Обширная экспертная практика вызвала необходимость систематизации эмпирического материала и создания различных методических разработок по проведению экспертиз с применением специальных бухгалтерских и экономических знаний.

На протяжении не одного десятка лет издавались научные и практические работы, посвященные обоснованию теоретических основ применения специальных экономических (бухгалтерских) знаний в ходе расследования и судебного разбирательства уголовных дел и изложению правил, особенностей и

---

[1] Иванов С.Ф. Бухгалтерская экспертиза в судебном процессе: пособие для юристов и бухгалтеров-экспертов. – СПб: Издание книжного склада «Коммерческая Литература», 1913. С. 7–8.

[2] Климович Л.П. Теоретико-прикладные основы судебно-экономических экспертиз: монография. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2004. 288 с.

[3] Громов Вл., Лаговиер Н. Расследование хозяйственных и должностных преступлений: практическое пособие для органов дознания и следствия. М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1928. 210 с.; Громов Вл. Техника расследования отдельных видов преступлений / под ред. М.С. Строговича. М.: Советское законодательство, 1931. 60 с.

границ их использования. Разработке этой тематики посвящены труды таких ученых, как Г.А. Атанесян, С. П. Голубятников, П-К. Пошюнас, А.М. Ромашов, В.Г. Танасевич, С. П. Фортинский и многих других. В 1948 году В.Б. Любкиным была предложена теория судебной бухгалтерии как специальной прикладной судебной предметной науки.

Отметим, что в вопросе классификации судебных бухгалтерских и экономических экспертиз еще на том этапе не было единого мнения, как нет его и сейчас.

Так, например. А.Р. Шляховым была предложена классификация бухгалтерских экспертиз на основании методов ведения хозяйствующим субъектом бухгалтерского учета – традиционным способом, т.е. составлением бумажных учетных и отчетных документов, и с применением счетно-перфорационной и электронно-вычислительной техники[1].

А.И. Винберг и Н.Т. Малаховская в своей работе по судебной экспертологии, говоря об экономической экспертизе как экспертизе, проводимой с целью исследования хозяйственной деятельности, различали в ее составе бухгалтерскую, планово-экономическую, экономико-технологическую и экспертизу ценообразования[2].

С.П. Фортинский наряду с судебно-бухгалтерской экспертизой указывал на существование судебно-экономической экспертизы, решающей общеэкономические вопросы, судебно-финансовой экспертизы, решающей вопросы правильности финансирования различных предприятий, совершения финансовых операций[3].

Наиболее разработанными в методическом плане были бухгалтерская и планово-экономическая экспертизы. Первая из них исследовала документы бухгалтерского учета и отчетности на предмет правильности их составления, соответствия нормативно установленным правилам, непротиворечивости и преемственности произведенных в них записей. Вторая занималась исследованием вопросов напряженности плановых заданий, выявлением приписок в отчетах об их выполнении и связанных с этим неправомерно начисленных премий. Кроме того, разрабатывались экспертные методики по исследованию вопросов неправильного использования выделенных бюджетных ассигнований и предоставленных банковских кредитов. Также создавались рекомендации по экономической экспертизе, направленной на исследование содержания экономических показателей, характеризующих работу хозяйствующего субъекта.

В 90-х годах 20 века вследствие изменений, произошедших в экономической и политической жизни России, изменились и взгляды на судебно-бухгалтерскую

---

[1] Шляхов А.Р. Классификация судебной эксперьтизы: сборник научных трудов / отв ред. А.И. Винберг, А.Р. Шляхов. М.: ВНИИСЭ, 1977. Вып. 28. С. 9–53.

[2] Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз). Волгоград: Высшая следственная школа МВД СССР, 1979. 183 с.

[3] Фортинский С.П. Судебно-бухгалтерская экспертиза. М.: Госюриздат, 1962. 273 с.

(экономическую) экспертизу, планово-экономические исследования утратили свою актуальность. И хотя до сих пор нет единой классификации судебных экономических экспертиз, представляется, что можно охарактеризовать их следующим образом.

Судебная экономическая экспертиза представляет собой исследование, проводимое по заданию правоприменителя лицом, обладающим специальными экономическими знаниями, для ответа на возникшие в ходе расследования или судебного разбирательства вопросы, относящиеся к расследуемому (рассматриваемому) событию и имеющие экономический характер. Ее предметом являются сведения о фактах финансово-хозяйственной деятельности хозяйствующего субъекта, в том числе о событиях, приводящих к изменению состава и соотношения основных и оборотных средств субъекта, источниках их формирования, финансовых операциях и показателях, а также о процессах их формирования и отражения в учете, которые зафиксированы на материальных носителях информации и исследуются или устанавливаются экспертом в ходе решения характерных для данного класса экспертиз задач с помощью специальных методов, способов и приемов.

Судебно-бухгалтерская экспертиза – род судебных экономических экспертиз, проводимых лицом, обладающим специальными знаниями в области практически организованного процесса наблюдения, регистрации, группировки, обобщения, анализа и фиксации данных о фактах хозяйственной жизни, то есть в области бухгалтерского и иных видов учета по заданию органов следствия и суда для разрешения интересующих их вопросов в рамках уголовного, гражданского, арбитражного или административного процессов. Ее предметом являются отраженные в документах бухгалтерского учета и отчетности сведения о хозяйственных операциях (явлениях, событиях финансово-хозяйственной деятельности хозяйствующего субъекта), которые содержат информацию о состоянии, наличии, движении материальных ценностей и денежных средств, их источниках и свидетельствуют об отступлении (отсутствии отступлений) от правил ведения бухгалтерского или иного вида учета, исследуемые и устанавливаемые в процессе экспертизы.

Судебная финансово-экономическая или финансово-аналитическая экспертиза – род судебных экономических экспертиз, проводимых лицом, обладающим специальными знаниями в области экономических отношений, возникающих в условиях денежного оборота при формировании, распределении и использовании финансовых ресурсов, финансово-экономического анализа, бухгалтерского (финансового, управленческого) учета и отчетности, также по заданию органов следствия и суда. Ее предметом являются отраженные в документах бухгалтерского учета и отчетности сведения о финансовых операциях и финансовых показателях деятельности хозяйствующего субъекта, а также фактические данные, характеризующие образование, распределение и использование на предприятии доходов, денежных средств (фондов), отклонения в этих процессах, повлиявшие на показатели хозяйственной

деятельности или способствовавшие совершению преступлений, связанных с несоблюдением финансовой дисциплины.

Судебная финансово-кредитная экспертиза – вид финансово-экономических экспертиз, направленных на изучение финансовых отношений кредитора и заемщика, выявление направления расходования кредитных средств.

Судебная налоговая экспертиза – род судебных экономических экспертиз, проводимых лицом, обладающим специальными знаниями в области бухгалтерского и налогового учета, а также отношений, возникающих между государством и налогоплательщиком (налоговым агентом) в ходе осуществления хозяйственной деятельности. Ее предметом являются отраженные в документах бухгалтерского и налогового учета и отчетности сведения о размере налогооблагаемой базы, величине налогов, подлежащих исчислению и уплате в бюджет за определенный срок, о фактически уплаченных (документально подтвержденных) в бюджет налоговых отчислениях, о суммах недоимки по налоговым и иным платежам.

До недавнего времени все исследования в рамках судебных экономических экспертиз проводились с целью анализа и дачи характеристики реально существующих элементов – различных показателей, отражающих содержание и результаты хозяйственной деятельности субъекта: основных средств, товарных запасов, денежных средств и их эквивалентов и т.п., имеющихся в распоряжении субъекта хозяйствования. Однако, благодаря развитию цифровой экономики и достижениям технического прогресса, с некоторых пор в широкий оборот вошел такой финансовый инструмент, как криптовалюта.

Одно из определений криптовалюты дала Группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (Financial Action Task Force, FATF): «криптовалюта означает основанную на математических принципах децентрализованную конвертируемую валюту, которая защищена с помощью криптографических методов, то есть использует криптографию для создания распределенной, децентрализованной и защищенной информационной экономики[1]. Характерными особенностями криптовалюты, отличающими ее кардинальным образом от фиатных средств, является то она не имеет единого эмитента, ее стоимость не гарантируется государством и не наполняется какими-либо материальными эквивалентами, а формируется на основе спроса и предложения на криптовалютных биржах и при непременном условии наличия доверия к ней.

Из приведенных определений понятно, что криптовалюта существует только в виртуальном пространстве, а ее стоимость сохраняется только до тех пор, пока существует определенный круг пользователей, готовых использовать ее для своих целей, ей доверять и ее поддерживать. И хотя в Российской Федерации криптовалюта не является законным платежным средством, она не запрещена в

[1] Виртуальные валюты. Ключевые определения и потенциальные риски в сфере ПОД/ФТ. Отчет ФАТФ. Июнь 2014. С. 11. URL: https://mumcfm.ru/d/7r4hZJuXG3M0AZ0zNmmAzZqQQwzBnrJNJomwS9bA (дата обращения 17.06.2025 г.).

качестве инструмента для инвестирования, накопления, обмена, а потому получила достаточно широкое распространение.

Поскольку любое новшество может быть использовано и во благо, и во вред, криптовалюта стала и объектом, и предметом преступного посягательства. Расследование преступлений, связанных с оборотом криптовалюты, в свою очередь вызвало необходимость применения различных специальных знаний в форме судебной экспертизы, в том числе экспертизы экономической. Специальные экономические знания применяются для установления обстоятельств, связанных с движением денежных средств использованных при проведении расчетов, в том числе номинированных в криптовалюте, установления величины средств, поступивших на криптокошелек физического лица или на его счет (счета) в банке, и т.п. Поэтому эксперты-экономисты уже сейчас должны овладеть знаниями в данной области, понимать, как работают обозреватели блокчейнов, какую информацию из них можно извлечь, как правильно ее интерпретировать, а также четко очертить пределы своей компетенции[1].

Мы полагаем, что тренд на развитие цифровой экономики обуславливает новые вызовы всему экспертному сообществу, в том числе и экспертам-экономистам. Поэтому одним из основных направлений развития судебной экономической экспертизы должно стать обсуждение и создание методического обеспечения для производства экспертиз по вопросам, связанным с использованием цифровых финансовых инструментов, а также подготовка экспертов, владеющих современными методами исследования.

Литература

1. Бертовский Л.В. Расследование преступлений экономической направленности: научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2018. 304 с.

2. Белов А.А., Белов А.Н. Судебно-бухгалтерская экспертиза. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Книжный мир, 2004. 643 с.

3. Любкин В.Б. Основы судебной бухгалтерии. Саратов: издательство «Коммунист», 1956. 319 с.

4. Климович Л.П. Теоретико-прикладные основы судебно-экономических экспертиз: монография. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2004. 288 с.

5. Глазер Ю. Руководство по уголовному процессу. Т. 1, кн. 2 / пер. с нем. А. Лихачева. С.-Петербург: типография Правительствующего Сената. 382 с.

[1] Виноградова М.М. Криптовалюта как новый объект судебной экономической экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2024. Т. 19. № 2. С. 6–13.; Виноградова М.М. О специальных знаниях судебного эксперта-экономиста в условиях развития цифровой экономики // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов МНПК г. Нижний Новгород, 14–15 мая 2025 г. Нижний Новгород: ННГУ, 2025. С. 36–42.

6. Иванов С.Ф. Бухгалтерская экспертиза в судебном процессе: пособие для юристов и бухгалтеров-экспертов. СПб: Издание книжного склада «Коммерческая Литература», 1913. 222 с.

7. Громов Вл., Лаговиер Н. Расследование хозяйственных и должностных преступлений: практическое пособие для органов дознания и следствия. М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1928. 210 с.

8. Громов Вл. Техника расследования отдельных видов преступлений/ под ред. М.С. Строговича. М.: Советское законодательство, 1931. 60 с.

9. Шляхов А.Р. Классификация судебной экспертизы: сборник научных трудов / отв ред. А.И. Винберг, А.Р. Шляхов. М.: ВНИИСЭ, 1977. Вып. 28. С. 9–53.

10. Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз). Волгоград: Высшая следственная школа МВД СССР, 1979. 183 с.

11. Фортинский С.П. Судебно-бухгалтерская экспертиза. М.: Госюриздат, 1962. 273 с.

12. Отчет ФАТФ «Виртуальные валюты. Ключевые определения и потенциальные риски в сфере ПОД/ФТ». Июнь 2014. С. 11. URL: https://mumcfm.ru/d/7r4hZJuXG3M0AZ0zNmmAzZqQQwzBnrJNJomwS9b (дата обращения 17.06.2025 г.).

13. Виноградова М.М. Криптовалюта как новый объект судебной экономической экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2024. Т. 19. № 2. С. 6–13.

14. Виноградова М.М. О специальных знаниях судебного эксперта-экономиста в условиях развития цифровой экономики // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов МНПК г. Нижний Новгород, 14–15 мая 2025 г. Нижний Новгород: ННГУ, 2025. С. 36-42.

В.Ю. Владимиров
Академия управления МВД России

Реквием по экспертной профилактике

Аннотация. В статье рассматривается генезис экспертной профилактики, вклад в формирование и развитие этого института превентивной деятельности Р.С. Белкина и Т.В. Аверьяновой, затрагиваются некоторые проблемные вопросы, связанные с возможностью использования института судебной экспертизы в установлении обстоятельств, способствующих совершению преступлений. Приводятся примеры из практической деятельности экспертно-криминалистических подразделений территориальных органов внутренних дел. Подвергается аналитической оценке некоторые современные положения и рекомендации, связанные с экспертным выявлением фактов псевдоправомерного оборота оружия, которые ставят под большое сомнение возможности судебной экспертизы по выявлению и купированию обстоятельств, способствующих совершению преступлений.

Ключевые слова: огнестрельное оружие; оружие комбинированного действия; огнестрельно-газовое оружие; огнестрельно-сигнальное оружие; псевдоправомерный оборот оружия.

Профилактическая направленность в правоохранительной деятельности, как и в медицине в нашей стране всегда занимала приоритетное место в науке и практике. Современное уголовно-процессуальное законодательство относит выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений к числу задач, обязательных для разрешения не только профессиональными участниками судопроизводства, но всеми участниками процесса. По смыслу статьи 73 УПК РФ «Обстоятельства, подлежащие доказыванию» это прежде всего обязанность лица, производящего расследование. Однако, пункт 4, части 3, статьи 57 «Эксперт» предоставляя судебному эксперту право отражения в заключении инициативно установленных им обстоятельств, имеющих отношение к расследуемому событию, позволяет реализовывать это право в отношении обстоятельств, которые способствовали или могли способствовать совершению преступления. Учитывая особую важность повсеместного решения этой криминалистической задачи, мы неоднократно указывали, что это право эксперта необходимо трансформировать в его обязанность, оставив правом лишь инициативное установление иных обстоятельств, имеющих, по его мнению, значение для дела.

В этой связи необходимо отметить, что давно назрела необходимость включения в раздел криминалистической (следственной) тактики наряду с вопросами версионной деятельности следователя и планированием расследования самостоятельного подраздела: «Тактика выявления обстоятельств, способствующих совершению преступлений».

Что касается так называемой экспертной профилактики, то на её возможности в своих работах неоднократно указывал Р.С. Белкин[1][2]. В развитие содержащихся в них основных положений Т.В. Аверьянова раскрыла эту тему уже в статусе частной теории экспертной профилактики[3]. Это безусловно оказало само позитивное влияние на криминалистическое обеспечение предупреждения преступлений.

Экспертно-криминалистическая деятельность знает немало примеров эффективного использования экспертных возможностей в выявлении конструктивных недостатков запорных и контрольных устройств, которые использовались и продолжают использоваться преступниками-гастролёрами при совершении краж из квартир и иных охраняемых объектов. Не менее важное

---

[1] Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М.: Юрид. лит., 1987. С. 83.

[2] Белкин Р.С. Курс советской криминалистики: Частные криминалистические теории. Пособие для преподавателей, адъюнктов, соискателей и слушателей учебных заведений МВД СССР. Т. 2. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1978. С. 354–356.

[3] Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза: Курс общей теории. М.: Норма, 2006. С. 392–404.

значение с точки зрения профилактики степени вооружённости криминальной среды путём экспертного выявления фактов псевдоправомерного оборота оружия и выработки мер по его пресечению представляли примеры из экспертно-криминалистической деятельности, связанной с производством судебно-баллистических экспертиз. Так, благодаря профессионализму и настойчивости в рамках проводимой судебной экспертизы по уголовному делу о контрабанде боеприпасов эксперта-баллиста ЭКУ ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области в лихие 90-е был пресечён псевдоправомерный оборот пистолета ИЖ-70, который, являясь несколько улучшенным с точки зрения «прицельности» стрельбы аналогом пистолета Макарова (ПМ), был недобросовестно сертифицирован как спортивно-охотничий, что позволяло использовать его вне спортивных сооружений[1] и существенно повышало спрос на эту продукцию на рынке гражданского огнестрельного оружия. Примерно в тот же период в ходе обобщения экспертной практики по уголовным делам, связанным оборотом ствольного газового оружия, был выявлен массовый вброс в торговую сеть пистолетов и револьверов, сертифицированных как гражданское газовое оружие самообороны, но по своим достаточно явно выраженным конструктивным особенностям, заключавшимся в функциональной минимизации такого конструктивного элемента как рассекатель вплоть до полной утраты функции задержки снаряда в виде пули или дроби с формированием в канале ствола его «декоративного имитатора», являвшимися стрелковым оружием комбинированного действия: огнестрельно-газовым. Такое конструктивное решение очевидно вполне осознано было заложено изготовителем в целях повышения потребительского спроса на эти изделия, что и было подтверждено практикой. На основе сделанных выводов были подготовлены предложения по исключению из перечня сертифицируемых в качестве ствольного газового оружия образцов, конструктивно представляющих собой оружие комбинированного действия[2].

Как видно из приведённых примеров процесс реализации выявленных в ходе экспертной практики обстоятельств псевдоправомерного оборота огнестрельного оружия у органов внутренних дел и следственных подразделений иных ведомств никаких затруднений не вызывал. К сожалению, в настоящее время мы вынуждены констатировать, что в этой части перед органами предварительного расследования возникли совершенно не объяснимые по своей природе, но существенные с точки зрения права препятствия.

Так, в разосланном в ЭКП территориальных и линейных органов внутренних дел ЭКЦ МВД России «Обзоре по наиболее актуальным проблемным вопросам в области исследования оружия и боеприпасов при производстве

---

[1] Владимиров В.Ю. Теория и практика криминалистического оружиеведения. Монография. – Санкт-Петербургский университет МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности / Под общей редакцией В.П. Сальникова. СПб: Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2003. С. 254.

[2] Там же. С. 238–240.

баллистических экспертиз и исследований» в разделе «исследование промышленно изготовленного оружия, запрещённого к обороту на территории Российской Федерации» даются весьма противоречивые рекомендации, существенно затрудняющие их реализацию[1] в целях профилактики псевдоправомерного оборота огнестрельного оружия.

На странице 1 авторы «Обзора…» совершенно справедливо отмечают, что «Важный критерий отнесения объектов промышленного изготовления к категории огнестрельного оружия – их целевое назначение (функционал, заложенный при разработке) – механическое поражение цели…». Далее авторы развивая эту вполне здравую мысль утверждают, что «Целевое назначение изделия промышленного изготовления, характеризующее его как огнестрельное оружие, определяется конструктивными признаками материальной части и предполагает, как минимум, наличие следующих основных элементов: устройства для разгона снаряда и придания ему направленного движения (ствол), для запирания канала ствола и для воспламенения метательного заряда». Казалось бы, ничего не предвещает какую-либо коллизию. Однако далее авторы сокрушённо отмечают, что «В экспертной практике встречаются модели короткоствольного сигнального, газового и дробового оружия, конструкция которых не соответствует требованиям к гражданскому и служебному оружию…». Далее приводится некий перечень таких изделий и производится констатация факта о том, что «конструктивные особенности большинства приведённых моделей оружия позволяют производить выстрелы металлическими снарядами, имеющими удельную кинетическую энергию более 0,5 Дж/мм^2». Казалось бы, всё ясно – перед нами изделие, конструктивно предназначенное и технически пригодное для механического поражения живой или иной цели, по своим тактико-техническим данным представляющее такую же повышенную опасность как соответствующие образцы аналогичного огнестрельного оружия, при этом имеющее иное назначение как оружие сигнальное или ствольное газовое. То есть, перед нами оружие комбинированного действия: огнестрельно-газовое, огнестрельно-сигнальное. Однако, вывод, сформулированный далее несколько, мягко говоря, удивляет. «Тем не менее это не даёт оснований для отнесения такого оружия к категории огнестрельного, поскольку в их функционале отсутствует заложенная производителем предназначенность для механического поражения цели…». Как же так, только-что утверждалось обратное, прямо противоположное. Какая-то не объяснимая логическая инверсия. Если авторы «Обзора…» имеют ввиду заводской паспорт или сертификат изделия, то налицо недостоверное или недобросовестное декларирование соответствия продукции[2], которое в совокупности с иными обстоятельствами в соответствии с действующим

[1] Обзор по наиболее актуальным проблемным вопросам в области исследования оружия и боеприпасов при производстве баллистических экспертиз и исследований ЭКЦ МВД России от 29.09.2021 года (исх. № 37/16528).

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 07.04.2025). Ст. 14.44.

законодательством образует состав преступления, предусмотренного статьёй 238 УК РФ «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающим требованиям безопасности» как минимум.

Ну а далее всё по накатанной – маленькая ложь рождает большую неправду. Надо же совместить не совмещаемое: «В случае если исследуемые образцы оружия не являются огнестрельными, не имеют сертификатов соответствия, но обладают отдельными признаками, свойственными огнестрельному оружию, в целях оценки органами предварительного расследования и судом степени их опасности, а также принятия решений об их изъятии из оборота на территории Российской Федерации предлагается в сопроводительном письме к заключению эксперта отражать дополнительную информацию о фактах несоответствия технических характеристик исследуемых образцов оружия Криминалистическим требованиям». Ну, во-первых, почему, собственно, в сопроводительном письме? Авторы «Обзора…», видимо, не знают, что статья 57 УПК РФ предоставляет право судебному эксперту отражать такие обстоятельства в заключении эксперта, которое в соответствии со статьёй 74 УПК РФ является источником доказательств. А вот «сопроводительное письмо» никаким процессуальным статусом не обладает и как его реализовать никому не известно. Видимо его следует приобщить к материалам уголовного дела в качестве «иного документа», упомянутого в той же статье 74 УПК РФ, а после этого допросить эксперта по этим обстоятельствам. Следственная практика пока такого алгоритма не знает. А вот, по сути, сделанных таким образом выводов в заключении судебного эксперта можно дать правовую оценку как о факте дачи заведомо ложного заключения в целях сокрытия факта преступления, связанного с незаконным оборотом огнестрельного оружия и производством товара, не отвечающего требованиям безопасности.

Таким образом, давно известный тезис о том, что «наука и практика едины» теперь под большим сомнением. В чём же причины такой деформации общественных отношений. Это ещё предстоит выяснить, а потом и поправить.

Литература

1. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза: курс общей теории. М.: Норма, 2006. 477 с.
2. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М.: Юрид. лит., 1987. 272 с.
3. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики: Частные криминалистические теории. Пособие для преподавателей, адъюнктов, соискателей и слушателей учебных заведений МВД СССР. Т. 2. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1978. 410 с.
4. Владимиров В.Ю. Теория и практика криминалистического оружиеведения. Монография / Санкт-Петербургский университет МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности; под общей

редакцией В.П. Сальникова. СПб: Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2003. 400 с.

5. Обзор по наиболее актуальным проблемным вопросам в области исследования оружия и боеприпасов при производстве баллистических экспертиз и исследований ЭКЦ МВД России от 29.09.2021 года (исх. № 37/16528).

А.В. Глотова
Судебно-экспертный центр Следственного комитета
Российской Федерации

О некоторых подходах к установлению значения в ходе проведения лингвистической экспертизы

Аннотация. Независимо от поставленной правоприменителем в рамках лингвистической экспертизы задачи, эксперт неизбежно сталкивается с необходимостью установления смысла исследуемого текста посредством, в первую очередь, лексико-семантического и семантико-синтаксического видов анализа. Главным его инструментом на этом этапе становится обращение к различным справочникам и толковым словарям.

Ключевые слова: жаргон; тематические группы слов; эмоционально-оценочная, номинативная и характерологическая функции слов.

Толковые словари, по замечанию разных ученых-лингвистов, отстают от реального положения дел на срок от 5 до 15 лет. Существующее на сегодняшний день активное использование в лексикографии различных компьютерных технологий и электронных ресурсов не позволяет значительно сократить этот срок.

Вместе с тем ситуацию осложняют, если так можно сказать, внеязыковые причины. Так, Галина Николаевна Скляревская, отмечая появление «громадного массива новой лексики» в русском языке в начале XXI века, называет в числе причин этого явления «социальные, экономические и политические перемены, стремительность которых обусловливает впечатление языковых катаклизмов». Перечисленные автором причины являются, на наш взгляд, актуальными и для настоящего времени. По замечанию Елены Васильевны Петрухиной и Ольги Викторовны Дедовой, «словообразование в славянских языках живо реагирует на изменения, происходящие в обществе, наряду с заимствованиями участвуя в номинации новых реалий».

Еще одной, на наш взгляд, внеязыковой причиной притока новой лексики на сегодняшний день является интенсификация коммуникации за счет электронных средств и наличие Интернет-коммуникации. Электронные средства коммуникации и Интернет нивелировали различия между устной и письменной речью и позволили носителям языка в полной мере реализовать свой словотворческий потенциал.

Даже такие успешные, на наш взгляд, проекты, как, например, Информационно-поисковый лексикографический ресурс «Новое в русской лексике. Словарные материалы» Института лингвистических исследований Российской академии наук, к сожалению, не успевают описать всю появляющуюся лексику.

Вместе с тем, по замечанию Ольги Владимировны Кукушкиной, толковые словари не только не могут «успеть за жизнью», но «не обязаны фиксировать все важные для эксперта аспекты значения».

И в этой ситуации, когда даже ученые-лингвисты признают существующую проблему с отражением языковой действительности в виде толкования новой лексики, эксперт-лингвист вынужден решать в кратчайшие сроки конкретные задачи по установлению важных для правоприменителя фактов, связанных с ситуацией правонарушения.

Вместе с тем современная лингвистическая наука и, в частности, лингвистическая семантика используют и предлагают методы, которые могут быть приняты на вооружение экспертом-лингвистом. Так, представителями Московской семантической школы описан такой метод работы по установлению значения слов, как корпусный анализ и лингвистический эксперимент. Важность корпусного анализа при проведении лингвистической экспертизы отмечена также в работах Ольги Владимировны Кукушкиной и Анатолия Николаевича Баранова.

При этом явным достоинством этого метода является анализ языковой единицы не в изолированном виде, а в контексте его употребления, что позволяет более точно выявить особенности ее актуальных употребления и функционирования, проанализировать языковую единицу по всем смысловым компонентам – денотативному, оценочному и иллокутивному.

В настоящее время существуют специальные лингвистические корпусы, например, всем известный НКРЯ (Национальный корпус русского языка), имеющий многофункциональную поисковую систему, разметку, большую базу данных и т.д. Однако, по замечанию Е.В. Петрухиной и О.В. Дедовой, «именно результаты интернет-поиска (то есть поиска с использованием браузеров – *прим. авторов*) дают сведения о тех тенденциях и фактах, которые только начинают появляться в речи». Стоит отметить, что эксперта-лингвиста при поиске контекстов употребления той или иной лексемы интересует качественный, а не количественный параметр употребления. Не раз было отмечено, что поиск в браузерах имеет множество недостатков в представлении информации о количестве употреблений языковой единицы, поэтому эксперт должен вручную осуществлять отбор материала, необходимый ему для проведения исследования.

Продемонстрировать пользу применения метода корпусного анализа в экспертной практике мы хотели бы на примере одной экспертизы, проведенной по материалам, содержащим признаки преступлений, предусмотренных ст. 205.2, 282 и 280.3 УК РФ, то есть признаки призыва к осуществлению террористической деятельности, пропаганды террористической деятельности, оправдания террористической деятельности, возбуждения ненависти или

вражды и дискредитации использования Вооруженных Сил Российской Федерации.

Показать алгоритм действий эксперта можно на примере анализа лексемы *кремлебот*, представленной в следующем тексте:

*«Слушай, ты, **кремлебот**, но ведь это не теракт на мосту, это подрыв военно-важного объекта, диверсия, даже не военное преступление, лол.».*

Данная номинация представляет собой сложное слово с прозрачной внутренней формой. Толкование данной лексемы отсутствует в словарях и лексикографических ресурсах. Однако входящие в состав производного слова части представляют собой самостоятельные лексемы, толкование которых содержится в толковых словарях:

Знание толкований входящих в состав анализируемого слова частей позволяет эксперту предположить его значение. Однако даже в случае, когда производная лексема состоит из частей слов, имеющих лишь одно значение, предположение эксперта нельзя считать достоверным, так как в русском языке преобладает идеографическая модель значения, а не аддитивная, то есть значение производного слова не является простой суммой значений входящих в его состав частей, а является уникальным образованием, приобретающим свои семантические особенности в результате употребления в речи. Поэтому без обращения к анализу употреблений такой лексемы эксперт не может делать вывод о ее значении.

К искомой нами лексеме *кремлебот* в НКРЯ приведен всего лишь один малоинформативный с точки зрения проводимого исследования пример употребления. Исходя из этого контекста мы можем предположить лишь наличие у искомой лексемы негативно оценочного компонента значения. Таким образом, эксперт-лингвист вынужден прибегать к другим корпусам текста, не собственно лингвистическим, созданным специалистами-филологами, а в этом плане естественным, таким как поисковые системы, например, «Google» и «Яндекс». Задача эксперта – проанализировать достаточное количество контекстов, отбраковав не соответствующие представленному ему на исследование, определить семантические свойства такой лексемы и дать в соответствии с ними вывод.

В результате анализа употреблений искомой номинации в корпусе текстов в поисковых системах «Яндекс» и «Google», примеры которых вы можете увидеть, нами было сформулировано следующее толкование:

Кремлебот. Человек или автоматизированная программа, которые через множество аккаунтов якобы реальных пользователей какой-либо социальной сети Интернета создают специальные публикации в сети Интернет, посвященные поддержке российского правительства и пропагандирующие положительное отношение к проводимой им политике среди пользователей.

Иногда значение лексемы эксперту могут подсказывать его фоновые, экстралингвистические знания. Как, например, в случае с лексемами *орки* и *Мордор*. Лексема *орки* является названием вымышленных существ из литературных произведений Дж. Р. Р. Толкина, которые характеризуются

уродливым внешним видом, жестокостью, агрессией, низким интеллектом, служат силам зла, лексема *Мордор* – наименованием страны, где обитают эти существа. Так, в следующих контекстах:

«*Путинский* ***Мордор*** *должен быть разрушен, для этого все средства хороши».*

*«****Орки*** *убирайтесь из Украины».*

Эксперт может предположить наличие метафорического переноса, используемого для выражения негативного отношения к предмету речи. Однако в исследовании выводы эксперта должны быть достаточно аргументированы и верифицированы с помощью лингвистических методов. Здесь также может быть использован метод корпусного анализа. Анализом поисковых систем «Google» и «Яндекс» установлено, что номинация *орки* используется для выражения негативного отношения к представителям ВС РФ, участвующим в СВО на территории Украины, и гражданам России вообще в контексте проведения СВО на территории Украины. Номинация *Мордор* также используется в качестве негативно оценочной для характеристики и номинации России в рамках сложившейся общественно-политической ситуации.

Метод корпусного анализа может быть применен экспертом для установления характера описанного в тексте действия как насильственного и разрушительного.

Так, например, используемый глагол *отработать* в следующем тексте, отсутствует в толковых словарях в соответствующем значении:

«Чем быстрее по этому объекту ***отработают*** *украинские дроны, тем меньше проблем будет для наступления ВСУ».*

Вместе с тем одним из источников информации о значении языковых единиц для эксперта являются различные научные статьи, в которых содержится описание актуальной, новой лексики. Несмотря на то, что в таких статьях зачастую не представлено полное семантическое представление перечисленных единиц, сам факт их систематизации и характеристики может помочь эксперту в понимании исследуемого текста и в решении поставленных перед ним задач, стать опорой для проводимого исследования.

Информацию об искомом глаголе мы нашли в статье Ирины Алексеевны Изместьевой «Язык СВО в историко-культурном контексте», вышедшей в 2024 году и содержащей большое количество актуальной лексики соответствующей сферы.

Однако глагол *отработать*, имеющий в упомянутой статье следующее толкование, может характеризовать разные действия в зависимости от субъекта и/или инструмента действия. Так как объекты, обозначенные лексемой *дроны*, являются многофункциональными, для того чтобы доказать, что словосочетание *отработают дроны,* используется для номинации именно насильственного и разрушительного действия, мы также обратились к корпусному анализу. Так, было установлено, что в текстах Интернет-СМИ выражения с глаголом *отработать*, предлогом *по* и существительными *дрон* и *дроны* в позиции субъекта или инструмента используются для обозначений ситуаций, связанных

с совершением с помощью последних разрушительных и насильственных действий в отношении какого-либо объекта.

Корпусный анализ может быть использован экспертом при установлении предмета речи оценочных номинаций.

Анализом поисковых систем Google и «Яндекс» установлено, что лексема *путлер* в следующих контекстах:

«Надо там взорвать курчатовскую АЭС, пусть ватники поймут, что такое ядерная катастрофа, и к чему их толкает ***путлер».***

Можно сказать цели т.н. "СВО" достигнуты.... ЗСУ в курске и белгороде, Воронеж под бомбардировками, мАсква на дне! вот оказывается какие цели были у ***путлера*** *когда он начинал войну против Украины... что ж, тогда я только «за» такие цели».*

Используется для обозначения В.В. Путина, образована при помощи сложения частей имени собственного *Путин* и имени собственного *Гитлер*, являющегося также пейоративной номинацией, то есть номинацией, выражающей отрицательную оценку объекта. С помощью указанной номинации личные качества и деятельность объекта номинации, то есть В.В. Путина, как представителя власти сопоставляются с личными качествами и деятельностью А. Гитлера и оцениваются адресатом негативно.

Также анализом поисковой системы Google и «Яндекс» установлено, что номинация *Пыня* и ее вариант *Пынька*, а также номинация *кремлевский карлик* и синонимичная ей номинация *кремлевский недомерок*, представленные в следующих контекстах:

«Пынька *убил Навального- ... единственного кто мог повести за собой оставшихся адекватных людей, не пропитанных насквозь ядом путинского фашизма! по сравнению с Навальным вся остальная российская оппозиция просто "карлики" ростом с* ***кремлёвского недомерка.*** *Зачем* ***кремлёвский карлик*** *тебя в пузико поцеловал???»* – используются для обозначения В.В. Путина для выражения пренебрежительного и негативного отношения к нему.

Подытоживая всё сказанное, хотелось бы отметить, что корпусный анализ, помимо установления значения языковой единицы, позволяет проанализировать и охарактеризовать тип текстов, тип дискурса, в которых функционирует та или иная лексема. Благодаря этому, например, в случае если номинация является оценочной, возможно более детальное описание обоснования негативной оценки, а также характеристик адресанта и адресата, то есть параметров коммуникативной ситуации. Так, например, в ходе проведенного исследования было установлено, что упомянутые ранее оценочные лексемы используются в рамках антироссийского общественно-политического дискурса – в текстах, выражающих негативное и враждебное отношение к гражданам России, представителям власти России, представителям ВС РФ, и негативное отношение к проведению ВС РФ СВО на территории Украины.

Литература

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика. М., 2007.
2. Петрухина Е.В., Дедова О.В. Интернет как источник лингвистической информации (для изучения динамики русского словообразования).
3. Изместьева И.А. Язык СВО в историко-культурном контексте // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2024. Т. 30, № 3. С. 159–166.
4. Лингвистическая экспертиза: Лингвистическое исследование устных и письменных текстов / Т.В. Назарова, Е.А. Гримайло, Н.Ю. Мамаев, А.П. Коршиков, А.В. Ростовская // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I. М.: ЭКЦ МВД России, 2010.
5. Лингвистическая экспертиза текстов, ограниченно пригодных для исследования: метод. рекомендации / Т.В. Назарова, Е.А. Гримайло, А.В. Громова, А.В. Ростовская, П.А. Манянин. М.: ЭКЦ МВД России, 2018.
6. Кукушкина О.В. Методы анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе.
7. Скляревская Г.Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы.

В.В. Голикова
[\]Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Качество преподавания дисциплины «Судебная бухгалтерская экспертиза»: анализ и рекомендации

Аннотация. В данной статье рассматривается состояние преподавания дисциплины «Судебная бухгалтерская экспертиза» в образовательных учреждениях. Основное внимание уделено тому, что большинство литературных источников содержат ошибки, которые могут негативно сказываться на восприятии студентами основ судебной бухгалтерской экспертизы. Обращается внимание на необходимость учета знаний в области судебной экспертологии и бухгалтерского учета, которые являются фундаментом для понимания теоретических и организационно-методических аспектов судебной бухгалтерской экспертизы.

Ключевые слова: судебная экспертиза, судебная бухгалтерская экспертиза, бухгалтерский учёт, дисциплина, судебная экспертология, высшее образование.

Судебная бухгалтерская экспертиза представляет собой важную область знания, которая объединяет бухгалтерский учет, судебную экспертологию, материальное и процессуальное право. Судебная бухгалтерская экспертиза направлена в первую очередь на исследование записей бухгалтерского учета, чтобы установить наличие или отсутствие в них искаженных данных. В последние годы наблюдается повышенный интерес к вопросам судебной бухгалтерской экспертизы как в научных кругах, так и в образовательной

деятельности. Однако, несмотря на это, существует серьезная проблема, связанная с использованием литературы, содержащей многочисленные ошибки и противоречивые данные. Это особенно важно, учитывая, что судебная бухгалтерская экспертиза требует высокой степени точности и ясности. Судебная бухгалтерская экспертиза назначается в случаях, когда необходимо провести исследование совершенных хозяйствующим субъектом хозяйственных операций, установить их документальную подтвержденность, установить правильность их отражения в бухгалтерском учете и отчетности субъекта, а также определить количественные и стоимостные показатели (или результаты) совершенных хозяйственных операций, в необходимых случаях установить механизмы искажения количественных и стоимостных показателей[1]. Однако процесс преподавания данной дисциплины нередко сталкивается с проблемами, вызванными недостаточной актуальностью и качеством литературных источников. Целями данной статьи являются выявление типичных ошибок в учебных материалах и формирование рекомендаций по их устранению, с целью улучшения качества преподавания.

Качество преподавания данной дисциплины часто подвергается критике, что может привести к формированию у студента искаженного представления о дисциплине. Литература, используемая при преподавании, на сегодняшний день в значительной степени не отвечает концептуальным основам судебной экспертологии или не учитывает последние изменения законодательства, что негативно сказывается на подготовке специалистов. Множество учебных изданий, а также имеющаяся информация в сети интернет по вопросам судебной бухгалтерской экспертизы содержит серьёзные ошибки, которые вводят студентов в заблуждение. Очень часто встречаются случаи неверной интерпретации основных теоретических понятий, уделяется недостаточное внимание к практическим аспектам судебной бухгалтерской экспертизы. При проведении практических и лабораторных занятий, подготовке студентами презентаций по темам изучения дисциплины, используется информация и литература, содержащая неверное представление о предмете, объектах, задачах, методах и главное о пределах компетенции эксперта судебной бухгалтерской экспертизы. Это приводит к тому, что студенты формируют у себя неправильные установки, что, в свою очередь, проявляется в их будущей профессиональной судебно-экспертной деятельности при производстве судебной бухгалтерской экспертизы. В результате, будущие эксперты могут опираться на ошибочную информацию, что делает их работу менее качественной и может привести к типичным ошибкам при производстве судебной бухгалтерской экспертизы и судебных экономических экспертиз в целом.

Приведем пример, так автор Калимуллин Д.М. под предметом судебно-бухгалтерской экспертизы понимает выявление и исследование фактов

[1] Голикова В.В. Предмет, объекты и задачи судебной бухгалтерской экспертизы // Вестник криминалистики. Изд. Центра судебных экспертиз Государственного социально-гуманитарного университета «ФАКТ» (Коломна). № 2 (66), 2018. С. 29–36.

необъективного и недостоверного отражения в системе бухгалтерского учета и отчетности хозяйственных операций. Чтобы отразить главное свойство в предмете, необходимо исследовать совокупность однотипных объектов, определить их свойство относительно цели экспертизы[1]. Данное определение сформулировано в основном с экономической точки зрения, а также содержит такие понятия как «необъективность» «недостоверность», «исследование фактов недостоверного отражения», заранее предопределяющие ведение бухгалтерского учёта в организации с нарушениями. Эксперт при производстве судебной экспертизы не в праве отвечать на вопросы о недостоверности отраженных сведений в бухгалтерском учёте. Вопросы, относящиеся к компетенции эксперта, например могут быть поставлены на предмет правильности и полноты отражения хозяйственных операций в бухгалтерском учёте в рамках типичной задачи. На сегодняшний день в Приказе Минфина России от 04.10.2023 № 157н «Об утверждении Федерального стандарта бухгалтерского учета ФСБУ 4/2023 «Бухгалтерская (финансовая) отчетность»[2] содержаться условия достоверности бухгалтерской отчетности. Достоверное представление о финансовом положении экономического субъекта на отчетную дату, финансовом результате его деятельности и движении денежных средств за отчетный период, необходимое пользователям этой отчетности для принятия экономических решений. Бухгалтерская (финансовая) отчетность должна составляться на основе данных, содержащихся в регистрах бухгалтерского учета, а также информации, определенной федеральными и отраслевыми стандартами. Исходя из этого усматривается, что определение условий достоверности не относится к компетенции эксперта судебной бухгалтерской экспертизы, так как подразумевает проведение исследования всех операций с активами и обязательствами организации, что не позволяет определить типичную задачу судебной бухгалтерской экспертизы, но позволяет отнести решение данного вопроса к ревизионному, то есть не относящегося к компетенции эксперта. В этой связи к определению предмета судебной бухгалтерской экспертизы нельзя подходить поверхностно, так как он является фундаментом, необходимым для развития теоретических и методологических основ судебной бухгалтерской экспертизы.

Представляется, что предметом судебной бухгалтерской экспертизы являются обстоятельства дела, исследуемые и устанавливаемые в судопроизводстве с помощью сочетания специальных знаний в области бухгалтерского учета и норм различных отраслей законодательства, на основе исследования закономерностей финансово-хозяйственных операций о состоянии имущества и обязательств

[1] Калимуллин Д.М. Судебно-бухгалтерская экспертиза // Новая наука как результат инновационного развития общества. Сб. статей Международной научно-практической конференции, 22 апреля 2017 г., г. Сургут. Сургут, 2017. С. 154.

[2] Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «О бухгалтерском учете». Приказ Минфина России от 04.10.2023 N 157н «Об утверждении Федерального стандарта бухгалтерского учета ФСБУ 4/2023 «Бухгалтерская (финансовая) отчетность» (Зарегистрировано в Минюсте России 21.03.2024 N 77591).

организации и соответствия их правильности отражения и документального оформления требованиям, предъявляемым к бухгалтерскому учету нормативно-правовыми актами.

Важно отметить, что многие литературные источники, посвященные судебной бухгалтерской экспертизе, не учитывают фундаментальные знания в области судебной экспертологии. Усматривается недостаток знаний в области судебной экспертологии, на которой должны основываться основные положения судебной бухгалтерской экспертизы. Главной особенностью является недостаточный уровень подготовки ряда авторов, которые занимаются подготовкой учебной литературы по судебной бухгалтерской экспертизе. Многие из них либо не обладают надлежащими экономическими знаниями, либо не имеют достаточных знаний в области судебной экспертологии. Это приводит к распространению недостоверной информации и создает почву для путаницы среди практикующих судебных экспертов и студентов. Авторов, рассматривающих теоретические основы судебной бухгалтерской экспертизы и класс судебной экономической экспертизы в целом можно разделить на две группы: одни авторы относятся к категории экономистов, другие к категории процессуалистов. Поэтому основные понятия судебной бухгалтерской экспертизы сформулированы разными авторами либо только с экономической точки зрения, либо с процессуальной, без учёта знаний в области судебной экспертологии[1]. Таким образом, определения данные разными авторами, расходятся только в деталях и хорошо корреспондируются между собой. Преподавание указанной дисциплины должно сопровождаться применением специальных знаний не только в области бухгалтерского учёта, но и судебной экспертологии, то есть комплекса специальных знаний необходимых в том числе и для подготовки учебной литературы, а также для освоения дисциплины «Судебная бухгалтерская экспертиза». Эти два направления (бухгалтерский учёт и судебная экспертология) находятся в тесной взаимосвязи и являются неотделимыми частями комплекса специальных знаний необходимых при преподавании рассматриваемой дисциплины. Например, реализация программы специалитета по направлению «Экономические экспертизы» в том числе при преподавании дисциплины «Судебная бухгалтерская экспертиза» должна обеспечиваться педагогическим работником, квалификация которого отвечает квалификационным требованиям, указанным в квалификационных справочниках и (или) профессиональных стандартах, а именно имеющего высшее экономическое образование и судебно-экспертное образование (специальность «Судебная экспертиза»). Указанный уровень профессиональной подготовки обязателен для разработки учебной литературы и преподавания дисциплины, для реализации которой необходимо применение и использование комплекса специальных знаний.

Для повышения качества преподавания дисциплины «Судебная бухгалтерская экспертиза» необходимо пересмотреть используемую литературу, включать в

[1] Голикова В.В. Судебная налоговая экспертиза. Учебник. М.: Проспект, 2025. 208 с.

рабочие программы учебных дисциплин современные исследования и результаты практической деятельности в виде кейс-заданий. Также важно наладить сотрудничество между преподавателями и практикующими экспертами для формирования комплексного подхода к обучению и повышению уровня подготовки студентов. Для повышения качества преподавания дисциплины усматривается и проведение студенческих кружков и семинаров, где студенты смогут анализировать и оценивать информацию из литературных источников. Качество преподавания дисциплины «Судебная бухгалтерская экспертиза» во многом зависит от актуальности и точности учебных материалов. Важно, чтобы студенты получали не только теоретические знания, но и умения воспринимать информацию, что невозможно без учета основ судебной экспертологии. Целостный и интегрированный подход к данной дисциплине позволит подготовить компетентных специалистов, способных качественно выполнять задачи в области судебной бухгалтерской экспертизы.

В заключение, необходимо подчеркнуть важность тщательного отбора литературы, используемой в образовательной деятельности, и необходимость повышения квалификации авторов, занимающихся исследованиями и подготовкой учебной литературы в области судебной бухгалтерской экспертизы.

Литература

1. Голикова В.В. Предмет, объекты и задачи судебной бухгалтерской экспертизы // Вестник криминалистики. Изд. Центра судебных экспертиз Государственного социально-гуманитарного университета «ФАКТ» (Коломна). № 2 (66), 2018. С. 29–36.

2. Голикова В.В. Судебная налоговая экспертиза. Учебник. М.: Проспект, 2025. 208 с.

3. Калимуллин Д.М., Мусорина А.А. Судебно-бухгалтерская экспертиза // Новая наука как результат инновационного развития общества: сб. статей Международной научно-практической конференции в 17 частях, 22 апреля 2017 г., г. Сургут. Часть 1. Сургут, 2017. С. 154–155.

Е.С. Головлева[1]
Научный руководитель: **Е.В. Иванова**[2]
[1,2] Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева

Предмет, объект и задачи судебной лингвистической экспертизы по делам, связанным с реабилитацией нацизма

Аннотация. В представленной статье подробно анализируются предмет, объект и задачи судебной лингвистической экспертизы по делам, связанным с реабилитацией нацизма. Автор приводит примеры типовых вопросов, ставящихся перед судебными экспертами. Статья подчёркивает важность компетентного лингвистического анализа для обеспечения объективности и правовой обоснованности судебных решений.

Ключевые слова: лингвистика, судебная лингвистическая экспертиза, реабилитация нацизма, диффамационные материалы.

Реабилитация нацизма представляет собой одну из наиболее серьезных угроз для общества, поскольку она подрывает основы правопорядка, мира и безопасности человечества, нарушает принципы международного права и приводит к росту экстремистских настроений, особенно среди молодежи. В условиях глобализации и развития информационных технологий распространение идеологии, оправдывающей преступления нацистов, становится все более масштабным и опасным явлением. В связи с этим защита исторической памяти и борьба с попытками оправдания преступлений нацистского режима являются важными задачами государства, в том числе и Следственного комитета Российской Федерации.

Анализ[1] статистических данных показывает, что количество зарегистрированных преступлений, связанных с реабилитацией нацизма, в последние годы имеет тенденцию к увеличению. В докладе бывшего генерального прокурора РФ Игоря Краснова Совету Федерации сказано, что число преступлений, связанных с реабилитацией нацизма, заметно увеличивается. Так, например, в 2020 году было зарегистрировано 40 подобных случаев, а за 2021 и 2022 годы суммарно в России вынесли 77 обвинительных приговоров по статье 354.1 УК РФ. За один только 2021 год было вынесено 35 обвинительных приговоров, а за 2022 год осужденных было уже 42, что следует из статистики Судебного департамента при Верховном суде[2] и указывает нам на ежегодный прирост числа преступлений данной направленности. Это свидетельствует о необходимости усиления контроля над распространением экстремистских идей и улучшения методов их выявления и пресечения.

Наиболее часто суды наказывают за отрицание фактов, установленных в Нюрнбергском процессе, или за распространение ложной информации о ветеранах или действиях СССР во времена Второй мировой войны. В 2022 году произошел всплеск числа приговоров за оскорбление ветеранов и символов воинской славы с применением информационных технологий: по этому пункту статьи 354.1 УК РФ осудили 15 человек.

Сложно переоценить важность противодействия и предупреждения преступлений против мира и безопасности человечества. Во-первых, в условиях информационной войны и повышенного риска дезинформации защита исторической правды принимает ключевое значение. Исторический ревизионизм в контексте итогов Второй мировой войны угрожает основам национальной и международной безопасности, подрывает значение победы советского народа над фашизмом. Более того, пропаганда ложных сведений

[1] Власов Н.А. К вопросу о совершенствовании статьи 354.1 «реабилитация нацизма» Уголовного кодекса Российской Федерации // Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. С. 154–159.

[2] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации URL: www.vsrf.ru (дата обращения: 10.11.2024).

и героизация сторонников нацизма ведут к искажению сознания молодёжи и общества в целом. Во-вторых, не стоит забывать о том, что нацизм является экстремистской идеологией, распространению которой необходимо противостоять. Попытки реабилитировать нацизм напрямую связаны с возрождением нацистских, культивированием в обществе неонацистских и экстремистских идей, что несёт угрозу межнациональной и общественной стабильности. В-третьих, перед Российской Федерацией стоит важнейшая задача – сохранение памяти о подвиге советских солдат. Оскорбление памяти защитников Отечества и осквернение символов воинской славы является не только юридически наказуемым деянием, но и нравственным преступлением против исторической памяти. Напоследок отметим международные обязательства России как правопреемника СССР, несущего моральную и политическую ответственность за недопущение возрождения нацизма, соблюдая принципы, закреплённые приговором Нюрнбергского трибунала.

Известно, что одним из объективных способов установления обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ), в рамках рассмотрения сообщения о преступлении либо в ходе предварительного расследования по уголовному делу является назначение и производство судебной экспертизы[1].

Судебная лингвистическая экспертиза – это процессуально регламентированное лингвистическое исследование устного и (или) письменного текста, завершающееся дачей заключения по вопросам, разрешение которых требует применения специальных познаний в языкознании и судебном речеведении.

Объектами лингвистической экспертизы являются продукты устной и письменной речи (высказывания, тексты).

На исследование эксперту-лингвисту представляются следующие материалы:

– материалы уголовного дела (проверки) – объяснения, протоколы допросов, протокол осмотр места происшествия;

– произведения устной или письменной речи, зафиксированные на материальном носителе (протокол судебного заседания);

– фонограммы, видео- и аудиозаписи (с расшифровкой на бумажном носителе);

– письменные тексты (статьи, посты в интернете, комментарии);

– устные высказывания (записи речей, интервью, видеоролики);

– символика и изображения, сопровождающиеся языковыми средствами (подписи, лозунги), также именуемые как поликодовые или же креолизованные тексты.

Предметом судебной лингвистической экспертизы является установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством

[1] Методические рекомендации по порядку назначения и производства судебных экспертиз в рамках доследственных проверок и расследования преступлений, подследственных федеральной службе судебных приставов от 15 сентября 2014 г. № 0004/22.

разрешения вопросов, требующих специальных познаний в области лингвистики[1]. В этом смысле судебная лингвистическая экспертиза является одной из главных форм использования возможностей современного языкознания при отправлении правосудия[2].

В контексте дел о реабилитации нацизма мы говорим об анализе текстов (публикаций, высказываний, комментариев и т. д.) на предмет наличия в них признаков:

- отрицания фактов, установленных приговором Международного военного трибунала в Нюрнберге;
- одобрения преступлений, установленных Нюрнбергским трибуналом;
- распространения заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны;
- оскорбления памяти защитников Отечества;
- публичного осквернения символов воинской славы России.

Результаты судебной лингвистической экспертизы имеют решающее доказательственное значение при производстве предварительного расследования уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 354.1 УК РФ.

Целью лингвистической судебной экспертизы по делам, связанным с реабилитацией нацизма, является определение смыслового содержания продукта речевой деятельности.

Конкретные задачи такого вида судебной экспертизы зависят от характера конкретного расследуемого дела. Так, например, можно выделить следующие задачи:

Установление смыслового содержания текста. При этом важно отметить, что эксперт-лингвист не отвечает на вопрос «*является ли высказывание «х» реабилитирующим нацизм?*», т.к. такой вопрос подразумевает правовую квалификацию деяния и выходит за пределы компетенций эксперта-лингвиста. На вопрос *«имеет ли место в высказывании «х» искажение исторических фактов?»* эксперт-лингвист также не отвечает, т.к. подобные вопросы также не входят в пределы специальных знаний эксперта-лингвиста, в таких ситуациях необходимо привлекать человека, обладающего специальными познаниями в области истории (как специалиста, так и эксперта).

Определение формы высказывания – является ли оно утверждением о фактах и событиях, оценочным суждением, выражением мнения. Зачастую вопрос, поставленный на разрешение эксперту-лингвисту, касающийся определения формы высказывания, звучит следующим образом: «*Имеются ли в тексте видеозаписи/аудиозаписи/и т.п. «х», размещенной по электронному адресу: https://www.xxx.ru/ на персональной странице «х» (https://www.xxx.ru/)*

[1] Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

[2] Кусов Г.В. Судебная лингвистическая экспертиза «оскорбления»: решение проблемы «неприличная форма» // Российский судья. 2013, № 5. С. 43–48.

информационного Интернет-ресурса «х», высказывания, содержащие негативную оценку какой-либо группы лиц? Если да, то в какой форме представлены данные высказывания?»[1].

Анализ лексических, грамматических, стилистических средств, способствующих формированию определённого смысла. В арсенале эксперта-лингвиста для решения задач установления смыслового содержания языковых средств имеется целый ряд методов:

– аудитивный перцептивный анализ (исследование голоса и речи участников разговоров, интонационного оформления высказываний, тона и манеры речи)[2];

– метод авторизации текста (атрибуция высказываний в устных текстах, содержащих исследуемый семантический компонент значения, по принадлежности говорящему);

– лексико-семантический и семантико-синтаксический анализ (определение значения слов, словосочетаний, предложений в контексте высказывания и сверхфразового единства);

– грамматический анализ предложений, входящих в семантико-синтаксическую структуру высказывания (выявление грамматического значения на морфологическом и синтаксическом уровнях);

– логико-грамматический анализ, или анализ пропозиций (определение логической основы семантической структуры предложения (предикат с набором актантов);

– анализ пресуппозиций (определение общего компонента знаний для говорящего и слушающего);

– компонентный анализ слова (определение семного состава слова);

– концептуальный анализ (интерпретация смысла текста, определение вербальных представителей ключевого понятия);

– анализ структурной организации текста (выявление и описание структурных единиц текста, их границ и способов оформления, характеристика цельности текста);

– дефиниционный анализ (изучение словарных определений исследуемых языковых единиц);

– функционально-прагматический анализ (характеристика иллокутивной функции высказывания и определение типа речевого акта).

– определение направленности высказывания (пропагандистский, провокационный, оправдательный характер, а также выявление обоснования необходимости и обоснования допустимости того или иного действия);

Об обосновании необходимости мы говорим в том случае, когда речь идет о действиях, которые еще не были совершены, но автор сообщает о необходимости эти действия совершить (сейчас или в будущем). В тексте содержится объяснение или аргументация того, почему определенное действие является необходимым, почему без него нельзя обойтись. Акцент на причинно-

[1] Архив СЭЦ СК России.

[2] Имеет место в фоноскопических исследованиях.

следственных связях – причинная конструкция, указывающая на то, что без действия «х» невозможен, с точки зрения автора, какой-то положительный исход или, например, предотвращение вреда. В контексте обоснования необходимости часто встречаются слова и выражения, указывающие на обязательность и неизбежность: *нужно, без этого невозможно, обязательно, требуется, необходимо, иначе* и др.

Если же те или иные действия уже были совершены, и автор тем или иным образом выражает модальность допустимости – речь идет об обосновании допустимости. Основным различием является темпоральный аспект – было ли действие совершено в прошлом. Например, *«если бы не идеи нацистов, то весь мир сейчас заполонили бы черномазые»* – автор использует конструкцию «*если бы не…, то…*», тем самым обосновывая допустимость нацистских идей[1]. Мы это понимаем, т. к. автор противопоставляет два элемента: *нацистские идеи* и *заполнение мира черномазыми*. Из семантики лексемы *черномазые* мы понимаем, что наступление упомянутого последствия является, с точки зрения автора, нежелательным, негативным, но этого удалось избежать благодаря идеям нацистов.

Установление признаков принадлежности продукта речевой деятельности к материалам экстремистской направленности. Следует оговориться о том, что конечное признание текста экстремистским является задачей следователя, а не эксперта, т.к. здесь мы снова сталкиваемся с правовой квалификацией деяния и выходом за пределы компетенций эксперта-лингвиста.

В ходе производства лингвистической экспертизы по делам, связанным реабилитацией нацизма, на разрешение эксперту могут быть разрешены следующие вопросы:

Содержится ли в представленных на исследовании публикациях Иванова И.И. в социальной сети «ВКонтакте» негативная информация о деятельности СССР в период Второй мировой войны? В какой форме выражена данная информация?

Какие факты, относящиеся к деятельности СССР в период Второй мировой войны, отрицаются, признаются в качестве не имевших место в действительности?

Содержатся ли в представленных на исследование публикациях Иванова И.И. негативная информация о днях воинской славы и памятных датах России? В какой форме выражена данная информация?

Формируется ли в представленных публикациях Иванова И.И. негативный образ о днях воинской славы и памятных датах России?

Подвергаются ли осмеянию (осквернению) в представленных материалах символ воинской славы России – Георгиевская лента?

Формируется ли в представленных материалах негативный образ символов воинской славы России[2]?

[1] Архив СЭЦ СК России.
[2] Архив СЭЦ СК России.

Список вопросов является примерным и не исчерпывающим. При необходимости он может дополнительно формироваться после предварительных консультаций с экспертом.

В заключение скажем, что судебная лингвистическая экспертиза в настоящее время играет ключевую роль в расследовании преступлений, предусмотренных статьёй 354.1 УК РФ, так как именно язык и продукты речевой деятельности становятся инструментом реабилитации нацизма. В условиях цифровизации и развития информационных технологий крайне важно своевременно выявлять такие преступления и привлекать к ответственности виновных, защищая историческую правду, память о подвиге наших предков и основы конституционного порядка.

Литература

1. Власов, Н.А. К вопросу о совершенствовании статьи 354.1 «реабилитация нацизма» Уголовного кодекса Российской Федерации. СПб, 2020. С. 154–159.

2. Кусов Г.В. Судебная лингвистическая экспертиза «оскорбления»: решение проблемы «неприличная форма» // Российский судья. 2013, № 5. С. 43–48.

3. Методические рекомендации по порядку назначения и производства судебных экспертиз в рамках доследственных проверок и расследования преступлений, подследственных федеральной службе судебных приставов от 15 сентября 2014 г. № 0004/22.

Н.Н. Горач
Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

К вопросу использования специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов

Аннотация. В данной статье рассмотрены проблемы, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, которые остаются достаточно серьезными и актуальными с учетом приведенных в материалах статистических данных. В современном мире, с каждым годом, появляется все больше новых видов наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, имеющих разные как внешние, так и внутренние признаки. В ходе планирования и производства следственных действий при расследовании указанных преступлений, следователь неизбежно сталкивается с необходимостью использования специальных знаний в сфере химии, биологии, фармакологии, а с учетом современных способов их совершения и обладающими сведущими знаниями в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. В содержании рассмотрены некоторые вопросы использования специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с

незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, некоторые вопросы взаимодействия следователя со специалистом.

Ключевые слова: предварительное расследование, следователь, специалист, взаимодействие, специальные знания, следственные действия, незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

В настоящее время проблема, связанная с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, остается достаточно серьезной и актуальной. В современном мире, с каждым годом, появляется все больше новых видов наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, имеющих разные как внешние (цвет, консистенцию, запах), так и внутренние признаки (качество, вес).

Анализ краткой характеристики состояния преступности в Российской Федерации по данным МВД России за январь-декабрь 2024 года свидетельствует о том, что в отчетном периоде было выявлено 198,0 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 3,7% больше, чем за аналогичный период прошлого года. При этом следует отметить, что из общего объема сотрудниками органов внутренних дел было выявлено 191,8 тыс. преступлений (+3,3%). По сравнению с январем-декабрем 2023 года на 7,0% увеличилось число выявленных преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Также увеличился их удельных вес в числе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, с 66,1% в январе-декабре 2023 года до 68,2%.

Отдельно следует отметить, что за отчетный период 94,6 тыс. (+16,1%) указанных преступлений, совершенных с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств были совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации[1].

За январь-август 2025 года количество выявленных преступлений, совершенных с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации составило уже 81,2 тыс. (+43,1%)[2].

В ходе планирования и производства следственных действий при расследовании преступлений связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ, следователь неизбежно сталкивается с необходимостью использования специальных знаний в сфере химии, биологии, фармакологии, а с учетом современных способов их совершения и обладающими сведущими знаниями в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. Следует отметить, что в ходе организации своей деятельности следователь сталкивается с необходимостью изучения

[1] Информация получена с сайта https://мвд.рф/reports/item/60248328/
[2] Информация получена с сайта https://мвд.рф/reports/item/70644759/

возможностей комплекса оборудования, в том числе технико-криминалистического, используемого для обеспечения процесса предварительного расследования преступлений.

Успех и качество производства следственных действий в ходе процессуальной проверки в порядке ст. ст. 144–145 УПК РФ, а также на первоначальном и последующем этапах расследования зависит от умения организационно правильно выстроить взаимодействие с необходимыми специалистами на всех этапах.

Выделим некоторые типичные особенности использования специальных знаний в ходе досудебного производства по уголовным делам:

– на стадии возбуждения уголовного дела (привлечение специалистов для участия в производстве неотложных следственных действий (например, участие в производстве осмотра места происшествия), производство экспертиз);

– на первоначальном этапе расследования (привлечение специалистов для участия в производстве комплекса следственных действий с учетом складывающейся следственной ситуации (например, участие в производстве допроса, обыска, выемки, осмотра));

– на последующем этапе расследования (например, производство экспертиз).

Опять же необходимо учитывать, что объем и перечень проводимых следственных действий, а соответственно и необходимость применения в ходе их производства специальных знаний, как правило, определяется складывающейся по конкретному уголовному делу следственной ситуацией.

В ходе анализа правоприменительной практики деятельности органов предварительного расследования, было установлено, что с большим значением использования специальных знаний и привлечением соответствующих специалистов следователь сталкивается в ходе производства осмотра места происшествия, поскольку данное следственное действие, как правило, производится одним из первых и позволяет получить основной объем доказательственной информации о произошедшем событии. Таким образом, участие специалиста в этом неотложном следственном действии сложно переоценить[1]. В ходе осмотра места происшествия привлекаемый специалист оказывает помощь следователю в определении границ осмотра, исследовании произошедшей ситуации, в выделении из множества обнаруженных предметов и следов именно тех, которые имеют непосредственное отношение к событию преступления, в выборе технико-криминалистических средств, необходимых для обнаружения, фиксации, изъятия и упаковки обнаруженных следов и объектов.

Участие специалиста в ходе осмотра места происшествия или производства на первоначальном этапе расследования по уголовному делу обыска, может оказать

[1] Мельников Е.Б. Некоторые аспекты участия специалиста при осмотре подпольных лабораторий по производству наркотических средств и психотропных веществ // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXII международной научно-практической конференции: в 2-х частях / Ответственный редактор Н.Н. Цуканов; Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации. Красноярск, 2019. С. 103–104.

содействие следователю в понимании на какие вещества и предметы следует обратить внимание, что именно они из себя представляют, из чего и при помощи чего они изготавливались, укажет на различное оборудование, сырьевые компоненты, реактивы, технологические записи, документацию о приобретении реактивов, веществ, прекурсоров, рецепты изготовления и производства наркотических средств и психотропных веществ, специальную химическую литературу, весы и упаковку для расфасовки и другие специфические следы материального мира с которыми следователь сталкивается в ходе производства указанных следственных действий.

Отдельного внимание заслуживает следовая картина, возникшая в связи с применением информационно-телекоммуникационных технологий, при помощи которых в последнее время активно совершаются преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ. Признаки и классификация цифровых следов достаточно разработаны в научных трудах и публикациях. Например, с точки зрения формы представления большинство цифровых следов – это текстовая информация, однако в следственно-судебной практике встречаются случаи использования следов в графической или звуковой форме[1].

С учетом большого массива накопленной информации о цифровых следах, многообразия их отличительных признаков и особенностей, требующих наличие специальных знаний и умений по работе с ними, следователь сталкивается с необходимостью привлечения лиц, обладающих соответствующими знаниями и навыками к производству следственных действий.

В ходе реализации взаимодействия специалист оказывает помощь следователю в описании мест обнаружения следов, предметов и веществ и их индивидуальных признаках. На практике, встречаются случаи, когда наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги описываются и изымаются без участия специалиста, это может привести к возникновению вопросов, связанных с некорректным описанием вещества или объектов указанных в протоколах следственных действий с последующим заключением эксперта. Например, следователь в ходе осмотра вещества указывают цвет, который в последующем не совпадает с цветом, указанным экспертом в справке об исследовании. На практике, это объясняется тем, что цветовосприятие у каждого человека разное. Более того, на него оказывают влияние внешние факторы: условия освещения, «эффекты зрительного контраста», внешние раздражители и другие. В случае необходимости, для ликвидации сомнений в неправильности понимания причины расхождения, специалиста допрашивают по данному факту следователи или вызывают в суд по ходатайству адвокатов.

Многие эксперты, проводя экспертизу, выходят из положения, используя в справке об исследовании или заключении эксперта формулировку «...цвет

[1] Кушнарев А.С. Вопросы Российской юстиции. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, 2024. С. 338–351.

вещества в условиях естественного (искусственного) освещения воспринимается экспертом как…». На практике, как правило, данный факт не влияет на исход дела, но некоторые адвокаты используют его как лишнюю зацепку, чтобы при необходимости затянуть процесс расследования.

Участвующий при проведении следственных действий специалист может оказать помощь следователю в проведении квалифицированного отбора объектов, имеющих непосредственное отношение к расследуемому событию, а также сориентировать следователя в ходе отработки следственных версий, так сказать, содействовать в направлении расследования. Выезжая на место происшествия, не обращаясь за советом к специалисту, с одной стороны, следователь может изъять много лишних объектов, которые, по его мнению, имеют важное значение для дела, по принципу «на всякий случай» и тем самым усложняет себе работу, либо вынужден в последующем их передавать на экспертизу создавая последнему дополнительный зачастую неоправданный объем работы, что естественно влечет за собой негативные последствия в виде увеличения сроков проведения экспертиз, следствия, отвлечения ресурсов экспертных подразделений.

С другой стороны, в случаях, когда следователь изымает недостаточное количество предметов, средств и веществ, для проведения экспертизы, это может повлечь за собой необходимость проведения повторных осмотров, во время которых часть следов преступления уже будет утрачена. Таким образом, становится очевидно, что своевременное вовлечение специалиста в производство следственных действий по указанной категории уголовных дел имеет большое значение для качественного выявления, фиксации и изъятии следов преступлений.

Следственно-судебная практика свидетельствует, что например в ходе производства таких следственных действий как осмотр места происшествия, обыск в случаях выявления подпольных лабораторий по производству наркотиков присутствие специалиста строго обязательно, так как это диктуется соображением безопасности, ведь среди изымаемых объектов могут присутствовать агрессивные жидкости, ядовитые вещества, высококонцентрированные химические соединения опасные для жизни и здоровья участвующих в ходе следственного действия лиц.

Специалист как перед, так и в ходе осмотра места происшествия, обыска может дать рекомендации по защите кожи и органов дыхания, так как при производстве данных следственных действий могут быть обнаружены реагенты, обладающие опасными свойствами для организма человека, например, токсичными, едкими, пожаро- и взрывоопасным. Так, 2-бром-1-(4-метилфенил) пропан-1-он (синонимы: бромкетон-4, ВК-4), используемый при изготовлении наркотического средства мефедрон, является лакриматором, т.е. веществом,

раздражающим слизистые оболочки глаз и вызывающим неконтролируемое слезотечение[1].

После завершения следственного действия специалист оказывает помощь следователю в оценке его результатов, в построении версий, в определении необходимости производства других следственных действий, в решении вопроса об использовании вещественных доказательств.

Самым востребованным и незаменимым видом использования специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов является заключение эксперта, которое позволяет следователю разобраться с чем он имеет дело и при наличии достаточных данных, указывающих на признаки состава преступления принять процессуальное решение о возбуждении уголовного дела. Заключение эксперта относится к одному из основных доказательств по делам рассматриваемой категории. Следователь выносит постановление о назначении экспертизы, которое с исследуемыми объектами доставляется в экспертно-криминалистическое подразделение. На практике иногда возникают дополнительные трудности в связи с тем, что осмотр места происшествия, в ходе которого происходит выявление, фиксация и изъятия следов осуществляет следователь, находящийся в дежурной смене, а последующие экспертизы назначает другой, которому материалы дела переданы для организации дальнейшего расследования. Незнание всех обстоятельств, выявленных на месте происшествия может повлечь за собой к некорректной постановке на экспертизу вопросов и последующему использованию полученных результатов в процессе доказывания.

С учетом изложенного отдельного внимания заслуживает проблема соблюдения порядка и последовательности назначения соответствующих экспертиз. Следователю необходимо понимать, что при производстве одной экспертизы могут быть повреждены или уничтожены следы, пригодные для производства другой экспертизы. Или, наоборот, на экспертизу сразу предоставляются все объекты, а из-за большого объема их не успевают исследовать и со временем они приходят в негодность, что приводит к невозможности проведения последующих экспертиз. Помощь специалиста в назначении экспертиз необходима для консультации следователя в круге современных экспертных возможностей и решаемых с помощью экспертизы задач, в последовательности назначения экспертиз, для формулирования поставленных вопросов, а также в подготовке объектов для экспертного исследования с учетом их специфических индивидуальных особенностей. Если

[1] Карпенко Ю.А., Балабаев И.А. Участие специалиста-химика при проведении обыска подпольных химических лабораторий по изготовлению и производству наркотических средств и психотропных веществ // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. Материалы XXII международной научно-практической конференции: в 2 частях. Часть 2. Ответственный редактор Н.Н. Цуканов. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2019. С. 100–102.

следователь будет комплексно подходить к сохранению следов и назначению экспертиз, то в дальнейшем он получит максимум доказательственной информации, которая может способствовать более полному, всестороннему и качественному изучению всех обстоятельств дела, что, в свою очередь, влияет на результат его расследования. Анализ следственной и судебной практики по расследованию данной категории дел показал, что наиболее востребованными экспертизами, связанными с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ являются: химическая, судебно-медицинская, судебно-психиатрическая, ботаническая. Перечень указанных экспертиз может быть дополнительно дополнен с учетом, например способов совершения указанных преступлений.

Таким образом, можно резюмировать, что использование следователем специальных знаний необходимо на протяжении всего процесса расследования уголовных дел. Участие специалиста незаменимо не только для правильного, всестороннего и объективного расследования по делу, обнаружения, фиксации и изъятии предметов, веществ и следов, проведения экспертиз, но и в ряде случаев для безопасности всех участников следственных действий.

Литература

1. Карпенко Ю.А., Балабаев И.А. Участие специалиста-химика при проведении обыска подпольных химических лабораторий по изготовлению и производству наркотических средств и психотропных веществ // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. Материалы XXII международной научно-практической конференции: в 2 частях. Часть 2 / Ответственный редактор Н.Н. Цуканов. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2019. С. 100–102.

2. Кушнарев А.С. Вопросы Российской юстиции. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, 2024. С. 338–351.

3. Мельников Е.Б. Некоторые аспекты участия специалиста при осмотре подпольных лабораторий по производству наркотических средств и психотропных веществ // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXII международной научно-практической конференции: в 2-х частях. Часть 2 / Ответственный редактор Н.Н Цуканов. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России. 2019. С. 103–104.

К.Е. Демин
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя

О некоторых инновационных подходах в тактике осмотра места происшествия по делам, сопряженным с использованием компьютерных средств и технологий

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы собирания доказательств с электронных носителей информации. Приводятся основные тактические приемы получения криминалистически значимой информации с указанных носителях, устанавливается их классификация в соответствии с решаемыми следственными задачами.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационная система; накопители на жёстких магнитных дисках; компьютерные преступления; компьютерно-электронные средства, радиоэлектронное устройство; судебная компьютерно-техническая экспертиза; электронный документ.

Осмотр места происшествия (ОМП) по делам, сопряженным с использованием компьютерных средств технологий, как и в любых иных случаях относится к неотложным следственным действиям, состоящем в «… непосредственном восприятии, исследовании и фиксации объектов материальной обстановки, предметов и документов в целях обнаружения следов преступления, вещественных доказательств, выяснения обстановки происшествия и других обстоятельств, имеющих отношение к происшедшему событию»[1]. Принимая во внимание специфику следовой картины рассматриваемого вида преступлений, необходимо указать на то, что следы отображаются на «нетрадиционных» с точки зрения классической криминалистики носителях и не в «традиционном» виде, в них находит свое отражение «виртуальность» их существования в виде электронного сигнала. Так, для накопителя на жёстких магнитных дисках (НЖМД) или сменного носителя информации, например, USB-флеш накопителя, они характеризуются в организации файловой системы, объеме занятой ими памяти, электронной структуры, частными характеристиками электронных носителей данных (ЭНД) и электронных документов (ЭД) на нем и т.д. Все указанные особенности должны отражаться в процессуальных документах (протокол ОМП). На наш взгляд, именно такая форма должна отражаться и учитываться при организации и процессуальном закреплении информации, содержащейся в электронной форме.

В ходе проведения осмотра компьютерно-электронных средств (КЭС) основными объектами интереса следователя должны являться компьютерное или радиоэлектронное оборудование, ЭНД, в которых находятся ЭД. При этом непосредственно необходимо осмотреть и исследовать файлы, папки,

[1] Криминалистика: Учебник / Отв. ред. Н.П. Яблоков. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2005. С. 429.

распечатки рядов IP-адресов, данные КЭШ-памяти системного блока и т.д. В процессе осмотра КЭС следователь, специалист, оперативный работник должны выявить следы, которые потенциально станут объектами компьютерной или традиционной экспертизы. Например, проведение осмотра системного блока, с последующей фиксацией в протоколе фиксируется содержание жесткого, и с фиксацией выявленной информации. Вместе с тем, на ЭКС могут быть выявлены также традиционные следы, в том числе микроследы, микрочастицы, следы рук и т.д., что позволит доказать при необходимости факт нахождения оборудования у конкретного лица.

Необходимо учитывать, что изменение или удаление информации на электронных носителях может быть осуществлено злоумышленником быстро и незаметно, что создает дополнительные трудности для следствия. Поэтому оперативность проведения ОМП, а также правильное определение круга лиц, обладающих специальными знаниями (специалисты в области компьютерной криминалистики), являются критически важными факторами успешного раскрытия преступления. Привлечение таких специалистов позволяет не только эффективно обнаружить и зафиксировать электронные следы, но и правильно интерпретировать их, установить последовательность действий злоумышленника и определить его мотивы.

При проведении ОМП по делам, связанным с компьютерными технологиями, следует обратить особое внимание на сохранность электронных носителей и предотвращение их случайного повреждения или изменения содержащейся на них информации. Необходимо использовать специальные средства для копирования данных (например, аппаратные блокировщики записи), чтобы создать точную копию содержимого носителя для дальнейшего анализа без риска повредить оригинал. Важно обеспечить надлежащую упаковку и транспортировку изъятых электронных носителей, чтобы избежать воздействия электромагнитных полей или других факторов, которые могут привести к потере или искажению информации.

Важным этапом данного мероприятия является документирование всех действий, произведенных следователем и специалистами, а также фиксация обнаруженных следов в протоколе осмотра. Протокол должен содержать подробное описание обнаруженных электронных носителей, их серийных номеров, внешнего вида, а также перечень обнаруженных файлов и программ с указанием их размеров, дат создания и модификации. Кроме того, необходимо зафиксировать все действия, произведенные с электронными носителями в ходе осмотра, включая создание копий данных, установку программного обеспечения и т.д. Отметим, что недопустимо проводить какие-либо действия в процессе следственного осмотра КЭС, без наглядного и доступного комментария, без гарантий сохранности следовой картины криминального события. «Объяснено должно быть любое нажатие на клавишу клавиатуры, передвижение мыши. Это в дальнейшем позволит обезопасить добытые доказательства от негативной оценки их допустимости судом. Во всяком случае, понятые, не будучи

специалистами в области компьютерных технологий (что зачастую и бывает), должны понимать, что делается и каков результат произведенных действий[1]».

Порядок осмотра любых ЭНД условно можно разделить на две стадии: статическая стадия осмотра, которая включает в себя внешний осмотр с фиксацией внешнего строения и состояния электронного аппарата, и во-вторых, динамическая стадия осмотра, включающая в себя производство осмотра и фиксации собственно информационного содержимого электронного аппарата. На этой стадии и происходит поиск, обнаружение, фиксация и изъятие ЭД. Тактически, осмотр ЭНД может производиться параллельно с другими видами следственных действий. Например, сотовые телефоны, смартфоны, смарт-карты, электронные ключи и магнитные карты для электронных систем аутентификации и идентификации, в которых в электронной форме содержатся данные, имеющие доказательственное значение, зачастую находятся у сотрудников фирмы.

Помимо традиционной протокольной формы фиксации результатов ОМП, следует применять средства фото- и видеофиксации для наглядного отображения обстановки происшедшего события, расположения ЭНД и процесса их изъятия. Видеосъемка должна охватывать все этапы ОМП, включая идентификацию электронных устройств, их подключение и запуск, а также процесс копирования данных. Фотографии должны быть четкими и детальными, позволяющими идентифицировать объекты и их взаимосвязь. Интегративный подход, включающий в себя своевременный осмотр, привлечение к нему специалистов в сфере компьютерной криминалистики, применение специальных технических средств и детальную фиксацию всех действий, является ключом к успешному расследованию преступлений, совершенных с применением IT-технологий. Использование фото- и видеоматериалов в качестве приложения к протоколу осмотра значительно повышает доказательственную силу собранных материалов и позволяет суду более полно оценить обстоятельства дела.

Особое внимание следует уделить установлению лиц, имевших доступ к электронным носителям и компьютерным системам, а также выяснению их мотивов и возможностей совершения преступления. Допрос свидетелей и подозреваемых должен проводиться с учетом их технических знаний и навыков. Важно задавать вопросы, направленные на установление их роли в совершении преступления, их действий с электронными носителями и программами, а также их знакомства с используемыми преступником методами и инструментами. Полученные показания необходимо сопоставлять с результатами компьютерно-технической экспертизы для выявления противоречий и установления истины.

После завершения ОМП изъятые электронные носители и их копии должны быть направлены на компьютерно-техническую экспертизу. Экспертиза проводится специалистами, обладающими глубокими знаниями в области

---

[1] Васильев А.А., Дёмин К.Е. Криминалистические аспекты получения доказательственной информации с электронных носителей данных // Публичное и частное право. 2011. Вып. III (XI). С. 147–162.

компьютерных технологий и криминалистики. В ходе экспертизы проводится анализ данных, содержащихся на электронных носителях, с целью выявления следов преступной деятельности, установления последовательности действий злоумышленника, определения его мотивов и идентификации используемых им инструментов. Результаты экспертизы оформляются в виде заключения, которое является важным доказательством по делу.

Эффективность расследования киберпреступлений во многом зависит от уровня подготовки следователей и специалистов, а также от их взаимодействия с другими правоохранительными органами и организациями, занимающимися информационной безопасностью. Необходимо постоянно повышать квалификацию сотрудников, проводящих ОМП и расследующих преступления, связанные с компьютерными технологиями, путем организации семинаров, тренингов и стажировок. Важно также наладить сотрудничество с экспертами в области компьютерной криминалистики, чтобы иметь возможность получать консультации и помощь в сложных случаях. Только комплексный и профессиональный подход к расследованию киберпреступлений позволит эффективно бороться с этим видом преступности и обеспечивать защиту прав и интересов граждан и организаций.

В заключение укажем, что успешное расследование киберпреступлений требует постоянного совершенствования знаний и навыков, использования современных технологий и инструментов, а также неукоснительного соблюдения процессуальных норм и требований законодательства. Только комплексный и профессиональный подход позволит эффективно противодействовать киберпреступности и обеспечивать защиту прав и интересов граждан и организаций в цифровом пространстве.

Литература

1. Васильев А.А., Дёмин К.Е. Криминалистические аспекты получения доказательственной информации с электронных носителей данных // Публичное и частное право. 2011. Вып. III (XI). С. 147–162.

2. Васильев А.А., Дёмин К.Е. Методологические основы получения криминалистически значимой информации с мобильных платформ сотовой связи // Актуальные вопросы судебных экспертиз: Матер. междунар. науч.-пр. конф. Иркутск: Восточно-сибирский институт МВД России, 2011.

3. Дёмин К.Е. О перспективах исследования электронных документов как объектов судебной экспертизы // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. М.: Московский университет МВД России, 2016 (4). С. 33–37.

4. Криминалистика: учебник / Отв. ред. Н.П. Яблоков. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2005.

О.Б. Дронова
Волгоградская академия МВД России

Особенности изготовления ортофотоплана как потенциального объекта экспертного исследования

Аннотация. В статье рассмотрены отдельные технические, тактические и методические аспекты получения нового геоинформационного продукта, наглядно отображающего особенности общей и детальной обстановки проведения следственного действия, который может стать объектом идентификационных, классификационных и ситуационных исследований.

Ключевые слова: ортофотоплан, наглядность, система координат, программно-аппаратное обеспечение, фотограмметрия, следственные действия, экспертиза.

Современные технические средства фиксации обстановки проведения следственных действий, используемые в процессе технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений, достаточно долго остаются константными как по принципу своей работы, так и по способам и приемам фото и видеофиксации, применяемым для получения наглядных иллюстрационных материалов. Однако современные 3D-технологии оказали положительное воздействие на апробацию новых подходов к получению цифровых объемных изображений, отображающих элементы обстановки места происшествия и их последующую интеграцию в процесс подготовки и реализации следственных и иных процессуальных действий.

Одним из наиболее перспективных инструментов, которые могут быть применены в процессе получения наглядных изображений, являются цифровые методы обработки данных фотограмметрии. Данная технология уже не первое десятилетие используется в архитектурно-градостроительной, автодорожной, картографической и иных сферах деятельности и обеспечивает извлечение необходимых метрологических, геометрических, координатных и иных данных из компилированных изображений.

Интерполируя возможности фотограмметрии на обеспечение потребности криминалистической науки, следует отметить существенные возможности формирования не просто наглядного иллюстративного материала, позволяющего моделировать и воспроизводить механизм криминального события, но и получения полноценных объектов экспертного исследования, которые могу быть зафиксированы и изъяты только посредством фотофиксации.

Соответственно, речь идет как о возможности получение 3D изображений при фиксации всей обстановки проведения следственного действия, так и получения объемных иллюстраций отдельных информационных узлов вещной обстановки. Применение данного инструментария предусматривает объединение (сшивание) отдельных кадров, полученных с использованием одной или разных цифровых камер, которые могут быть оснащены кадровыми, сканерными, лазерными съемочными системами. Кроме того, указанные цифровые материалы

дополнительно могут быть объединены с преобразованными в цифровую форму аналоговыми изображениями.

Фотограмметрия, выступая в качестве средства определения ключевых параметров изучаемого объекта, обеспечивает получение данных относительно формы, точных размерных характеристик, локализации в обстановке следственного действия по отношению к неподвижным ориентирам и иным криминалистически значимым объектам.

В современных научных исследованиях лишь в единичных работах встречаются упоминания о научных основах экспертных технологий построения 3D моделей объектов судебных экспертиз методом фотограмметрии, представленных моделями одиночных следов (отображения, предмета, вещества); группы/совокупности следов (дорожки следов ног, капель и брызг крови на различных объектах и т.п.); помещения, здания, сооружения; участка местности[1]. Изучение материалов следственной и экспертной практики показал, что данный инструментарий пока еще не встречается в практической деятельности, что во многом объясняется начальной стадией апробации возможностей фотограмметрии, предусматривающей как определение процессуального статуса получаемой модели, так и разработку организационно-тактических и методических аспектов ее построения.

Между тем, указанные возможности повышения наглядности иллюстрационного материала посредством применения традиционных цифровых средств фиксации далеко не являются исчерпывающими.

Развитие индустрии беспилотной и роботизированной техники задает направление расширения перспектив изготовления новых видов иллюстрационных материалов, получаемых в результате цифрового сшивания изображений, полученных с применением цифровой фотоаппаратуры с различным фокусным расстоянием, оснащенной матрицами с максимальным эффективным разрешением и набором фильтров, обеспечивающих производство съемки в ультрафиолетовом, видимом и инфракрасном диапазонах, являющейся элементом стационарной и полезной нагрузки беспилотных воздушных судов[2].

Выполнение аэрофотосъемки предусматривает необходимость использования специфических приемов и способов, которые отсутствуют в отраслевом направлении криминалистической техники – судебной фотографии. В частности, один из таких организационно-тактических приемов предусматривает необходимость реализации оператором беспилотного средства предварительной процедуры определения точного маршрута пролета дрона с указанием на пульте управления точек привязки на местности, отметки координат контрольных

---

[1] Полякова А.В. Формирование и развитие 3D-технологий в судебно-экспертной деятельности: методологические и организационные аспекты: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Уфа, 2024. 244 с.

[2] Дронова О.Б., Килинкарова Е. С. Нагрузка беспилотных летательных аппаратов как средства криминалистической техники: основные понятия и виды // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3(66). С. 93–102.

опознавательных точек, по которым будет построен пролет над осматриваемой территорией.

Применение подхода к аэрофотосъемке, при котором изготавливаются серии фотографий в процессе последовательного облета фиксируемой территории методом «змейка»[1] с константным или изменяющимся углом камеры на подвесе, обеспечивает поступление в распоряжение специалиста от 100 до 1500 снимков, которые должны быть перенесены на портативный или стационарный компьютер, с установленным программным обеспечением с функцией фотограмметрии, преобразовывающей отдельные кадры в единую модель.

Результатом обработки серии иллюстраций является ортофотоплан, который можно рассматривать как геоинформационный продукт, представляющий собой специальную картографическую съемку, полученный посредством обработки аэрофотоснимков. Он представляет собой изображение местности или отдельных объектов, формируемое с помощью специальных алгоритмов, которые позволяют устранить искажения перспективы и наклона.

Ортофотоплан отличается от традиционных иллюстраций высокой детализацией элементов окружающей обстановки. Использование данных ортофотоплана позволяет манипулировать виртуальным объектом, наносить специальную графическую информацию, осматривая отдельные детали в любом интересующем ракурсе.

Цифровая модель позволяет оценить:

– расстояние от основного информационного узла до отдельных объектов;

– высоту и длину зданий, автотранспортных средств в целом и отдельных элементов недвижимых и движимых объектов;

– протяженность изучаемой территории или ее отдельных участков;

– уголовые измерения отдельных узлов (открытие дверей);

– размер и количество элементов разрушенных конструкций и т.д.

Каждая точка трехмерной модели имеет географическую привязку в координатном исчислении, программа обработки позволяет применять различные системы координат.

Для того, чтобы результат аэрофотосьемки мог быть полноценно приобщен к протоколу следственного действия, в ходе которого получены исходные иллюстрации специалисту необходимо сформировать отчет об изготовлении ортофотоплана, который может быть представлен в электронном и бумажном виде и включать:

– копии технической документации на беспилотное воздушное судно, применявшееся в качестве технико-криминалистического средства при проведении следственного действия;

---

[1] Дронова О.Б. Особенности формирования навыков применения беспилотных летательных аппаратов и оформления иллюстративных материалов по результатам их использования // Санкт-Петербургский международный криминалистический форум: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 10–11 июня 2024 г. СПб, 2024. С. 175–178.

– правовые основания привлечения специалистов (внешний пилот и оператор), эксплуатировавших беспилотное воздушное судно в рамках решения оперативно-служебных задач в условиях сложившейся обстановки (заявка инициатора и полетный лист);

– каталог координат, заданных опознавательных знаков, использовавшихся в процессе построения маршрута полетов беспилотного воздушного судна;

– перечень использованных в процессе съемки и обработки изображений методов и средств.

Полагаем, что изложенный перечень технической документации обеспечит возможность проверки достоверности и объективности полученных данных, используемых для обеспечения познавательной, исследовательской, учетно-регистрационной и иных видов деятельности.

Апробация использования ортофотоплана в качестве объекта исследования в настоящее время осуществляется в рамках производства пожаротехнических, автотехнических, взрывотехнических и иных экспертных исследований, предусматривающих установление обстоятельств совершения преступления. В ближайшее время будут продолжены изыскания по изучению возможности использования рассматриваемого вида геоинформационного продукта при производстве классификационных и идентификационных исследований.

Литература

1. Дронова О.Б. Особенности формирования навыков применения беспилотных летательных аппаратов и оформления иллюстративных материалов по результатам их использования // Санкт-Петербургский международный криминалистический форум: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 10–11 июня 2024 г. СПб, 2024. С. 175–178.

2. Дронова О.Б., Килинкарова Е. С. Нагрузка беспилотных летательных аппаратов как средства криминалистической техники: основные понятия и виды // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3(66). С. 93–102.

3. Полякова А.В. Формирование и развитие 3D-технологий в судебно-экспертной деятельности: методологические и организационные аспекты : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Уфа, 2024. 244 с.

П.А. Жердев
Дальневосточный юридический институт МВД России
имени И.Ф. Шилова

Использование компьютерных технологий и криминалистических учетов в раскрытии и расследовании преступлений

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и прикладные аспекты применения информационных технологий и криминалистических учетов в раскрытии и расследовании преступлений, подчеркивается значение системного подхода и цифровой трансформации в повышении эффективности правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: компьютерные технологии, расследовании преступлений, криминалистические учеты, информационные системы, справочно-информационные фонды.

В условиях стремительной цифровизации всех сфер жизни особое значение приобретает использование информационных технологий в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Современные вызовы, связанные с усложнением преступных схем, ростом киберугроз и транснациональным характером преступности, требуют от правоохранительных органов применения высокотехнологичных инструментов, способных обеспечить оперативный доступ к данным, их обработку и анализ в условиях ограниченного времени и высокой ответственности.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», под информационными технологиями понимаются «процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов». Именно эти средства становятся ключевыми при решении задач, стоящих перед следственными органами, начиная от сбора первичных данных до системного анализа и фиксации доказательств.

Использование компьютерных технологий в деятельности следователя предполагает не просто техническую поддержку работы, а интеграцию современных программных продуктов, компьютерных сетей, баз данных и специализированных криминалистических учетов в оперативно-следственную деятельность. В этом контексте информационные технологии выступают как универсальный инструмент для повышения эффективности, точности и скорости принятия решений в ходе досудебного производства.

Особая роль отводится криминалистическим учетам – специализированным информационным системам, аккумулирующим сведения о преступлениях, подозреваемых, доказательствах, вещественных уликах и других элементах, имеющих значение для раскрытия и расследования преступлений. Современное

состояние таких учетов в сочетании с возможностями компьютерных технологий позволяет перейти от фрагментарного подхода к построению единого цифрового пространства, обеспечивающего взаимодействие всех участников уголовного процесса.

Интеграция современных инфокоммуникационных систем в криминалистическую деятельность на современном этапе развития науки и практики представляет собой неотъемлемую составляющую процесса раскрытия и расследования преступлений. В условиях цифровой трансформации информационные и компьютерные технологии становятся универсальным инструментом, позволяющим оперативно получать, анализировать и использовать криминалистически значимую информацию. Их применение охватывает все этапы расследования: от осмотра места происшествия до формирования экспертного заключения и процессуального оформления доказательств.

Компьютерные технологии на уровне следственных действиях для поиска и фиксации криминалистически значимой информации выступают как средства фиксации, извлечения и первичного анализа доказательственной информации. К ним относятся:

– цифровые устройства для осмотра места происшествия (видеокамеры, дроны, подводные аппараты);

– усовершенствованные приборы с функцией визуализации и встроенным программным обеспечением (эндоскопы, георадары, спектрометры и т.д.);

– средства записи звука и видео, а также технологии автоматической транскрипции (транскрайберы, программы распознавания речи);

– цифровая фотосъемка с возможностью 3D-моделирования обстановки на месте происшествия.

В связи с этим, В.В. Фролов отмечает, что перспективным направлением стало использование дистанционно управляемых летательных и подводных аппаратов, позволяющих исследовать труднодоступные места, а также технологии трехмерной съемки, создающие точную цифровую реконструкцию места происшествия[1].

Компьютерные технологии активно внедряются и в сферу ОРД, которая тесно сопряжена с уголовным судопроизводством. Здесь особенно востребованы средства обнаружения цифровых следов преступной деятельности – извлечение информации с мобильных устройств, персональных компьютеров, серверов и облачных хранилищ. Применяются специализированные программно-аппаратные комплексы, такие как Cellebrite UFED, «Мобильный криминалист» и др., способные преодолевать защиту данных и обеспечивать их восстановление.

[1] Фролов В.В. Использование информационных технологий в расследовании: направления, проблемы и перспективы // Полицейская и следственная деятельность. 2023. № 2. С. 4.

Федеральные, региональные и международные криминалистические учеты (включая базы Интерпола) играют ключевую роль в идентификации лиц, транспортных средств, орудий преступления и других объектов. Разрабатываются и внедряются аппаратно-программные комплексы («Поток», «АвтоУраган», «Безопасный город»), обеспечивающие:

– распознавание госномеров автомобилей;

– поиск лиц по фотороботам;

– фиксацию нарушений;

– сквозное отслеживание перемещений подозреваемых.

Эти системы обеспечивают не только поиск, но и анализ полученных данных с последующей интеграцией в следственные и разыскные процессы.

Создание Единой информационно-аналитической системы МВД России (ИСОД) и аналогичной платформы Следственного комитета Российской Федерации стало важным шагом в унификации и централизации правоохранительной информации. Эти системы обеспечивают:

– обмен сведениями между ведомствами;

– автоматизацию учета и контроля материалов дел;

– проведение дистанционных следственных действий (допросов, опознаний и очных ставок), что стало возможным после введения ст. 189.1 УПК РФ.

В судебной экспертизе компьютерные технологии применяются в автоматизации аналитических процессов: от сбора экспериментальных данных (с помощью спектрометров, хроматографов и др.) до анализа изображений в почерковедческой, трасологической и баллистической экспертизе. Важным направлением становится внедрение искусственного интеллекта для решения экспертных задач, в том числе – в идентификационных и диагностических процедурах.

На современном этапе развития криминалистики цифровизация криминалистических учётов и использование информационных технологий становятся неотъемлемым условием повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений. Е.Р. Россинская считает, что важной составляющей этой системы являются автоматизированные информационно-поисковые системы (АИПС), формируемые на основе цифровых технологий. Они заменяют традиционные картотеки, обеспечивая более быстрый доступ к данным, автоматизированный анализ и интеграцию с другими цифровыми ресурсами[1].

Одним из направлений успешной цифровизации криминалистических учётов является переход на электронные формы хранения идентификационной информации. Для объектов, чьи признаки можно зафиксировать в виде описания или изображения (например, следов рук, оттисков печатей, образцов подписей и т.п.), такой переход, как правило, не вызывает методологических трудностей и

[1] Россинская Е.Р. Цифровизация справочно-информационных фондов криминалистического и судебно-экспертного назначения как часть учения о цифровизации криминалистической регистрации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 6. С. 23–32.

реализуется с использованием стандартных систем управления базами данных (СУБД). Примерами таких реализованных проектов являются дактилоскопическая система АДИС «Папилон», базы данных «Оттиск», «Абрис», «Девиза-М», а также учёты поддельных денежных знаков и ценных бумаг – «Знак». Эти системы стали важным элементом оперативного обеспечения следственно-разыскной деятельности.

Однако значительно сложнее обстоит ситуация с цифровизацией справочно-вспомогательных учётов, ведущихся экспертно-криминалистическими подразделениями МВД и другими ведомствами. В отличие от формализованных дактилоскопических или трасологических учётов, эти фонды – так называемые справочно-информационные фонды (СИФы) – включают натурные коллекции и специализированные базы данных, предназначенные для экспертных исследований. Их содержимое охватывает широкий спектр объектов: от самородного золота и огнестрельного оружия до волос животных и наркотических веществ.

СИФы формируются преимущественно в инициативном порядке. Их основное назначение – обеспечение сравнительного материала для диагностических и идентификационных экспертиз. Ключевыми требованиями к таким образцам являются:

– соответствие по происхождению (достоверность);

– наличие устойчивых признаков, значимых для экспертизы;

– достаточное количество экземпляров, позволяющее выявить вариативность признаков.

Эти параметры критически важны для допустимости и достоверности выводов судебных экспертов.

Несмотря на важность СИФов для экспертной практики, в правовом аспекте их статус остаётся неурегулированным. Российское законодательство не устанавливает порядок формирования и ведения справочно-информационных фондов, что порождает ряд проблем. Во-первых, СИФы создаются разрозненно – в рамках отдельных ведомств, без механизмов координации или обмена данными между ними. Во-вторых, такие фонды зачастую не соответствуют актуальному уровню развития технологий и объектов исследований, особенно в условиях стремительно развивающейся цифровой среды.

Особую озабоченность вызывает ситуация с доступом негосударственных судебно-экспертных учреждений (СЭУ) к этим фондам. В соответствии с существующей практикой, СИФы, сформированные в государственных СЭУ, не подлежат распространению за пределами соответствующих ведомств. Это приводит к тому, что негосударственные учреждения вынуждены создавать собственные справочные фонды, достоверность, актуальность и правовая обоснованность которых зачастую вызывают сомнения как у специалистов, так и у судебных инстанций.

Таким образом, несмотря на определённые достижения в цифровизации криминалистических учётов, остаётся необходимость системного

реформирования этого направления. Для достижения поставленных целей, требуется:

– разработка унифицированных стандартов ведения цифровых СИФов;

– создание общегосударственной нормативной базы, регулирующей использование справочно-информационных фондов;

– внедрение механизмов межведомственного взаимодействия, включая безопасный обмен данными;

– обеспечение равного доступа к проверенным источникам сравнительного материала для всех судебно-экспертных учреждений, независимо от формы собственности.

Цифровизация криминалистических учётов не только ускоряет и упрощает процесс расследования, но и позволяет обеспечить высокую степень доказательной надёжности экспертных выводов. Однако для полноценной реализации этого потенциала необходимо преодоление институциональных и правовых барьеров, а также развитие единых цифровых платформ с надёжной системой контроля и верификации информации.

Таким образом, использование компьютерных технологий и криминалистических учетов в раскрытии и расследовании преступлений охватывает не только техническое обеспечение следственной деятельности, но и интеллектуальную, аналитическую и организационно-управленческую поддержку. Их системное применение позволяет правоохранительным органам адаптироваться к новым формам преступности и эффективно решать задачи обеспечения правопорядка в цифровую эпоху.

Литература

1. Россинская Е.Р. Цифровизация справочно-информационных фондов криминалистического и судебно-экспертного назначения как часть учения о цифровизации криминалистической регистрации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 6. С. 23–32.

2. Фролов В.В. Использование информационных технологий в расследовании: направления, проблемы и перспективы // Полицейская и следственная деятельность. 2023. № 2. С. 1–4. DOI: 10.25136/2409-7810.2023.2.40032

С.И. Журихина[1], **И.Ю. Макаров**[2]
[1, 2] Российский центр судебно-медицинской экспертизы
Министерства здравоохранения Российской Федерации

Аспекты терминологии поражающих элементов контактно-дистанционных электрошоковых устройств

Аннотация. В статье рассматриваются определения и понятия, используемые для описания отдельных конструктивных особенностей в контактно-дистанционных электрошокерах (ДЭШУ), воздействующих на цель на расстоянии и при непосредственном контакте. Рассматриваются аспекты терминологии и принципы действия данных элементов, а также корректное использование специализированных терминов для их обозначения. Задача состоит в унификации и уточнении терминологической базы для более точного описания технических особенностей и характеристик электрошоковых устройств.

Ключевые слова: электрошокеры, криминалистика, криминалистика, контактно-дистанционные устройства.

Актуальность темы обусловлена недостаточной конкретикой в терминологии в судебно-медицинской науке и экспертной практике, что связано с относительно небольшой распространенности подобных травм.

Все электрошокеры (ЭШУ) с возможностью использования картриджей для дистанционного поражения, сохраняют возможность контактного применения, то есть, воздействия в упор. Контактно-дистанционные электрошокеры, в рамках данной работы предлагается обозначать термином «дистанционное электрошоковое устройство» (ДЭШУ).

Различают несколько типов электрошокеров по внешнему виду: цилиндрические (в виде дубинки, имеют различные внешние параметры), коробчатые (прямоугольные или изогнутой формы) и пистолетного типа (Г-образные).

Электрошокеры имеют общее строение: корпус, источник питания, конденсатор, преобразователь напряжения, трансформатор, рукоять, кнопки активации и предохранителя, контактную группу, включающую рабочие электроды, расположенные на передней части корпуса, и вылетающие из картриджа электроды.

ДЭШУ предназначены для поражения электрическим импульсом на дистанциях 1-8 м, используя картриджи, устанавливаемые в специальное крепление на передней части корпуса.

Пример – модель ДЭШУ «АИР-107У», выполненная из ударопрочного материала с прорезиненной рукояткой. В поперечном сечении имеет круглую форму. Между рукояткой и рабочей частью имеется кольцо (ограничитель), на котором расположена кнопка включения и рычаг предохранителя. На передней (рабочей) части имеются цилиндрические контактные электроды с заостренной конусовидной формой и контрольные (защитные) электроды каплевидной формы. Расстояние между центрами контактных электродов обычно около 30

мм, по форме могут быть плоскими или в виде конусовидных «штырей», выступающих над поверхностью[1]. Контрольные электроды располагаются ближе друг к другу, ограничивают напряжение электрического тока на рабочих электродах, не позволяют превышать конструктивно заданную величину. Конструктивно защитные электроды представляют собой либо вторую пару электродов, либо дополнительные выступы на рабочих контактах ЭШУ[2].

Картриджи для дистанционного поражения цели могут отличаться друг от друга как внешне, так и внутренними элементами. В данной статье изучен картридж дистанционного поражения цели «БТЭР», разработанный для ДЭШУ «Мальвина», «Скорпион» и «АИР-107У».

Внешний корпус картриджа – это монолитный кусок пластика с ровными гладкими стенками. Торцевая часть, из которой вылетают зонды, закрыта бумажной «крышкой», изнутри ее находится уплотняющая подкладка из синтетического материала. На боковых (широких) поверхностях под бумажной упаковкой и внутри корпуса находятся полоски токопроводящего материала. Они расположены соответственно расположению контактных электродов ДЭШУ.

Внутренний корпус – это каркас, внутри которого располагаются подвижные элементы картриджа.

– Зонды для фиксации на цели: два металлических цилиндра с двумя ровными плоскостями и острыми гранями, располагающиеся по обе стороны зонда. От контакта передней плоскости зонда со следовоспринимающей поверхностью возникают повреждения в виде округлых или овальных ссадин с четким контуром, отражающие размеры этой плоскости. Чем больше степень наклона зонда относительно поверхности следовоспринимающей поверхности поражаемого объекта, тем более выражена овальная форма. В случае выстрела из картриджа под прямым углом, ссадина имеет круглую форму.

– Гарпун: расположен в центре передней части зонда, имеет острие с круглым сечением. На расстоянии 2-4 мм от острия имеется зацеп – средство фиксации в цели. Зонд и гарпун с зацепом образуют единую конструкцию, без подвижных элементов. Повреждения от гарпуна схожи с колотыми ранами.

---

[1] Страгис В.Б., Кочоян А.Л., Макаров И.Ю. и соавт. Возможности судебно-медицинской экспертной оценки морфологических признаков повреждений одежды и тела человека, причинённых в определенных условиях различными моделями электрошоковых устройств. Методические рекомендации ФГБУ «Российский центр судебно-медицинской экспертизы» Минздрава России, Москва, 2020. С. 15.

[2] См. подробнее: Электрошоковые устройства. Классификация и стандартизация терминологии URL: https://marchgroup.ru/nauchno-tehnicheskie-publikacii/elektroshokovye-ustrojstva.html (дата обращения: 15.08.2022); Гарманов В.В. Возможности комплексных исследований следов и повреждений, возникающих в результате применения электрошоковых устройств // Известия Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2020. № 20 (2). С. 228–234.

Общая длина зонда колеблется от 39 до 41 мм, длина гарпуна – от 7 до 11 мм, а зацеп в среднем имеет длину 4 мм. Диаметр корпуса зонда составляет 4,5 мм, диаметр гарпуна в самой широкой его части, за счет зацепа, достигает 1 мм, остальная часть – около 0,5 мм.

При исследовании на сканирующем электронном микроскопе выявлен основной элементный состав гарпуна: железо и марганец с небольшой примесью алюминия. Тело зонда состоит преимущественно из алюминия. При исследовании следов от гарпуна на преграде методом микрохимических капельных реакций на железо получен положительный результат.

– Провод: тонкая металлическая нить в оплетке, прикрепленная к основанию зонда, передает электрический импульс от рабочих электродов к зондам.

– Поролоновые заглушки: имеют квадратную форму, размеры около 1,5х1,5 см, расположены в передней части внутреннего корпуса и фиксируют провода в скрученном состоянии. При активации электроразряда и вылета электродов заглушки отлетают в стороны и могут явиться подтверждением факта применения картриджа для ДЭШУ[1].

Таким образом, определение и описание конструктивных особенностей поражающих элементов изученных электрошокеров (ЭШУ и ДЭШУ), а также повреждений от них на объекте (одежда и тело человека), позволяет конкретизировать и объективизировать факт травмы, установить тип примененного электрошокера, а также воссоздать механизм и условия их образования.

Литература

1. Гарманов В.В. Возможности комплексных исследований следов и повреждений, возникающих в результате применения электрошоковых устройств // Известия Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2020. № 20 (2). С. 228–234.

2. Страгис В.Б., Кочоян А.Л., Макаров И.Ю. и соавт. Возможности судебно-медицинской экспертной оценки морфологических признаков повреждений одежды и тела человека, причинённых в определенных условиях различными моделями электрошоковых устройств. Методические рекомендации ФГБУ

[1] См. подробнее: Страгис В.Б., Кочоян А.Л., Макаров И.Ю., Гедыгушев И.А., Шмаров Л.А., Журихина С.И., Столяревская Е.А., Юрова М.С. Возможности судебно-медицинской экспертной оценки морфологических признаков повреждений одежды и тела человека, причинённых в определенных условиях различными моделями электрошоковых устройств. Методические рекомендации ФГБУ «Российский центр судебно-медицинской экспертизы» Минздрава России, Москва, 2020, 43 с.; Электрошоковые устройства. Классификация и стандартизация терминологии URL: https://marchgroup.ru/nauchno-tehnicheskie-publikacii/elektroshokovye-ustrojstva.html.

«Российский центр судебно-медицинской экспертизы» Минздрава России, Москва, 2020. 43 с.

3. Электрошоковые устройства. Классификация и стандартизация терминологии URL: https://marchgroup.ru/nauchno-tehnicheskie-publikacii/elektroshokovye-ustrojstva.html (дата обращения: 15.08.2022).

Д.С. Зайцовский
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя

Вопросы оценки объективности и непредвзятости заключений специалистов и экспертиз негосударственных учреждений при их использовании в уголовном процессе

Аннотация. Статья направлена на анализ существующих моделей привлечения специальных знаний при производстве по уголовным делам, а также вопросы, касающиеся обеспечения принципа законности в рамках использования такого вида доказательств, как заключения эксперта.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовный процесс, специальные знания, заключение специалиста, экспертиза.

На сегодняшний день прогресс в области науки и техники развит настолько, что общественная жизнь напрямую связана с использованием тех или иных специальных знаний. Данная тенденция не обошла стороной и правовую сферу, в частности, уголовный процесс. Расследование уголовных дел, имея своей основной задачей – доказывание, при их правильном использовании будет иметь наибольшую эффективность.

В целях более подробного рассмотрения заявленных тезисов, следует обратиться к различным существующим моделям судопроизводства. Например, в рамках англосаксонской модели, каждая сторона будет самостоятельно инициировать поиск эксперта, оплачивать его работу и ставить необходимые на исследования вопросы[1]. Экспертное заключение будет использовано в уголовном деле. При этом, автономного процессуального статуса у эксперта, в данном случае, не будет. Он будет выступать свидетелем той стороны, которая его выбрала, в качестве своего эксперта. Очевидно, такой подход может не иметь объективности, в силу различия финансовой возможности сторон, возможности подбора «лояльных» стороне специалистов и т.д.

Для континентальной модели эксперт выступает в качестве участника уголовного судопроизводства и обладает самостоятельным процессуальным статусом[2]. Однако континентальная модель имеет недостатки, основанные на бюрократичности и незначительности роли сторон в формировании предмета

[1] Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. СПб: Альфа, 1996.

[2] Курс уголовного процесса / под ред. д. ю. н., проф. Л.В. Головко. Москва: Статут, 2021.

для исследования. Последнее влияет на невозможность полноценного соблюдения принципа состязательности и т.д.

Возвращаясь к российской модели, отметим, что ее начала, в целом, схожи с обеими моделями, с некоторыми изъятиями. Например, сходство с англо-саксонской моделью выражается в том, что зачастую частным физическим лицам необходимо обращаться в экспертные учреждения самостоятельно за получением альтернативных экспертиз. Этот порядок не является процессуальным, однако совместно со вступлением в законную силу 10.07.2003 г. Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 04.07.2003 №92-ФЗ, произошла легитимация результатов подобных исследований. С данными изменениями произошли дополнения в ст. 74 УПК РФ[1]: к существующему перечню источников доказательств добавились «заключение и показания специалиста». Данный юридический факт свидетельствует и о заимствовании некоторых подходов из континентальной модели.

Таким образом, законодателем была проведена работа, направленная на правильную совокупность сразу двух систем, достижение баланса. Добившись возможности сразу для всех сторон использовать специальные знания для способствования разрешения уголовного дела, уголовно-процессуальный закон подчеркнул их равенство.

Однако кроме инициирования и обращения в различные экспертные организации за получением экспертного заключения, остро стоит вопрос, касаемый самостоятельного представления суду этих сведений. Как частные лица могут получить такое заключение, если подобное не закреплено в УПК РФ, как отдельное следственное действие? Ч. 3 ст. 271 УПК РФ устанавливает необходимость удовлетворения ходатайств, связанных с допросом специалистов, приглашенных сторонами. Некоторыми теоретиками выражено мнение, что именно таким способом возможно соблюсти доброкачественность заключения эксперта в контексте доказательственности (так как эксперт, в подобной ситуации, лишь на допросе предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и др.)[2]. Таким образом, в ходе допроса, экспертное заключение приобретет необходимую процессуальную форму, а значит будет иметь доказательственное значение.

Кроме всего прочего, авторам представляется необходимым расширить возможности использования судебных экспертиз, которые проводятся в негосударственных судебно-экспертных учреждениях. Подобные изменения положительно скажутся на сроках уголовного судопроизводства и на равномерное распределение экспертной нагрузки по уголовным делам.

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 21 апр. 2025 г.).

[2] Гольцев Д.С., Пименов Д.М. Особенности современной теории судебных экономических экспертиз в России: Московский университет МВД России. М., 2019. 256 с

В ч. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. №28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» сказано о том, что при невозможности производства судебной экспертизы по причине отсутствия необходимого эксперта в государственном судебно-экспертном учреждении, а также если все подобные компетентные учреждения на данной территории не могут выступить в данном качестве, то ее производство может быть назначено негосударственным судебно-экспертным учреждениям или лицам, не работающим в судебно-экспертным учреждениям, но обладающим специальными знаниями и необходимым оборудованием[1]. Потому указанные нововведения в данном свете кажутся еще более целесообразными.

Таким образом, мы полагаем, что предложенные рекомендации позволят выйти российскому уголовному процессу на новый уровень, повысив эффективность доказывания по уголовным делам. Кроме того, так повышаются гарантии справедливости рассмотрения дел, соблюдаются принципы состязательности и равноправия сторон.

Литература

1. Курс уголовного процесса / под ред. д. ю. н., проф. Л.В. Головко. М.: Статут, 2021.
2. Гольцев Д.С., Пименов Д.М. Особенности современной теории судебных экономических экспертиз в России. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. 256 с.
3. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. СПб: Альфа, 1996.

В.О. Захарова
Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Заключение эксперта и другие доказательства по уголовному делу: единство или борьба противоположностей (о практике следственных ошибок)

Аннотация. В настоящее время значение заключения эксперта трудно переоценить. И достаточно рядового доказательства оно превратилось практически в «царицу» доказательств, на основе которого и строится обвинительный или оправдательный приговор суда. Вместе с тем, в ходе оценки этого доказательства участниками уголовного судопроизводства нередко и выявляются ошибки.

***Ключевые слова*:** заключение эксперта; следователь; следственные ошибки; судебная экспертиза; судебный эксперт; уголовное дело.

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам».

В настоящее время достаточно много ученые и практики рассуждают о качестве расследования преступлений[1]. Казалось бы, что легче, соблюдая нормы закона, необходимо собрать и оценить доказательства, которые будут в дальнейшем положены в основу итогового решения. Вместе с тем, то ли от усталости, то ли от незнания следственные ошибки допускаются со стабильной периодичностью. Экспертами также допускаются ошибки, влияющие на итоговое решение не меньше, а иногда и больше, чем ошибки следователей.

Можно выделить множество классификаций ошибок, по причине которых заключение эксперта и другие доказательства по уголовному делу противоречат друг другу.

Рассмотрим самую облегченную классификацию, когда возникшее противоречие основано на ошибке[2]:

1) эксперта. Так, например, заместитель Клинского городского прокурора Московской области 05.10.2020 возвратил следователю уголовное дело по обвинению сотрудников ООО «Трейдкор» К., Б. и Ш. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 171-2 УК РФ, для производства дополнительного следствия. В материалах уголовного дела имеется постановление следователя СО по г. Клин ГСУ СК России по Московской области С. от 15.09.2019 о назначении повторной судебной компьютерно-технической экспертизы, производство которой поручено АНО Научно-производственная судебно-экспертная группа «Содействие». Исходя из содержания заключения эксперта следует, что производство судебной экспертизы поручено эксперту Ч., который начал ее проведение 16.09.2019, закончил 22.11.2019. В приложении к заключению имеется диплом о профессиональной переподготовке, который, согласно имеющейся в нем записи, дает право на ведение профессиональной деятельности в сфере «судебная компьютерная техническая экспертиза». Данный диплом выдан эксперту Ч. 25.09.2019. Указанное дает основание утверждать, что, приступая к производству экспертизы 16.09.2019, эксперт Ч. не обладал соответствующей компетенцией и надлежащей квалификацией, то есть не имел право на проведение данного вида экспертных исследований. Это обстоятельство следователем оставлено без внимания. Между тем поручение производства судебной экспертизы такому эксперту противоречит и п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2010 № 28 и позиции Конституционного Суда Российской Федерации, высказанной в Определении от 18.12.2003 № 429-О. Также имеет место нарушение требований ст. 195 УПК РФ, регламентирующей порядок назначения экспертизы. Более того, само

[1] Захарова В.О. О качестве расследования преступлений // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 6. № 7. С. 131–135.

[2] См., например: Захарова В.О. О классификации следственных ошибок // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2014. № 5. С. 142–144.

экспертное заключение не отвечает требованиям ст. 204 УПК РФ, предъявляемым к такого рода доказательствам[1].

Заместитель прокурора Прибайкальского района Республики Бурятия 06.02.2018 возвратил следователю уголовное дело по обвинению Г. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, для производства дополнительного следствия. Согласно заключению судебного медицинского эксперта от 03.12.2018 № 1648 в результате умышленных действий Г., гр-ну А. были нанесены следующие телесные повреждения: закрытая черепно-мозговая травма: кровоизлияние в кожный лоскут лобной области слева и теменной области справа; кровоизлияние под мягкие мозговые оболочки конвекситальной поверхности обеих теменных долей; субдуральная гематома левого полушария; кровоизлияние в стенки желудочка и в створ головного мозга; ссадина лобной области слева и лобно-теменной области слева. В ходе изучения материалов уголовного дела установлено, что согласно собранным по уголовному делу доказательствам, вышеуказанные телесные повреждения не могли быть получены потерпевшим. Имеются противоречия между показаниями обвиняемого и свидетеля Л. и заключением эксперта. Кроме того, на фотографиях, приложенных к протоколу осмотра места происшествия от 20.10.2018 также зафиксировано наличие телесных повреждений на голове потерпевшего: а именно ссадины лобной области, с правой стороны.

2) Следователя. Так, например, и.о. заместителя Арзамасского городского прокурора 06.11.2019 возвратил уголовное дело для производства дополнительного расследования по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ, по обвинению М. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ. Изучением уголовного дела установлено, что принятое решение подлежит отмене как проведенное с нарушением требований уголовно-процессуального закона. Так, в соответствии со ст.ст. 73, 86, 87 и 88 УПК РФ при производстве по уголовному делу подлежит доказыванию событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления) и виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы. Следователь обязан принять все предусмотренные законом меры по собиранию доказательств в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, провести проверку доказательств и дать им надлежащую оценку. Согласно предъявленного М. обвинения, инкриминируемые ему деяния совершены с 22 ч. 30 мин. 30.07.2019 по 01 ч. 00 мин. 31.07.2019; от полученных телесных повреждений М. скончалась 03.08.2019. Согласно заключению судебного эксперта № 455 от 04.09.2019 давность закрытой черепно-мозговой травмы, явившейся причиной смерти, составляет 2-5 суток на момент наступления смерти. Таким образом, телесные повреждения М. могли быть причинены в значительно больший период, чем указано в обвинении. Период же, указанный в обвинении, соответствует

[1] Этот и другие примеры см.: Новейшие следственные ошибки / под ред. Ю.А. Цветкова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021.

показаниям М., который фактически виновным себя в совершении преступления не признает. Кроме того, в ходе проведения судебной психиатрической экспертизы М. заявил, что у него имеется видео того, как потерпевшая Н. «идет и падает». Однако органом предварительного расследования данная информация не проверялась.

Прокурор города Дубны Московской области 23.05.2020 возвратил следователю уголовное дело по обвинению Л. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, для производства дополнительного следствия. В ходе допроса в качестве обвиняемого Л. заявил, что не писал явку с повинной. Однако, в ходе производства судебной почерковедческой экспертизы вопрос о том, выполнен ли текст явки с повинной и подпись Л. им или другим лицом – не исследован, и более того, следователем не задавался.

Заместитель прокурора Нижегородской области 13.11.2019 возвратил уголовное дело следователю для производства дополнительного расследования по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ, по обвинению Ж. в совершении преступления, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Изучением уголовного дела установлено, что принятое решение подлежит отмене как проведенное с нарушением требований уголовно-процессуального закона. Так, постановление о привлечении Ж. в качестве обвиняемого составлено с нарушением требований ч. 1 и. п. 4 ч. 2 ст. 171 УПК РФ, в соответствии с которыми в постановлении должно быть указано описание преступления с указанием времени, места его совершения, а также иных обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с п.п. 1-4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, следовательно и обвинительное заключение составлено с нарушением требований п. 3 ч. 1 ст. 220 УПК РФ, что в случае направления уголовного дела в суд исключает возможность постановления судом приговора на основе данного заключения. В постановлении о привлечении в качестве обвиняемого от 23.10.2019 и в обвинительном заключении указана не соответствующая выводам заключения судебной медицинской экспертизы от 23.08.2019 № 444 причинно-следственная связь между телесными повреждениями на трупе Х. и наступившей смертью. Согласно постановлению о привлечении Ж. в качестве обвиняемого между причиненными потерпевшей Х. телесными повреждениями в виде колото-резаных ранений передней поверхности грудной клетки и наступлением смерти Х. имеется прямая причинная связь. Тогда как согласно выводам судебного эксперта (заключение эксперта от 23.08.2019 № 444) в прямой причинно-следственной связи с наступившей смертью Х. находятся проникающие колото-резаные ранения грудной клетки и живота, с развитием острой массивной кровопотери. Кроме того, телесные повреждения на трупе Х. не отражены в том объеме, в каком они указаны в заключениях судебных экспертов от 23.08.2019 № 444 и от 10.10.2019 № 1481. В частности, при описании телесных повреждений на трупе Х. не указаны для колото-резаных ранения в области левой щеки.

Заместитель прокурора Автозаводского района г. Нижнего Новгорода 06.05.2019 возвратил следователю уголовное дело для производства

дополнительного расследования по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ. Органами предварительного следствия Н. обвиняется в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, а именно: в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью С. 14.09.2018 в период с 20 ч. 30 мин. по 02 ч. 55 мин. Таким образом, время окончания совершения Н. преступления следователем не указано, не конкретизировано, что нарушает право Н. на защиту от предъявленного обвинения. Из предъявленного обвинения следует, что смерть С. наступила 14.09.2018 в период времени с 20 ч. 30 мин. до 02 ч. 55 мин., что противоречит выводам судебного эксперта от 09.10.2018 № 851, согласно которым смерть С. наступила за 9-20 часов до начала осмотра трупа на месте происшествия. Из осмотра места происшествия следует, что это следственное действие начато в 05 ч. 00 мин. 15.09.2018. Таким образом, согласно выводам эксперта, смерть С. наступила 14.09.2018 в период с 09 ч. 00 мин по 20 ч. 00 мин. На основании изложенного, С. не могли быть причинены телесные повреждения в период времени, указанный в постановлении о привлечении Н. в качестве обвиняемого от 26.04.2019.

Заместитель прокурора Нижегородской области 20.09.2019 возвратил следователю уголовное дело для производства дополнительного расследования по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ, по обвинению Д. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 119, п.п. «а» и «д» ч. 2 ст. 105, ч. 3 ст. 30, п.п. «а» и «б» ч. 2 ст. 105, п.п. «в» и «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ. Изучением материалов уголовного дела установлено, что постановление о привлечении Д. в качестве обвиняемого составлено с нарушением требований ч. 1 и п. 4 ч. 2 ст. 171 УПК РФ, а обвинительное заключение составлено с нарушением требований п. 3 ч. 1 ст. 220 УПК РФ. Так, в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого от 05.08.2019 и в обвинительном заключении указана не соответствующая выводам судебного эксперта от 12.02.2019 № 209 причина смерти Т., а также неверно указана причинно-следственная связь между телесными повреждениями на трупе С. и наступившей смертью, противоречащая выводам судебного эксперта от 08.02.2019 № 264. Кроме того, телесные повреждения на трупах С. и Т. не отражены в том объеме, в каком они указаны в заключениях судебных экспертов от 08.02.2019 № 264 и от 12.02.2019 № 209 соответственно. В частности, при описании телесных повреждений на трупе С. не указаны кровоизлияния мозга, повреждения костей черепа, оболочек и ткани головного мозга и другие, образовавшиеся в результате двух проникающих колото-резаных ранений, повлекших отек головного мозга, от которого наступила смерть. По трупу Т. не приведено данных о тех телесных повреждениях, которые сопровождались и могли сопровождаться кровотечением и могли способствовать развитию острой массивной кровопотери, послужившей причиной смерти.

Заместитель Балашихинского городского прокурора Московской области 12.05.2020 возвратил следователю уголовное дело по обвинению Ж. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 111, ч. 1 ст. 161 УК РФ, для производства дополнительного следствия. Ж. обвиняется в умышленном

причинении тяжкого вреда здоровью Д., опасного для жизни человека, повлекшего по неосторожности смерть последнего, а также открытого хищения его мобильного телефона. Так, обстоятельства, подлежащие доказыванию в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, в полном объеме следователем не установлены. Ж. обвиняется в совершении в отношении Д. преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 111, ч. 1 ст. 161 УК РФ, в период с 02 ч. 00 мин. до 02 ч. 51 мин. 14.07.2019. Согласно заключения судебного эксперта от 15.07.2019 № 1273, смерть Д. наступила за 2-5 часов до момента обнаружения его на месте происшествия в 06 ч. 30 мин. 14.07.2019. Врачом Е. в 02 ч. 51 мин. 14.07.2019 констатирована смерть Д. Таким образом, причинение смерти Д. в период с 01 ч. 30 мин. по 02 ч. 51 мин. 14.07.2019 не исключено, в связи с чем предъявленное Ж. обвинение не соответствует обстоятельствам, установленным в уголовном деле, что противоречит требованиям п. 1 ч. 1 ст. 73, п. 4 ч. 2 ст. 171 УПК РФ.

Заместитель Видновского городского прокурора Московской области 06.05.2020 возвратил следователю уголовное дело по обвинению Ш. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 105, ч. 2 ст. 162, ч. 3 ст. 30 ч. 1 ст. 131, п. «б» ч. 2 ст. 161, ч. 3 ч. 1 ст. 131 УК РФ, для производства дополнительного следствия. Согласно судебной медицинской экспертизе от 02.08.2019 № 866 на трупе Т. обнаружены: проникающее колото-резаное ранение грудной клетки слева с повреждением сердца, наличие крови в сердечной сорочке и левой плевральной полости; резаная рана в затылочной области слева; ушибленная рана в теменной области справа; ссадины на коже задней поверхности шеи; по одной ссадине на коже передних поверхностей коленных суставов; кровоизлияние в мягких тканях лопаточной области спины слева. Ш. предъявлено обвинение в нанесении потерпевшему 1 удара ножом в область грудной клетки, который повлек за собой смерть Т. В этой связи правовая оценка резанной ране в затылочной области, ушибленной ране в теменной области, ссадины на коже задней поверхности шеи, по одной ссадине на коже передних поверхностей коленных суставов, кровоизлияние в мягких тканях лопаточной области спины слева, обнаруженным на трупе Т., следователем не дана.

Прокурор Заиграевского района Республики Бурятия 27.09.2019 возвратил следователю уголовное дело по обвинению Е. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, для производства дополнительного следствия. В ходе расследования 18.02.2019 назначена и проведена судебная молекулярно-генетическая экспертиза с целью установить генетический профиль лица. 18.02.2019 у сына Г. получены образцы букального эпителия. Однако в материалах уголовного дела отсутствует постановление и протокол получения образцов для сравнительного исследования.

3) И эксперта, и следователя. Заместитель прокурора Московской области 31.01.2020 возвратил следователю уголовное дело по обвинению Б. в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, для производства дополнительного следствия. По версии следствия, Б. 15.06.2018 в связи с возникшим конфликтом нанес ножом колото-резаные раны шеи и туловища Т. и К., в связи с чем наступила их смерть. В нарушение требований

ст. 73 УПК РФ следователем не установлено наличие следов волочения на трупе Т. и вероятность наступления смерти на месте его обнаружения или в другом месте, так как эксперт при проведении судебного медицинского исследования на данные вопросы на ответил. Не проверенная возможность наступления смерти Т. при обстоятельствах, изложенных в предъявленном Б. обвинении, а также локализации крови в квартире (на предметах) с трупа Т. при обстоятельствах, изложенных в протоколе проверки показаний на месте с участием Б. Экспертным путем не установлено взаиморасположение нападавшего и погибших во время причинения им обнаруженных повреждений, а также наличие признаков изменения позы трупов.

Прокурор Железнодорожного района г. Улан-Удэ Республики Бурятия 23.10.2018 возвратил следователю уголовное дело по обвинению Ж. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 105, п. «в» ч. 2 ст. 158, п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, для производства дополнительного следствия. Из предъявленного Ж. обвинения следует, что 21.07.2018 около 09 ч. 30 мин. он в доме 60/1 по ул. Л. г. Улан-Удэ с целью умышленного убийства П. нанес последнему не менее одного удара молотком в область головы, а затем, продолжая реализацию своего преступного умысла, находясь во дворе вышеуказанного дома, нанес не менее 5 ударов в грудную клетку П., причинив ему открытый ограниченно-вдавленный перелом правой лобной и теменной костей, проникающее колото-резаное ранение передней поверхности груди слева с повреждением сердца (от которого наступила смерть потерпевшего), расценивающиеся как причинившие тяжкий вред здоровью человеку по признаку опасности для жизни. При этом, предъявленное Ж. обвинение, основано лишь на его показаниях, данных им с целью избежать уголовной ответственности за содеянное. В частности, из его показаний следует, что в ходе ссоры с П. в доме он ударил потерпевшего молотком по голове, от чего тот упал, но сразу встал на ноги. Он начал убегать от П., по дороге взял нож. Когда вышел из дома, то потерпевший был уже в ограде дома, шел за Ж., громко кричал, размахивал ножом. В какой-то момент Ж. ударил П. ножом в область живота или бок. Он отбежал от него, а П. снова подошел к нему, размахивая ножом. Тогда Ж. снова нанес своим ножом 1-2 удара в область туловища потерпевшего, отчего тот упал на землю. Вместе с тем, из заключения судебной медицинской экспертизы трупа П. следует, что обычно повреждение в виде открытого ограниченно-вдавленного перелома правой лобной и теменной костей сопровождается утратой способности совершать активные действия за относительно продолжительный промежуток времени. Таким образом, после того как потерпевшему был причинен открытый ограниченно-вдавленный перелом лобной и теменной костей, маловероятно, что он вообще мог передвигаться, выходить из дома в ограду, размахивать ножом, и получив ножевое ранение, продолжать двигаться. Изложенное опровергают версию Ж. при каких обстоятельствах им совершено преступление, тогда как предъявленное ему обвинение полностью соответствует его версии и противоречит фактическим обстоятельствам произошедшего. Кроме того,

согласно выводам дополнительного заключения эксперта по материалам уголовного дела образование вышеуказанных повреждений при исследовании трупа П. при обстоятельствах, указанных Ж. в протоколе допроса и видеозаписи проверки показаний подозреваемого на месте, возможно, поскольку не противоречит механизму образования и количеству воздействий. Выводы данной судебной экспертизы противоречат вышеуказанному заключению судебной экспертизы трупа потерпевшего, которые проведены одним и тем же судебным медицинским экспертом Д. В связи с изложенным, в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 207 УПК РФ имеются основания для назначения повторной судебной экспертизы.

Как мы видим, количество следственных ошибок, на практике, явно превышает число ошибок, допускаемых судебными экспертами. Однако встречаются случаи, когда судебные экспертизы вовсе не назначались, что является вопиющим нарушением уголовно-процессуального законодательства.

Так, например, заместитель прокурора Московской области 20.02.2020 возвратил следователю уголовное дело по обвинению Х. в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, для производства дополнительного следствия. В нарушение требований п. 4 ч. 2 ст. 171, ч. 1 ст. 220 УПК РФ предъявленное Х. органами следствия обвинение не содержит конкретных обстоятельств совершения убийства С., при этом имеются противоречия относительно орудия преступления, поскольку из текста постановления о привлечении в качестве обвиняемого следует, что Х. нанес С. в область расположения жизненно-важных органов не менее 20 ударов предметом с ограниченной поверхностью, ножом, предметом, имеющим острую кромку, тупым предметом. В ходе расследования обязательная, в соответствии со ст. 196 УПК РФ, судебная медицинская экспертиза по установлении причины смерти С., в нарушение ст. 195 УПК РФ, не назначалась.

Другим примером является возвращение 23.01.2020 заместителем прокурора Московской области следователю уголовного дела по обвинению Ж. и Н. в совершении преступления, предусмотренного п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ, для производства дополнительного следствия. Ж. и Н. в период с 17 ч. 50 мин. до 18 ч. 50 мин. 23.09.2018, находясь на земельном участке по адресу: Московская область, Сергиево-Посадский район, пос. Сватково, д. 39, совместно совершили убийство Ю. Органами предварительного расследования в нарушение требований ст.ст. 195-207 УПК РФ, Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.09.1975 № 5 «О соблюдении судами Российской Федерации процессуального законодательства при судебном разбирательстве уголовных дел» вместо назначения и производства дополнительной судебной медицинской экспертизы, с целью ответа на вопрос о возможности причинения телесных повреждений и наступления смерти Ю. при обстоятельствах, установленных

материалами уголовного дела, произведет допрос судебного эксперта[1], что недопустимо.

Заместитель прокурора Республики Бурятия 22.01.2018 возвратил следователю уголовное дело по обвинению М. в совершении убийства С., т.е. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, для производства предварительного следствия. Допрошенный в качестве подозреваемого М. показал, что в ночь с 05 на 06 апреля 2017 года нанес 2 удара металлической кружкой по голове С. В дальнейшем М. от указанных показаний отказался и стал утверждать, что не мог нанести удары потерпевшему, поскольку является инвалидом и страдает заболеванием суставов (артогипозом). Выдвинутая обвиняемым версия о непричастности к совершению преступления следователем не проверена: не приобщены медицинские документы, подтверждающие наличие у М. названного заболевания; судебная медицинская экспертиза на предмет установления возможности совершения обвиняемым инкриминируемых действий не произведена; не выяснено, каким образом обвиняемый удовлетворял социально-бытовые потребности (например, приготовление и употребление пищи).

Заместитель прокурора Республики Бурятия от 10.04.2019 возвратил следователю уголовное дело по обвинению З. в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 3 ст. 131, п.п. «а», «в» и «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, для производства дополнительного следствия. З. инкриминировано убийство малолетней К., сопряженное с изнасилованием, а также убийство Г. По уголовному делу имеются неустраненные сомнения в том, являются ли правдивыми показания З. об обстоятельствах совершения преступлений. На это указывает непоследовательность и противоречивость его показаний. З. был допрошен семь раз. В ходе этих допросов он давал разные показания о возрасте К., способе ее удушения, локализации телесных повреждений. З. утверждает, что К. на вид было 17-18 лет, то есть на отсутствие в его действиях заведомости относительно малолетнего возраста. В этой связи необходимо допросить родителей К., иных лиц о том, выглядела ли она старше своего возраста. При проверке показаний на месте З. продемонстрировал, что нанес один удар в правую часть спины К. В других показаниях указал, что нанес ей удар в спину слева. Показанный обвиняемым механизм нанесения удара в шею К. не согласуется с направлением раневого канала, описанным в заключении судебного медицинского эксперта. Кроме того, З. первоначально показал, что удерживал правой рукой платок (шарф) со спины жертвы и натягивал его с силой на себя. В последующем (08.08.2018) изменил эти показания, указал, что схватил обеими руками концы платка и натягивал их в противоположные стороны. Показания от 08.08.2018 положены в основу обвинения в окончательной редакции. При этом достаточные меры к устранению перечисленных

[1] См., например: Захарова В.О. Допрос эксперта: рекомендации и ошибки // Российский следователь. 2020. № 5. С. 21–24; Овсянников И.В. Цели допроса в судебном следствии эксперта, давшего заключение в досудебном производстве // Современное право. 2024. № 10. С. 122–124.

противоречий, в том числе с использованием специальных познаний в области судебной медицины, не приняты. Заключения ситуационных судебных медико-криминалистических экспертиз от 17.01.2019 № 15 и от 24.01.2019 № 20 не подтверждают и не опровергают ни одну из указанных З. версий. При этом данные заключения не отвечают требованиям ст. 204 УПК РФ, поскольку в них отсутствуют содержание и результаты исследований с указанием примененных методик. Из исследовательской части отмеченных заключений невозможно сделать вывод о том, на основании каких данных эксперты пришли к выводу о том, что возможность причинения телесных повреждений, обнаруженных на трупах К. и Г., способами и при обстоятельствах, указанных З., не исключается. Для устранения перечисленных противоречий необходимо обеспечить производство судебных ситуационных судебных медико-криминалистических экспертиз. Также, в постановлении прокурора от 27.12.2018 содержались предписания о принятии мер к установлению экспертным путем первоначального вида женской сумки (цвет, материал), обнаруженной в месте, указанном обвиняемым. Эксперт Б. 15.01.2019 дала показания о невозможности ответа на указанный вопрос из-за отсутствий методик исследования. В соответствии со ст. ст. 80 и 205 УПК РФ эксперт Б. не могла давать разъяснения по вопросу установления первоначального фрагмента дамской сумки, поскольку при производстве судебной товароведческой экспертизы от 15.08.2018 № 1237/7-1-19.1 по данному вопросу заключение ею не давалось. Из показаний Г. и К. следует, что потерпевшая пользовалась сумкой черного цвета трапециевидной формы с двумя ручками в виде бретелек. Однако сведения о размерах сумки (рисунок), характерных индивидуальных особенностях этого галантерейного товара в уголовном деле отсутствуют. В ходе дополнительного расследования следует обеспечить производство судебной экспертизы для установления сведений о первоначальном виде женской сумки. Предъявить родителям на опознание обнаруженный фрагмент дамской сумки, а также с учетом результатов судебной экспертизы провести иные следственные действия по ее идентификации с сумкой потерпевшей.

Литература

1. Захарова В.О. Допрос эксперта: рекомендации и ошибки // Российский следователь. 2020. № 5. С. 21–24.
2. Захарова В.О. О качестве расследования преступлений // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 6. № 7. С. 131–135.
3. Захарова В.О. О классификации следственных ошибок // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2014. № 5. С. 142–144.
4. Новейшие следственные ошибки / под ред. Ю.А. Цветкова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. 415 с.
5. Овсянников И.В. Цели допроса в судебном следствии эксперта, давшего заключение в досудебном производстве // Современное право. 2024. № 10. С. 122–124.

А.М. Косенко
ГСУ СК России по городу Москве

Проблемы определения процессуального статуса лиц, в отношении которых назначается судебная экспертиза в стадии возбуждения уголовного дела

Аннотация. Правовое регулирование назначения судебных экспертиз в стадии возбуждения уголовного дела не имеет существенных недостатков. Закон не предусматривает наличия у участников проверки сообщения о преступлениях, прав, аналогичным правам подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля, предусмотренным ст. 198 УПК РФ. В этом многие ученые видят нарушение их прав. Вместе с тем, из анализа практики и теоретических воззрений констатирован вывод, что назначение и производство судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела направлено на установление признаков преступления, не сопровождается государственным принуждением, не ограничивает личные права граждан, в связи с чем основания для вовлечения участников стадии возбуждения уголовного дела в правоотношения по назначению и производству экспертизы отсутствуют.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, судебная экспертиза, полномочие, принуждение, статус.

Само по себе назначение судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела длительное время вызывало в науке дискуссии относительно обоснованности законности такого проверочного действия. Следственно-судебная практика также складывалась неоднозначно.

С принятием Федерального закона от 04 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[1] острота такой дискуссии постепенно стала снижаться. Вместе с тем, правовое регулирование назначения экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела является поверхностным и не последовательным, что порождает некоторые трудности в правоприменительной практике.

Возможность назначения судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела находит поддержку не у всех ученых[2]. Среди доводов противников предоставления следователям указанного права можно выделить два основных тезиса: во-первых, это создаст предпосылки к наделению следователей полномочиями по производству других следственных действий, что приведет к «постепенной эрозии процесса в его досудебных стадиях» либо ликвидации стадии возбуждения уголовного дела как таковой; во-вторых, это

[1] Российская газета. 6 марта 2013 г. № 48.

[2] Дронова Е.В., Коньшина Я.А. Назначение экспертизы и задержание в ходе проверки заявления о преступлении // Альманах современной науки и образования. 2012. № 10. С. 59–61.

приведет к нарушению прав заинтересованных лиц, которые будут лишены возможности знакомиться с постановлением о назначении экспертизы.

Вместе с тем наделение следователей полномочием назначения судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела видится не только целесообразным, но и необходимым. Современный мир быстро меняется, прогрессирует, и законодательство должно ему соответствовать. Наука не стоит на месте, развиваются и усложняются технологии. Сферы деятельности и познания людей сужаются и углубляются, требуют специального образования. Преступность, в свою очередь, «идет в ногу» с развитием науки и техники – появляются новые виды, средства, способы совершения и сокрытия преступлений и т.д. В современных условиях установление фактических признаков преступления зачастую просто невозможно без специальных познаний и экспертных исследований.

Что касается «эрозии процесса», то она возникает в практической деятельности при назначении судебных экспертиз (как, впрочем, и иных проверочных действий), не влияющих на получение данных, указывающих на признаки преступления, но служащих целям «полноты, объективности и всесторонности» проводимой проверки, а также целям установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, что в стадии возбуждения уголовного дела видится избыточным и неоправданным. Такую эрозию можно избежать путем назначения и производства экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела исключительно в целях установления признаков преступления, на что указывает ряд процессуалистов[1]. Необходимо отметить, что данные тезисы справедливы для всех проверочных действий.

Также в науке уголовного процесса обсуждается проблема обеспечения прав участников проверки сообщения о преступлении при назначении судебных экспертиз вообще и в отношении этих участников. На текущий момент закон не предусматривает наличия у участников проверки сообщения о преступлениях, прав, аналогичным правам подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля, предусмотренным ст. 198 УПК РФ. В этой связи многие ученые видят нарушение прав участников проверки сообщения о преступлении при назначении и производстве судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела.

Одни авторы предлагают наделить заинтересованных участников проверки сообщения о преступлении правами подозреваемого, потерпевшего и свидетеля при назначении и производстве экспертизы[2], другие считают необходимым обеспечивать их права по аналогии с правами потерпевшего, подозреваемого и

---

[1] Бобринев Р.В., Червинский А.С. Использование в уголовном судопроизводстве права на назначение и производство судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2. Т. 2. С. 126–127.

[2] Латыпов В.С. Судебная экспертиза на стадии возбуждения уголовного дела: вопросы реализации прав участников уголовного судопроизводства // Материалы Международной научно-практической конференции «Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии». 2016. Т. 1. С. 49–52.

обвиняемого[1]. Третья группа ученых предлагает ввести в уголовно-процессуальный закон статусы «пострадавшего»[2], «заподозренного»[3], «лица, в отношении которого решается вопрос о возбуждении уголовного дела»[4] – аналоги статусов потерпевшего и подозреваемого в стадии возбуждения уголовного дела. Касательно назначения и проведения экспертизы – это предполагает наделение их правом знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы, заявлять отвод эксперту, ходатайствовать о постановке дополнительных вопросов эксперту; знакомиться с заключением эксперта и т.д.

В этой связи представляется, что проецирование процессуальных статусов потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого) на участников проверки сообщения о преступлении, является не вполне оправданным. На данном этапе нет достаточных данных о совершении преступления, соответственно, нет достаточных данных о том, кто впоследствии может стать потерпевшим или подозреваемым (обвиняемым). Рассуждения от обратного сводятся к следующему: если имеются сведения о том, кому преступлением причинен вред и кто его причинил, значит, имеются сведения о самом факте совершения преступления.

Следователь может и должен прогнозировать ход и результаты проверки сообщения о преступлении и в соответствии с этим прогнозом избирать ту или иную тактику проведения конкретного проверочного действия или проверки в целом. Однако прогнозировать процессуальную роль каждого лица, вовлекаемого в проверку сообщения о преступлении, просто невозможно и нерационально. Нельзя ставить в зависимость от прогноза следователя наличие и содержание прав и обязанностей лиц, участвующих в проверочных действиях. Тем более это не должно зависеть от мнения заявителя, поскольку высказанные предложения обязывают следователя автоматически наделять заявителя статусом «пострадавшего», а того, кого он назовет виновником произошедшего с ним несчастия – «заподозренным». По тем же основаниям видятся недопустимыми и предложения автоматически признавать подозреваемым лицо, в отношении которого имеется заявление или иное сообщение о совершении им

---

[1] Муравьев К.В., Седельников П.В. Вопросы назначения и производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела // Законодательство и практика. 2013. № 2. С. 61.

[2] Андреева О.И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской Федерации и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса. дис. ... доктора юридических наук. Томск. 2007. С. 216.

[3] Фомин М.А. Сторона защиты в уголовном процессе (досудебное производство). М.: Юрлитинформ. 2004. С. 366.

[4] Шипицина В.В. Обеспечение прав граждан в стадии возбуждения уголовного дела. дис. ... кандидата юридических наук. Краснодар. 2010. С. 63.

преступления[1]. Подозревать кого-либо в совершении преступления в условиях, когда следователь еще не установил сам факт совершения преступления, неприемлемо.

Обходится без внимания и то обстоятельство, что проверка одновременно проводится и в отношении заявителя на предмет возможного совершения им заведомо ложного доноса. Так, согласно ч. 2 ст. 148 УПК РФ при вынесении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по результатам проверки сообщения о преступлении, связанного с подозрением в его совершении конкретного лица или лиц, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания обязаны рассмотреть вопрос о возбуждении уголовного дела за заведомо ложный донос в отношении лица, заявившего или распространившего ложное сообщение о преступлении. Более того, уличенный в заведомо ложном доносе «пострадавший» становится подозреваемым, а оболганный «заподозренный» – потерпевшим.

Таким образом, подавшее заявление о преступлении лицо одновременно становится носителем двух статусов – заявителя и заподозренного, что не укладывается в логику уголовного процесса.

Таким образом, необходимо возбуждать уголовное дело, официально придавать соответствующий процессуальный статус указанным лицам и обеспечивать реализацию ими всего комплекса предусмотренных уголовно-процессуальным законом прав. Следует согласиться с Ж.А. Поляновой, указавшей, что обеспечение прав, присущих субъекту уголовно-процессуальных отношений, в полной мере возможно только после возбуждения уголовного дела[2].

Нарушение чьих-либо прав назначением экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела видится сомнительным. Утверждения о таких нарушениях декларативны, не содержат в себе конкретики, а также игнорируют возможность реализации всего комплекса предусмотренных законом прав, касающихся назначения и проведения экспертизы в более поздних стадиях. Необходимо согласиться с обоснованным мнением таких ученых, так А.Р. Белкин и О.Д. Жук, в соответствии с которым «производством экспертизы до возбуждения уголовного дела не затрагиваются ничьи личные интересы»[3] и «производство экспертизы в подобных случаях не нарушает ничьих прав»[4].

---

[1] Астафьев Ю.В., Сыщиков И.С. Процессуальный и нравственный аспект обеспечения прав и законных интересов участников стадии возбуждения уголовного дела // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 104.

[2] Полянова Ж.А. Права и обязанности подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля при производстве судебной экспертизы. дис. ... кандидата юридических наук. М. 2005. С. 84.

[3] Белкин А.Р. Теория доказывания. Научно-методическое пособие. М. Норма. 1999. С. 215.

[4] Жук О.Д. Борьба с организованной преступностью в Российской Федерации: По материалам оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности в Западно-

Производство судебной экспертизы в отношении конкретного лица в стадии возбуждения уголовного дела возможно только в добровольном порядке. Соблюдение принципа добровольности также не нарушает прав лиц, в отношении которых производится экспертиза.

Необходимо отметить системный и последовательный подход в правовом регулировании принудительного производства судебной экспертизы, не допускающий применение принуждения в стадии возбуждения уголовного дела. Так, согласно абзацу 4 статьи 28 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»[1], в случае, если в процессуальном законодательстве Российской Федерации не содержится прямого указания на возможность принудительного направления лица на судебную экспертизу, государственное судебно-экспертное учреждение не вправе производить судебную экспертизу в отношении этого лица в принудительном порядке. Уголовно-процессуальный закон предусматривает принудительное производство судебно-медицинской и судебной психиатрической экспертизы в отношении подозреваемых и обвиняемых, институт возбуждения уголовного дела не предусматривает аналогичных полномочий следователя, в связи с чем почвы для дискуссии по данному вопросу не имеется.

Кроме того, обеспеченность производства судебной экспертизы силой государственного принуждения в стадии предварительного расследования компенсируется наличием широкого круга прав у иных заинтересованных участников уголовного судопроизводства. Таким образом, государством обеспечена реализация как полномочий следователя, так и прав иных участников уголовного судопроизводства. В стадии возбуждения уголовного дела еще не констатирован факт преступления, а следователь лишен силы государственного принуждения, в связи с чем наделение участников проверки сообщения о преступлении правами потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого) вносит перекос в сторону необоснованного расширения прав неопределенного круга лиц.

Таким образом, назначение и производство судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела направлено на установление признаков преступления, не сопровождается государственным принуждением, не ограничивает личные права лиц, вовлеченных в проверку сообщения о преступлении. В отсутствие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, отсутствуют и условия для предоставления этим лицам комплекса прав, связанных с назначением и производством судебной экспертизы.

Сибирском и других регионах России. дис. ... кандидата юридических наук. Москва. 1998. С. 115.

[1] Российская газета. 5 июня 2001 г. № 106.

Литература

1. Андреева О.И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской Федерации и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса. дис. ... доктора юридических наук. Томск. 2007. 443 с.

2. Астафьев Ю.В., Сыщиков И.С. Процессуальный и нравственный аспект обеспечения прав и законных интересов участников стадии возбуждения уголовного дела // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 101–108.

3. Белкин А.Р. Теория доказывания. Научно-методическое пособие. М. Норма. 1999. 429 с.

4. Бобринев Р.В. Червинский А.С. Использование в уголовном судопроизводстве права на назначение и производство судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2. Т. 2. С. 126–130.

5. Дронова Е.В., Коньшина Я.А. Назначение экспертизы и задержание в ходе проверки заявления о преступлении // Альманах современной науки и образования. 2012. № 10. С. 59–61.

6. Жук О.Д. Борьба с организованной преступностью в Российской Федерации: По материалам оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности в Западно-Сибирском и других регионах России. дис. ... кандидата юридических наук. Москва. 1998. 174 с.

7. Латыпов В.С. Судебная экспертиза на стадии возбуждения уголовного дела: вопросы реализации прав участников уголовного судопроизводства // материалы Международной научно-практической конференции «Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии». 2016. Т. 1. С. 49–52.

8. Муравьев К.В., Седельников П.В. Вопросы назначения и производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела // Законодательство и практика. 2013. № 2. С. 60–64.

9. Полянова Ж.А. Права и обязанности подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля при производстве судебной экспертизы. дис. ... кандидата юридических наук. М. 2005. 219 с.

10. Фомин М.А. Сторона защиты в уголовном процессе (досудебное производство). М.: Юрлитинформ. 2004. 536 с.

11. Шипицина В.В. Обеспечение прав граждан в стадии возбуждения уголовного дела. дис. ... кандидата юридических наук. Краснодар. 2010. 205 с.

В.В. Крюков
Государственный социально-гуманитарный университет

К вопросу об использовании положений правил дорожного движения при исследовании дорожно-транспортных происшествий на пешеходных переходах

Аннотация. В статье приведен анализ особенностей расследования дорожно-транспортных происшествий на пешеходных переходах. Проанализированы проблемы, возникающие при расследовании данной категории дел, связанные с определением момента возникновения опасности для водителя и установления иных параметров необходимых для определения технической возможности предотвращения дорожно-транспортных происшествий. На основе анализа указанных проблем названы пути их решения. Предложены способы получения максимально соответствующих условиям происшествий параметров.

***Ключевые слова*:** ПДД РФ, экспертиза ДТП, автотехническая экспертиза, ДТП на пешеходных переходах, время реакции водителя.

За более чем столетнюю историю автомобильного транспорта основной проблемой было и остается обеспечение безопасности дорожного движения. Основой снижения аварийности дорожного движения на уже задействованных участках дорожной сети является разделение разнородных участников дорожного движения по отдельным частям дороги. Правилами дорожного-движения Российской Федерации[1] определено перемещение безрельсовых транспортных средств по проезжей части, а пешеходов по тротуарам и обочинам[2], теоретически исключающее такой вид дорожно-транспортных происшествий как наезд на пешехода. В реалиях направления движения транспортных и пешеходных потоков не всегда параллельны, а зачастую пересекаются. В связи с чем заложенная основными определениями Правил дорожного движения РФ теоретически безупречная концепция обеспечения безопасности участников дорожного движения оказывается трудновыполнимой. Пришедшее из геометрии решение в виде перекрещивающихся прямых, которые лежат в разных плоскостях, соответственно не имеют общих точек, тем самым так же исключающее наезды на пешехода – это надземные и подземные пешеходные переходы. Самый первый московский подземный пешеходный переход был сооружен под Садовым кольцом на станции метрополитена филевской линии «Смоленская» в 1935 году. Началом массового строительства подземных пешеходных переходов в Москве можно считать конец 50-х годов

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 23.10.1993 N 1090 (ред. от 27.03.2025) «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения»).

[2] Пункт 1.2 Правил дорожного движения Российской Федерации определение терминов «проезжая часть» и «тротуар».

прошлого века. Основным препятствием их распространению служили дороговизна и сложность изготовления и обслуживания. Более дешевая и простая в содержании не снижающая уровень безопасности дорожного движения альтернатива надземные пешеходные переходы при всех плюсах могут нарушать облик исторических районов. Остальные альтернативы, в виде наземных регулируемых пешеходных переходов и наземных нерегулируемых пешеходных переходов, обеспечения пересечения транспортного и пешеходного потоков снижают уровень обеспечения безопасности дорожного движения, как для пешеходов, так и для транспортных средств. Еще в 1964 году Дэвид Соломон исследовал зависимость частоты столкновений автомобиля от отличия его скорости от средней скорости потока[1]. Согласно его исследованиям наибольшую опасность для движения транспортных средств в потоке представляют участники движения, чья скорость отличается от скорости потока в меньшую сторону, при этом отмечено гиперболическое снижение уровня безопасности движения. Для снижения данного отрицательного эффекта на регулируемых пересечениях потоков (транспортных и пешеходных) устройства регулирования движения включают режимы предупреждения включения запрещающего сигнала. Так, например, переключение «зеленого» сигнала светофора в мигающий режим на 3 секунды с последующим включением «желтого» сигнала на 3 секунды предоставляют в распоряжение водителей в транспортном потоке 6 секунд на принятие мер к снижению скорости в режиме рабочего торможения (по величине замедления принятого в экспертной практике равным половине величины замедления при экстренном торможении) в условиях сухого асфальтированного улучшенного покрытия с 60 км/ч до остановки. В силу сокращающегося времени на снижение скорости каждое последующее транспортное средство в потоке вынуждается применять торможение с все более возрастающей величиной замедления (вплоть до экстренного торможения).

Для исключения гиперболического увеличения опасности для движения в зоне нерегулируемых пешеходных переходов пункт 4.5 Правил дорожного движения РФ предусматривает категорическое требование «На пешеходных переходах пешеходы могут выходить на проезжую часть (трамвайные пути) после того, как оценят расстояние до приближающихся транспортных средств, их скорость и убедятся, что переход будет для них безопасен», которое исключает появление пешеходов на проезжей части в моменты приближения к нему транспортного потока или одиночных транспортных средств.

Указанные обстоятельства, указывающие на недопустимость появления на проезжей части пешеходов, даже в зонах нерегулируемых пешеходных переходов, приводящие к возникновению опасности для движения, на позволяют согласиться с применением уменьшенного (с типичного времени реакции водителя в 0.8 с) до 0.6 с времени реакции водителя предложенного

[1] Meyer, John Robert; Gómez-Ibáñez, José A.; Tye, William B.; Winston, Clifford (1999) Essays in Transportation Economics and Policy. Brookings Institution Press, 275 p.

Ю.Б. Суворовым[1] (приравнявшего к детям, бегущим в направлении проезжей части, взрослых дееспособных людей, нарушающих требования пункта 4.5 Правил дорожного движения РФ). Более логичным видится исключение данной дорожно-транспортной ситуации из раздела «ДТС, предшествовавшая ДТП, свидетельствовала о весьма большой вероятности его возникновения:

- водитель имел объективную возможность заранее обнаружить признаки вероятного возникновения препятствия, с достаточной точностью определить место, где могло появиться препятствие, момент возникновения и характер препятствия, а также необходимые меры по предотвращению ДТП;

- от водителя требовалось особое внимание к ДТС. Он должен был постоянно наблюдать за местом вероятного возникновения препятствия и подготовиться к принятию необходимых мер по предотвращению ДТП»

в раздел «ДТС, предшествовавшая ДТП, не содержала явных признаков вероятности его возникновения. Однако в поле зрения водителя находились (или могли появиться с большой вероятностью) объекты, которые могли создать опасную обстановку: водитель мог не иметь объективной возможности заранее определить место, где могло появиться препятствие, момент его возникновения и характер, а также необходимые меры по предотвращению ДТП;

- от водителя требовалось внимание к ДТС. Он не должен был отвлекаться от наблюдения за ней», соответствующего значению дифференцированного времени реакции водителя в 1.0 с.

Введение в 2023 году в Правила дорожного движения РФ рода транспортных средств «средство индивидуальной мобильности», под которое попадают транспортные средства различной конструкции[2], с учетом возможности передвижения на них как по проезжей части, так и по тротуарам с учетом требований пунктов главы 24[3] Правил дорожного движения РФ. Пункт 24.8 явным образом указывает «Велосипедистам, лицам, использующим для передвижения средства индивидуальной мобильности, и водителям мопедов запрещается: … пересекать дорогу по пешеходным переходам», что с учетом требований пункта 24.6 (1). «При пересечении проезжей части вне перекрестка велосипедистом или лицом, использующим для передвижения средство индивидуальной мобильности, указанные лица обязаны уступить дорогу другим участникам дорожного движения, движущимся по ней. более соответствует «ДТС, предшествовавшая ДТП, не содержала признаков возникновения препятствия. Однако в поле зрения водителя находились объекты, которые могли создать опасную обстановку; - водитель не имел объективной

[1] Суворов Ю.Б. Применение дифференцированных знаний времени реакции водителей в экспертной практике: методические рекомендации. М.: ВНИИСЭ, 1987. 20 с.

[2] Крюков В.В. К вопросу о понятии средств индивидуальной мобильности // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2025. № 1 (25). С. 181–190.

[3] Глава 24. «Дополнительные требования к движению велосипедистов, водителей мопедов и лиц, использующих для передвижения средства индивидуальной мобильности» Правил дорожного движения Российской Федерации.

возможности заранее определить место, где могло появиться препятствие, а также необходимые меры по предотвращению ДТП; - от водителя не требовалось повышенного внимания к ДТС и постоянного наблюдения за ней»[1] соответствующего значению дифференцированного времени реакции водителя в 1.2 с.

Наиболее соответствующими требованиям Правил дорожного движения РФ с изменениями от 09.2023 года возможно учитывать следующие значения времени реакции водителя при возникновении опасности для движения в зоне нерегулируемого пешеходного перехода:

В случае выбегания на проезжую часть ребенка – 0.6 с;

В случае выхода на проезжую часть взрослого человека – 1.0 с;

В случае выезда на проезжую часть средства индивидуальной мобильности – 1.2 с.

Литература

1. Крюков В.В. Проблемы выбора исходных данных в автотехнической экспертизе: современные подходы к решению // Теория и практика фундаментальных и прикладных исследований в сфере судебно-экспертной деятельности и ДНК-регистрации населения Российской Федерации: материалы Международной научно-практической конференции. Уфа, 2022. С. 110–114.

2. Крюков В.В. Современные проблемы экспертизы дорожно-транспортных происшествий. Виды и классификация средств индивидуальной мобильности // Вестник криминалистики. 2023. № 2 (86). С. 37–47.

3. Крюков В.В. К вопросу о понятии средств индивидуальной мобильности // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2025. № 1 (25). С. 181–190.

4. Суворов Ю.Б. Применение дифференцированных знаний времени реакции водителей в экспертной практике: методические рекомендации. М.: ВНИИСЭ, 1987. 20 с.

5. Чебуренков А.А. Ситуация дорожно-транспортного преступления и ее уголовно-правовые значения // Российский следователь. 2024. № 12. С. 44–48.

6. Meyer, John Robert; Gómez-Ibáñez, José A.; Tye, William B.; Winston, Clifford (1999) Essays in Transportation Economics and Policy. Brookings Institution Press, 275 p..

[1] Суворов Ю.Б. Применение дифференцированных знаний времени реакции водителей в экспертной практике: методические рекомендации. М.: ВНИИСЭ, 1987. 20 с.

А.Н. Кулешова [1]
Научный руководитель: **Е.В. Иванова** [2]
[1,2] Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Объекты и предметы судебно-лингвистической экспертизы материалов порнографического дискурса

Аннотация. в статье определяются различные виды объектов и предметов судебно-лингвистической экспертизы материалов порнографического дискурса, что является важным для понимания методов и подходов в анализе текстов. Рассмотрены наиболее распространенные объекты, их особенности и свойства. Статья может быть полезна специалистам в области судебной лингвистики, а также всем, кто интересуется вопросами правовой лингвистики и анализа контента.

Ключевые слова: лингвистика, юриспруденция, объект, предмет, порнография, половые, преступления, экспертиза.

В условиях цифровизации коммуникативных практик и роста объемов пользовательского контента проблема правовой оценки материалов порнографического характера приобретает особую актуальность. Судебная лингвистическая экспертиза (далее – СЛЭ), как и другие виды экспертиз, традиционно классифицируется в рамках криминалистической экспертизы. Она выступает ключевым инструментом установления юридически значимых признаков таких материалов, однако в экспертной практике сохраняются разночтения в понимании её объекта и предмета.

Объектами экспертного анализа являются цифровые материалы, включающие распечатки (скриншоты) коммуникативных актов между обвиняемыми и потерпевшими, осуществляемых посредством социальных сетей или SMS-сообщений. Эти материалы выступают, как правило, в качестве приложений к протоколам следственных осмотров или рассматриваться как самостоятельные документы, подлежащие всестороннему исследованию. Антонов О. Ю.[1] отмечает, «указанные объекты имеют свою специфику, поскольку, по мнению некоторых исследователей, в настоящее время речь идет о формировании нового стиля в русском языке — стиля интернет-общения, требующего серьезных лингвистических исследований». Современные объекты судебной лингвистической экспертизы охватывают широкий спектр текстовых форм: устные тексты (записи разговоров, протоколы следственных действий, видеозаписи, интервью, радиопередачи и другие), письменные тексты (статьи, книги, жалобы, надписи, объяснения, протоколы, записки, предсмертные записки, договоры, расписки, заявления, обращения и другие), поликодовые

[1] Антонов О.Ю. Особенности использования специальных знаний в области лингвистики при изучении электронной переписки в ходе расследования половых преступлений в отношении несовершеннолетних// Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 7. С. 43–52.

тексты (демотиваторы, реклама, видеоролики, кино- и видеофильмы, эмблемы, товарные знаки, карикатуры и другие), а также электронные тексты (переписка в социальных сетях и мессенджерах, блоги, форумы, комментарии, посты и другие). Таким образом, объект судебно-лингвистической экспертизы — материальные носители информации, содержащие вербальный компонент, который может обладать признаками порнографичности. Практика показывает, что наиболее частым объектом при назначении лингвистических экспертиз по делам о половой неприкосновенности и распространении порнографии несовершеннолетних являются электронные тексты, а именно переписки в мессенджерах, комментарии под постами в соцсетях.

В современном обществе вопросы, связанные с защитой половой неприкосновенности, приобретают особую актуальность. Одним из источников доказательств в делах данной категории может служить переписка, осуществляемая посредством электронных коммуникаций. Судебная лингвистическая экспертиза переписки становится важным инструментом в установлении обстоятельств дела и выявлении признаков преступлений. Переписка может быть представлена в различных формах: от традиционных писем до электронных сообщений (*e-mail*, мессенджеры). Каждая из этих форм имеет свои особенности, которые необходимо учитывать при проведении экспертизы. Переписка, осуществляемая в электронной форме, может содержать важную информацию, имеющую значение для расследования: прямые угрозы или призывы к действиям, признаки психологического насилия и манипулятивного воздействия, данные об участниках коммуникации.

Как правило, вопросы по таким объектам, поставленные перед экспертом, касаются не только упоминания половых органов и частей тела, побуждения к действиям с ними, но и угроз. В процессе переписки лицо, инициирующее общение с несовершеннолетним, старается удерживать общение как можно дольше, притом тщательно сохраняя свою анонимность. Кузнецов В. О.[1] отмечает, как в «диагностическом комплексе «побуждение к совершению действия»» раскрываются лингвистические признаки значения в аспекте заданной тематики: «Предмет речи: а) адресат; б) различные объекты, на которые направлено действие, которое необходимо совершить адресату (например, половые органы адресата). Содержательные типы высказываний: описание сексуальных действий, которые нужно совершить адресату в отношении предмета речи «б» (демонстрирование половых органов, манипуляций с ними)». Положительная оценка описываемых действий подразумевает их необходимость и желательность для адресанта. Это может быть выражено через лингвистические средства, создающие эффект одобрения или побуждения к выполнению определённых действий. Побуждение адресата к совершению описанных сексуальных действий является основной целью таких

[1] Кузнецов В.О. Методологические аспекты лингвистического экспертного исследования переписок на сексуальные темы с несовершеннолетними // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17. № 1. С. 107–114.

высказываний, направленной на стимулирование адресата к выполнению конкретных сексуальных действий. В диагностическом комплексе «угроза» «предмет речи: негативные действия адресанта в отношении адресата (например, распространение присланных несовершеннолетним адресанту фото- и видеоизображений). Содержательные типы высказываний: описание требуемых от объекта угрозы действий (продолжение совершения сексуальных действий) и негативных для объекта угрозы последствий отказа»[1]. В тексте выражена оценка негативных действий, которые, с точки зрения автора, желательны и заслуженны. Также представлена оценка действия, к которому адресуется объект: «вам необходимо это сделать», а также оценка последствий отказа: «иначе вам будет плохо». Дополнительно наблюдается информирование объекта угрозы о возможных негативных последствиях его поведения, а также побуждение к продолжению осуществления сексуальных действий. На основании анализа экспертной практики можно констатировать, что в контексте сексуальной переписки ключевым элементом выступает коммуникативная стратегия, реализуемая посредством комплекса практических речевых тактик. Одной из таких тактик является использование угрозы или шантажа, при которой в случае отказа несовершеннолетнего лица от продолжения сексуальных действий, второй участник коммуникации начинает угрожать распространением ранее полученных фото- и видеоматериалов. В результате несовершеннолетний вынужден продолжать выполнение требуемых сексуальных действий.

Общей характеристикой объекта и предмета судебно-лингвистической экспертизы материалов порнографического характера является маскировка. Имитация детской речи и сохранение анонимности делают данный объект наиболее распространенным. Анонимность является одним из ведущих аспектов распространения материалов порнографического дискурса. Иллюзия безнаказанности дает основания для распространения еще одного вида объектов СЛЭ. Использование цифровых технологий позволяет создавать контент различного содержания, включая тексты эротического характера, написанные самими пользователями сети Интернет – так называемые фанфики (от англ. *fan fiction*). В учебном словаре-справочнике «Массовая литература в понятиях и терминах» под редакцией В.Д. Черняк[2] приводится следующее определение термина фанфикшн: «Фанфикшн (фанфик, или фэнфик) – жанр сетературы и форма реализации в Сети текстов фэнов (поклонников популярных произведений искусства). Основными мотивами увлечения детей жанром «фанфикшн» можно считать потребность самоутверждения и получения внимания сверстников, отсутствие должного уровня полового воспитания и информационной безопасности, подражание взрослым моделям общения и поведения, представленному в массовой культуре, снижение барьеров восприятия табуированной темы вследствие анонимности среды интернет-

[1] Там же.

[2] Черняк В.Д. Массовая литература в понятиях и терминах: учебный словарь-справочник. М.: ФЛИНТА, 2015. 191 с.

коммуникаций[1]. Можно предположить, что именно специфика коммуникативного взаимодействия внутри онлайн-сообщества способствует распространению негативного опыта, способствующего вовлечению несовершеннолетних в производство материалов, запрещённых законом Российской Федерации.

В дополнение к этому, комментарии к литературным произведениям выступают в качестве объектов судебной лингвистической экспертизы (СЛЭ). Зачастую наблюдается ситуация, когда следователь неверно идентифицирует объект исследования. Это касается не только фанатских произведений, но и креолизированных и поликодовых текстов. Иногда отправитель намеренно размещает комментарии в социальных сетях, которые не имеют отношения к основному посту, чтоб остаться безнаказанным. Это создает проблему для эксперта при определении границ исследования. Сегодня уже реже встречаются комментарии, оставленные во время видеоконференций. В этом случае объект исследования становится ограниченным, поскольку отсутствует противоположная сторона коммуникативного акта (адресант). Тем не менее, комментарии остаются анонимными, и их распространенность неоспорима. Таким образом, комментарии к литературным произведениям представляют собой сложный и многогранный объект исследования, требующий глубокого анализа и применения специализированных методов судебной лингвистической экспертизы.

В современной криминалистической практике все реже встречаются такие объекты судебно-лингвистической экспертизы, как видеозаписи, записи телефонных разговоров и печатная продукция (буклеты). Тем не менее, их значимость не следует недооценивать, особенно в контексте расследования половых преступлений. Видеозаписи, включая материалы с камер видеонаблюдения, видеорегистраторов, мобильных устройств и других источников, представляют собой важный источник информации, позволяющий реконструировать обстоятельства преступления, идентифицировать участников и выявить мотивационные факторы. Судебно-лингвистический анализ видеоматериалов охватывает исследование вербального и невербального поведения, интерпретацию скрытых смыслов и подтекстов, а также оценку психоэмоционального состояния и намерений субъектов. Записи телефонных разговоров также являются ценным объектом для судебно-лингвистической экспертизы. Они предоставляют возможность анализа коммуникативных стратегий участников, включая выявление ключевых слов и фраз, оценку интонационных особенностей, а также интерпретацию контекста и намерений. Такой анализ может способствовать выявлению аномальных паттернов общения, указывающих на возможное совершение преступления. Печатная продукция, включая письма, дневники, журналы и другие текстовые материалы, также

[1] Валентонис А.С. Факторы, продуцирующие преступления, связанные с созданием и распространением порнографических материалов с участием несовершеннолетних // Право и государство: теория и практика. 2017. № 6 (150).

играет важную роль в расследовании половых преступлений. Анализ этих источников позволяет выявить ключевые темы и мотивы, оценить стиль и язык автора, а также интерпретировать контекст и подтексты. Это может способствовать выявлению скрытых сообщений или намёков, указывающих на сексуализацию и объективацию несовершеннолетних. Таким образом, экспертиза видеозаписей, записей телефонных разговоров и печатной продукции представляет собой неотъемлемую часть объектов судебно-лингвистической экспертизы, способствуя повышению эффективности расследования половых преступлений. Однако для эффективного использования этих материалов необходимо применять соответствующие методы и подходы, которые учитывают специфику каждого вида текста или аудиовизуального материала.

Объект судебно-лингвистической экспертизы материалов порнографического содержания представляет собой материальные носители вербальной и невербальной информации, требующие тщательного анализа с целью выявления лингвистических маркеров, указывающих на их порнографический характер. Предметом исследования выступают специфические лингвистические признаки, позволяющие квалифицировать контент как порнографический. Ключевые маркеры, свидетельствующие о порнографическом содержании, включают: натуралистическую лексику, характеризующуюся использованием терминологии, описывающей сексуальные акты и физиологические процессы в деталях; прагматические конструкции с эротической интенцией, направленные на возбуждение реципиента; дискурсивные особенности, такие как отсутствие художественной ценности и ориентация на непосредственное удовлетворение сексуальных потребностей аудитории.

Для повышения объективности и достоверности судебно-лингвистической экспертизы необходимо разработать и внедрить унифицированные методики анализа поликодовых текстов, включающих вербальные и невербальные элементы. Внедрение корпусных технологий позволит систематизировать и автоматизировать процесс обработки больших объемов данных, что значительно повысит точность и скорость анализа.

Усиление междисциплинарного взаимодействия между лингвистами, юристами и специалистами в области информационных технологий также является важным аспектом совершенствования методологии экспертизы. Комплексный подход, учитывающий достижения различных научных дисциплин, способствует более глубокому пониманию природы порнографического контента и разработке эффективных стратегий его анализа.

Перспективы дальнейших исследований связаны с адаптацией существующих методов к новым форматам мультимедийного контента, таким как виртуальная реальность (VR) и технологии deepfake. Эти инновационные технологии представляют собой вызов для традиционных методов анализа, требуя разработки новых критериев и подходов для их оценки. Совершенствование правовых критериев, регулирующих оборот порнографического контента, также является важным направлением развития судебно-лингвистической экспертизы.

Литература

1. Антонов О.Ю. Особенности использования специальных знаний в области лингвистики при изучении электронной переписки в ходе расследования половых преступлений в отношении несовершеннолетних // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 7. С. 43–52.
2. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: 2007.
3. Валентонис А.С. Факторы, продуцирующие преступления, связанные с созданием и распространением порнографических материалов с участием несовершеннолетних // Право и государство: теория и практика. 2017. № 6 (150).
4. Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения. М., 2003.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
6. Кузнецов В.О. Методологические аспекты лингвистического экспертного исследования переписок на сексуальные темы с несовершеннолетними // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17. № 1. С. 107–114.
7. Осадчий М.А. Правовой статус лингвистической экспертизы в судебном процессе // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2012. № 5.
8. Черняк В.Д. Массовая литература в понятиях и терминах: учебный словарь-справочник. Москва: ФЛИНТА, 2015. 191 с.

А.Ф. Купин
Следственный комитет Российской Федерации

Применение специальных знаний для установления монтажа цифровых изображений копий документов

Аннотация. В статье на примере изучения признаков монтажа в цифровых изображениях копий документов показаны ограничения в части выявления данного способа технической подделки методами технико-криминалистической (технической) экспертизы документов. Высказывается предложение о необходимости применения при изучении таких объектов методов судебной компьютерной (компьютерно-технической) экспертизы.

Ключевые слова: экспертное исследование, методы судебной экспертизы, метаданные файлов, копии документов, монтаж цифровых изображений.

В настоящее время происходит трансформация способов подделки документов. Одним из распространенных способов изменения первоначального содержания документов становится компьютерно-технический монтаж, связанный с подбором и соединением частей существующих документов (как в электронном, так и в бумажном виде) друг с другом или с вновь создаваемыми реквизитами посредством программного обеспечения (далее – ПО) и приданием им вида единого документа. Как правило, в ходе такого монтажа происходит

создание цифровой копии документа – изображения, полученного посредством фотографирования или ксерокопирования, содержащегося на материальном носителе.

Согласно п. 25 п. 3 ГОСТ Р 7.0.8.-2025, копия документа – это документ, полностью воспроизводящий информацию подлинника и все его внешние признаки или их часть. Однако при исследовании копий документов в рамках технико-криминалистической экспертизы документов (далее – ТКЭД) одной из задач является установление факта полного или неполного воспроизводства информации подлинника документа. Иными словами, копия может воспроизводить как подлинный документ, так и документ, подвергшийся монтажу, вследствие этого не являющийся подлинным. С целью акцентирования внимания на данном факте под термином «копия» нами будет подразумеваться изображение любого документа (и подлинного, и смонтированного, как в электронном виде, так и в бумажном), представленного на экспертизу. При этом документ, с которого была получена копия, мы будем именовать «документ – источник исследуемой копии».

Обратим внимание на тот факт, что с появлением рассматриваемого способа подделки документов в поле зрения судебных экспертов возникает новый объект исследования – копия с изображением реквизитов, полученная при помощи ПО и копировально-множительной техники, что создаёт сложности в применении существующих методик почерковедческой экспертизы и ТКЭД[1].

Во-первых, перед экспертом встаёт вопрос об установление факта пригодности копии для проведения исследования. Пригодность определяется информативностью и качеством изображения исследуемого объекта[2]. Существует традиционный способ дифференциации качества – хорошее / плохое. Однако, как отмечает М.В. Жижина, «анализ экспертной практики производства почерковедческой экспертизы по цифровым копиям документов как в государственных, так и негосударственных экспертных учреждениях свидетельствует об отсутствии терминологического единообразия в определении качества копирования и его характеристик»[3]. При этом она предлагает дополнить вышеописанную систему такими степенями, как «среднее», «выше среднего» и «ниже среднего» с выделением соответствующих признаков. Данная система нам представляется сложной в применении, поскольку эксперты с различным уровнем подготовки характеристики содержимого копии будут воспринимать по-разному, что приведёт к нарушению одного из главных принципов экспертизы – объективности.

Вышеизложенное означает условность нынешней системы определения

---

[1] Исследование изображений почерковых объектов в документах, выполненных при помощи копировально-множительной техники: Методические рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 2021. С. 3.

[2] Там же. С. 12.

[3] Жижина М.В. Судебно-почерковедческое исследование по цифровым скан- и фотокопиям документов (часть 2) // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. № 3. С. 97.

качества копии и необходимость создания алгоритма, который бы при использовании позволял бы устанавливать единообразно степень качества для конкретного изображения. Учитывая данные требования, представляется возможным создание обязательного к использованию экспертами ПО, в котором заранее обученная нейронная сеть будет определять качество изображения. Для этого предполагается возможным, во-первых, разработка группой специалистов параметров качества копии (например, разрешение, контрастность, наличие точек начала, пересечения и окончания штрихов). Во-вторых, создание подборок образцов копий со схожими значениями параметров и присвоением им определённой степени качества. В-третьих, обучение нейронной сети с помощью подборок и создание специализированного ПО под эту задачу.

Заметим, что аналогичные технологии отчасти уже используются в иных отраслях, например на онлайн-ресурсе в виде алгоритма (на стадии бета-версии), позволяющего с помощью технологии искусственного интеллекта определять процент эстетичности изображения[1].

Вторая сложность, возникающая в рамках проведения почерковедческих и технико-криминалистических экспертиз копий документов, отчасти была раскрыта в информационном письме ЭКЦ МВД России от 2015 г.[2] Её суть можно отразить в следующем тезисе: в случае предоставления на экспертизу копии документа, вероятность установления факта подлинности различных реквизитов данного документа (подписи, записи, оттиска печати и т.п.) крайне низка, поскольку не представляется возможным установить факт наличия / отсутствия изменений первоначального содержания документа-оригинала посредством применения технических средств и специализированного ПО.

Отсутствие данной возможности обусловливается требованиями ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», согласно которой эксперт проводит исследование в пределах соответствующей специальности, то есть эксперт-почерковед не имеет права решать вопросы, связанные с компьютерно-техническим монтажом документа. Например, эксперт-почерковед может предположить использование плоттера при выполнении подписи, однако данный вывод находится за пределами его компетенции.

Что касается ТКЭД, то эксперт данной специальности имеет право устанавливать факт изменения первоначального содержания документа посредством применения ПО, связанного с графической обработкой изображения документа, включая изменение яркости / контрастности и т.п. характеристик[3]. Однако возможности графического редактора не позволяют установить часть признаков, содержащихся в метаданных файла документа,

---

[1] URL: https://aesthetics.everypixel.com (дата обращения: 23.04.2025).

[2] Современные подходы к исследованию копий документов: Информационное письмо. М.: ЭКЦ МВД России, 2015.

[3] Купин А.Ф., Дончук А.И. Использование растровых графических редакторов в технико-криминалистической экспертизе документов // Эксперт-криминалист. 2023. № 3. С. 30.

свидетельствующих об изменении документа посредством именно технических средств и специализированного ПО, что входит в область знаний судебной компьютерной экспертизы (далее – СКЭ).

Следовательно, возвращаясь к отмеченной в информационном письме ЭКЦ МВД России от 2015 г. сложности, чтобы повысить вероятность установления факта подлинности различных реквизитов копии документа, представляется необходимым проведение комплексного исследования данной копии методами ТКЭД и СКЭ, разумеется, при условии наличия файла, содержащего документ – источник исследуемой копии.

Уточним, что использование методов СКЭ при исследовании файлов не ограничиваются только метаданными, могут изучаться и иные сведения, например, данные реестра ОС Windows[1]. В необходимых случаях такие методы могут использоваться для обнаружения и получения доступа к закрытым файлам, а также выявления признаков удаления и изменения файлов[2] и т.д.

Применительно к нашей ситуации изучение метаданных позволяет оперативно установить факт подделки копии документа, тем самым сократив длительность экспертизы и повысив её эффективность. Однако при определённых манипуляциях злоумышленника признаки, содержащиеся в метаданных файла, свидетельствующие об изменении документа посредством именно технических средств и специализированного ПО, могут быть искажены. То есть применение методов СКЭ не всегда позволяет обнаружить признаки компьютерно-технического монтажа копии документа, но при этом отрицать наличие такого монтажа нельзя. Поэтому можно сделать вывод, что методы ТКЭД и СКЭ при исследовании цифровых изображений копий документов дополняют друг друга, обеспечивая тем самым полноту и всесторонность экспертного исследования, снижая количество ошибочных выводов.

Литература

1. Бахтеев Д.В. Использование данных реестра ОС Windows для установления обстоятельств совершения компьютерного преступления / Д.В. Бахтеев, А.А. Беляков // Эксперт-криминалист. 2024. № 1. С. 5–8.

2. Жижина М.В. Судебно-почерковедческое исследование по цифровым скан- и фотокопиям документов (часть 2) // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. № 3. С. 96–100.

3. Исследование изображений почерковых объектов в документах, выполненных при помощи копировально-множительной техники: Методические рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 2021. 40 с.

[1] Бахтеев Д.В., Беляков А.А. Использование данных реестра ОС Windows для установления обстоятельств совершения компьютерного преступления // Эксперт-криминалист. 2024. № 1. С. 6–7.

[2] Фокин А.Д. Классификация источников криминалистически значимой информации при расследовании мошенничества в сфере оборота недвижимости, совершаемого с использованием средств телефонной связи // Эксперт-криминалист. 2025. № 1. С. 21.

4. Купин А.Ф. Использование растровых графических редакторов в технико-криминалистической экспертизе документов / А.Ф. Купин, А.И. Дончук // Эксперт-криминалист. 2023. № 3. С. 29–31.
5. Фокин А.Д. Классификация источников криминалистически значимой информации при расследовании мошенничества в сфере оборота недвижимости, совершаемого с использованием средств телефонной связи // Эксперт-криминалист. 2025. № 1. С. 19–22.

В.В. Лавелина
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя

Комплексный подход к исследованию потенциальных носителей генетической информации в органах внутренних дел России: проблемы и пути решения

Аннотация. В статье автор, исходя из практики производства экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел, рассматривает проблематику комплексного подхода к исследованию объектов – «вещественных доказательств», являющихся потенциальными носителями генетической информации о лице. Предложены способы решения проблемных аспектов, в целях повышения достоверности и результативности исследования ДНК.

Ключевые слова: генетическая экспертиза, статистические данные, комплекс исследований, многообъектная экспертиза, контаминация, следы биологического происхождения, исследование ДНК.

Идентификация личности, как одна из основных задач органов внутренних дел, довольно результативно решается с помощью современных возможностей анализа ДНК. Данные судебные исследования занимают достойное место в криминалистической технике, способствуя раскрытию наиболее тяжких и резонансных преступлений, установлению лиц без вести пропавших.

Этот вид специальных экспертных технологий, как отмечает Т.Ф. Моисеева, позволил исследовать «традиционные объекты судебной экспертизы на более высоком информативном уровне», а также получать информацию «о событии преступления и объектах, ранее непригодных для этого»[1].

Не случайно, в органах внутренних дел России создана полноценная лабораторная база для проведения исследований ДНК, ведения учетов данных геномной информации. «Благодаря применению современных автоматизированных систем выявляются новые качественные возможности ДНК-анализа совершенствуются методики исследования ДНК, что, в свою очередь, способствует повышению доказательной значимости результатов

[1] Моисеева Т.В. Новые методы и средства в формировании новых видов судебно-экспертных исследований // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 3. С. 69.

экспертных исследований ДНК биологических следов при раскрытии и расследовании преступлений»[1].

Круг задач, решаемых в рамках исследования потенциальных носителей генетической информации, довольно широк. Как справедливо отмечает Перепечина И.О., «по мере дальнейшей разработки молекулярно-генетических методов привычное для их использования фокусирование исключительно на вопросах идентификации личности дополняется решением и диагностических задач»[2].

И такой вывод вполне обоснован по ряду причин. На сегодняшний день в ходе осмотров мест происшествий изымается значительное количество биологических следов: кровь, сперма, потожировое вещество и слюна с сопутствующими эпителиальными клетками, жизнеспособные волосы, другие производные человеческого организма. Все они довольно успешно исследуются в целях установление генотипа оставившего их лица. При этом преследуется одна из важнейших задач раскрытия и расследования преступлений – это установление человека, причастного к произошедшим событиям[3].

Наряду с научными достижениями криминалистической науки сегодняшняя преступность также выходит на новый уровень. Все чаще при совершении противоправных деяний нарушители закона, как верно отмечает А.П. Морозов, использует перчатки, вещества, «забивающие» папиллярные узоры, вследствие чего альтернативные способы идентификации личности злоумышленника очень актуальны и востребованы[4].

Стоит отметить, что по итогам анализа работы экспертных подразделений МВД России можно сделать вывод, что около трети генетических экспертиз предусматривают использование комплексного подхода к изучению объекта (вещественного доказательства). То есть они проводятся параллельно (последовательно) с другими видами экспертиз, таких как: исследования наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, трасологическому, дактилоскопическому, взрывотехническому и баллистическому направлениям, исследованию холодного и метательного оружия.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ трактует значение комплексной экспертизы в статье 201 так: это – «судебная экспертиза, в производстве которой

---

[1] Стороженко И.В., Культин А.Ю., Никитаев В.Г., Проничев А.Н., Бердникович Е.Ю. Компьютерные технологии в судебно-генетической экспертизе. 2010. URL: https://f.eruditor.link/file/809221/ (дата обращения 05.06.2025).

[2] Перепечина И.О. Некоторые новые возможности ДНК (РНК)-диагностики // Вестник экономической безопасности. 2019. № 2. С. 214.

[3] Морозов А.П. Актуальные проблемы назначения и проведения молекулярно-генетической экспертизы в условиях современной правовой действительности // Юристъ-правоведъ. 2021. № 2. С. 219.

[4] Россинская Е.Р. Методологические и правовые проблемы комплексных судебных экспертиз в условиях реформирования законодательства о судебно-экспертной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2014. №6. С. 12-18.

участвуют эксперты разных специальностей»[1]. При этом в органах внутренних дел «комплексной экспертизой» зачастую называют фактически комплекс экспертиз, то есть исследование «общих» вещественных доказательств, оформленных одним постановлением. По, вполне обоснованному мнению Е.Р. Россинской, «не является комплексной экспертиза, представляющая собой последовательный ряд исследований, выполненных экспертами разных специальностей»[2].

Говоря о комплексном подходе, стоит согласиться с точкой зрения В.Б. Стукалина, который достаточно мотивированно приводит термин «комплекс исследований», объединенных одним исследуемым объектом, субъективным мнением эксперта об одновременном или разновременном, в том числе последовательном, проведении исследований». Автор объясняет сложившуюся ситуацию в органах внутренних дел с точки зрения практических работников, которые идут по пути «наименьшего сопротивления», назначая комплексные экспертизы по различным видам криминалистических направлений, при этом ставя независимые вопросы. То есть, происходит определенная подмена понятий: «комплексная экспертиза» и «комплекс исследований»[3].

В этой связи следует остановиться на некоторых спорных моментах, возникающих в практической деятельности в ходе исследования единых вещественных доказательств с точки зрения последовательного (параллельного) проведения комплекса экспертиз в том числе исследования ДНК.

Наибольшую озабоченность вызывает тот факт, что инициаторы, довольно часто, вероятно, по неосведомленности об особенностях методик того или иного экспертного направления, ставят перед группой экспертов вопросы «общего» характера, не разграничивая их по экспертным направлениям, что на практике зачастую создает трудности при ответе на них. При этом эксперты, исследуя одни и те же вещественные доказательства, решают независящие друг от друга задачи, соответствующие их компетенции. Проблемный аспект в ходе такого подхода заключается в применении взаимоисключающих (уничтожающих) методик исследования, использование которых одним экспертом, зачастую исключает возможности полноценного исследования иного вида.

Например, в ходе комплексного назначения биологического исследования (анализа ДНК) и исследования наркотических средств, с поверхностей «общих» вещественных доказательств предусматривается проведение «смывов». При этом какая-либо очередность хода данных исследований инициатором никак не обозначена, то есть эксперты действуют по договорённости. Но, методики данных направлений носят взаимоисключающий (уничтожающий) характер. Для исследования ДНК необходимо проведение изъятия биологического

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.06.2025).
[2] Там же. С. 16.
[3] Стукалин В.Б. Вопросы назначения и производства комплексной экспертизы // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. №1 (42). С. 26.

материала путем проведения «смывов». Что в свою очередь, может уничтожить экспертный материал, для последующего вида исследования.

В этом случае, основная задача инициатора при постановке вопросов в постановлении о назначении экспертного исследования – конкретизировать вещественные доказательства (либо их части) по видам экспертных направлений. Стоит также отметить, что, нередко, такие экспертизы являются многообъектными, то есть довольно длительными по времени, трудоемкими с точки зрения человеческого фактора и довольно затратными (касаемо ДНК-анализа).

Основываясь на практическом опыте, мы придерживаемся позиций избирательного подходе к вещественным доказательствам, понимая, что далеко не во всех случаях необходимость комплексного подхода оправдана. Например, при исследовании содержимого многочисленных пакетиков (свёртков) на наркотикосодержащий компонент, на наш взгляд, целесообразно, изначально отделив упаковку, направить ее для исследования следов биологического происхождения, а именно потожирового вещества с сопутствующими ему эпителиальными клетками. В данном случае, целесообразно назначить два независимых друг от друга исследования: наркотических средств и ДНК анализ.

При таком подходе исключается необходимость «делить» зоны экспертного воздействия, сокращается временной период производства судебной экспертизы (результаты по исследованию наркотических средств инициатор получит значительно быстрее, что даст возможность своевременно квалифицировать деяние). Необходимость проводить дополнительные манипуляции с одними и теми же вещественными доказательствами (переупаковка, транспортировка в другую лабораторию и др.) утрачивается. Что, в свою очередь, исключает возможную потерю биологического материала в случае его следового количества, либо его загрязнение посторонним биологическим материалом (контаминацию).

Достаточно часто при комплексном подходе в органах внутренних дел происходит объединение генетики и дактилоскопического исследования, влекущее за собой аналогичные пагубные последствия. Так, в случае первоначального дактилоскопического исследования не исключена контаминация – то есть перенос клеточного (генетического) материала с одного предмета на другой, либо с разных поверхностей одного и того же предмета. Исследование дактилоскопии после генетики нецелесообразно, так как проведение «смывов» подразумевает уничтожение возможных следов папиллярного узора.

В данном случае, инициатору, оценив особенности поверхностей исследуемых предметов с точки зрения информативности дактилоскопического и генетического направлений, стоит конкретизировать вопросы, выносимые на разрешение эксперта. Например, гладкие части исследуемого объекта целесообразнее обработать дактилоскопическим порошком, а с шероховатых, пористых поверхностей актуально провести «смывы», «соскобы» на установление биологической составляющей человека.

Итак, сложившийся на сегодняшний день в органах внутренних дел комплексный подход к единым вещественным доказательствам – это довольно эффективный способ получения совокупной информации о событиях преступления посредством одновременного участия специалистов разных экспертных направлений. Но, учитывая специфику проведения генетического исследования, высокую чувствительность применяемых методик, их взаимоисключающий характер, в некоторых случаях, инициатору, при постановке вопросов целесообразно либо конкретизировать исследуемые предметы (их части) по разным экспертным направлениям, либо отказаться от комплексного подхода в пользу самостоятельных независимых экспертиз в целях получения наиболее достоверного и значимого результата, способствующего скорейшему раскрытию преступления и установлению виновных лиц.

Литература

1. Моисеева Т.В. Новые методы и средства в формировании новых видов судебно-экспертных исследований // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 3. С. 69–75.
2. Стороженко И.В., Культин А.Ю., Никитаев В.Г., Проничев А.Н., Бердникович Е.Ю. Компьютерные технологии в судебно-генетической экспертизе. 2010. URL: https://f.eruditor.link/file/809221/ (дата обращения 05.06.2025).
3. Перепечина И.О. Некоторые новые возможности ДНК (РНК)-диагностики // Вестник экономической безопасности. 2019. № 2. С. 214–219.
4. Морозов А.П. Актуальные проблемы назначения и проведения молекулярно-генетической экспертизы в условиях современной правовой действительности // Юристъ-правоведъ. 2021. № 2. С. 219–223.
5. Россинская Е.Р. Методологические и правовые проблемы комплексных судебных экспертиз в условиях реформирования законодательства о судебно-экспертной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 6. С. 12–18.
6. Стукалин В.Б. Вопросы назначения и производства комплексной экспертизы // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. №1 (42). С. 23–29.

А.С. Литвин[1], Н.А. Черняев[2]
Научный руководитель: **Э.С. Сарыгина [3]**
[1, 2, 3] Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева.

Использование специальных знаний в сфере налоговых обязательств в период Великой Отечественной войны

Аннотация. В статье рассматривается один из значимых этапов становления использования специальных знаний в сфере налоговых обязательств при расследовании уголовных дел – период Великой Отечественной войны. Авторы приводят конкретные правовые акты, устанавливающие отдельные аспекты системы налогообложения (в том числе, касательно введения конкретных налогов) в период 1941-1945 гг. В результате авторы приходят к выводу, что как таковая судебная налоговая экспертиза в годы Великой Отечественной войны отсутствовала, однако ее задачи выполняли иные действия, которые также рассматриваются в данном научном изыскании.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, судебная налоговая экспертиза, специальные знания в сфере налоговых обязательств, бухгалтерский учет, ревизии и аудит.

Система налогообложения существовала на каждом этапе развития российского государства, так, та система налогообложения, которая существует сейчас, это лишь усовершенствованная форма той примитивной системы, которая возникла еще на этапе государствообразования. Кроме того, без законодательно регламентированной системы налогообложения государство – не является, в полном смысле этого слова, государством, ведь система уплаты налогов, сборов, страховых взносов – один из признаков государства. К тому же, в настоящее время основной закон государства – Конституция Российской Федерации устанавливает в качестве обязанности каждого гражданина уплату законно установленных налогов и сборов.

Великая Отечественная война стала периодом беспрецедентного напряжения всех ресурсов Советского государства, включая его финансовую систему. В условиях тотальной мобилизации налоговая политика приобрела особое значение, превратившись в один из ключевых инструментов обеспечения нужд фронта и поддержания функционирования тыла. Однако эффективность фискальных мер военного времени зависела не только от законодательных нововведений, но и от механизмов их практической реализации, где особая роль отводилась применению специальных знаний в сфере бухгалтерского учета, налогового администрирования и финансового контроля.

Актуальность исследования обусловлена тем, что, несмотря на обширную историографию по экономике СССР в военные годы, вопросы применения специальных знаний в налоговой сфере остаются недостаточно изученными. В частности, требует детального анализа роль экспертно-криминалистических подразделений НКВД в обеспечении фискальной дисциплины, а также методы

выявления нарушений налогового законодательства в условиях военного времени.

Так, на основании анализа существующей научной литературы, можно сделать вывод о том, что использование специальных знаний в области налогового и бухгалтерского учета, а также налогового законодательства необходимы для проведения судебной налоговой экспертизы, которая проводится в современных реалиях и как отдельный род судебной экспертизы, и как вид судебной бухгалтерской экспертизы.

В связи с тем, что в период с 1941 по 1945 годы отсутствовало понятие «судебная налоговая экспертиза», представляется необходимым изучить, какие способы применения специальных знаний в области бухгалтерского и налогового учета, налогового законодательства, в целом экономических знаний имели место в рассматриваемый период, а также чем было обусловлено их применение.

Очевидно, что государственная политика 1941-1945 г.г. ознаменовалась лозунгом «Все для фронта! Все для победы!», причем данные слова нашли отражение даже в советской налоговой политике, а именно, было принято множество правовых документов, которые изменяли действующие принципы налогообложения, в частности:

- Указ Президиума Верховного Совета СССР «О военном налоге» от 29 декабря 1941 г., вводимый налог обязаны были платить практически все советские граждане, за исключением некоторых категорий лиц, причем обязанность эта распространялась на граждан, достигших 18-летнего возраста «независимо от источника дохода»;

- Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об установлении на военное время временной надбавки к сельскохозяйственному налогу и к подоходному налогу с населения» от 3 июля 1941 г., по которому от уплаты налога освобождались рабочие и служащие, получающие заработную плату не выше 150 рублей в месяц[1];

- Указ Президиума Верховного Совета СССР «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР» от 21 ноября 1941 г. Согласно данному Указу, налог подлежал уплате лицами, достигшими возраста 20 лет, не имевших детей, а, например, военные, уволенные из армии вследствие ранения, освобождались от уплаты налога в течение года со дня увольнения»[2].

Претерпела изменения и фискальная политика страны. Были введены специальные сборы, среди них:

---

[1] Сарыгина Э.С. Специальные экономические знания в годы Великой Отечественной войны // Судебная экспертиза: правовые, теоретические и методические проблемы, г. Москва, 27 ноября 2015 г.: материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов.

[2] Указ Президиума ВС СССР от 21.11.1941 «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.04.2025).

- государственные военные займы (добровольно-принудительные). Проводились ежегодно (с 1942 по 1945 год), сумма составляла 20–25% от месячного дохода[1];

- денежно-вещевые лотереи (с 1941 года);

- фонд обороны. Состоял из добровольных пожертвований (деньги, драгоценности, продукты).

Таким образом, во-первых, проводимая государством налоговая политика полностью соответствовала требованиям времени, поскольку государству необходимо было мобилизовать все источники финансирования государственного бюджета, во-вторых, можно говорить о том, исходя из анализа правовой базы, что налоги и сборы с населения повысились примерно вдвое; субъектами налогообложения стали даже иждивенцы; принципы учета налогов упростились; налогооблагаемая база стала наиболее полно учитываться[2].

Необходимо отметить, что в годы Великой Отечественной войны повысилось количество совершаемых преступлений, причем речь не только о военных и политических правонарушениях. Так, наиболее часто совершаемыми преступлениями в военные годы были следующие: разбой, убийство, кража, кроме приведенных, актуализировались хищение и подделка документов об освобождении от военной службы и продовольственных карточек, дезертирство, бандитизм, мошенничество и др.[3] По приведенным видам преступлений проводились преимущественно традиционные виды криминалистических судебных экспертиз, огромное внимание экспертными учреждениями уделялось экспертизе документов, печатей и штампов. В связи с чем возникает вопрос: почему при активно проводимой государственной политике с сфере налогообложения нам мало что известно о судебно-бухгалтерских или налоговых судебных экспертизах?

Прежде чем предпринять попытки ответить на данный вопрос представляется также необходимым указать, что преимущественно экспертные исследования проводились на базе экспертно-криминалистического подразделения НКВД СССР.

Данная структура занималась:

- выявлением подлогов в отчётности, сокрытия доходов, незаконных схем уклонения от налогов;

- бухгалтерскими ревизиями, то есть проверкой предприятий, колхозов, частных лиц на предмет сокрытия доходов. 10.08.1940 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР, согласно которому мелкие кражи с предприятий и учреждений, совершенные на предприятиях и учреждениях, вне

---

[1] Зотова А.В. Госзаймы в Ленинграде в период Великой Отечественной войны // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. №5-1..

[2] Гритчина М. Н. Налоговая политика в годы Великой Отечественной войны // Региональная экономика: теория и практика. 2015. №40 (415). С. 59.

[3] Селезнев В М., Червяков М Э. Из истории экспертных учреждений органов внутренних дел // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2015. № 2. С. 109.

зависимости от их размеров наказывались годом лишения свободы (ст. 162, пункт «е» УК РСФСР)[1];

- расследованием коррупции в налоговых и финансовых органах;

- контролем за военными займами, а именно выявлением фактов принудительного изъятия средств или, наоборот, уклонения от «подписки» на займы.

Среди криминалистических методов, применяемых органами НКВД СССР можно выделить:

- анализ документов (поддельные ведомости, фиктивные справки о доходах)[2];

- проверка натуральных поставок (выявление хищений зерна, мяса и других продуктов, сдаваемых в качестве налога);

- оперативные мероприятия против «чёрного рынка» (спекулянты, укрыватели товаров от налогообложения). О данной категории можно говорить лишь с той оговоркой, что экспертно-криминалистического подразделения действовали совместно с оперативными подразделениями.

Таким образом, Великая Отечественная война внесла ряд серьезных изменений в работы всех государственных органов СССР, в том числе и экспертно-криминалистических подразделений НКВД. Они усиливали фискальный контроль, используя методы финансового аудита и криминалистики. Это позволяло выявлять нарушения и обеспечивать поступление средств в бюджет, что было критически важно в условиях войны.

В заключение отметим, что в период Великой Отечественной войны налоговая политика СССР подверглась радикальным изменениям, направленным на максимальную концентрацию финансовых и материальных ресурсов для нужд фронта. Введенные военные налоги, повышенные ставки и обязательные займы позволили увеличить доходы бюджета в 2–2,5 раза, что стало критически важным для финансирования армии и тыла.

Хотя формально судебная налоговая экспертиза как самостоятельный институт в 1941–1945 гг. отсутствовала, ее функции фактически выполняли:

- бухгалтерские ревизии (проверка отчетности предприятий и колхозов),

- криминалистические методы НКВД (анализ документов, выявление подлогов, борьба с «черным рынком»),

- финансовый контроль наркоматов (упрощенные, но жесткие схемы администрирования).

Причины отсутствия налоговой экспертизы как отдельного института: 1) централизация власти, все функции контроля были сосредоточены в НКВД и наркоматах. 2) военная необходимость (приоритет отдавался скорости решений, а не процессуальным формальностям).

---

[1] Исаев М.М. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 04.06.1947 г. М., 1948. С. 5.

[2] Зинин А.М., Россинская Е.Р. К 100-летию экспертно-криминалистической службы в органах внутренних дел Российской Федерации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 5 (57) (дата обращения: 20.04.2025).

Опыт военных лет показал, что даже в экстремальных условиях специальные знания в области бухгалтерии, аудита и криминалистики играли решающую роль в обеспечении финансовой стабильности государства. Однако их применение носило несистемный характер, подчиненный задачам мобилизационной экономики.

Литература

1. Гритчина М.Н. Налоговая политика в годы Великой Отечественной войны // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 40 (415).
2. Зинин А.М., Россинская Е.Р. К 100-летию экспертно-криминалистической службы в органах внутренних дел Российской Федерации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. №5 (57).
3. Зотова А.В. Госзаймы в Ленинграде в период Великой Отечественной войны // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. № 5-1.
4. Исаев М.М. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 04.06.1947 г. М., 1948.
5. Сарыгина Э.С. Специальные экономические знания в годы Великой Отечественной войны //
6. Селезнев В.М., Червяков М.Э. Из истории экспертных учреждений органов внутренних дел // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2015. № 2. (дата обращения: 19.04.2025).

В.Д. Мазова
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя

Судебная экономическая экспертиза в уголовном процессе: вызовы современности

Аннотация. в уголовном деле одними из важнейших источников доказательств являются результаты судебных экспертиз. В настоящий момент, в рамках судебного разбирательства все чаще суд использует достижения науки и техники для формулирования наиболее объективного и справедливого решения. Несмотря на это, существует ряд проблем, возникающих в рамках проведения данного процессуального действия.

Ключевые слова: преступления в сфере экономики, экономические экспертизы, предварительное расследование, уголовный процесс.

По данным РИА Новости, в России за 2024 год выявили более 65 тыс. экономических преступлений, из которых 46 тысяч составляют тяжкие и особо тяжкие. По сравнению с аналогичным периодом 2023 года, количество подобных

преступлений возросло на 0,2%. Материальный ущерб составил 295,7 млрд руб.[1]. Подобная статистика неутешительна, поэтому вопрос качественного расследования стоит на первом месте. Самое объективное доказательство, позволяющее подтвердить и доказать факт совершения преступления в области экономки – результат проведенной судебной экономической экспертизы.

Судебная экономическая экспертизы содержит большое количество возможностей для доказывания. Это обусловлено тем, что любая экономическая деятельность неразрывно связана с ведением различной документации (бумажной, электронной и т.д.), отражающей деятельность конкретного экономического субъекта (в том числе и противоправную). Эти данные требуют детального анализа, который и проводится экспертами. Заключение эксперта позволяет установить, имело ли место быть событие преступления, какие существуют фактические обстоятельства дела, размер вреда, причиненный преступлением, его вид, виновность лица и другое. Указанный перечень может иметь прямое влияние на характер и степень общественной опасности, а значит и на вынесенное судом решение по вопросу наказания.

Однако несмотря на актуальной и результативность экономической экспертизы, в рамках ее проведения нередко возникает различная проблематика, мешающая объективности и полноте экспертного исследования.

На наш взгляд, одной из основных теоретических проблем является классификация экономических экспертиз. Эксперты, при проведении экспертиз, склоняются к классификациям, закрепленным в Приказе Министерства внутренних дел Российской Федерации от 29.06.2005 №511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации»[2] и в Приказе Министерства юстиции Российской Федерации от 27.12.2012 №237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России»[3]. В указанных нормативно-правовых актах нет единства подхода к классификации. Приказ МВД России №511 делит судебные экономические экспертизы на 4 вида:

Бухгалтерская экспертиза;

---

[1] В России за 2024 год выявили 65 тысяч экономических преступлений. РИА НОВОСТИ URL: https://ria.ru/20250316/prestupleniya-2005259392.html (дата обращения: 10.10.2025).

[2] Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 (ред. от 12.11.2024) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации».

[3] Приказ Минюста России от 27.12.2012 № 237 (ред. от 28.12.2021) «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России».

Налоговая экспертиза;

Финансово-аналитическая экспертиза;

Финансово-кредитная экспертиза.

При этом, в Приказе Минюста №237 приводится лишь 2: судебно-бухгалтерская и финансово-экономическая.

Разность подходов может способствовать неправильной интерпретации одного и того же объекта исследования, непонимание некоторой терминологии, а также затруднить коммуникацию между специалистами.

Другой значимой проблемой является полнота информационного обеспечения эксперта[1]. Эксперт при проведении исследования ведет непосредственную работу с документацией, анализ которой может показать следы преступной деятельности. Для проведения объективного и всестороннего анализа хозяйственной деятельности организации, а также для успешного расследования преступлений, связанных с налоговыми нарушениями или другими экономическими преступлениями, необходимо предоставление полного пакета документации. Простой факт наличия документов, отражающих хозяйственные операции, сам по себе недостаточен. Для полноценной экспертизы, способной дать достоверные и юридически значимые выводы, требуются конкретные и детально проработанные данные.

В первую очередь, это касается договоров, являющихся ключевым элементом в установлении сущности хозяйственных операций. Договора должны быть представлены в полном объеме, без каких-либо изъятий или исправлений. Только наличие полны текстов договоров позволяет эксперту точно идентифицировать участников сделок (агентов и контрагентов), определить наименования товаров, работ или услуг, идентифицировать участников сделок (агентов и контрагентов), определить наименования товаров, работ или услуг, установить их качественные и количественные характеристики, а также выяснить все идентификационные параметры, необходимые для однозначного установления предмета хозяйственной операции. Отсутствие договоров или их неполное представление значительно снижает достоверность экспертного заключения и может привести к невозможности объективной оценки ситуации.

Особое значение при расследовании преступлений имеют налоговые декларации. Они являются основным источником информации о налогооблагаемой базе. Многие налоговые преступления основаны на намеренном занижении налогооблагаемой базы или сокрытии объектов налогообложения. Поэтому тщательный анализ налоговых деклараций является неотъемлемой частью экспертизы[2].

Таким образом, недостаток информации может сделать экспертное заключение неполным, необоснованным и, следовательно, непригодным для

---

[1] Гольцев Д.С., Пименов Д.М. Особенности современной теории судебных экономических экспертиз в России. М.: Московский университет МВД России. М., 2019. 256 с.

[2] Хаметова А.Р. Судебная экономическая экспертиза в уголовном процессе. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2020.

использования в уголовном процессе, что приведет к затягиванию расследования и другим негативным последствиям. Поэтому обеспечение полноты предоставляемых документов – залог эффективного расследования и объективного правосудия.

Возвращаясь к первым тезисам, отметим, что статистика последних лет говорит о стремительном росте экономических преступлений, что свидетельствует и о росте количества проводимых экспертиз, соответственно, и нагрузки на экспертов. Предусмотренные уголовно-процессуальным законом в п. 4 ч. 3 ст. 57 нормы, касающиеся невозможности выхода эксперта за пределы своей специальной компетенции[1], в таком случае могут быть нарушены.

Заключение эксперта играет неоценимую роль в процессе расследования, особенно в сфере экономических преступлений. Его значение трудно переоценить, как на стадии предварительного расследования. В контексте экономических преступлений, заключения судебных экспертов имеют особенно высокую значимость, зачастую являясь определяющими факторами не только при расследовании, но и при вынесении приговора. Однако практика показывает наличие определенных проблем, требующих незамедлительного решения.

Для повышения качества экспертных заключений и, как следствие, эффективности правосудия, необходимо усилить взаимодействие между различными участниками процесса. Для активного обмена опыта и информацией между экспертными учреждениями и экспертами, следует выработать унифицированный и единый подход к формулировке требований к предоставляемым материалам для экспертизы. Кроме того, важно уделить внимание разработке и внедрению более четких и детальных методических рекомендаций по проведению экономических экспертиз, унифицировать терминологию и существующую классификацию. Все это позволит избежать неточностей и разночтений, а значит эффективному выявлению и доказыванию экономических преступлений.

Литература

1. Гольцев Д.С., Пименов Д.М. Особенности современной теории судебных экономических экспертиз в России. М.: Московский университет МВД России. М., 2019. 256 с.
2. Хаметова А.Р. Судебная экономическая экспертиза в уголовном процессе. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2020.

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 21 апр. 2025 г.) // КонсультантПлюс.

И.Ю. Макаров
Российский центр судебно-медицинской экспертизы
Минздрава России

Возможность установления расположения оружия в руке стрелка при ситуационных экспертных исследованиях

Аннотация. Статья рассматривает специфику и значимость ситуалогической экспертизы, подчеркивая её способность полно восстанавливать картину преступления путём комплексной реконструкции событий. Показано, что эффективная реализация такого типа экспертиз требует командной работы профессионалов разных направлений, чёткого следования методикам и готовности к проведению повторных исследований и экспериментов. Выводы экспертизы обладают особой ценностью для процесса доказывания, позволяя глубже анализировать обстоятельства преступления и действия его участников. Практика подтверждает эффективность комплексного подхода, особенно при участии экспертов, обладающих несколькими специализациями одновременно.

Ключевые слова: криминалистика, трасология, ситуалогическая экспертиза, баллистика, оружеведение.

Происшествие случилось в сентябре 2019 года. Гр-н Ш. приехал посмотреть частный дом своего деда, имея при себе 9-мм пистолет Ярыгина (ПЯ) со снаряженным (спортивными патронами Luger WOLF, 9х19 мм) магазином. При этом в патроннике ПЯ находился патрон. Гр-н Ш. познакомился с местным жителем – гр-ном К., попросившим гр-на Ш. показать ПЯ. Гр-н Ш. достал из кобуры ПЯ, отсоединил магазин и направил ПЯ в сторону гр-на К., который также протянул руку к ПЯ. В это время раздался выстрел в результате, которого гр-ну К. было причинено смертельное огнестрельное пулевое сквозное ранение живота-таза. Кто нажал на спусковой крючок ПЯ, гр-н Ш. или гр-н К., не известно.

По факту данного происшествия была назначена комиссионная ситуалогическая экспертиза, на разрешение которой были поставлены вопросы:

1. Находит ли свое подтверждение в материалах уголовного дела версия гр-на Ш. о причинении ранения гр-ну К. выстрелом из ПЯ при обстоятельствах, о которых сообщает гр-н Ш.? Если да, то какова ее вероятность?

2. Находит ли свое подтверждение в материалах уголовного дела версия о причинении огнестрельного ранения гр-ну К. гр-ном Ш. нажатием пальцами правой руки на спусковой крючок ПЯ в момент его демонстрации гр-ну К.? Если да, то какова ее вероятность?

На экспертизу были представлены: материалы уголовного дела; ПЯ и патроны к нему; одежда гр-на К.

При изучении материалов уголовного дела установлено:

1) по данным из протокола осмотра места происшествия: поляна, поросшая скошенной травой, въезд на которую осуществляется между двумя деревьями черемухи. Въезжая на поляну с дороги, нужно подниматься на пригорок. На

въезде на поляну получил ранение гр-н К. Между черемухами определено место, куда упал гр-н К. Гр-н Ш. стоял лицом к гр-ну К., расстояние между ними было около 60-100 см. В 120 см вправо и в 20 см кзади от места расположения гр-на К. в траве обнаружена стреляная гильза;

2) по данным из экспертных документов:

– труп гр-на К. правильного телосложения, удовлетворительного питания, длиной тела 173 см. У него имелось огнестрельное пулевое сквозное ранение живота, проникающее в брюшную полость, с повреждением брыжейки и стенок тонкого и толстого кишечника, с повреждением крыла правой подвздошной кости. Входная рана в области передней поверхности живота слева на уровне пупка. Выходная рана в правой ягодичной области. Направление раневого канала слева направо, спереди назад, сверху вниз (при условии правильного вертикального положения тела). Длина рук гр-на К.: опущенные от плечевых суставов до конца среднего пальца 78 см, отведенные на 900 от подмышечной впадины – 68 см, вытянутые вперед (на 900) от большой грудной мышцы – 62 см.

– рентгенографией по краям входного повреждения на куртке гр-на К. выявлены единичные точечные тени металлической плотности. Стереомикроскопией в окружности входного повреждения куртки выявлены частицы полусгоревшего пороха. Методом «цветных отпечатков» в области входного повреждения куртки выявлен основной металл выстрела (медь), а также топография его отложения на ней. Повреждения куртки причинены одним выстрелом снарядом (диаметром около 9-мм), с близкой дистанции (в зоне действия зерен пороха и металлических частиц), с расстояния более 50 см;

– антропометрические данные гр-на Ш.: рост 176 см; длина правой руки от плеча до концов пальцев 76 см, и от локтя до концов пальцев 46 см. При судебно-химическом исследовании его крови обнаружен этиловый спирт в концентрации 1,00/00.

– ПЯ исправен, пригоден к стрельбе, выстрел без нажатия на его спусковой крючок из него невозможен. Спортивные патроны «Luger WOLF» из магазина ПЯ исправны и пригодны к стрельбе. На поверхности тампона-протирки из канала ствола ПЯ выявлены частицы бездымного пороха.

В материалах дела имелись две версии происшествия:

– версия, изложенная гр-ном Ш. (условно – версия № 1):

а) до производства выстрела: гр-н К. подошел к гр-ну Ш. и попросил подержать пистолет. Ш. и К. стояли друг напротив друга на расстоянии около 1 м. Ш. вытащил пистолет из кобуры, и, нажав большим пальцем правой кисти на кнопку освобождения магазина из пистолетной рукоятки, вытащил обойму из магазина, взял ее в левую руку (либо – магазин выскочил из пистолета в его левую руку). В это время взгляд Ш. был сконцентрирован на магазине. Возможно в это время, т.е. когда Ш. ловил магазин, пистолет дульным срезом сместился в строну К., т.к. Ш. слегка дернулся, сжался. После этого Ш. раскрыл пальцы правой кисти (удерживающие пистолетную рукоятку), пистолет стал свободно лежать на ладони. Ствол пистолета лежал на указательном пальце Ш., вдоль

него, а пистолетная рукоятка была направлена влево. Ладонь была в горизонтальной плоскости (либо – пистолет находился у Ш. на открытой ладони с небольшим уклоном в сторону земли). Плечо правой руки Ш. было прижато к туловищу и находилось перпендикулярно земли, а предплечье – в горизонтальной плоскости, в направлении К.;

б) в момент производства выстрела: гр-н Ш. в правой ладони протянул пистолет гр-ну К., а стал смотреть на гр-на К. Затем Ш. боковым зрением увидел, как К. протянул руку (возможно правую) к пистолету. Когда ладонь К. приблизилась к пистолету и коснулась пистолета, произошел выстрел. Механизм выстрела Ш. пояснить не может. Однозначно утверждать, что на спусковой крючок нажал Ш. или К. не может (либо – Ш. на скобу спускового механизма пистолета не нажимал, пальцы своей правой кисти не сгибал);

– версия следствия (условно – версия № 2): гр-н Ш. достал из кобуры пистолет, направил его в сторону гр-на К., отсоединил магазин. Не убедившись в отсутствии в патроннике пистолета патрона, по неосторожности, он нажал пальцем правой кисти на спусковой крючок, произвел выстрел в К., причинив ему ранение.

С целью установления возможного механизма причинения ранения гр-ну К. (в соответствии с версиями №№ 1 и 2), а также прогнозируемой вещ-но-следовой обстановки места происшествия, – был выполнен экспертный эксперимент.

На первом этапе, для выявления следов продуктов выстрела, а также последующего установления возможного расстояния выстрела, проведено повторное криминалистическое исследование куртки гр-на К. (первой преграды на пути распространения продуктов выстрела). При этом вблизи краев входного повреждения куртки обнаружены хаотично расположенные множественные полусгоревшие частицы пороха. Участков отложения копоти выстрела и ружейного масла в окружности повреждения не выявлено. Методом «цветных отпечатков» установлена топография отложения основного металла выстрела (меди) по краям и в окружности повреждения.

На втором этапе, для установления поражающего действия факторов выстрела из представленного ПЯ, а также особенностей и предельных расстояний отложения продуктов выстрела на вертикальной преграде, выполнена экспериментальная стрельба. Оружие фиксировалось в кисти выпрямленной кпереди руки вертикально стоящего стрелка. Расстояние выстрелов составляло 0-200 см. Повреждения причиняли лоскутам белой бязи (имеющим структуру ткани и ход волокон нитей основы и утка, аналогичные таковым у исследованной куртки гр-на К.), размерами по 30х30 см (размещенным на подложке из двух слоев шинельного сукна и слоя картона), закрепленным вертикально в рамке. Было проведено 50 выстрелов.

Выявляемые морфологические признаки экспериментальных повреждений бязи сравнивали с таковыми у повреждения куртки гр-на К. Было установлено совпадение признаков повреждений бязи, причиненных с расстояний 80-100 см, с таковыми – у повреждения куртки гр-на К.

В ходе экспериментальной стрельбы определено, что механизм экстракции стреляной гильзы, ее распространения и отложения на горизонталь-ной поверхности пола тира, близкий к реальному (указанному в материалах дела) возможны только при определенном расположении ПЯ в кисти стрелка: рукояткой вниз, отведенной вправо (от стрелка) на угол 1700 от вертикальной оси; дульным концом вниз, с отклонением оси канала ствола на угол 200 от горизонтальной оси; дульным концом и верхней поверхностью пистолета несколько влево и вниз, на угол 100. При данном расположении оружия экстракция стреляной гильзы из окна затворной рамы происходит кверху, вправо и кзади, с последующим отложением ее на поверхности пола в пределах: 90-125 см вправо от стрелка и 5-30 см кзади от него. Топография отложения стреляных гильз при иных вариантах расположения оружия значительно отличается от реальной (соответствующей данным материалов дела). Так, при ориентации оси канала ствола и продольной плоскости пистолета горизонтально (рукояткой влево от стрелка, с учетом показаний гр-на Ш.), экстракция гильзы происходит вправо и сзади, с отложением ее на полу в пределах: 485-525 см вправо от стрелка и 90-175 см кзади от него.

На третьем этапе выполнено моделирование возможной вещно-следовой обстановки места происшествия, максимально приближенной к реальной. Выбраны два статиста, имеющие антропометрические данные, сходные с таковыми у гр-на Ш. и гр-на К. На одежде вертикально стоящего статиста К. отмечены области входного и выходного повреждений, направление пулевого канала в его одежде (совпадающее с ходом раневого канала в его теле). С помощью визира проведено пространственное моделирование траектории прямого выстрела. На ней, в 80 см от области входного повреждения на одежде статиста К., был размещен ПЯ, фиксированный в кисти правой руки вертикально стоящего статиста Ш. Отмечено, что для получения ранения статистом К. в конкретно заданных условиях необходимо следующее:

– статист К. должен располагаться вертикально [с опущенными или отведенными кпереди (к ПЯ) выпрямленными правой или левой рукой - с невозможностью контакта пальцами кисти статиста К. пистолета, фиксированного в кисти статиста Ш.], быть обращенным левой переднебоковой поверхностью своего тела к ПЯ, фиксированному в кисти правой руки вертикально расположенного статиста Ш.;

– ПЯ должен быть фиксирован в кисти правой руки статиста Ш., приведенной к туловищу, согнутой в локтевом суставе под прямым углом кпереди или меньшим углом кпереди и несколько кверху (от статиста Ш.);

– направление выстрела должно совпадать с направлением пулевого канала в одежде и раневого канала в теле статиста К. [спереди-кзади, слева-направо и сверху-вниз (по отношению к статисту К.), под углом (открытым в сторону ПЯ) около 200 к горизонтальной плоскости].

Любое изменение вышеуказанного взаимного пространственного расположения статистов и оружия (в том числе и с учетом версии гр-на Ш.)

приводило к значительному изменению характера ранения статиста К., а так-же вещно-следовой обстановки места происшествия.

Далее, на основе версий № 1 и № 2 был составлен перечень прогнозируемых признаков повреждений у гр-на К. и вещно-следовой обстановки на месте происшествия (которые могли и должны были бы образоваться в условиях данных версий) с дальнейшим их сопоставлением с комплексом реально имеющихся признаков и следов. Результаты сопоставления прогнозируемых по данным версиям и реальных признаков повреждений у гр-на К. и следов на месте происшествия, а также построенный событийный вектор вероятности, свидетельствовали, что между сравниваемыми группами по версиям: № 1 – имеются значительные расхождения; № 2 – расхождений нет. Итогом проведенной работы стала возможность формулирования следующих выводов:

1. Сравнительный анализ имеющихся в деле объективных данных и результатов экспертного эксперимента с версией гр-на Ш. указывает на ее полное несоответствие фактической вещно-следовой обстановке места происшествия и особенностям повреждений у гр-на К. Об этом свидетельствуют полностью отличающиеся от реальных – прогнозируемые: направление и расстояние выстрела в гр-на К.; расположение гр-на К. по отношению к оружию (в момент выстрела); расположение оружия (в момент вы-стрела) на ладонной поверхности кисти правой руки гр-на Ш.; контакт пальцев кисти правой руки гр-на К. со спусковым крючком пистолета, в момент выстрела из него; расположение стреляной гильзы на месте происшествия.

2. Версия следствия о возможности причинения гр-ном Ш. огнестрельных повреждений гр-ну К., находит полное подтверждение. На это указывают максимально близкие к реальным: доступные направление и расстояние выстрела в гр-на К.; расположение гр-на К. по отношению к оружию; оружия в момент выстрела в кисти гр-на Ш.; стреляной гильзы на месте происшествия; невозможность контакта пальцев кисти правой руки гр-на К. со спусковым крючком пистолета (расположенного в кисти гр-на Ш.), в момент выстрела из него.

Экспертно-научный анализ выполненной ситуалогической экспертизы позволяет очередной раз констатировать, что:

– только рамках данного вида экспертизы возможно исследовать ситуацию в целом по следам (объектам) и достоверно устанавливать механизм происшествия (его элементы). Ее объектом ее является событие происшествия, отобразившееся в «вещно-следовой обстановке» места происшествия. Основной компонент этой экспертизы - реконструкция события преступления, установление возможных вариантов причинения повреждений;

– данная экспертиза носит комплексный характер и производится группой экспертов различных специальностей, чаще под руководством эксперта-криминалиста (баллиста, трасолога);

– четкое соблюдение методики производства этого вида экспертиз, инициативность в проведении повторных комплексных исследований

представленных объектов и экспертных экспериментов, позволяет полностью решить поставленные задачи;

– глубокая содержательная сторона выводов, трактовка действий участников преступления и их связей с наступившими результатами, способа совершения преступления и других обстоятельств, подлежащих установлению, значительно больше сближает предмет данной экспертизы с предметом доказывания, чем структура любой другой экспертизы;

Таким образом, экспертная практика показывает, что данный вид экспертиз должен проводиться комплексно, чаще межведомственно и комиссией экспертов, часть которых имеет подготовку по нескольким экспертным специальностям – допуска на право производства различных (по видам, родам и др.) экспертиз. Особенно следует отметить, что только указанный многоуровневый, многофункциональный подход в подготовке и становлении экспертов позволяет объективнее и качественнее проводить исследования подобного рода.

И.Ю. Макаров,[1] **Е.А. Потапов** [2]
[1,2] Российский центр судебно-медицинской экспертизы
Минздрава России

Морфологические особенности огнестрельных повреждений, причиненных из оружия со сверловкой ствола *Paradox* и *Lancaster* (экспериментальное исследование)

Аннотация. В статье приведены результаты исследования экспериментальных огнестрельных повреждений одежды, небиологических (пластилиновых и желатиновых блоков) имитаторов тела человека выстрелами из оружия калибра 366 ТКМ со сверловками стволов Paradox и Lancaster патронами с оболочечной и полуоболочечной пулями.

***Ключевые слова*:** судебно-медицинская экспертиза, огнестрельная травма, пулевая травма, судебно-медицинская баллистика, экспертиза огнестрельных повреждений, 366 ТКМ, Парадокс, Ланкастер, Paradox, Lancaster.

Актуальность. При расследовании случаев огнестрельной травмы следственные органы зачастую интересует, из какого оружия было причинено повреждение. Если пуля и гильза в ходе следственных действий не обнаружены, то идентификация конкретного экземпляра огнестрельного оружия становится практически невозможной, однако зачастую остается возможность установить групповые признаки оружия и тип используемого снаряда по отобразившимся морфологическим признакам повреждений, обнаруженным в ходе производства судебно-медицинской экспертизы тела и одежды пострадавшего. Так, повреждения, причиненные выстрелами из распространенных образцов гражданского оружия калибра 366 ТКМ со сверловками стволов типа Paradox и Lancaster штатными патронами с полуоболочечной и оболочечной пулями,

имеют свои морфологическе особенности, которые могут помочь в дифференциальной диагностике примененного для производства выстрела образца огнестрельного оружия и типа примененного снаряда в рамках конкретно заданной альтернативы. Стволы со сверловкой Paradox в дульной части имеют нарезы протяженностью до 140 мм и гладкую внутреннюю поверхность на остальном протяжении. Стволы со сверловкой Lancaster (овально-винтовая сверловка) не имеет нарезов в «классическом» их представлении, однако канал ствола в поперечном сечении имеет неправильную овальную форму, «вращающуюся» относительно продольной оси ствола по мере продвижения от пульного входа до дульного среза.

Цель исследования. Установить морфологические особенности повреждений имитаторов одежды и тканей тела человека, причиненных выстрелами из оружия калибра 366 ТКМ со сверловками стволов Paradox и Lancaster оболочечной и полуоболочечной пулями.

Материалы и методы. Для производства выстрелов применялось гражданское длинноствольное огнестрельное оружие калибра 366 ТКМ со сверловками стволов типа Paradox (TG-2) и Lancaster («АКС-366-Ланкастер»), штатные патроны производства ЗАО «Техкрим» с пулями «Кион-13» (полуоболочечная пуля) и FMJ-2 (оболочечная пуля). Экспериментальная стрельба велась на базе лаборатории баллистических исследований ФГБУ «РЦСМЭ» Минздрава России. В качестве мишеней выступали фрагменты белой бязи, закрепленные на подложке из войлока и гофрокартон, небиологические имитаторы тканей тела человека (блоки из скульптурного пластилина и 10 % желатина). Стрельба велась с различных расстояний от 0 до 500 см.

Результаты исследования. При выстрелах из ствола со сверловкой ствола типа Paradox с расстояния 0-3 см на бязевых мишенях наблюдалась неравномерность отложения копоти, а именно образование до шести радиальных более интенсивных полосовидных участков в виде лучей максимальной длиной до 6,4 см, с равными углами между ними, число и ориентация лучей соответствовала полям нарезов ствола.

При выстрелах с аналогичного расстояния из ствола со сверловкой Lancaster отложение копоти имело овальную форму, лучистость имела неправильный (хаотичный) множественный характер.

Повреждения при выстрелах из обоих образцов огнестрельного оружия с расстояний 10 см и более приобретали округлую или овальную форму, во всех случаях центральные дефекты имели округлую, овальную или квадратную форму. При выстрелах пулями FMJ-2 максимальные размеры дефектов составляли 3,6–4,1 мм, при выстрелах пулями «Кион 13» – 4,7–5,7 мм.

В единичных случаях на бязевых мишенях с повреждениями, причиненными выстрелами с расстояния 40 см, были обнаружены деформированные полосовидные фрагменты биметаллической оболочки пули размерами до 1,8×0,2 мм. Аналогичные не полностью отделившиеся фрагменты были обнаружены на боковых поверхностях оболочки пуль после выстрелов в области следов от полей нарезов, а именно в проекции граней нарезов.

В большинстве случаев пояски обтирания в повреждениях на бязевых мишенях, полученных в результате выстрелов вне зоны преимущественного повреждающего действия пороховых газов из ствола со сверловкой Paradox, имели неправильные приближенные к шестигранной со скругленными углами форму, соответственно сторонам шестиугольника наблюдались от 0 до 5 дополнительных радиальных линейных и дугообразных повреждений длиной до 0,5 см, часть из которых носила сквозной характер, другая – поверхностный. Ориентация данных дополнительных повреждений приблизительно соответствовала расположению следов от полей нарезов на оболочечных и полуоболочечных пулях, выстрелянных из ствола со сверловкой Paradox.

В части случаев в области краев центральных дефектов были обнаружены фиксированные к ткани полосовидные фрагменты оболочки пуль размерами до 1,8х0,2 мм. Аналогичные полосовидные фрагменты оболочки размерами от 2,1х0,2 мм до 2,7х0,2 мм были обнаружены при выстрелах с близкой дистанции в области распространения дополнительных факторов выстрела на расстоянии 2,8-5,7 см от основного повреждения.

При выстрелах из ствола со сверловкой Lancaster пояски обтирания имели неправильную округлую или овальную форму, дополнительных радиальных повреждений и полосовидных фрагментов оболочки снарядов в области повреждений не наблюдалось.

При выстрелах оболочечной пулей в пластилиновых блоках образовывалась «раневые» каналы с постоянной остаточной полостью формы, близкой к цилиндрической, объемом 43-65 мл, стенки канала ровные на всем протяжении, без наложений фрагментов снаряда. Входные повреждения неправильной овальной формы, размерами от 1,9×1,7 см до 2,3×2,1 см. Выходные повреждения неправильной овальной формы, размерами от 2,7×2,5 см до 2,8×2,5 см.

При выстрелах оболочечной пулей в желатиновых блоках на кадрах высокоскоростной съемки наблюдалась временная пульсирующая полость формы, близкой к цилиндрической.

При выстрелах полуоболочечной пулей в пластилиновых блоках образовывалась «раневые» каналы с постоянной остаточной полостью неправильной веретенообразной формы, объемом 167-205 мл, с наибольшим диаметром на границе начальной и средней третей канала, стенки канала неровные на всем протяжении, с множественными продольными трещинами и выемками различной формы размеров, с множественными наложениями фрагментов биметаллической оболочки и свинцового сердечника снаряда размерами от пылевидных до 2,7×1,2×0,7 см. Входные повреждения неправильной овальной формы, размерами от 2,5×2,3 см до 3,4×2,9 см. Выходные повреждения неправильной овальной формы, размерами от 1,7×1,6 см до 2,1×2 см.

При выстрелах полуоболочечной пулей в желатиновых блоках на кадрах высокоскоростной съемки наблюдалась временная пульсирующая полость неправильной веретенообразной формы, с наибольшим диаметром на границе начальной и средней третей.

Заключение. Выявленные в настоящем экспериментальном исследовании признаки могут быть использованы в дифференциальной диагностике типа сверловки ствола (Paradox или Lancaster) и снаряда (оболочечная или полуоболочечная пуля), примененных для причинения огнестрельных повреждений из оружия калибра 366 ТКМ, в рамках конкретно заданной альтернативы.

К.В. Минаков[1]
Научный руководитель: **П.Т. Савин** [2]
[1, 2] Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева.

Судебная лингвистическая экспертиза при расследовании реабилитации нацизма: методологические и правовые аспекты

Аннотация. Судебная лингвистическая экспертиза представляет собой самостоятельный род судебных экспертиз, предметом которого являются факты и обстоятельства, устанавливаемые на основе исследования продуктов речевой деятельности и имеющие значение для уголовного дела. В современной правоприменительной практике этот вид экспертизы приобретает особую актуальность в контексте противодействия реабилитации нацизма.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, реабилитация нацизма, доказывание, диагностический комплекс, лингвистический маркер.

Актуальность темы исследования обусловлена усилением информационного противоборства в международных отношениях, попытками пересмотра итогов Второй мировой войны и участившимися случаями распространения материалов, оправдывающих нацистскую идеологию и практику. В этих условиях судебная лингвистическая экспертиза становится критически важным инструментом доказывания, позволяющим выявить и научно обосновать наличие в текстах признаков противоправного содержания. Целью настоящей статьи является комплексный анализ методологических основ и правовых аспектов судебной лингвистической экспертизы при расследовании дел, связанных с реабилитацией нацизма.

Теоретические основы судебной лингвистической экспертизы. Судебная лингвистическая экспертиза как самостоятельное направление сформировалась в 90-х годах XX века, когда произошло расширение спектра задач, решаемых экспертами-лингвистами. Если в советский период основным предметом лингвистического экспертного исследования являлись характеристики автора анонимного документа, то с развитием гражданского общества фокус внимания

сместился на семантику текста[1]. Это преобразование обусловило становление судебной лингвистической экспертизы как полноценного рода судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях различных ведомств России.

Объектом судебной лингвистической экспертизы выступает продукт речевой деятельности. В рамках дел о реабилитации нацизма лингвистическая экспертиза решает преимущественно диагностические задачи, связанные с установлением свойств текста выражать определенное значение, а также выявлением в тексте информации определенного содержания. Типовыми задачами в данном контексте являются: выявление значения языковых единиц, установление наличия информации определенного содержания, определение смыслового содержания текста или его фрагмента.

Правовые основания и методические подходы. Правовую базу для проведения лингвистической экспертизы по делам о реабилитации нацизма составляют нормы Уголовного кодекса РФ, в частности статья 354.1, которая устанавливает ответственность за реабилитацию нацизма. Согласно данной норме, наказуемыми являются: «отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а также распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны, совершенные публично».

Методической основой производства судебных психолого-лингвистических экспертиз по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму, включая реабилитацию нацизма, является специализированная методика Российского федерального центра судебной экспертизы (РФЦСЭ) при Министерстве юстиции РФ. В 2022 году вышла вторая, переработанная и дополненная версия этой методики, в которой были учтены многочисленные примеры произвольного применения предыдущей версии.

В обновленной методике авторы обращают внимание на системные ошибки, которые допускают следствие и эксперты. В частности, указывается на недопустимость постановки перед экспертами правовых вопросов (например, «есть ли в анализируемом высказывании признаки экстремизма?»). Вместо этого предлагается определять наличие «совокупности лингвистических и психологических признаков» в сочетании с тем «типом экстремистского значения», которое следует установить.

В новой версии методики представлены девять диагностических комплексов, при этом ранее единый комплекс «Пропаганда» был разделен на «пропаганду взглядов» и «пропаганду исключительности». Для дел о реабилитации нацизма особое значение имеют два специализированных диагностических комплекса: «реабилитация нацизма» и «умаление исторической памяти».

---

[1] Судебная лингвистическая экспертиза: теоретические основы и практическое применение / Под ред. А.Н. Баранова. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2023. 284 с.

Диагностический комплекс «Реабилитация нацизма» определяется через установление «положительных оценок» того, что «обществом (либо государством, либо мировым сообществом) признано преступным в установленном порядке и отражено в законодательных или судебных актах, а также зафиксировано в специальных федеральных списках»[1]. Это предполагает, что эксперт должен обладать знаниями не только в области лингвистики, но и в сфере содержания соответствующих правовых документов.

Диагностический комплекс «Умаление исторической памяти» соответствует «оскорблению памяти защитников Отечества» и распространению «выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России». Авторы методики предлагают устанавливать наличие в тексте «совокупности признаков» «унижения ветерана/ветеранов Великой Отечественной войны» или «презрительно-негативного отношения к символам воинской славы России, к дням воинской славы, к памятным датам, связанным с защитой Отечества»[2].

Практика применения лингвистической экспертизы в делах о реабилитации нацизма. Проведение лингвистической экспертизы по делам, связанным с реабилитацией нацизма, имеет существенную специфику, обусловленную необходимостью разграничения исторической дискуссии и противоправного деяния. Эксперту-лингвисту предстоит выявить в тексте не просто спорные или непопулярные утверждения, а именно признаки, соответствующие установленным в методике диагностическим комплексам.

Как отмечается в научной литературе, «проведение агрессивной информационной политики отдельными государствами в отношении России, направленной на искажение фактов истории в части совершения преступлений нацистами в период Второй мировой войны, способствовало дополнению законодателем Уголовного кодекса Российской Федерации ст. 354.1 «Реабилитация нацизма»[3]. События, происходящие на территории Украины, также повлияли на динамику преступности в России, связанной с проявлением экстремизма и «украинского нацизма».

В процессе лингвистического анализа эксперты исследуют различные аспекты текста:

- лексико-семантический уровень: анализ значений слов и выражений, их оценочной окраски, наличия специализированной терминологии нацистского происхождения;

---

[1] Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: РФЦСЭ, 2022. – 106 с.

[2] Пошелов П.В. К вопросу о защите ветеранов статьей 354.1 УК РФ // Военно-юридический журнал. 2021. № 6. С. 21–24.

[3] Енгалычев В.Ф. О правовой обоснованности судебной экспертизы, имеющей отношение к составу преступления по ст. 354.1 УК РФ // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности. 2019. С. 45-52.

- **синтаксический уровень**: изучение структуры высказываний, использование определенных конструкций для выражения одобрения или отрицания;

- **прагматический уровень**: определение коммуникативных намерений автора, предполагаемого воздействия на адресата;

- **дискурсивный уровень**: анализ текста в более широком культурно-историческом и идеологическом контексте.

Отдельной проблемой в практике применения лингвистической экспертизы является установление публичного характера распространения запрещенных материалов, что является обязательным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 354.1 УК РФ. При исследовании материалов, размещенных в сети Интернет, эксперты часто анализируют не только собственно текст, но и контекст его размещения, доступность для неопределенного круга лиц, потенциальную аудиторию[1].

Авторы методики РФЦСЭ отдельно касаются вопроса установления экспертами возможного влияния текста на адресата и утверждают, что такие «умозрительные предположения некорректны». Это важное методологическое ограничение, поскольку оценка реального воздействия текста на аудиторию выходит за рамки собственно лингвистической компетенции и требует применения методов других наук.

Проблемы и перспективы развития лингвистической экспертизы. Проведение судебной лингвистической экспертизы по делам о реабилитации нацизма сопряжено с рядом методологических и правовых проблем. Одна из основных проблем связана с неопределенностью правовых формулировок, которая непосредственно влияет на точность самих выявляемых категорий. Механическое присоединение к правовой формуле слов «лингвистические и психологические признаки» все равно ставит лингвиста и психолога перед необходимостью правовой оценки содержания того или иного текста.

Еще одной проблемой является требование к квалификации экспертов. Как отмечается в методике РФЦСЭ, ее нельзя применять без соответствующей подготовки в учреждениях Министерства юстиции, а также без прохождения определенной сертификации (в случае негосударственных экспертов). Это создает дополнительные барьеры для развития данного направления экспертной практики.

Также следует отметить проблему разграничения компетенции между лингвистами и специалистами в других областях знания. Авторы методики обращают внимание на необходимость привлечения религиоведов, политологов, историков и т.д., однако в качестве дополнительных, в рамках комплексной экспертизы, а не основных экспертов. Это порождает вопрос о

[1] Скороделова Е.И. Реабилитация нацизма как объект криминалистического исследования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 3. С. 123–131

том, кто и на каком основании должен определять историческую достоверность или ложность тех или иных утверждений[1].

Интересно, что в последнее время появились примеры дел о «фейках», в которых судебная экспертиза не используется вообще. Например, в деле петербургской активистки Ольги Смирновой, приговоренной к шести годам заключения по п. «д» ч.2 ст. 207.3 УК РФ (распространение «фейков» о действиях ВС РФ), сторона обвинения отказалась проводить лингвистические исследования текстов, и мотивация была установлена следователем после самостоятельного «изучения текстов». Такая практика вызывает опасения, что в дальнейшем для упрощения процесса от экспертизы будут отказываться все чаще.

Таким образом, судебная лингвистическая экспертиза играет важную роль в расследовании дел о реабилитации нацизма, предоставляя объективные инструменты для анализа текстов на предмет наличия в них противоправного содержания. Методические подходы, разработанные РФЦСЭ, позволяют выявлять в текстах лингвистические и психологические признаки, свидетельствующие о положительной оценке нацистской идеологии и практики, отрицании установленных исторических фактов или унижении памяти защитников Отечества.

Вместе с тем, применение лингвистической экспертизы в данной сфере требует от эксперта не только высокой профессиональной квалификации в области лингвистики, но и понимания исторического контекста, правовых основ квалификации деяния как реабилитации нацизма. Междисциплинарный характер экспертизы обуславливает необходимость взаимодействия лингвистов с историками, правоведами, психологами в рамках комплексных экспертных исследований.

Перспективы развития судебной лингвистической экспертизы по делам о реабилитации нацизма связаны с совершенствованием методического аппарата, преодолением терминологической неопределенности, уточнением критериев разграничения исторической дискуссии и противоправного деяния, а также обеспечением независимости и объективности экспертов. Только при соблюдении этих условий заключение лингвистической экспертизы может стать надежным доказательством в суде, способствующим эффективному противодействию реабилитации нацизма при неукоснительном соблюдении принципов правового государства.

[1] Багмет А.М., Васильева О.А., Гагина О.В. и др. Методы психолого-лингвистического исследования видеозаписей оперативных и следственных действий // Эксперт-криминалист. 2018. № 2. С. 15–19.

Литература

1. Багмет А.М., Васильева О.А., Гагина О.В. и др. Методы психолого-лингвистического исследования видеозаписей оперативных и следственных действий // Эксперт-криминалист. 2018. № 2. С. 15–19.
2. Енгалычев В.Ф. О правовой обоснованности судебной экспертизы, имеющей отношение к составу преступления по ст. 354.1 УК РФ // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности. 2019. С. 45–52.
3. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: РФЦСЭ, 2022. 106 с.
4. Пошелов П.В. К вопросу о защите ветеранов статьей 354.1 УК РФ // Военно-юридический журнал. – 2021. – № 6. – С. 21–24.
5. Скороделова Е.И. Реабилитация нацизма как объект криминалистического исследования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 3. С. 123–131.
6. Судебная лингвистическая экспертиза: теоретические основы и практическое применение / Под ред. А.Н. Баранова. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2023. 284 с.

Д.Н. Множина
Академия управления МВД России

О необходимости совершенствования криминалистического исследования самодельных зажигательных устройств

Аннотация. Статья посвящена вопросам криминалистического исследования самодельных зажигательных устройств, применяемых для совершения поджога. Сформулирован новый подход к классификации устройств для поджога. Выявлена необходимость в создании научно-методического обеспечении исследования самодельного зажигательно-огнеметного оружия.

Ключевые слова: поджог, самодельные зажигательные устройства, самодельное зажигательно-огнеметное оружие, судебная экспертиза.

Поджоги являются сложными для расследования преступлениями вследствие значительного повреждения материальных следов в процессе пожара, выполнением действий по сокрытию преступления, многообразия существующих и разработки новых способов совершения противоправного деяния.

Как показывает практика расследования преступлений, связанных с поджогами, для их совершения применяются различные специальные средства и приспособления, такие как самодельные зажигательные устройства[1].

В криминалистической литературе имеются различные трактовки и определения понятия СЗУ.

Одним из первых понятие СЗУ обозначил Зернов С.И.[2][3]. СЗУ рассматривались как сложные поджигающие устройства, представляющие собой специальные технические средства или комбинации различных приспособлений и материалов, предназначенные для умышленной инициации горения.

СЗУ использовались и как средства для имитации возгорания по техническим причинам, самовозгорания веществ и иным причинам с целью сокрытия поджога, так и при совершении «дерзких» поджогов в дневное время, например, путем забрасывания через окно бутылок с зажигательной смесью.

На основании экспертной практики расследования пожаров, сопряженных с поджогами, также установлено, что составными элементами СЗУ являлись: встроенные в электрические цепи тепловые реле, часовые механизмы и электронные таймеры; различные электронагревательные приборы; элементы радиоуправления; включатели питания электрических цепей, отдельные элементы которых заранее приведены в аварийное состояние или находятся в условиях, не предусмотренных нормальным режимом их эксплуатации; терочные механизмы, вызывающие воспламенение; химические источники тепловыделения; горючие жидкости; источники открытого огня; фитиля и огнепроводные шнуры; пиротехнические средства.

И.Д. Чешко и В.Г. Плотников также приводят различные компоненты зажигательных устройств, применяемых для поджога, такие как: проволочные нагревательные элементы, свечи, тлеющие табачные изделия, зажигательные составы, лампы накаливания, фотоприемники, биметаллы и др.[4].

По мнению авторов устройства для поджога – это приспособления и механизмы (от простых до сложнейших электронных), используемые для совершения поджогов[5].

В научных трудах сформулированы следующие определения термина СЗУ:

– самодельное изделие, предназначенное для инициирования горения; самодельное изделие может включать элементы промышленного производства,

---

[1]Далее – СЗУ.

[2] Зернов С.И. Технико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений, сопряженных с пожарами: Учебное пособие. России, 1996. С. 68, 81, 106, 109.

[3] Зернов С.И., Колмаков А.И., Маковкин А.В., Попов И.А. Применение технико-криминалистических средств и методов при раскрытии и расследовании поджогов: Учебное пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 1998. С. 101–105.

[4] Чешко И. Д., Плотников В. Г. Ч-57 Анализ экспертных версий возникновения пожара. В 2-х книгах. СПбФ ФГБУ ВНИИПО МЧС России, Кн. 2. СПб: 2012. С. 160–186.

[5] Там же. С. 103.

либо представлять собой изделие иного прямого назначения, приспособленное для зажигания[1];

– изделие однократного действия, специально подготовленное к зажиганию, способное наносить поражение и содержащее зажигательное вещество и средство приведения устройства в действие, в котором хотя бы один из элементов изготовлен самодельным способом или установлена его непромышленная нерегламентированная сборка[2];

– зажигательное устройство, конструкция которого не соответствует конструкторско-технологической документации на производство или сборку любого из зажигательных устройств промышленного изготовления. Под СЗУ понимаются устройства, в которых хотя бы один из элементов изготовлен самодельным способом или установлена его непромышленная нерегламентированная сборка, т.е. конструкция окончательно подготовленного к зажиганию устройства не оговорена требованиями соответствующих технических условий на его изготовление (монтаж)[3].

Также в информационном письме[4] и научной статье[5] имеются указания на сходство некоторых СЗУ с оружием. СЗУ рассматриваются как самодельное зажигательное оружие, аналоги боеприпасов, зажигательного оружия, зажигательных устройств военного назначения, таких как: зажигательные гранаты, зажигательные мины, огнеметы и др. В работах представлены следующие варианты классификаций:

– «СЗУ – аналоги зажигательных гранат», «СЗУ – аналоги огнеметов» и др.[6];

---

[1] Терминология судебной пожарно-технической экспертизы (терминологический словарь) / И.Д. Чешко, С Р.А. Касаев, А.Ю. Мокряк. СПб: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России», 2019. С. 121.

[2] Гераськин Михаил Юрьевич / Дашко Леонид Васильевич, Харченко Ирина Владимировна, Плотникова Галина Викторовна. Самодельные зажигательные устройства как объект криминалистического исследования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (99). С. 198–199.

[3] Шульгин С. О., Дашко Л. В., Ключников В. Ю., Гусев С. Е., Колмаков А. И. Самодельные зажигательные устройства как объект криминалистического исследования: информационное письмо. М.: ЭКЦ МВД России, 2014. С. 4.

[4] Там же. С. 52.

[5] Шеков А.А., Дашко Л.В., Харченко И.В., Гераськин М.Ю. Наиболее распространенные конструкции самодельных зажигательных устройств, изымаемых при осмотре места происшествия, связанного с поджогом // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. тр. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. Т. 27. № 3. С. 245–252.

[6] Шульгин С.О., Дашко Л.В., Ключников В.Ю., Гусев С.Е., Колмаков А.И. Самодельные зажигательные устройства как объект криминалистического исследования: информационное письмо. М.: ЭКЦ МВД России, 2014. С. 52.

– «СЗУ типа огнемета», «СЗУ типа противопехотной зажигательной мины» и др.[1].

Анализ составных элементов и выявленных особенностей устройств, применяемых для совершения поджога, позволяет провести их дифференциацию на:

1. СЗУ, как самодельное изделие, предназначенное для инициирования горения, которое может включать элементы промышленного производства, либо представлять собой изделие хозяйственно-бытового или иного прямого назначения, приспособленное для зажигания;

2. самодельное зажигательно-огнеметное оружие. Данная классификация устройств позволит отделить предметы, используемые в качестве оружия, и непосредственно оружие, а также предотвратить двусмысленность и неточность при формулировании его наименования. Например, не «устройство является СЗУ типа огнемета», а либо «устройство является СЗУ», либо «устройство является самодельным зажигательно-огнеметным оружием – огнеметом».

Следует отметить, что в настоящее время самодельное зажигательно-огнеметное оружие является малоизученным, отсутствует методика судебно-экспертного исследования отнесения устройств к данной категории оружия, в результате чего на практике встречаются проблемы в квалификации используемых средств для поджога в качестве самодельного зажигательно-огнеметного оружия.

Так, например, в поликлинике против находящихся в ней пациентов злоумышленником был применен так называемый «самодельный огнемет», представляющий собой зажженный зажигалкой газ, выпущенный из газового баллончика[2]. Однако с криминалистической точки зрения, исходя из имеющейся информации, газовый баллончик и зажигалка не могут рассматриваться в качестве самодельного зажигательно-огнеметного оружия, так как инициирование горения происходит за счет воспламенения горючего вещества (газа) от источника открытого огня (пламени зажигалки) в результате механического воздействия на два объекта (баллончик, зажигалка), не составляющих единое устройство, каждый из которых не является аналогом зажигательно-огнеметного оружия.

В отличие от устройства, использованного в 2023 г. для поджога людей и имущества в административном здании Московской области, представляющего собой корпус огнетушителя, заполненного под давлением смесью нефтепродуктов, к которому был подсоединен штуцер с зажженной промасленной тканью, создающим в процессе его применения мощную

---

[1] Шеков А.А., Дашко Л.В., Харченко И.В., Гераськин М.Ю. Наиболее распространенные конструкции самодельных зажигательных устройств, изымаемых при осмотре места происшествия, связанного с поджогом // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. тр. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. Т. 27. № 3. С. 245–252.

[2] URL: https://m.fishki.net/video/4572874-pareny-s-samodelynym-ognemetom-napal-na-pacientov-korolevsko.html (дата обращения 22.06.2025).

огненную струю направленного действия[1], который по тактико-техническом характеристикам уже может относиться к самодельному зажигательно-огнеметному оружию – огнемету. Однако ввиду отсутствия соответствующего научно-методического обеспечения данное устройство было признано СЗУ.

Также в 2024 году в г. Нижний Новгород преступник для совершения поджога применил пистолет с самодельными зажигательными зарядами (патронами) посредством выстрела через открытый оконный проем внутрь салона автомобиля, в котором находился водитель[2]. Данное устройство содержит признаки оружейности и может исследоваться на предмет отнесения к самодельному зажигательно-огнеметному оружию.

Для понимания сущности самодельного зажигательного оружия представляется целесообразным привести понятия оружия и зажигательно-огнеметного оружия.

Оружие, согласно В.Ю. Владимирову, это разновидность орудий труда человека, предназначенная для поражения живой или иной цели[3]. То есть оружие не имеет иного назначения, кроме как поражение цели.

Зажигательно-огнеметное оружие – это средство специально предназначенное и технически пригодное для термического поражения живой или иной цели за счет воздействия на нее высоких температур, образованных при воспламенении зажигательных веществ и смесей, в том числе путем их прицельного метания, не имеющее прямого назначения в быту и (или) производстве, и по своим тактико-техническим характеристикам (поражающим свойствам) представляющее такую же повышенную опасность как аналогичное оружие заводского изготовления, стоящее или стоявшее на вооружении в Вооруженных Силах Российской Федерации либо иного государства[4].

---

[1] Владимиров В.Ю. Самодельные зажигательные устройства как объекты криминалистического оружиеведения / В.Ю. Владимиров, Д.Н. Множина // Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: сборник научн. тр. Всероссийской научно-практич. конференции, проводимой в рамках Международной выставки «Интерполитех-2024», Москва, 20 ноября 2024 г. М.: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2024. С. 62–64.

[2] URL: https://dzen.ru/video/watch/65d4e968021a5d49534ae1d9 (дата обращения 22.06.2025).

[3] Владимиров В.Ю. Теория и практика криминалистического оружиеведения: монография / под общей редакцией В. П. Сальникова. СПб: Фонд поддержки науки и образования в области право охранительной деятельности «Университет», 2003. С. 36.

[4] Множина Д.Н. К вопросу о необходимости криминалистического определения зажигательного и (или) огнеметного оружия // Криминалистика, уголовный процесс и судебная экспертология в XXI веке: векторы развития (к 70-летию кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России: сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, Москва, 25 апреля 2025 г.: в 3 ч. / под ред. С.И. Курилова, Ю.Е. Салеевой, Ю.В. Гаврилина, Б.Я. Гаврилова, М.М. Алиева, О.Е. Рословой. М.: Академия управления МВД России, 2025. Ч. 3. С. 143.

Отличие зажигательно-огнеметного оружия от его самодельных модификаций может проявляться не только в наличии у последних элементов самодельного изготовления или непромышленной нерегламентированной сборки, но и других характеристик (применяемые материалы и вещества, размеры и др.), вследствие отсутствия у злоумышленника необходимости соблюдать требования заводского изготовления, наличия ограниченности ресурсов и иных причин.

Например, с проблемами ограниченности ресурсов можно столкнуться в случае попыток самодельного изготовления некоторых типов зажигательно-огнеметного оружия, которые создавались для массового поражения на больших территориях, таких как: тяжелые огнеметные системы залпового огня, напалмовые авиационные бомбы крупного калибра и т.п.

Происходящее совершенствование конструкций СЗУ в направлении зажигательно-огнеметного оружия обуславливает необходимость в разработке методик судебно-экспертного исследования самодельного зажигательно-огнеметного оружия, что позволит существенно повысить качество и расширить возможности судебно-экспертной деятельности при расследовании преступлений, сопряженных с пожарами, и станет новым этапом развития криминалистического оружиеведения.

Литература

1. Зернов С.И. Технико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений, сопряженных с пожарами: учебное пособие. М.: ЭКЦ МВД РФ, 1996. 127 с.

2. Зернов С.И., Колмаков А.И., Маковкин А.В., Попов И.А. Применение технико-криминалистических средств и методов при раскрытии и расследовании поджогов: Учебное пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 1998. 112 с.

3. Чешко И.Д., Плотников В.Г. Анализ экспертных версий возникновения пожара. В двух книгах. Кн. 2. СПб: ФГБУ ВНИИПО МЧС России, 2012. 364 с.

4. Терминология судебной пожарно-технической экспертизы (терминологический словарь) / И.Д. Чешко, С Р.А. Касаев, А.Ю. Мокряк. СПб: Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС России, 2019. 178 с.

5. Гераськин М.Ю. / Дашко Л.В., Харченко И.В., Плотникова Г.В. Самодельные зажигательные устройства как объект криминалистического исследования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (99). С. 189–201.

6. Шульгин С.О., Дашко Л.В., Ключников В.Ю., Гусев С.Е., Колмаков А.И. Самодельные зажигательные устройства как объект криминалистического исследования: информационное письмо. М.: ЭКЦ МВД России, 2014. 117 с.

7. Шеков А.А, Дашко Л.В., Харченко И.В., Гераськин М.Ю. Наиболее распространенные конструкции самодельных зажигательных устройств, изымаемых при осмотре места происшествия, связанного с поджогом //

Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. тр. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. Т. 27. № 3. С. 242–255.

9. Владимиров В.Ю. Самодельные зажигательные устройства как объекты криминалистического оружиеведения / В.Ю. Владимиров, Д.Н. Множина // Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, проводимой в рамках деловой программы Международной выставки «Интерполитех-2024», Москва, 20 ноября 2024 года. Москва: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2024. С. 61–65.

11. Владимиров В.Ю. Теория и практика криминалистического оружиеведения: монография / под общей редакцией В. П. Сальникова. СПб: Фонд поддержки науки и образования в области право охранительной деятельности «Университет», 2003. 400 с.

12. Множина Д.Н. К вопросу о необходимости криминалистического определения зажигательного и (или) огнеметного оружия // Криминалистика, уголовный процесс и судебная экспертология в XXI веке: векторы развития (к 70-летию кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России) (66-е ежегодные криминалистические чтения): сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции (Москва, 25 апреля 2025 г.) : в 3 ч. / под ред. С. И. Курилова, Ю.Е. Салеевой, Ю. В. Гаврилина, Б. Я. Гаврилова, М. М. Алиева, О.Е. Рословой. М.: Академия управления МВД России, 2025. Ч. 3. 280 с.

А.М. Моисеев[1], **С.В. Кондратюк**[2]
[1] Донецкая лаборатория судебной экспертизы
Министерства юстиции Российской Федерации
[2] Луганский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Судебная криминологическая экспертиза: предмет, объект, задачи, виды

Аннотация. Представлен современный взгляд на судебную криминологическую экспертизу, уточнены ее структура и значение в расследовании деятельности организованного преступного сообщества. Реализован информационный подход к формулированию предмета и задач экспертизы данного рода. Выделены виды судебной криминологической экспертизы. Показаны направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: криминология, организованная преступная деятельность, судебная экспертиза, доказательственная информация. криминологическая профилактика.

Современная преступность консолидируется, формируя сложные иерархические структуры – организованные преступные сообщества (ОПС). Одним из ключевых механизмов такой консолидации выступает иерархическая

организация преступных сообществ, которые отличаются высокой степенью структурированности, жесткой дисциплиной и специализацией участников. В условиях латентности преступной деятельности, когда следы правонарушений тщательно скрываются, а сама организованная преступная деятельность глубоко законспирирована, традиционные методы расследования зачастую оказываются недостаточно эффективными, особенно в плане установления обстоятельств профилактического характера. Так, в ходе расследования необходимо установить: причины и условия формирования и укрепления преступного сообщества; структуру его иерархии; место и функциональную роль конкретного лица в этой иерархии; принадлежность лица к преступному сообществу; классификацию сообщества (общеуголовное, экономическое, экстремистское, политическое). Данные вопросы входят в предмет криминологии. В этой связи особую значимость приобретает применение специальных криминологических знаний, позволяющих выявлять и анализировать скрытые механизмы функционирования преступных структур.

Актуальность заявленной темы обусловлена именно сложностью следственной профилактики, затруднениями в доказывании факта принадлежности конкретного лица к организованному преступному сообществу, установления внутренней структуры ОПС и роли каждого участника в преступной деятельности.

Цель исследования: конкретизировать теоретические основы судебной криминологической экспертизы и ее значение в доказывании по делам об организованной преступности, установить место судебной криминологической экспертизы в системе судебных экспертиз и наметить перспективы ее развития.

Для достижения заявленной цели решаются следующие задачи: уточнение объекта, предмета и методов данной экспертизы; анализ процессуальных и информационных аспектов экспертного криминологического исследования; разработка классификации задач, решаемых в ходе судебной криминологической экспертизы.

Изложение. Значимой формой применения специальных знаний в следственно-судебной практике признается судебная экспертиза. В рамках настоящего исследования мы опираемся на информационный подход, внедряемый в науку и практику следственной и судебно-экспертной деятельности. Установление информации о фактах и обстоятельствах расследуемого события считаем задачей назначения судебной экспертизы. Экспертиза производится, когда необходимо извлечь доказательственную информацию из материалов расследования, документов, вещественных доказательств. Для установления профилактических обстоятельств расследуемых преступлений органами следствия назначается судебная криминологическая экспертиза. Внедрена методика судебной

криминологической экспертизы занятия высшего положения в преступной иерархии[1]. Назначается судебная профилактическая экспертиза[2].

Между тем извлечение криминалистической информации из объектов данной экспертизы затруднено действием ряда факторов. Так, в материалах расследования требуемая информация нередко приобретает неявный вид. Извлечению информации препятствуют ее умышленное искажение, уничтожение, фальсификация, а также естественное видоизменение. Современная судебная экспертиза позволяет устанавливать доказательственную информацию, скрытую от непосредственного наблюдения. Судебная криминологическая экспертиза способна установить следующие обстоятельства, информация о которых скрыта в исследуемых объектах[3].

Криминологическое исследование материалов дела: эксперт анализирует их с целью построения целостной картины деятельности организованного преступного сообщества, отнесения его к определенному виду (экстремистскому, общекриминальному, экономическому, этническому и т. п.), определения его структуры, места конкретных лиц в его иерархии.

В различного рода документах информации закодирована буквенным, цифровым, аналоговым кодами. Исследование документов: эксперт выявляет скрытые связи, раскрывает шифры и кодировку, определяет авторство документов, отображающих деятельность организованного преступного сообщества.

***Исследование вещественных доказательств*:** в изъятых материальных объектах может быть вскрыта информация о приемах и методах преступной деятельности, о связях между ее соучастниками.

---

[1] Ильин Н.Н. Судебная криминологическая экспертиза, назначаемая при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии // Судебная экспертиза. 2024. № 2(78). С. 92–101; Проведение судебной криминологической экспертизы по установлению факта и обстоятельств занятия лицом высшего положения в преступной иерархии: методические рекомендации / Л.Г. Бордюгов, С.В. Кондратюк, А.М. Моисеев, В.В. Седнев. СПб: Астерион, 2023. 84 с.

[2] Аминев Ф.Г. О некоторых проблемах профилактики в судебно-экспертной деятельности и путях их решения // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2018. Т. 10, № 1. С. 73–77; Антонов О.Ю. Теория экспертной профилактики: возникновение, современное состояние и перспективы развития / О.Ю. Антонов, Е.В. Устелемова // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2016. Т. 26, № 3. С. 66–69.

[3] Иванцова Н.В. «Положенец» и его место в преступной иерархии (по материалам судебного процесса) / Н.В. Иванцова, Т.М. Иванцова // Законность. 2022. № 9(1055). С. 48-51.; Стукалова Т.В. Проблемы доказывания занятия высшего положения в преступной иерархии посредством заключения и показания эксперта и специалиста / Т.В. Стукалова, Г.М. Магомедова // Современные проблемы криминалистики и судебной экспертизы: материалы X Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 23 марта 2022 года. Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2022. С. 61-66.

В плане поставленной цели настоящего исследования уточним структуру и определим место судебной криминологической экспертизы в классификационной системе экспертиз.

Структурным элементом экспертизы данного рода является ее объект. В общем понимании им является носитель доказательственной информации, подлежащей экспертному исследованию. В судебной экспертологии выделяют объект: а) общий – материалы уголовного дела (материалы расследования, документы, вещественные доказательства); б) родовой – совокупность материальных и идеальных носителей информации, требующих применения криминологических знаний; в) конкретный (специальный) объект исследования – в нашем случае таковым могут быть записки и СМС-сообщения, банковские реквизиты, видеозаписи переговоров), а также идеальные модели (например, реконструкция структуры ОПС по косвенным данным). В процессуальном аспекте, объектами судебной криминологической экспертизы выступают протоколы следственных действий, показания свидетелей, потерпевшего, подозреваемого (обвиняемого), результаты оперативно-разыскных мероприятий, вещественные доказательства (электронные носители, записи переговоров и т. п.). Отмечаем, что учет процессуального и информационного аспектов объекта судебной экспертизы обеспечивает системный подход к ее проведению.

В ходе следственной (судебной) профилактики экспертному исследованию подлежат носители информации, отображающей формирование и укрепление ОПС: механизмы вовлечения новых участников; процедуры «легитимации» лидеров; система контроля внутренней безопасности и применения криминальных санкций к участникам ОПС.

Детализируя конкретный (специальный) объект судебной криминологической экспертизы обстоятельств организованной преступной деятельности. Его распределяем на следующие элементы:

- материальный носитель сведений о факте – это физическое представление информации, которое может быть предметом исследования (документ, материальный предмет, цифровой носитель);

- источник информации о факте, сопровождающем расследуемое событие. Например, таковым источником может быть свидетель, видеозапись, а также письменные и электронные документы – малява и прогон, база данных;

- механизм передачи информации – это процесс, с помощью которого информация переходит от источника к носителю. Здесь выделяются два компонента: а) отображаемый компонент, т.е. то, что представляет информацию: например, видеозапись, текст малявы или прогона, описание поведения подозреваемого; б) отображающий компонент – это методика судебной экспертизы, применением которой устанавливаются и приобретают процессуальное закрепление факты и обстоятельства расследуемого события.

Так, объектами судебной криминологической экспертизы обстоятельств организованной преступной деятельности становятся материалы дела, связанные с закономерностями возникновения фактов, способствующих укреплению

преступного сообщества, формированию личности его лидера, личности рядового участника преступной деятельности, формированию преступной иерархии и занятию лидерского статуса в ней.

В судебной экспертологии выделяют понятие исходных данных, в отличие от объектов судебной экспертизы рассматриваемого вида. Эти данные могут включать в себя результаты других экспертиз, таких как психологических, лингвистических, документоведческих. Использование результатов смежных экспертиз приобретает значение при проведении комиссионных и комплексных экспертиз. Эксперт изучает данные, содержащиеся в материалах дела, предоставленных ему для исследования. При этом он осуществляет анализ фактов, документов, показаний. В своей работе эксперт применяет специальные методики и справочные материалы. При использовании исходных данных ему предписано сохранять независимость и объективность, не смешивая свои выводы с исходными данными.

В качестве обобщения отметим, что родовой объект экспертизы представлен совокупностью материальных носителей информации, подвергающихся экспертному исследованию с применением специальных знаний одного вида. Специальные криминологические знания определены как гуманитарные. Соответственно, судебную криминологическую экспертизу относим к классу гуманитарных.

Предмет экспертизы составляют факты и обстоятельства, связанные с преступной деятельностью, которые подлежат установлению в ходе исследования. Относительно криминологического вида судебной экспертизы к ее предмету относим закономерности формирования и функционирования ОПС (система традиций и правил, закрепленных криминальной субкультурой, иерархия сообщества, ролевые функции его участников), криминологические характеристики лидеров и рядовых его участников.

Экспертология определяет систему методов судебной криминологической экспертизы: всеобщий (диалектический) метод; общенаучные (логический анализ, сравнение, обобщение); методы смежных наук (социологии, психологии, статистики); частнонаучные методы (криминологический, классификация, прогнозирование, метод криминологической профилактики)[1]. Судебная экспертиза рассматриваемого вида может применять специальные методы, например, исследования структуры преступного сообщества и его охватывающей преступной иерархии. Также в рамках теории судебной криминологической экспертизы разрабатывается метод сравнительного анализа личности лидера и возглавляемой им преступной организации, внедряются методы диагностирования структуры ОПС различных видов, ситуационного анализа процессов становления и укрепления современной организованной преступности.

[1] Криминология (Общая часть): Учебник для бакалавриата и специалитета / А.А. Ашин, А.В. Кудрявцев, О.В. Маркина [и др.]. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2020. 220 с.

Технологию производства судебной криминологической экспертизы составляют действия эксперта, направленные на преобразование информации, содержащейся в представленных объектах и материалах, в доказательственную информацию. Общепризнано, что экспертная задача обладает информационной природой и процессуальной формой. Поэтому экспертная задача может быть представлена и как вопрос, требующий решения на основе специальных криминологических знаний. Также задачи судебной экспертизы определяются возможностями исследования объекта и ее предметом. В литературе криминологического направления они распределяются на идентификационные, классификационные, диагностические и ситуалогические.

К идентификации в судебной экспертизе относят установление факта тождества двух объектов. Современные экспертологи выделяют задачу групповой идентификации. По нашему мнению, такую задачу следует определить как классификационную. Ее примером может послужить установление принадлежности лица к конкретному ОПС.

Диагностические исследования в судебной криминологической экспертизе обстоятельств организованной преступной деятельности распределены, в соответствии с положениями экспертологии, по следующим направлениям:

1) задача установления действительного состояния объекта. Примером данной задачи в судебной криминологической экспертизе можем назвать установление вида ОПС – общеуголовного, экономического, экстремистского, политического;

2) установление механизма образования объекта. Здесь примером послужит установление фактов и обстоятельств, способствовавших постепенному укреплению ОПС и расширению сфер его влияния;

3) определение временных параметров исследуемого объекта. К таким задачам относим установление момента завершения формирования и периода существования ОПС.

Ситуалогическую задачу иллюстрируем примером экспертного исследования процедуры присвоения лицу высшего положения в преступной иерархии.

Вышеуказанные виды конкретного (специального) объекта судебной криминологической экспертизы предполагают создание соответствующих методик для решения поставленных следствием криминологических задач. Можно видеть, что исследования различных носителей криминологической информации требуют разработки собственных методов, наряду с привлечением методов из смежных экспертиз (психологических, лингвистических, документоведческих, других). Согласно экспертологическому принципу дифференциации, судебные криминологические экспертизы предлагаем распределять на виды, в соответствии с задачами исследования структуры ОПС и личности ее участников. Отметим, что в настоящее время в экспертной практике выделилась судебная криминологическая экспертиза по установлению факта и обстоятельств занятия лицом высшего положения в преступной

иерархии[1]. В стадии формирования находятся экспертизы по криминологическому исследованию следов экстремистских преступлений[2], криминологической профилактике запрещенных средств и методов ведения войны[3], а также судебная криминологическая экспертиза обстоятельств организованной преступной деятельности[4].

Также отметим существенно комплексный характер исследуемого объекта и поставленных на разрешение криминологической экспертизы задач, что приобретает значение при проведении комиссионных и комплексных экспертиз. Эксперт анализирует данные, содержащиеся в материалах дела, предоставленных ему для исследования. Так, он осуществляет анализ фактов, документов, показаний. Эксперт использует в своей работе научную литературу и справочные материалы. При использовании исходных данных ему предписано сохранять независимость и объективность, не смешивая собственные выводы с исходными данными.

Выводы. Применение специальных криминологических знаний и проведение на их основе судебных экспертиз становится условием успешного расследования преступлений, совершаемых организованными преступными сообществами. Такие экспертизы позволяют преодолеть трудности, связанные со скрытностью и сложностью деятельности ОПС, обеспечивая получение надежной доказательной базы. Дальнейшее развитие методологии криминологических экспертиз и повышение квалификации экспертов – ключевые факторы в борьбе с организованной преступностью.

Судебная криминологическая экспертиза образует род судебных экспертиз. Ее конкретным объектом становятся протоколы следственных действий, показания свидетелей, потерпевшего, подозреваемого (обвиняемого), результаты оперативно-разыскных мероприятий, модели структуры ОПС, а также вещественные доказательства (электронные носители, записи переговоров, прогоны и малявы на бумажном носителе). Экспертиза производится на предмет установления обстоятельств профилактического характера. Уточнена и проиллюстрированы примерами идентификационная (классификационная),

---

[1] Кондратюк С.В. Судебная криминологическая экспертиза занятия высшего положения в преступной иерархии / С.В. Кондратюк // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 3(46). С. 26–35.

[2] Моисеев А.М., Кондратюк С.В., Кондратюк Л.С. Специальные знания в исследовании следов экстремистских преступлений // Социальное управление. 2024. Т. 6, № 2. С. 51–62.

[3] Кондратюк С.В., Моисеев А.М., Честнов Н.Е., Сергеев М.М., Штепа Х.Д., Кондратюк Л С. Криминологическая профилактика запрещенных средств и методов ведения войны на основе судебных решений // Социальное управление. 2024. Т. 6, № 5. С. 184–194.

[4] Моисеев А.М., Кондратюк С.В. Научная основа судебной криминологической экспертизы обстоятельств организованной преступной деятельности // Вестник Университета прокуратуры: уголовно-правовые науки. 2024. № 4 (102). С. 70–78.

диагностическая, ситуалогическая задачи судебной криминологической экспертизы.

В систему судебной криминологической экспертизы входят методы криминологии, а также судебной экспертологии. В качестве специальных находит применение сравнительный анализ лидера и возглавляемой им преступной организации, методы диагностирования структуры преступной организации и преступной иерархии, ситуационного анализа процедур присвоения лицу статусного положения в преступной иерархии, проц3ессы становления и укрепления преступного сообщества.

Предмет экспертизы рассматриваемого рода составляют факты и обстоятельства, способствовавшие и распространению, и укреплению деятельности организованных преступных сообществ.

Предложено распределение судебной криминологической экспертизы на виды – установление обстоятельств занятия лицом высшего положения в преступной иерархии, криминологическое исследование следов экстремистских преступлений, криминологическая профилактика запрещенных средств и методов ведения войны, экспертиза обстоятельств организованной преступной деятельности.

Литература

1. Аминев Ф.Г. О некоторых проблемах профилактики в судебно-экспертной деятельности и путях их решения / Ф.Г. Аминев // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2018. Т. 10, № 1. С. 73–77.

2. Антонов О.Ю. Теория экспертной профилактики: возникновение, современное состояние и перспективы развития / О.Ю. Антонов, Е.В. Устелемова // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2016. Т. 26, № 3. С. 66–69.

3. Иванцова Н.В. «Положенец» и его место в преступной иерархии (по материалам судебного процесса) / Н.В. Иванцова, Т.М. Иванцова // Законность. 2022. № 9(1055). С. 48–51.

4. Ильин Н.Н. Судебная криминологическая экспертиза, назначаемая при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии / Н.Н. Ильин // Судебная экспертиза. 2024. № 2(78). С. 92–101.

5. Кондратюк С.В. Судебная криминологическая экспертиза занятия высшего положения в преступной иерархии / С.В. Кондратюк // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 3(46). С. 26–35.

6. Кондратюк С.В., Моисеев А.М., Честнов Н.Е., Сергеев М.М., Штепа Х.Д., Кондратюк Л С. Криминологическая профилактика запрещенных средств и методов ведения войны на основе судебных решений // Социальное управление. 2024. Т. 6, № 5. С. 184–194.

7. Криминология (Общая часть): Учебник для бакалавриата и специалитета / А.А. Ашин, А.В. Кудрявцев, О.В. Маркина [и др.]. Владимир: Владимирский

филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2020. 220 с.
8. Моисеев А.М., Кондратюк С.В. Научная основа судебной криминологической экспертизы обстоятельств организованной преступной деятельности // Вестник Университета прокуратуры: уголовно-правовые науки. 2024. № 4 (102). С. 70–78.
9. Моисеев А.М., Кондратюк С.В., Кондратюк Л.С. Специальные знания в исследовании следов экстремистских преступлений // Социальное управление. 2024. Т. 6, №2. С. 51–62.
10. Проведение судебной криминологической экспертизы по установлению факта и обстоятельств занятия лицом высшего положения в преступной иерархии: методические рекомендации / Л.Г. Бордюгов, С.В. Кондратюк, А.М. Моисеев, В.В. Седнев. Санкт-Петербург: Астерион, 2023. 84 с.
11. Стукалова Т.В. Проблемы доказывания занятия высшего положения в преступной иерархии посредством заключения и показания эксперта и специалиста / Т.В. Стукалова, Г.М. Магомедова // Современные проблемы криминалистики и судебной экспертизы: материалы X Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 23 марта 2022 года. Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2022. С. 61–66.

М.А. Моисеенко
Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева.

Производство судебных экономических экспертиз по уголовным делам в государственных и негосударственных экспертных учреждениях – сходство и различия

Аннотация. В статье рассматривается роль экспертной деятельности в уголовном судопроизводстве, особенно при расследовании экономических преступлений, где экономическая экспертиза становится ключевым инструментом для установления обстоятельств уголовного дела. Основное внимание уделено сравнению государственных и частных экспертных учреждений, их правовому регулированию, порядку взаимодействия со следственными органами, а также преимуществам и недостаткам каждого из них.

Ключевые слова: экономическая экспертиза, государственное экспертное учреждение, частное экспертное учреждение, исследование, уголовная ответственность.

В настоящее время при судебных разбирательствах по уголовным делам, экспертная деятельность является важным элементом для установления всех обстоятельств дела. При расследовании экономических и хозяйственных преступлений следователю необходима экономическая экспертиза, так как он не

обладает специальными знаниями в экономике, достаточными для подтверждения или опровержения каких-либо фактов. Для получения заключения эксперта при расследовании экономических и хозяйственных преступлений следователь обращается в большинстве случаев в государственные экспертные учреждения, такие, как судебно-экспертные центры Следственного комитета Российской Федерации, судебные-экспертные учреждения Министерства юстиции Российской Федерации, экспертно-криминалистические центры Министерства внутренних дел Российской Федерации, так как данные экспертные учреждения предназначены для производство экспертиз и являются бесплатными в отличии от негосударственных судебных учреждений. Однако практика показывает, что сроки производства в государственных экспертных учреждениях могут быть более длительными, чем у частных экспертов или в частных экспертных организациях, так как на государственных экспертов нагрузки больше, чем на частных. Поэтому в случаи необходимости для соблюдения процессуальных сроков следователь обращается к частным экспертам или в частные экспертные учреждения, где сроки производства экспертизы меньше, но при этом проведения экспертизы должно быть оплачено. О возможности проведения судебных экспертиз писали такие авторы, как: Галинская А.Е.[1], Зайцев А.А.[2], Лазарева Л.В.[3]

Под негосударственными судебно-экспертными учреждениями следует понимать некоммерческие организации (некоммерческие партнерства, частные учреждения или автономные некоммерческие организации), созданные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и Федеральным законом «О некоммерческих организациях», осуществляющие судебно-экспертную деятельность в соответствии с принятыми ими уставами. Производства экспертиз в негосударственных судебно-экспертных учреждениях, как в государственных экспертных учреждениях, регулируется разными нормативные правовыми актами, одним из которых является федеральный закон от 31.05.2001 №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Статья 41 этого закона[4]

---

[1] Галинская А.Е. Использование специальных знаний стороной защиты при расследовании преступлений в области экономики / А. Е. Галинская // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 4(44). С. 46–53.

[2] Зайцев А.А. Проблемы нарушения прав граждан при назначении судебных экспертиз по уголовным делам // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы: Материалы Международной научно-практической конференции, Иркутск, 15–16 марта 2019 года. Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С. 185–191.

[3] Лазарева Л.В. Использование специальных знаний в адвокатской деятельности по уголовным делам // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 4. С. 79–83.

[4] Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 41.

предусматривает, что судебная экспертиза может не только в государственных судебно-экспертных учреждениях, но и в негосударственных судебно-экспертных учреждениях. Также данная статья распространяет ряд положений ФЗ. Положения, которые распространяются на частных лиц или частные учреждения занимающихся экспертной деятельностью следующие:

1) задача, которая ставится как перед частным экспертными учреждениями, так и государственными – установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в конкретной области;

2) правовая основа, на которой проводятся экспертизы, как частными экспертными учреждениями, так и государственные – Конституция РФ, Уголовно-процессуальный кодекс, Налоговый кодекс и т.д.;

3) принципы, которых должны придерживаться, как частные экспертные учреждения, так и государственные - принципы законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица, а также независимости эксперта, объективности, всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники.

4) другие положения, указанные в данном законе в статье 41, которая отсылает на ст. 6-7, ст. 16, ст. 17, ч. 2 ст. 18, а также ст. 24-25 данного федерального законного, которые являются обязательными как для частных экспертных учреждений, так и государственных. Кроме того, в ст. 41 перечислены иные статьи данного закона, следования которым, является обязательным для частных экспертов и негосударственных экспертных учреждений.

Также при производстве судебных экспертиз частные экспертные учреждения и государственные экспертные учреждения должны принимать во внимание разъяснение Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам».

Государственными судебно-экспертными учреждениями являются специализированные учреждения уполномоченных федеральных государственных органов, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, созданные для организации и производства судебной экспертизы. Кроме того, организация и производство судебной экспертизы могут осуществляться экспертными подразделениями федеральных органов исполнительной власти, на которые возложены функции по организации и (или) производству экспертизы в целях осуществления судопроизводства в Российской Федерации (статья 11 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»).

Производство экспертиз в государственных экспертных учреждениях регулируется УПК РФ и Федеральным законом от 31.05.2001 №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», а также другими нормативными правовыми актами. В качестве государственных экспертных учреждений для производства экспертиз, назначаемых по уголовным делам, могут быть:

1) Судебно-экспертные центры Следственного комитета Российской Федерации (СЭЦ СК России). Он является государственным судебно-экспертным учреждением, созданным на базе существующих экспертно-криминалистических подразделений Следственного комитета России 24.07.2020 г. в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 15.07.2020. СЭЦ СК России включает в себя 8 филиалов, где некоторые из них дислоцированы по разным городам РФ[1].

2) Судебные-экспертные учреждения Министерства юстиции Российской Федерации (Минюст РФ). В его состав входят 54 судебно-экспертные лаборатории, 9 региональных центров судебной экспертизы и один федеральный центр судебной экспертизы[2].

3) Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации (ЭКЦ МВД России). Центр находится в непосредственном подчинении Министерства внутренних дел РФ и предназначен для организации экспертно-криминалистической деятельности органов внутренних дел[3].

Аккумулируя все выше сказанное, можно сделать сравнение между частными и государственными экспертными учреждениями.

Первым отличием в производстве экспертиз в некоторых государственных и частных экспертных учреждениях является заявитель, который обращается к ним на проведение судебной экспертизы по уголовному делу. В государственные экспертные учреждения в такие, как СЭЦ СК России и ЭКЦ МВД России могут обращаться не все, а только государственные уполномоченные лица (следователь, суд, дознаватель). Но в судебные-экспертные учреждения Министерства юстиции Российской Федерации могут обращаться любые лица, не только государственные.

Участники уголовного процесса, такие как адвокат и др. могут заявлять ходатайство о назначении судебной экспертизы в СЭУ Минюст. СЭУ Минюст имеет право отказать им в ее назначение, то тогда гражданин обращается в СЭУ Минюста с заявлением о проведении исследования по интересующим его вопросам, оно проводится по договору на платной основе. В итоге он получает не процессуальный документ, каким является заключение эксперта, выполненное по постановлению, а экспертное исследование, и его можно приобщать к материалам дела по ходатайству в качестве иного документа.

А в частные экспертные учреждения могут обращаться все участники уголовного процесса (физические и юридические лица, суд, следователь, дознаватель).

Вторым отличием является, когда следователь обращается за проведением судебной экспертизы в государственные или частные экспертные учреждения. Проведения экспертиз в частных учреждениях может быть проблематично для

[1] URL: http://sec.sledcom.ru/index.html.
[2] URL: https://minjust-expert.ru/.
[3] URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Centri/JEkspertno_kriminalisticheskij_cent.

следователя из-за финансовых причин. К примеру, стоимость в проведении судебной экономической экспертизы в 2025 г. в частных экспертных учреждениях начинается от 50 000 рублей. И тогда следователь решает обратиться в государственные экспертные учреждения на проведение экспертизы, производство которой потребует большего количества времени, чем если бы лицо со стороны обвинения обратилось к частным экспертным учреждениям.

Третьим отличием является обязательность проведения экспертизы. Государственные экспертные учреждения обязаны проводить экспертизу по постановления следователя, если она назначена в рамках уголовного процесса, но могут возвратить без исполнения такое постановление если представленные для ее производства объекты исследований и материалы дела недостаточны или непригодны, если в данном учреждении нет эксперта конкретной специальности, нет необходимой материально-технической базы либо специальных условий для проведения исследований, указав мотивы, по которым производится возврат. В частных экспертных учреждениях обязательности в проведении экспертизы нет, так как проведение экспертиз они выполняют на договорной основе.

Таким образом, производство судебных экономических экспертиз по уголовным делам в государственных и негосударственных экспертных учреждениях имеют как сходства, так и различия. Их различия могут проявляются в сроках производство экспертиз, лицах которых могут обращаться о проведениях экспертиз и финансовых составляющих. Но, а главное их сходство в том, что при производстве экспертиз накапливается эмпирическая база, которая в дальнейшим может быть обобщена и послужит основой для развития судебных экономических экспертиз.

Литература

1. Галинская А.Е. Использование специальных знаний стороной защиты при расследовании преступлений в области экономики // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 4(44). С. 46–53.

2. Зайцев А.А. Проблемы нарушения прав граждан при назначении судебных экспертиз по уголовным делам // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы: Материалы Международной научно-практической конференции, Иркутск, 15–16 марта 2019 года. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2019. С. 185–191.

3. Лазарева Л.В. Использование специальных знаний в адвокатской деятельности по уголовным делам // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 4. С. 79–83.

Я.О. Новикова [1]
[1] Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя

К вопросу о доказывании преступлений, посягающих на общественную безопасность, совершенных с помощью сети Интернет

Аннотация. в статье исследуются предмет и пределы доказывания отдельных составов преступлений, посягающих на общественную безопасность, совершённых с помощью сети Интернет. Рассмотрены отдельные виды, проводимых судебных экспертиз (таких как лингвистическая, психолого-лингвистическая, компьютерно-техническая, судебно-психиатрическая и др.) по данным видам преступлений. Доказывание указанной категории преступлений имеет свои процессуальные особенности, обусловленные сложностью в получении и использовании имеющейся информации. При расследовании преступлений, совершённых с использованием сети Интернет, органами предварительного следствия устанавливаются обстоятельства, подлежащие доказыванию в соответствии со статьёй 73 УПК РФ.

Ключевые слова: предмет доказывания, преступления против общественной безопасности, пределы доказывания, Интернет, судебные экспертизы.

На сегодняшний день в связи с активным развитием информационно-коммуникационных технологий, возрастает роль применения и использования компьютеризированной системы в различных сферах жизнедеятельности. Однако отметим, что активное внедрение информационно-коммуникационных технологий в повседневную жизнь человека, может быть рассмотрена не только с положительной, но и с негативной стороны. Посредством интернет-ресурсов совершается значительное количество преступлений, характеризующиеся латентностью.

Об актуальности и своевременности изучаемой проблематики свидетельствуют статистические данные, приведенные Председателем Следственного Комитета Российской Федерации Бастрыкиным А.И, на конференции, посвященной «Уголовно-правовому обеспечению информационной безопасности человечества»: «в 2024 году их зарегистрировано 765,4 тыс., что на 13,1% больше, чем в 2023 году, в том числе тяжких и особо тяжких составов – на 7,8%. В 2024 году расследовано более 23 тыс. преступлений, совершенных с применением современных цифровых средств, что на 9,6% больше, чем в 2023 году и «две трети из расследованных ведомством преступных деяний связаны с использованием интернет-ресурсов».

Представленные статистические данные демонстрируют, что с каждым годом количество тяжких и особо тяжких преступлений увеличивается, и, как следствие, видоизменяется характер общественной опасности преступлений.

Исследуя предмет доказывания в уголовно-процессуальном праве, отметим, что основные положения закреплены в нормах УПК РФ. В содержании статьи 73 УПК РФ определён перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Приведённые обстоятельства устанавливаются органами предварительного следствия с учётом особенностей, указанной категории.

В правовой доктрине не существует единого подхода к определению понятия «предмет доказывания». Нельзя не согласиться с мнением П.А Лупинской, которая утверждала, что предмет доказывания – это «совокупность доказательств, необходимых в конечном итоге для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств, входящих в пределы доказывания, и образует пределы исследования, или пределы доказывания». По мнению Н.В Григорьевой, «Доказательственное право и теория доказывания выступают в качестве фундаментальной основы уголовного процесса в силу того, что доказывание определяет, удастся ли достичь целей, которые были поставлены перед системой уголовного судопроизводства, что в конечном итоге направлено на снижение преступности и создание необходимых условий, обеспечивающих надлежащую безопасность отдельных индивидов и всей общественной системы».

В Уголовном Кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ), выделяется отдельная глава 24, посвящённая «Преступлениям против общественной безопасности». В этой связи необходимо остановиться на отдельных составах преступлений и акцентировать внимание на особенностях пределов доказывания.

Расследование преступлений против общественной безопасности, совершённых с использованием сети Интернет, вызывает особую сложность в виду проведения значительного объема следственных и процессуальных действий, в частности судебных экспертиз. Как отмечалось ранее, необходимо устанавливать все обстоятельства, указанные в статье 73 УПК РФ.

Однако, в связи с латентностью данной категории преступлений возникают особенности определения отдельных элементов предмета доказывания:

– во-первых, установление события преступлений, предусмотренных п.1 ч.1 ст.73 УПК РФ. Ключевым аспектом выступает выявление способа совершения преступления, поскольку использование интернет-ресурсов, вызывает вопрос у следователя, является ли указанный способ орудием преступления, посредством которого совершаются преступления против общественной безопасности. Например, согласно статье 205.2 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма», могут осуществляться с помощью средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. В данном случае довольно сложно установить лицо, причастное к совершению публичных призывов осуществления террористической деятельности, поскольку следы, оставленные лицом в интернет-пространстве, могут исчезать или видоизменятся;

– во-вторых, при доказывании виновности лица, предусмотренного п.2 ч.1 ст. 73 УПК РФ основная сложность заключается в установлении умысла, поскольку в отдельных случаях усматривается признаки противоправного деяния,

совершённого с прямым умыслом, а иногда довольно сложно установить лицо, которое совершило деяние умышлено или по неосторожности;

– в-третьих, установление характера и размера вреда, причинённого преступлением, предусмотренного п.4 ч.1 ст. 73 УПК РФ. Последствия совершения преступлений против общественный безопасности с использованием информационно-телекоммуникационных технологий могут быть масштабными, особенно когда это касается объектов инфраструктуры государства. В данном случае требуется тщательная экспертная оценка причинённого ущерба.

Эффективность установления обстоятельств, подлежащих доказыванию обусловлена своевременным назначением и производством судебных экспертиз:

– лингвистической;

– психолого-лингвистической;

– компьютерно-технической;

– судебно-психиатрическая.

Рассмотрим на примере судебно-следственной практики особенности доказывания преступлений, совершаемых с помощью информационно-телекоммуникационных технологий. Так, не позднее 14.02.2024, гражданин С, имея доступ к информационно-телекоммуникационной сети Интернет, находясь в неустановленном в ходе следствия месте, в мессенджере «Телеграм» (Telegram) зарегистрировал учетную запись под ником «молния», имеющую идентификационный номер («айди» («id») 1018764869), которую администрировал с помощью находящегося в его постоянном пользовании абонентского номера, тем самым получил возможность в соответствии с правилами данного Интернет-ресурса размещать информацию, доступную для публичного просмотра и копирования неограниченным кругом пользователей Интернет-ресурса.

Реализуя свой прямой умысел, 14.02.2024, в 21 час 16 минут, гражданин С, находясь по месту жительства действуя умышленно, осознавая общественную опасность и противоправный характер своих действий, предвидя неизбежность наступления общественно опасных последствий и желая их наступления, используя информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, являясь пользователем мессенджера «Телеграм» (Telegram), используя свою учетную запись под ником «молния», имеющую идентификационный номер («айди» («id») 1018764869), администрируемую с абонентского номера и персональный компьютер с системным блоком «OMEN» (OMEN), в открытой телеграм-группе «Пепельный чат», контент которой доступен для любого пользователя Интернет-ресурса и имеющей множество подписчиков, с целью побуждения других лиц к осуществлению террористической деятельности, совершил публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, опубликовав видеоролик с выступлением членов террористической организации Легион «Свобода России» и их печатное обращение, содержащие призывы к участию в украинском военизированном объединении Легион «Свобода России» (другое используемое наименование «Легион Свобода России»), которое на основании решения

Верховного суда Российской Федерации от 16.03.2023 № АКПИ23-101С, вступившего в законную силу 25.04.2023 признано террористической организацией и его деятельность запрещена на территории Российской Федерации, то есть к совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205.5 УК РФ, а также содержащие призыв к устранению действующего государственного строя насильственным путем по мотивам политической ненависти, направленный на насильственный захват власти, то есть к совершению преступления, предусмотренного ст. 278 УК РФ. При этом гражданин С осознавал, что размещенную им публикацию в открытой, то есть общедоступной телеграм-группе мессенджера «Телеграм» (Telegram) просматривает, обсуждает неопределенное множество лиц, способных при помощи технических устройств подключиться к информационно-телекоммуникационной сети Интернет, то есть призывы к осуществлению террористической деятельности совершены им публично.

В соответствии с проведением экспертом лингвистической экспертизы 29/126 от 14.11.2024, с позиции лингвистической квалификации в публикации, размещенной в мессенджере «Телеграм» от 14.02.2024 в 21 час 16 минут от имени пользователя «молния» в группе «Пепельный чат», представляющей собой пересланное сообщение из группы «Легион «Свобода России» имеются призывы к вступлению в ряды организации «Легион «Свобода России», признанной террористической на территории Российской Федерации. Также в указанной информации имеется призыв к устранению действующего государственного строя насильственным путем по мотивам политической ненависти. Таким образом, своими умышленными действиями гражданин С совершил преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 205.2 УК Российской Федерации – публичные призывы к осуществлению террористической деятельности совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.

Результаты компьютерной экспертизы позволяют установить устройства, с помощью которых осуществлялись противоправные действия.

Так, например, ДД.ММ.ГГГГ в период с 00 часов 59 минут до 09 часов 34 минут (здесь и далее - время <данные изъяты>) иное лицо – <данные изъяты>, находясь в точно неустановленном месте на территории Хабаровского края, придерживаясь радикальных течений религии «<данные изъяты>», выражая единство, национальную сплоченность, солидарность и поддерживая лиц, воюющих на территории Сирии в составе группировки «<данные изъяты>» (далее также – «КТВД»), понимая, что её члены причастны к совершению диверсионно-террористических актов, захвату заложников, массовым казням пленных и оснащены различными видами огнестрельного и иного оружия, средствами связи и передвижения, заведомо зная, что указанная группировка входит в структуру и является подразделением международной организации «<данные изъяты>» и будучи осведомленным из средств массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети Интернет о том, что данная международная организация и группировка «КТВД» признаны в соответствии с

законодательством РФ террористическими и их деятельность запрещена в России, представляют угрозу для безопасности этой страны и ведут боевые действия на территории различных государств, а их цели направлены на пропаганду, оправдание и поддержку терроризма, а также совершение террористических преступлений, призывы к их осуществлению и противоречат интересам РФ, используя неустановленное техническое устройство с абонентским номером № и доступом к сети Интернет, выступая зарегистрированным пользователем социальной сети «<данные изъяты>» (доменное имя: <данные изъяты>») на своей личной интернет-странице (профиле), созданной (авторизованной) под учетной записью с псевдонимом (никнеймом): «<данные изъяты>» и доступной для просмотра пользователям вышеуказанного интернет-ресурса, испытывая неприязнь, враждебность по отношению к «неверным» («кафирам»), то есть к лицам, не исповедующим религию «Ислам» или ее радикальных течений, умышленно, незаконно, из идеологических и религиозных побуждений, проявляющихся в одобрительном отношении к действиям участников «<данные изъяты>» по совершению ими преступлений террористической направленности и желая оказать помощь указанной группировке в ведении в САР священной войны («джихад»), свержении легитимной власти указанной страны и создании на ее территории и во всем мире радикального исламского государства («халифат»), построенного на основе норм шариата, с целью публичного обращения к неограниченному кругу лиц - авторизованным пользователям интернет-ресурса «<данные изъяты>», владеющим узбекским и арабским языками и посетившим его личную интернет-страницу (профиль) в социальной сети Instagram, привлечения их внимания и побуждения данных лиц к осуществлению террористической деятельности, то есть к совершению преступления, предусмотренного статьей 205 УК РФ, публичного оправдания и пропаганды среди них терроризма, а именно формирования у них идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности и представлений о допустимости осуществления террористической деятельности, демонстрируя свою позицию, выраженную в признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании, достоверно зная, что информация, размещенная на его вышеуказанной личной интернет-странице (профиле) в социальной сети «Instagram», станет свободно доступной для ознакомления и будет воспринята всеми посетившими и обратившимися к ней авторизованными пользователями интернет-ресурса «www.instagram.com», владеющими узбекским и арабским языками, для распространения, публично разместил в свободном (открытом) доступе видеофайл (публикацию): «<данные изъяты>» под названием: «dunya_malun», продолжительностью 5 минут 30 секунд с речью на узбекском и арабском языках, в переводе на русский язык начиняющийся словами: «Если сказать в абсолюте, то в большинстве случаев понимается совершать джихад с применением оружия...» и заканчивающийся словами: «...Аллах могущественнее всех и суровее в наказании», который, согласно акту исследования специалиста от 29.10.2021 (вх. № бт/6214 от 22.11.2021) является публичным и в нем

содержатся психологические признаки побуждения (в форме призыва) к совершению джихада, оправдания и пропаганды терроризма, насильственных действий в отношении людей, не исповедующих ислам, а также имеются высказывания, которые с лингвистической точки зрения надлежит квалифицировать как побуждения в форме призыва к совершению джихада как системы насильственных действий, как вооруженной борьбы в сочетании с видеорядом, отображающим людей в военной форме с оружием в руках, в отношении неверующих, «кафиров», обозначающих группу лиц, выделенную по признаку отношения к исламу, что в соответствии с пунктом 1 и подпунктом «е» пункта 2 статьи 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», является терроризмом и террористической деятельностью.

Согласно заключению комиссии экспертов № № от <данные изъяты>, Юлдашев Ж.Т. хроническим психическим заболеванием, слабоумием или иным болезненным состоянием психики не страдал и не страдает в настоящее время. В период времени, относящийся к совершению им инкриминируемого деяния, у него также не было какого-либо временного болезненного расстройства психической деятельности, он правильно ориентировался в окружающей обстановке, совершал целенаправленные действия, мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность совершаемых им действий и руководить ими. В настоящее время по своему психическому состоянию может правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, давать показания, может понимать характер и значение уголовного судопроизводства и своего процессуального положения, может предстать перед следствием и судом, самостоятельно осуществлять свои права и обязанности. В применении принудительных мер медицинского характера он по своему психическому состоянию в настоящее время не нуждается. Учитывая данное заключение, поведение Юлдашева Ж.Т. в судебном заседании, суд признаёт его вменяемым по отношению к инкриминируемому деянию.

Подводя итог по данному вопросу, отметим, что в предмет доказывания в уголовном судопроизводстве входят непосредственно все те обстоятельства, которые регламентируются статьей 73 УПК РФ. Точное и верное определение пределов доказывания невозможно без относимости, допустимости и достоверности доказательств. Необходимость совокупности всех представленных доказательств на стадии предварительного расследования заключается в недопущении в установлении фактических обстоятельств, а также в возможности применить в зависимости от расследуемого уголовного дела ту судебную экспертизу, которая непосредственно позволит произвести полный комплекс мер по установлению всех обстоятельств. Первоосновой доказывания в ходе предварительного расследования по данным уголовным делам, выступает процессуальное обоснование и удостоверение юридической силы представленных сведений.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.06.2025) // «Ведомости Федерального Собрания РФ», 01.01.2002, № 1, ст. 1.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025)// «Российская газета», № 113, 18.06.1996, № 114, 19.06.1996, № 115, 20.06.1996, № 118, 25.06.1996.
3. Григорьева Н.В. Правовая природа доказывания в уголовном судопроизводстве // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова. 2022. С. 103-108.
4. Лупинская П.С. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М.: Юридическая литература. 1976. 168 с.
5. Терехов М.Ю., Свиридов Р.В. Некоторые проблемы собирания доказательств в уголовном судопроизводстве // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории практики уголовного процесса». Отв. редактор Н.С. Диденко. Ростов-на-Дону, 2023. С. 136-140. https://www.elibrary.ru.
6. Число преступлений с использованием интернет-ресурсов выросло в РФ за семь лет в 7,5 раз. URL: https://www.interfax.ru (дата обращения: 10.09.2025).

И.Н. Озеров
Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Особенности проведения ОРМ «Исследование предметов и документов» в особых условиях

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные вопросы особенностей проведения ОРМ «Исследование предметов и документов» в особых условиях. Акцентировано внимание на основные направления оптимизации и совершенствования данного вида ОРМ.

Ключевые слова: оперативно-разыскное мероприятие, обследование зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, исследование предметов и документов, сбор образцов для сравнительного исследования, изъятие, исследование предметов и документов.

Решение задач выявления, предупреждения, пресечения преступлений, установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, иногда невозможно без использования оперативными подразделениями помощи

лиц, обладающих специальными знаниями в той или иной области[1]. Экономические, лингвистические, технические и другие знания, именуемые в научной юридической литературе специальными, используются для решения различных задач, возникающих в ходе осуществления оперативно-разыскной деятельности. В случаях, когда для получения необходимой информации требуется использование специальных знаний в какой-либо сфере деятельности, должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, вправе привлекать лиц, обладающих специальными знаниями, или, иными словами, специалистов[2].

Анализ публикаций, посвященных проблемам определения сущности и содержания указанного оперативно-разыскного мероприятия, свидетельствует, что в настоящее время в научной литературе ему уделено недостаточное внимание[3]. Указанные обстоятельства побудили к рассмотрению некоторых аспектов правовой регламентации и особенностей проведения оперативно-разыскного мероприятия «исследование предметов и документов, компьютерной информации» в особых условиях.

---

[1] Шиков А.А. Организация проведения специалистом исследования предметов и документов по делам о преступной деятельности ячеек экстремистской организации «АУЕ» в местах лишения свободы / А.А. Шиков // VI международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: Сборник тезисов выступлений и докладов участников (приуроченный к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-I «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»), Рязань, 15–17 ноября 2023 года. – Рязань: Академия ФСИН России, 2023. – С. 392-397.; Мартынов, А. О. Подготовка оперативно-разыскного мероприятия, проводимого с привлечением гражданина, обладающего специальными знаниями / А.О. Мартынов // Право.by. 2022. № 1(75). С. 69–74.

[2] Мартынов А.О. Некоторые аспекты совершенствования правовой регламентации проведения исследований предметов и документов, компьютерной информации / А. О. Мартынов // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : Сборник материалов XXIX международной научно-практической конференции, Иркутск, 23–24 мая 2024 года. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2024. С. 84–87.

[3] Сороколетова Н.Э. Правовые основы оперативно-разыскного мероприятия «исследование предметов и документов» // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 3(44). С. 185-190; Галушкин В.И. Отдельные аспекты использования помощи специалистов в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 3(140). С. 211–216.; Петросян Д.А. Гласное оперативно-разыскное обнаружение, изъятие и исследование следов при документировании незаконного предпринимательства в сфере оборота лома и отходов черных и цветных металлов // Инновационный потенциал развития мировой науки и техники: взгляд современных ученых : материалы XIII Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 30 сентября 2023 года. Нижний Новгород: Научный мир, 2023. С. 237–240.

Проведение ОРМ «исследование предметов и документов» в условиях, характеризуемых как особые (экстремальные, нестабильные, деструктивные), требует от оперативного работника особого внимания к выбору тактических решений. В отличие от классических условий работы, когда исследование производится в стационарной лаборатории, с надлежащим доступом к ресурсам, в кризисной среде (зоны боевых действий, КТО, стихийные бедствия, массовые беспорядки) требуется гибкая адаптация к оперативной обстановке. В условиях повышенного риска, удалённости от специализированных экспертных учреждений или невозможности обеспечить охрану улик в течение длительного времени данное ОРМ нередко является единственным способом оперативной фиксации доказательственного материала.

К особым условиям, влияющим на проведение ОРМ, относятся:

- природные и техногенные катастрофы (пожары, паводки, обрушения);
- зоны военных и контртеррористических операций;
- территории с ограниченным доступом (изоляция, комендантский час);
- высокая плотность населения или массовая миграция;
- угрозы взрывов, химических выбросов, заражения.

В таких условиях задачей становится не только установление признаков подделки, скрытого текста, идентификационных меток или контрафакта, но и минимизация следственного и экспертного следа, а также оперативное закрепление данных до утери улик.

Согласно п. 11 ст. 6 ФЗ «Об ОРД» от 12.08.1995 № 144-ФЗ[1], указанное мероприятие направлено на извлечение информации, представляющей интерес для целей оперативно-разыскной деятельности, из объектов материального мира (вещей, документов, носителей данных) без необходимости возбуждения уголовного дела. Это определяет его высокую оперативность, но и предъявляет требования к его особенностям в особых условиях:

1. Особенности оперативной обстановки. В условиях чрезвычайных ситуаций предметы и документы:

- могут быть повреждены, заминированы, замаскированы;
- часто находятся в недоступных или опасных местах;
- поступают от неустановленных лиц или обнаруживаются анонимно;
- требуют незамедлительного анализа до утраты их доказательной ценности.

Тактические решения должны учитывать невозможность повторного доступа, ограниченность времени и ресурсов, повышенный уровень угроз, в том числе со стороны третьих лиц.

2. Модели проведения ОРМ.

2.1. Полевой экспресс-анализ.

[1] Об оперативно-разыскной деятельности от 12 авг. 1995 г. №144-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. РФ 05 июля 1995 г. : офиц. текст : по состоянию на 1 апреля 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

Включает использование портативных экспертных комплектов (ультрафиолетовые осветители, переносные видеоспектральные приборы, сканеры).

Применяется: при невозможности транспортировки документа; в местах стихийных бедствий, военных разрушений; при исследовании подозрительных или опасных объектов.

Тактическое решение: не изымать документ, а задокументировать его состояние, форму, содержание (видео-, фотофиксация), провести экспресс-обследование и оставить его на месте (если изъятие небезопасно или невозможно).

2.2. Исследование в условиях угрозы (КТО, боевые зоны).

В условиях повышенного риска целесообразно:

- привлекать группы прикрытия (Росгвардия, военная полиция);
- проводить исследование внутри транспортных средств или импровизированных укрытий;
- использовать вторичные носители: изображения, цифровые копии, отпечатки.

Решение: организовать двойной контроль доступа к предмету (оперативник + специалист) и временную консервацию материала до последующего анализа.

2.3. Работа в среде противодействия. При наличии риска нападения, агрессии или саботажа:

- использовать оперативное легендирование (исследование проводится якобы по гражданской или санитарной линии);
- ограничить состав участников мероприятия;
- применить мобильную криптозащиту при передаче результатов исследования.

Пример: анализ подозрительной документации в лагере беженцев проводится под видом гуманитарной миссии.

2.4. Работа с повреждёнными или заминированными объектами. При обнаружении предмета с признаками минной закладки, самоуничтожающегося чипа, скрытого электронного воздействия:

- немедленно привлекать инженерно-сапёрные группы или ИТ-специалистов;
- исключать автономное вскрытие или подключение к источникам питания.

Решение: применить метод «изоляции до анализа» — упаковка в экранирующий контейнер, маркировка, доставка в защищённую лабораторию.

2.5. Альтернатива судебной экспертизе: преимущества ОРМ. Одним из принципиальных достоинств ОРМ «исследование предметов и документов» в сравнении с судебной экспертизой является оперативность получения первичной информации, необходимой для своевременного принятия решений в условиях ограниченного времени или нестабильной обстановки.

В отличие от судебной экспертизы, проводимой в рамках уголовного судопроизводства, исследование в рамках ОРМ:

- не требует возбуждения уголовного дела, что позволяет действовать в фазе проверки информации (до принятия процессуального решения);

- возможно в отсутствие согласия или уведомления лица, которому может принадлежать исследуемый объект, в случаях предусмотренных законом;

- может быть проведено негласно, без огласки, что сохраняет скрытность и эффективность оперативных мероприятий;

- проводится в любом месте и в любой форме, с использованием переносных и мобильных средств, в отличие от экспертизы, требующей направления предмета в специализированное учреждение;

- не требует участия сертифицированного эксперта — оценка и фиксация признаков может быть произведена уполномоченным оперативным сотрудником, что позволяет гибко реагировать на изменения обстановки.

Исследование в рамках ОРМ является тактическим фильтром, предваряющим более затратные и процессуально сложные формы анализа, в частности судебную экспертизу.

Кроме того, применение данного ОРМ в условиях стихийных бедствий, боевых действий или разрушенной инфраструктуры является единственно возможным способом зафиксировать признаки подделки, монтажа, подлога или скрытого текста, когда невозможно транспортировать объект или обеспечить его сохранность.

Отказ от вывоза предмета. В случае угрозы эвакуации или разрушения предмет исследуется на месте. Создаются фото- и видеокопии высокого разрешения, пригодные для последующей экспертизы. Используется дублирование информации (например, QR-копирование текстов, сканирование подписей и шифров).

3. Маскировка цели. Исследование предметов может проводиться под легендой иных проверок (санитарный осмотр, инженерное обследование).

В случаях взаимодействия с гражданским населением применяется информационная адаптация (например, проверка на токсичность упаковки — вместо проверки на следы взрывчатых веществ).

4. Опасные объекты. При работе с возможными заминированными предметами, техническими носителями с программируемой самоуничтожающейся памятью или «бумажными минами» (сведения, уничтожающиеся при вскрытии), требуется привлечение сапёров и специалистов по кибербезопасности.

Исследование предметов в нестабильной среде сопряжено с:

- отсутствием гарантий подлинности источника (брошенные, подброшенные, утраченные документы);

- невозможностью полной фиксации обстоятельств изъятия;

- необходимостью немедленного принятия решений об оперативных последствиях.

Для нивелирования этих рисков рекомендуется:

- вести двойную фиксацию (видео и акт);

- использовать персональные идентификаторы и подписи сотрудников;

- применять индикативную упаковку с невозможностью несанкционированного вскрытия.

В качестве примеров из следственной практики, можно привести: исследование пропагандистских листовок и удостоверений в прифронтовой зоне, с использованием мобильной лаборатории СК РФ; изучение документов в подтопленном здании, с предварительной сушкой в палатке МЧС и фиксацией состояния документов до и после восстановления.; работа по выявлению подложных миграционных документов, переданных добровольцами: исследование проводилось тайно, на территории медицинского пункта.

В заключение хотелось бы выразить надежду, что законодатель прислушается к нуждам следователя, интересы которого направлены на качественное расследование уголовного дела, установление истины по делу и восстановление нарушенных прав пострадавших от преступлений, и расширит процессуальные полномочия следователя, позволив следственным органам эффективно и качественно справляться с поставленными перед ними задачами и возрастающим противодействием уголовному преследованию.

ОРМ «Исследование предметов и документов» в условиях кризиса приобретает высокую доказательственную ценность. Однако эффективность мероприятия возможна лишь при наличии тактически выверенного алгоритма действий, оснащения, обученного персонала и соответствующей правовой культуры. Совершенствование ведомственных инструкций и внедрение полевых экспертных модулей должно стать неотъемлемой частью стратегии правоохранительных органов в работе в особых условиях.

Подводя итог, следует отметить, что ОРМ «исследование предметов и документов» в особых условиях требует разработки алгоритмов (моделей), направленных на защиту сотрудника, сохранность материала и фиксацию данных в правомерной форме. Применение мобильных технологий, легендирования, группового сопровождения и оперативной фиксации должно стать стандартом ведомственной тактики в экстренных обстоятельствах. Требуется закрепление соответствующих рекомендаций в виде Инструкции или Методических рекомендаций для всех субъектов оперативно-разыскной деятельности.

Литература

1. Галушкин В.И. Отдельные аспекты использования помощи специалистов в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 3(140). С. 211–216.

2. Мартынов А.О. Некоторые аспекты совершенствования правовой регламентации проведения исследований предметов и документов, компьютерной информации // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXIX международной научно-практической конференции, Иркутск, 23–24 мая 2024 года. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2024. С. 84–87.

3. Мартынов, А. О. Подготовка оперативно-разыскного мероприятия, проводимого с привлечением гражданина, обладающего специальными знаниями // Право.by. 2022. № 1(75). С. 69–74.

4. Озеров И.Н. О сущности и классификации особых условий при организации раскрытия и расследования преступлений // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 3(41). С. 98–107.

5. Озеров И.Н. Организация раскрытия и расследования преступлений в особых условиях. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2023. 142 с.

6. Петросян Д.А. Гласное оперативно-разыскное обнаружение, изъятие и исследование следов при документировании незаконного предпринимательства в сфере оборота лома и отходов черных и цветных металлов // Инновационный потенциал развития мировой науки и техники: взгляд современных ученых : материалы XIII Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 30 сентября 2023 года. Нижний Новгород: Научный мир, 2023. С. 237–240.

7. Сороколетова Н.Э. Правовые основы оперативно-разыскного мероприятия «исследование предметов и документов» // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 3(44). С. 185–190.

8. Шиков А.А. Организация проведения специалистом исследования предметов и документов по делам о преступной деятельности ячеек экстремистской организации АУЕ в местах лишения // Преступление, наказание, исправление: VI международный пенитенциарный форум. Сборник тезисов выступлений и докладов участников (приуроченный к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-I «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»), Рязань, 15–17 ноября 2023 года. Рязань: Академия ФСИН России, 2023. С. 392–397.

С.А. Пичугин
[1]Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Современные вызовы судебно-портретной экспертизы: методология и практика применения антропологических знаний в экспертной деятельности

Аннотация. Статья посвящена преодолению методологического кризиса в криминалистической портретной идентификации, вызванного увеличением антропологического разнообразия популяций и распространением технологий изменения внешности. Автор доказывает несостоятельность традиционных габитоскопических подходов, основанных на среднеевропейском стандарте и жёсткой связи антропологического типа с этнической принадлежностью. В качестве научно обоснованной альтернативы предлагается переход к популяционно-статистической методологии, опирающейся на анализ частот встречаемости признаков и построение «обобщённых портретов». Для комплексного решения проблем идентификации разработана детализированная многоэтапная процедура, особый акцент в которой сделан на выявлении устойчивых антропологических маркеров, резистентных к пластическим трансформациям. В заключении обосновывается необходимость новой парадигмы, интегрирующей современные антропологические знания, стандартизированную методику и передовые цифровые технологии для повышения объективности и доказательственной ценности судебно-экспертных выводов.

Ключевые слова: криминалистическая габитоскопия, портетная идентификация, антропологический подход, популяционно-статистическая методология, обобщённый портрет, устойчивые признаки внешности, костные маркеры, изменение внешности, методологический кризис, судебная экспертиза.

Актуальность проблем портретной идентификации в современной судебно-экспертной деятельности детерминирована комплексным воздействием двух ключевых групп факторов. С одной стороны, процессы глобализации и интенсификация миграционных потоков привели к значительному увеличению антропологического многообразия популяций в пределах отдельных государств. С другой стороны, широкое распространение технологий изменения внешности, включая методы пластической хирургии и инвазивной косметологии, создает принципиально новые вызовы для применения традиционных методик криминалистической идентификации. В этих условиях классические габитоскопические подходы, исторически сформировавшиеся на основе среднеевропейского стандарта, демонстрируют системную ограниченность, что требует фундаментального пересмотра теоретических основ и методологического аппарата дисциплины.

Примером методологического кризиса служит проблема проведения судебной портретной экспертизы лиц, принадлежащих к различным, неевропеоидным антропологическим типам. Существующая методическая база не располагает детализированным и систематизированным перечнем признаков для описания этнорасовых особенностей внешности. Это зачастую приводит эксперта к

методологическому тупику: даже будучи зафиксированными, специфические черты не находят адекватной интерпретационной схемы, что ставит под сомнение объективность и доказательственную ценность выводов.

Корень указанной проблемы кроется в устойчивой, но научно несостоятельной концепции, предполагающей жесткую и однозначную корреляцию между антропологическим типом и национальной (этнической) принадлежностью. Её ошибочность становится очевидной при рассмотрении ряда фундаментальных контраргументов, выдвигаемых современной этнической антропологией:

1. **диссонанс между числом антропологических типов и этнических общностей (**этническая антропология оперирует ограниченным числом крупных расовых стволов и их подразделений, в то время как количество уникальных этносов и этнических групп на порядки выше. Этот диссонанс наглядно демонстрирует, что культурная уникальность не тождественна биологической. Многие народы, обладая ярко выраженной собственной идентичностью, с точки зрения комплекса признаков внешности могут быть практически неразличимы);

2. **трансграничный характер распределения антропологических признаков** (детальный анализ распространения отдельных дискретных признаков внешности (например, особенности строения зубного аппарата, структуры волосяного и кожного покрова) демонстрирует их свободное, «волнообразное» распределение, не совпадающее с политическими и условными этническими границами. Это формирует сложные, перекрывающиеся ареалы, которые стирают четкие дифференцированные линии между популяциями);

3. **политипичность современных этносов (**подавляющее большинство народов в современном мире представляют собой гетерогенные по своему антропологическому составу образования, сформировавшиеся в результате многовековых процессов метисации, миграций и культурной ассимиляции. Это делает любую попытку четкой дифференциации внешнего облика по жестким, «классическим» типологическим схемам заведомо некорректной).

В современных условиях наиболее научно обоснованной альтернативой признается популяционно-статистическая методология. Её суть заключается в переходе от субъективной диагностики «антропологического типа» к объективному анализу частот встречаемости и средних значений конкретных антропометрических признаков в релевантной популяции. На основе этого анализа становится возможным построение «обобщенных портретов» — статистических моделей, описывающих не идеальный тип, а реальный спектр изменчивости признаков внешности.

На индивидуальном уровне антропологическая характеристика, в том числе и для целей установления вероятной этнической принадлежности, приобретает строго вероятностный, а не детерминированный характер. Её интерпретация перестает быть интуитивной и напрямую зависит от глубины познаний эксперта в области популяционной генетики и антропологии, а также от доступа к соответствующим базам данных.

Параллельно с решением проблемы антропологического разнообразия, актуализируется задача идентификации лиц с умышленно или естественно измененным внешним обликом. Одним из перспективных направлений является разработка криминалистических подходов, основанных на собирании и анализе исчерпывающей информации об антропологических свойствах внешности человека, определяющих его фенотипическую уникальность и допустимые границы такой трансформации.

Следовательно, эффективная идентификация человека по признакам внешности в современных условиях требует реализации последовательной многоэтапной процедуры, обеспечивающей системность и всесторонность анализа. Данная процедура может быть структурирована в виде следующих этапов:

1. **сбор и верификация исходных данных (**фиксация антропометрических признаков по всем доступным носителям информации: фото- и видеоматериалам, свидетельским показаниям, медицинским картам и т.д. Критически важна оценка достоверности и пригодности этих материалов для последующего анализа);
2. **систематизация сведений (**классификация и кодирование признаков с учетом современных антропологических классификаций и создания структурированной базы данных);
3. **сравнительный анализ (**сопоставление полученного массива данных о внешнем облике со статистическими моделями (обобщенными портретами) и эталонными описаниями релевантной популяции, а также с данными о разыскиваемом лице);
4. **оценка вариативности признаков внешности** (анализ возможных изменений признаков, вызванных ракурсом съемки, условиями освещения, естественными возрастными изменениями или умышленной трансформацией (пластические операции, изменение веса));
5. **Идентификация устойчивых антропологических маркеров (**локализация признаков, обладающих высокой идентификационной значимостью и максимальной степенью устойчивости к пластическим изменениям (в первую очередь, связанных с костной структурой));
6. **Синтез и формулирование вывода (о**бобщение всех полученных данных, оценка совокупности совпадающих и различающихся признаков и формулирование обоснованного вероятного или категоричного идентификационного вывода).

Важно подчеркнуть, что даже при существенных целенаправленных изменениях существуют фенотипические особенности, обладающие высокой степенью устойчивости. Такие особенности, как правило, детерминированы костной структурой черепа, которая сложно поддается кардинальной трансформации без серьезного хирургического риска. К ним относятся:

- **общие антропометрические параметры лицевого черепа (**форма, основные размерные характеристики (ширина, длина, высота), угловые

параметры являются генетически детерминированными и остаются относительно стабильными на протяжении жизни);

- параметры лицевой области носа (несмотря на возможность ринопластики, основные пропорции и конфигурация костных элементов носа (носовые кости, передняя носовая ость) сохраняют свои исходные характеристики);

- конфигурация глазниц и периорбитальной области (форма и взаимное расположение глазниц, степень их выраженности по отношению к другим лицевым структурам (лоб, скулы) представляют собой высокоустойчивый идентификационный комплекс);

- строение челюстно-лицевой системы (конфигурация нижней челюсти, форма зубных дуг и особенности прикуса являются важными идентифицирующими признаками. Даже при потере зубов данные о строении альвеолярных отростков несут ценную информацию для сравнительного исследования);

- общие пропорциональные характеристики тела (соотношение длины конечностей и туловища, ширина плечевого пояса также являются относительно устойчивыми к внешним воздействиям признаками).

Судебная портретная идентификация на современном этапе возможна только при условии синтеза современных антропологических знаний, комплексной методики и передовых технологических инструментов, применяемых высококвалифицированным экспертом. Преодоление методологического кризиса в этой области связано с переходом на принципиально новую парадигму, которая предполагает следующие ключевые изменения:

1. **пересмотр теоретических основ** (отказ от научно несостоятельной идеи о жесткой связи антропологического типа и национальной принадлежности в пользу популяционно-статистической методологии, основанной на анализе частот встречаемости признаков внешности);
2. **систематизация процесса** (внедрение стандартизированной, многоэтапной процедуры идентификации, обеспечивающей всесторонний анализ и минимизацию субъективизма);
3. **приоритет устойчивых морфологических характеристик (**смещение фокуса экспертного внимания на признаки, определяемые строением костной структуры, обладающие максимальной устойчивостью);
4. **технологическая интеграция (**неотъемлемым элементом нового подхода является активное использование компьютерного моделирования, 3D-реконструкций и алгоритмов искусственного интеллекта для точного анализа и сопоставления параметров внешности).

Подобный комплексный, междисциплинарный подход позволяет эффективно отвечать на вызовы, которые бросают современной криминалистике глобализация и быстрое развитие технологий трансформации человеческой внешности.

Литература

1. Зинин А.М. Установление личности как комплексная задача субъектов правоприменения // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 3 (115). С. 45–51.
2. Рогинский, Я. Я. Антропология: учебник / Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Высшая школа, 1978. 528 с.
3. Хрисанфова Е.Н. Антропология: учебник для студентов вузов, обучающихся по биол. специальностям / Е. Н. Хрисанфова, И. В. Перевозчиков. – 4-е изд. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, Наука, 2005. 399 с.
4. Перевозчиков И.В. Изменчивость расовых признаков внешности человека // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 4. С. 8.
5. Алексеева Т.И. Адаптация человека в различных экологических нишах Земли (Биол. аспекты): Курс лекций; Междунар. независимый экол.-политол. ун-т. М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. 278 с.
6. Зинин А.М. Лицо человека: взгляд эксперта-криминалиста. М.: Проспект, 2025. 80 с.
7. Пичугин С.А. Обоснование принципов исследования комплексных признаков внешности, ориентированных на антропологический тип // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 82–84.

В.А. Попов
Рязанский филиал Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Общие правила подготовки, назначения и проведения дактилоскопической экспертизы

Аннотация. В статье рассмотрены общие правила подготовки, назначения и проведения дактилоскопической экспертизы.

Ключевые слова: дактилоскопическая экспертиза, постановление, следы рук.

Дактилоскопическая экспертиза является одним из часто применяемых методов криминалистики, направленных на идентификацию личности по папиллярным узорам пальцев рук и ладоней. Сейчас папиллярные узоры, расположенные на внутренней поверхности рук человека, рассматриваются как одна из биометрических характеристик человека[1].

[1] Трошин О.Б. Роль криминалистической дактилоскопии в раскрытии и расследовании преступлений / О.Б. Трошин, С.А. Чубаров // Актуальные проблемы современного законодательства: Сборник статей участников VIII Всероссийской межвузовской научно-практической конференции. В 2-х томах, Москва, 21 апреля 2023 года. Москва: Московский финансово-юридический университет, 2024. С. 104–110.

Эффективность дактилоскопической экспертизы во многом зависит о соблюдения строгих правил к подготовке ее проведения, назначения и уже непосредственного проведения.

Верно утверждать, что собственная рука преступника – его злейший враг[1]. Это обосновано и подтверждается рядом обстоятельств:

1. Следы рук часто остаются на месте преступления.
2. Отпечатки, оставленные на месте преступления, позволяют изобличить преступника.

При этом следы рук, как правило, подразделяют на три вида:

1. Видимые, которые четко различимы без использования дополнительных средств и имеют существенный контраст со следовоспринимающей поверхностью или при изменении рельефа поверхности.
2. Слабо видимые, которые заметны при определенном освещении, чаще всего это потожировые следы кожи на гладкой, невпитывающей поверхности.
3. Невидимые, которые не обнаруживаются визуально и требуют применения специальных методов – физических, химических или оптических.

Наибольшую сложность представляют собой слабо видимые и невидимые следы, выявление которых требует дополнительных методов.

Итак, дактилоскопическая экспертиза представляет собой часть дактилоскопии, которая позволяет идентифицировать человека по следам кожным покровов рук человека.

Для проведения дактилоскопической экспертизы следователь (дознаватель) выносит постановление, в котором указываются данные о дате и месте составления, лица, назначающего экспертизу, основания для проведения экспертизы, наименование учреждения для проведения дактилоскопической экспертизы, вопросы эксперту и перечень материалов, направляемых на исследование.

При рассмотрении вопроса о назначении дактилоскопической экспертизы, особое внимание хотелось бы уделить вопросам, разрешаемым с помощью указанной экспертизы, которые, в свою очередь, делятся на две группы:

1. вопросы, содержащие в себе характеристику следов и определение механизма их образования;
2. вопросы, связанные с идентификацией.

Важным моментом при назначении дактилоскопической экспертизы выступает сбор и оформление материалов, направляемых для исследования.

Так, для проведения экспертизы, помимо постановления о назначении дактилоскопической экспертизы, необходимо предоставить:

- следы рук, обнаруженных при проведении следственного действия. Стоит уточнить, что факт обнаружения следов рук должен быть детально отражен в протоколе следственного действия, как факт изъятия и дальнейшей упаковки

[1] Бжассо М.Ч. Общие правила подготовки, назначения и проведения дактилоскопической экспертизы / М.Ч. Бжассо, Г.М. Меретуков // Аллея науки. 2019. Т. 1, № 2(29). С. 703–708.

указанных следов, что также должно быть указано в протоколе. Несоблюдение этих правил лишает доказательственного значения изъятых следов, что, в свою очередь, повлечет сомнение полученных, в ходе проведения дактилоскопической экспертизы, результатов;

- образцы следов рук лиц, подлежащих идентификации.

Следует обратить внимание на то, что изъятие объектов и формулирование оснований для назначения по ним экспертиз - процесс взаимосвязанный и взаимообусловленный: очень многие (если не большинство) объектов изымаются при проведении следственных действий именно с целью последующих их экспертных исследований. При этом изъятые следы должны быть надлежащим образом упакованы с целью предотвращения повреждений и загрязнений.

После направления необходимых материалов экспертно-криминалистических центр производится экспертное исследование следов рук, которое состоит из следующих этапов:

1. Предварительное исследование – оценка пригодности следов для идентификации;
2. Детальное исследование - изучение общих и частных признаков папиллярных узоров;
3. Сравнительное исследование – сопоставление следов, полученных при проведении следственного действия, с полученными от лица, подлежащего идентификации, образцами;
4. Оценка результатов и формулирование выводов. На данном этапе эксперт выносит заключение, которое содержит в себе описание представленных материалов, ход исследования, а также выводы с обоснованием, которые являются ответами на поставленные следователем (дознавателем) вопросы.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что дактилоскопическая экспертиза является высокоточным методом идентификации личности, который требует строго соблюдения процессуальных норм. От правильности подготовки, назначения и проведения экспертизы зависит достоверность экспертных выводов и их доказательственное значение в ходе расследования уголовного дела, что в конечном итоге влияет на результаты расследования и судебные решения.

Современные технологии, такие как автоматизированные дактилоскопические системы, значительно повышают эффективность проведения дактилоскопической экспертизы, однако ключевое значение все же остается за профессионализмом эксперта.

Данные заключения позволяют сделать вывод, что дактилоскопическая экспертиза требует компетентности как от следователя, который производит подготовку и назначение экспертизы, так и эксперта, который ее проводит.

Литература

1. Бжассо М.Ч. Общие правила подготовки, назначения и проведения дактилоскопической экспертизы / М.Ч. Бжассо, Г.М. Меретуков // Аллея науки. 2019. Т. 1, № 2(29). С. 703–708.
2. Трошин О.Б. Роль криминалистической дактилоскопии в раскрытии и расследовании преступлений / О.Б. Трошин, С.А. Чубаров // Актуальные проблемы современного законодательства: Сборник статей участников VIII Всероссийской межвузовской научно-практической конференции. В 2-х томах, Москва, 21 апреля 2023 года. М.: Московский финансово-юридический университет, 2024. С. 104–110.

А.А. Самойловский[1]
Научный руководитель: **Т.А. Сааков**[2]
[1, 2] Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева.

Специфика компетенций эксперта при производстве судебной лингвистической экспертизы материалов религиозного характера экстремистско-террористической направленности: проблемы интеграции специальных знаний

Аннотация. В статье рассматриваются специфические компетенции, необходимые для исследования материалов религиозного характера экстремистско-террористической направленности. Анализируется взаимосвязь лингвистических, религиоведческих, философско-герменевтических и юридических знаний, требуемых для производства данного вида экспертиз. Обосновывается тезис о необходимости формирования у эксперта двойной компетенции – в области филологических наук и юриспруденции. На основе анализа научных и исследователей доказывается, что дополнительные специальные знания (религиоведческие, герменевтические, литературоведческие) могут быть реализованы в процессуальной форме консультативного участия соответствующих специалистов без назначения комплексной экспертизы. Сформулирован вывод о методологической самодостаточности судебной лингвистической экспертизы при условии интеграции смежных компетенций в рамках моноэкспертизы, что соответствует принципу процессуальной экономии и обеспечивает научную обоснованность выводов.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, экстремизм, терроризм, религиозный дискурс, специальные знания, компетенция эксперта, герменевтика, религиоведение.

Согласно статистике ГИАЦ МВД России, количество зарегистрированных преступлений, связанных с экстремизмом в религиозной сфере, не только остается стабильно высоким, но и ежегодно возрастает. Так, в период с января по декабрь 2021 года, согласно краткой характеристике состояния преступности в Российской Федерации Главного информационно-аналитического центра

МВД России, было зарегистрировано в сумме 3010 преступлений, в период с января по декабрь 2022 года – 3516 (наблюдается прирост на 16,81%). В период с января по декабрь 2023 года – 3722 преступления (рост составляет 5,85%), а с января по декабрь 2024 года – 3927 (прирост составляет 5,5%). Приведенная аналитика свидетельствует о стабильном росте регистрируемых преступлений экстремистской и террористической направленности за рассматриваемый период. В связи с этим исследования, направленные на глубинное изучение вопросов судебной экспертизы, не утрачивают свою актуальность.

Проведение судебной лингвистической экспертизы материалов религиозного характера экстремистско-террористической направленности в силу специфики объекта исследования требует наличия целого ряда компетенций, выходящих за рамки классического лингвистического исследования. Согласно пункту 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», «к производству экспертизы могут привлекаться помимо лингвистов и специалисты соответствующей области знаний (психологи, историки, религиоведы, антропологи, философы, политологи и др.»)[1]. При этом, если исследование действительно требует применения специальных знаний в перечисленных областях, назначается производство комплексной экспертизы.

Установление лингвистических параметров текста, таких как интенциональность, оценочность, направленность высказывания, является прерогативой судебной лингвистики и составляет основу для его последующей правовой квалификации. Так, В.Д. Никишин утверждает, что «лингвистический анализ позволяет выявить и описать систему языковых средств, формирующих противоправный смысл высказывания, что является ключевым для доказывания по делам экстремистской направленности»[2]. Исходя из изложенных исследовательских точек зрения следует, что основная доказательственная нагрузка при анализе текстовых материалов лежит на судебной лингвистической экспертизе, проводимой в рамках расследования дел экстремистской направленности.

Понятие судебной религиоведческой экспертизы (далее – СРЭ) в современной российской правовой и научной практике остается предметом интенсивной дискуссии. Несмотря на детальное изучение, в научном сообществе отсутствует единое понимание её дефиниции. Эта терминологическая неоднозначность проистекает из междисциплинарного характера СРЭ, находящейся на стыке юриспруденции, религиоведения и социологии. Так, Загребина И.В. определяет её как «<…> *специальное исследование, проводимое экспертом на основе применения специальных религиоведческих знаний в целях установления*

[1] О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности / пост-ние Пленума Верх. Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11: офиц. текст: по состоянию на 20 окт. 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[2] Никишин В.Д. Словесный религиозный экстремизм. Правовая квалификация. Экспертиза. Судебная практика / под ред. Е. И. Галяшиной. М.: Проспект, 2019. 302 с.

обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела»[1], акцентируя процессуальный аспект. В свою очередь, В.Н. Карташов в рамках своей теории правовой системы подчеркивает её прикладной характер как юридической технологии, нацеленной на анализ «<…> *внешних, объективно проявляющихся признаков религиозного объединения, его догматики, истории и практики*»[2], что имплицитно указывает на использование светских научных методов – исторического, социологического и феноменологического.

В противоположность этому, судебная теологическая экспертиза (далее – СТЭ), легитимизация которой в научном дискурсе связана с трудами И.В. Понкина, базируется на принципиально иной гносеологической основе. Понкин настаивает на том, что СТЭ представляет собой «<…> *исследование, основанное на внутренних, конфессионально детерминированных критериях истинности, апеллирующее к авторитету сакральных текстов и церковного Предания*»[3]. Таким образом, если СРЭ анализирует религию как социальный институт с внешней позиции, то СТЭ дает оценку с позиции соответствия той или иной религиозной ортодоксии, что ставит под сомнение её соответствие критериям научной объективности и воспроизводимости, обязательным для судебного доказательства. Ф.Г. Аминев, анализируя принцип объективности и беспристрастности судебно-экспертной деятельности, также указывает на то, что «при выполнении своих обязанностей судебный эксперт должен быть свободен от любых предпочтений и предвзятости; его поведение должно быть направлено на исключение всех сомнений в его беспристрастности»[4].

Одной из наиболее значимых особенностей материалов религиозного характера, обуславливающих необходимость специальных познаний судебного эксперта-религиоведа, является наличие специфической концептосферы и терминосистемы.

Религиозный дискурс оперирует особым пластом лексики, состоящим из: 1) сакральных терминов: понятий, обладающих непререкаемым авторитетом и фундаментальным значением для верующих (например, «Коран», «Сунна», «таухид» – единобожие в исламе); 2) доктринальных концептов: абстрактных понятий, формирующих ядро вероучения («вера», «благодать», «предопределение», «спасение»); 3) религиозно-правовой терминологии: понятий, связанных с религиозной практикой и нормами поведения («намаз», «пост», «джихад», «халяль»). По мнению В.Д. Никишина, «религиовед (теолог, культуролог, философ) может привлекаться для содействия в оценке

[1] Загребина И.В. Религиоведческая экспертиза: учебник для вузов / И. В. Загребина, А. В. Пчелинцев, Е. С. Элбакян. М.: Юрайт, 2021. 449 с.

[2] Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: В 2 т. Т. 2: Юридическая практика. – Ярославль: ЯрГУ, 2006. 524 с.

[3] Понкин И.В. Теологический факультет государственного университета: Европейский опыт правового регулирования. М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. 212 с.

[4] Аминев Ф.Г. Значение этического стандарта судебного эксперта при расследовании преступлений, связанных с экстремистской и террористической деятельностью // Философия права. 2017. № 4 (83). С. 95.

достоверности и объективности фактического содержания исследуемых материалов, их соответствия понятийному аппарату и данным науки религиоведения, и религиозным учениям», что подразумевает консультативный характер участия религиоведа в производстве судебной экспертизы материалов религиозного характера экстремистской и террористической направленности. Отсюда, В.Д. Никишин делает вывод о возможности привлечения судебного эксперта-религиоведа в качестве специалиста.

Помимо этого, сложность также могут представлять тексты, использующие жанровые особенности художественной литературы и религиозной проповеди, что требует привлечения литературоведческого инструментария. Данный подход развивает В.Д. Никишин, подчеркивая, что экспертиза метафорических и символических текстов невозможна без понимания их культурного и жанрового контекста.

Специфика религиозного дискурса, характеризующаяся сложной концептосферой, метафоричностью и догматическим потенциалом, обуславливает необходимость применения герменевтических подходов. Как справедливо указывает И.В. Загребина, «интерпретация сакральных текстов и их производных требует специальной подготовки в области философской герменевтики и религиоведения»[1]. Однако, как демонстрирует судебная практика, эти дополнительные компетенции должны интегрироваться в рамках единой экспертной процедуры. В.Д. Никишин аргументированно доказывает, что комплексный анализ текста возможен в рамках моноэкспертизы при условии достаточной квалификации эксперта-лингвиста в областях герменевтики и религиоведения.

Вопрос о процессуальной целесообразности производства комплексной психолого-лингвистической экспертизы материалов экстремистской направленности уже долгое время остается дискуссионным в научном сообществе. Ряд исследователей (О.В. Кукушкина, Ю.А. Сафонова, Т.Н. Секераж[2]; Г.В. Грачев, И.Г. Грачева[3]) настаивают на необходимости привлечения психологов для установления смысловой направленности сообщения и его потенциального воздействия на реципиентов. Однако, как убедительно

---

[1] Загребина И.В. Религиоведческая экспертиза: учебник для вузов / И. В. Загребина, А. В. Пчелинцев, Е. С. Элбакян. — Москва: Издательство Юрайт, 2021. — 449 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-9916-9044-7. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/470529 (дата обращения: 20.10.2025).

[2] Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т. Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму / О. В. Кукшкина, Ю.А. Сафонов, Т.Н. Секераж. – РФЦСЭ при Минюсте России, Москва, 2011. – 326 с.

[3] Грачев Г.В., Грачева И.Г. Экспертиза информационно-психологического воздействия средств массовой информации / Г. В. Грачев, И. Г. Грачева // Материалы Всероссийской науч.-практич. конференции «Экстремизм и средства массовой информации»; под ред. В. Е. Семенова. СПб: Астерион, 2006. С. 19–25.

демонстрирует Е.И. Галяшина, «в предложенной РФЦСЭ при Минюсте РФ методике комплексной психолого-лингвистической экспертизы психологическая часть носит аддитивный характер, а психологический анализ базируется на результатах лингвистического анализа, а значит, не является обязательным»[1].

С методологической точки зрения, определение смысловой направленности речевого произведения традиционно относится к компетенции лингвистической экспертизы, что подтверждается и правовой практикой[2]. Так, по мнению В.Д. Никишина, лингвистический анализ позволяет с достаточной полнотой установить коммуникативные интенции автора через исследование речевых актов, их иллокутивной силы и перлокутивного потенциала[3]. В свою очередь, предмет судебно-психологической экспертизы, согласно классическим работам Ф.С. Сафуанова и М.М. Коченова, ограничен исследованием психических процессов конкретного индивида[4].

Разделяя позицию М.Л. Подкатилиной, Никишин В.Д. отмечает, что психологический анализ оправданным лишь при исследовании визуальных материалов без вербального компонента, где доминирует невербальная коммуникация. Для текстовых же объектов, включая креолизованные тексты, достаточно лингвистической экспертизы, поскольку, как подчеркивают специалисты ЭКЦ МВД России, «анализ коммуникативной ситуации реализации высказывания, смыслового содержания, коммуникативной целеустановки говорящего, определения формы, ситуативной уместности высказывания является предметом исследования эксперта-лингвиста, что априори входит в его компетенцию согласно профилю высшего образования в данной области знаний и может всесторонне и полно быть исследовано без участия психолога при производстве лингвистической экспертизы»[5].

Таким образом, современная экспертная практика свидетельствует о методологической самодостаточности судебной лингвистики при исследовании текстовых материалов экстремистской направленности, что соответствует принципу процессуальной экономии и обеспечивает научную обоснованность

---

[1] Галяшина Е.И. Экспертиза экстремистских материалов: проблемы методического и информационного обеспечения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2018. № 7 (47). С. 30.

[2] О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности [Электронный ресурс] / пост-ние Пленума Верх. Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11: офиц. текст: по состоянию на 20 окт. 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[3] Никишин В.Д. Словесный религиозный экстремизм. Правовая квалификация. Экспертиза. Судебная практика / под ред. Е.И. Галяшиной. М.: Проспект, 2019. 302 с.

[4] Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. М.: Генезис, 2017. 480 с.

[5] Никишин В. Д. Словесный религиозный экстремизм. Правовая квалификация. Экспертиза. Судебная практика / под ред. Е. И. Галяшиной. М.: Проспект, 2019. 302 с.

выводов, а также методологическую целостность исследования, поскольку, как подчеркивает Е.И. Галяшина, дополнительные аналитические компоненты носят аддитивный характер и базируются на результатах лингвистического анализа. Специфика религиозного дискурса, характеризующаяся сложной концептосферой, терминологической насыщенностью и метафоричностью, действительно требует привлечения узкоспециализированных знаний. Однако, как обоснованно указывает В.Д. Никишин, эти знания могут быть реализованы в процессуальной форме консультативного участия соответствующих специалистов (религиоведов, философов, литературоведов) без наделения их статусом экспертов в комплексном исследовании. Данный подход соответствует принципу процессуальной экономии и обеспечивает. Таким образом интеграция специальных знаний должна осуществляться в рамках моноэкспертизы через привлечение специалистов к участию в процессуальных действиях либо через формирование у эксперта-лингвиста необходимых компетенций в смежных гуманитарных дисциплинах.

Литература

1. Аминев Ф.Г. Значение этического стандарта судебного эксперта при расследовании преступлений, связанных с экстремистской и террористической деятельностью // Философия права. 2017. № 4 (83). С. 93–97.
2. Галяшина Е.И. Экспертиза экстремистских материалов: проблемы методического и информационного обеспечения // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 7 (47). С. 25–41.
3. Грачев Г.В., Грачева И.Г. Экспертиза информационно-психологического воздействия средств массовой информации // Материалы Всероссийской науч.-практич. конференции «Экстремизм и средства массовой информации»; под ред. В. Е. Семенова. СПб: Астерион, 2006. С. 19–25.
4. Загребина И.В. Религиоведческая экспертиза: учебник для вузов / И.В. Загребина, А.В. Пчелинцев, Е.С. Элбакян. М.: Юрайт, 2021. 449 с.
5. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: В 2 т. Т. 2: Юридическая практика. Ярославль: ЯрГУ, 2006. 524 с.
6. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму / О.В. Кукшкина, Ю.А. Сафонов, Т.Н. Секераж; РФЦСЭ при Минюсте России, Москва, 2011. 326 с.
7. Никишин В.Д. Словесный религиозный экстремизм. Правовая квалификация. Экспертиза. Судебная практика / под ред. Е.И. Галяшиной. М.: Проспект, 2019. 302 с.
8. Понкин И.В. Теологический факультет государственного университета: Европейский опыт правового регулирования. М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. 212 с.
9. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. М.: Генезис, 2017. 480 с.

Э.С. Сарыгина
Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Экспертное обеспечение тактики отдельных процессуальных действий с использованием специальных экономических знаний при расследовании преступлений

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы Экспертное обеспечение тактики отдельных процессуальных действий с использованием специальных экономических знаний при расследовании преступлений. Обращено внимание на специфику механизма следообразования признаков преступлений экономической направленности обусловливает более широкого использования специальных экономических и бухгалтерских знаний путем привлечения специалиста для получения консультации, участию в проведении обыска, изъятия и осмотра документов, допроса, оказания помощи при организации назначения судебной бухгалтерской экспертизы, включая формулирование вопросов, отбору материалов. Предложены методические рекомендации для повышения объективности процесса исследования в различных формах применения специальных знаний.

Ключевые слова: тактика отдельных процессуальных действий, экспертное обеспечение, специальные экономических знания.

В процессе раскрытия и расследования преступлений экономической направленности, судебном разбирательстве по уголовным делам при осуществлении тактики установленной законом формы применения различных методов познания нередко возникают вопросы, решение которых требует использования знаний в области экономики и методических основ экспертных исследований. Такие вопросы решают сведущие лица, наделенные в этих целях должностными полномочиями.

Подобные знания приобретаются субъектами в процессе практической деятельности путем специальной подготовки или профессионального опыта, основанные на системно-структурном подходе их получения, включающий теоретические знания в соответствующей области экономики и сопрягаемые с ней иные сферы научных знаний и практических умений.

Специальные знания и могут использоваться и в процессуальной, и в непроцессуальной формах.

Субъектами их использования являются следователь; лица, производящие дознание; начальник следственного отдела; прокурор-криминалист; прокурор в стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования; специалисты; эксперты; лица, обладающие познаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, но не наделенные процессуальными правами эксперта или специалиста; оперативные работники. В СЭД традиционно выделяют субъекты применения специальных знаний в судопроизводстве, к которым относят суд, следователь, дознаватель.

Судебно-экспертная деятельность (далее – СЭД) приставляет собой систему действий и связанных с ними правоотношений, осуществляемых в процессе судопроизводства уполномоченными на то государственными органами и лицами, по назначению, организации и производству судебных экспертиз в целях установления обстоятельств по конкретному делу. Исходя из такого понимания СЭД к категории субъектов СЭД также относят судебно-экспертные учреждения и их руководителей.

Цель деятельности сведущих лиц осуществляемой в рамках консультативной и справочной деятельности заключается в передаче правоприменителю некоторой предварительной информации, позволяющей правильно ориентироваться в создавшейся обстановке. Консультации и справки могут даваться и в письменной, и в устной форме. Письменная информация приобщается к уголовному делу или первичному материалу проверки.

Цель ревизионных и аудиторских проверок совпадает с целью консультаций и справочных данных. Непроцессуальные формы участия сведущих лиц в расследовании не регулируются нормами УПК РФ, а осуществляются либо согласно ведомственным инструкциям, либо по усмотрению следователя.

Слабо проработанный механизм экспертного обеспечения тактики отдельных процессуальных действий при расследовании преступлений отдельных видов преступлений экономической направленности обуславливает развитие института присяжных судебных экспертов. Р.С. Белкин отмечал, что до революции уголовно-процессуальное законодательство предусматривало статус так называемого присяжного судебного фотографа. Он проводил исследование документов и давал соответствующие заключения. Нельзя не согласится с ученым, предлагавшим «рассмотреть вопрос об учреждении корпуса присяжных судебных экспертов, включающего наиболее опытных квалифицированных судебных экспертов, независимо от их ведомственной принадлежности, списки которых будут иметься во всех следственных и судебных органах страны». Однако, эта проблема отдельного научного исследования.

Специфика механизма следообразования признаков преступлений экономической направленности обусловливает более широкого использования специальных экономических и бухгалтерских знаний путем привлечения специалиста для получения консультации, участию в проведении обыска, изъятия и осмотра документов, допроса, оказания помощи при организации назначения судебной бухгалтерской экспертизы, включая формулирование вопросов, отбору материалов.

Попытки следователя самостоятельно, без помощи специалиста, провести квалифицированный допрос лица по специальным вопросам, как правило, мало результативны. Следователь не всегда понимает их сущность вследствие неосведомленности в специальных вопросах, подлежащих выяснению, незнания некоторых профессиональных терминов, употребляемых допрашиваемым. Практика однозначно свидетельствует, что следователь испытывает большие трудности при допросе подозреваемых бухгалтеров и материально ответственных лиц, которые хорошо знают положения и инструкции,

регламентирующие порядок ведения бухгалтерского учета. Они, как правило, кровно заинтересованы в сокрытии истины, а потому предпринимают активные попытки направить следствие по ложному пути. Нередки случаи, когда допрашиваемые в оправдание своих действий ссылаются на различные нормативные и подзаконные акты, которые изменены либо утратили силу, о чем следователь может не знать. Для изобличения таких подозреваемых даже опытные следователи тратят много времени и сил. Результативность допроса заметно повысится, если в нем примет участие специалист – эксперт-бухгалтер (эксперт по должности, а не по процессуальному положению). Его участие полезно и из тактических соображений, поскольку будут сразу же пресечены попытки допрашиваемого ввести следователя в заблуждение.

Специалист, участвующий в допросе, поможет следователю глубже уяснить обстоятельства расследуемого уголовного дела, правильно оценить полученные показания. Тщательная подготовка к допросу и консультации со специалистами не всегда устраняют возможности следователя оказаться в затруднительном положении, поскольку ответы допрашиваемого могут стать для него совершенно неожиданными.

Это может привести к прерыванию допроса, вновь консультироваться со специалистами, изучать необходимую литературу. Предварительного изучения специальной литературы не всегда достаточно для того, чтобы во всем разобраться досконально, ибо современное производство характеризуется высоким уровнем механизации и автоматизации, сложностью технологических процессов. Эти трудности многократно усугубляются при допросах подозреваемых и обвиняемых, противодействующих установлению истинных обстоятельств расследуемого дела. Очевидно, что это затянет сроки предварительного следствия и будет негативно влиять на установление объективной истины по уголовному делу. Видя некомпетентность следователя в специальных вопросах, они всячески затягивают следствие, выдвигают надуманные версии, дают путаные показания, изощренно лгут. Участие специалиста в допросе значительно затруднит реализацию ими такой позиции.

Следователь может полностью сосредоточится на допросе в случае, если при разрешении наиболее сложных профессиональных вопросов с участием специалиста будет зафиксирован ход и результаты с помощью звуко- или видеозаписи.

Можно рекомендовать следующий порядок совместной работы следователя и специалиста во время допроса. В ходе свободного рассказа допрашиваемого специалист внимательно слушает его пояснения по специальным вопросам и в случае необходимости делает себе пометки, но в допрос не включается, даже если допрашиваемый сообщает заведомо неправильные данные.

Когда допрос ведется в форме вопросов и ответов, специалист обычно включается в допрос после того, как следователь выяснил все, что наметил. Обычно вопросы специалиста (задаваемые, разумеется, с разрешения следователя) касаются деталей, по которым допрашиваемый сообщил неправильные данные.

Основная роль специалиста не состоит в уличении недобросовестного допрашиваемого во лжи, а в выявлении объективных данных, механизма и порядка осуществления финансово-экономическим субъектом.

Полученная в ходе допроса информация будет способствовать более целенаправленному проведению проверки показаний на месте, выемки, обыска, обнаружению документов и др. Она будет полезной и экспертам при производстве экспертизы.

При назначении судебной бухгалтерской экспертизы активное использование возможностей специалиста способствует сокращению сроков ее организации.

Возможности специалиста могут быть использованы в части ознакомления с заключением эксперта, он может оказать методическую помощь при определении правильности проведенной экспертом методики экспертного исследования на стадии оценки особого доказательства как заключение эксперта следователем, судом с целью определения доказательственной силы и путей использования в процессе. Следственно-судебная и экспертная практика имеет опыт участия специалиста в судебном заседании (ст. 271 УПК РФ), результаты которых позволяют выявлять недопустимые заключения, имеющие грубейшие экспертные ошибки. Диагностические исследования судебной бухгалтерской экспертизы отличают ее от иных судебных экспертиз разработкой конкретной методики в каждом случае ее производства. Вдумчивое и грамотное исследование заключения эксперта как доказательства по конкретному делу представляет возможность выявить наиболее часто встречающиеся экспертные ошибки.

Ф.К. Свободный
Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

К вопросу о выделении судебной психологической экспертизы информированности личности о расследуемом событии

Аннотация. В статье предлагается новый вид судебной психологической экспертизы – судебная психологическая экспертиза информированности личности о расследуемом событии. Определяются объекты, предметы и методы данной экспертизы.

Ключевые слова: судебная психологическая экспертиза, информированность личности о расследуемом событии, объект, предмет, методы судебной экспертизы.

Вопросы теории и практики судебных психологических экспертиз (далее - СПЭ) подробно раскрыты в исследованиях В.Л. Васильева, Е.Г. Дозорцевой, В.Ф. Енгалычева, Л.П. Конышевой, М.М. Коченова, И.А. Кудрявцева, Ф.С. Сафуанова, О.Д. Ситковской и др. При этом, многие авторы указывают на динамический характер СПЭ, обуславливающий возникновение ее новых разновидностей.

В настоящее время не существует единой классификации СПЭ, поскольку различные авторы используют различные классифицирующие критерии при построении авторских классификаций СПЭ. Так, например, выделяются следующие основания классификации СПЭ: объект экспертного исследования; процессуальное положение подэкспертного; особенности личности подэкспертного; пол подэкспертного, возраст подэкспертного; место и условия проведения экспертизы; вид юридического дела; характер экспертных задач; частный предмет экспертизы и т.д.

Общим предметом психологической экспертизы, подчеркивающим специфику СПЭ, как особого вида экспертного исследования, выступает психика (психическая деятельность) человека, рассматриваемая как целостная система.

Отдельные же элементы этой системы – психические процессы, состояния и свойства будут выступать частными предметами СПЭ - в зависимости от конкретной экспертной цели.

Важной особенностью психической деятельности, как предмета познания, принципиально отличающей её от большинства других предметов судебных экспертиз, является то, что она не поддается непосредственному, в том числе – чувственному, восприятию и может исследоваться (во всяком случае, на современном уровне развития научных знаний) только опосредованно, т.е. через анализ поведения человека, различного рода реакций его организма, вербального поведения, самоотчетов и т.д.

При этом заказчиков СПЭ интересует не сами по себе особенности психики (психической деятельности) человека, а влияние этих особенностей на способность лица совершать те или иные юридически значимые действия в конкретных условиях. Т.е. частным предметом СПЭ является психическая деятельность лица в юридически значимых ситуациях по расследуемому делу.

Частный предмет СПЭ имея системное строение всегда будет элементом системы «психика» и в рамках конкретного дела может оказаться неоднородным с точки зрения своих количественных и качественных характеристик.

Выделение частных предметов экспертизы, порождает наиболее подробную классификацию СПЭ и содержит потенциальные основания для развития новых видов СПЭ.

Так, в настоящее время, выделяются СПЭ эмоциональных и иных состояний личности, СПЭ регуляторных способностей личности, СПЭ когнитивных способностей личности, СПЭ коммуникативных способностей личности, СПЭ характеристик мотива, СПЭ индивидуально-психологических особенностей личности, СПЭ воздействия, СПЭ внутригруппового взаимодействия, СПЭ взаимодействия личности и ситуации и др.

Автор настоящей работы полагает, что частным предметом СПЭ могут выступать особенности информированности лица о расследуемом событии: степень (полнота) информированности; источники получения информации; время и место ее получения и т. д. И предлагает дополнить классификацию СПЭ новым видом - СПЭ информированности личности о расследуемом событии.

В процессе расследования преступлений дознаватели, следователи, судьи (основных заказчиков судебной экспертизы) часто решают вопрос: «Что, на самом деле, знает о преступлении допрашиваемый (свидетель потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый)?»

Наличие сведений, знаний о чем-либо, обладание информацией о чем- либо, называется осведомлённостью, а хорошая осведомленность, владение большим объемом информации – информированностью.

Осведомленность допрашиваемого лица о преступлении давно является объектом внимания юридической науки и практики. При этом акцент делается именно на так называемой «виновной осведомленности» - т.е. на обладании такими детальными сведениями о преступлении, знать о которых может только непосредственный участник преступного события (в первую очередь – сам преступник).

Действительно, многие правонарушения и преступления совершаются либо вообще без свидетелей, либо свидетели недостаточно полно и качественно запоминают обстоятельства преступления. Бывает так, что даже потерпевшие, в силу различных причин (нападение сзади, темное время суток, сильнейшее эмоциональное возбуждение и т.д.) оказываются слабо осведомлены о конкретных деталях преступления. Поэтому часто подробности совершения преступления (а особенно – подробности подготовки к нему) хорошо знает только сам преступник.

Понятно, что если лицо, отрицающее свою причастность к преступлению (и главное – отрицающее свою осведомленность о деталях преступления), в процессе следствия продемонстрирует каким-либо образом (вольно или невольно) свою «виновную осведомленность» (например, знание о точном количестве участников преступления, об определенном орудии преступления и т.п.), то можно будет сделать высоко вероятностный вывод о причастности данного лица к расследуемому преступлению.

В процессе следствия преступники часто демонстрируют так называемые «улики поведения» - вербальные (слова, интонации, паузы в речи т.д.) и невербальные (движения, мимика, жесты и т.д.) реакции, которые свидетельствуют о знании ими конкретных обстоятельств события преступления. Указанными «признаками» виновной осведомленности часто пользуются практические работники для формирования версий о причастности/непричастности (виновности/невиновности) лица к расследуемому событию.

Помимо наблюдаемых в процессе следственных действий «улик поведения», осведомленность лица об обстоятельствах расследуемого события можно попытаться установить как в процессе обычной беседы (допроса), так и в ходе специально организованного психологического эксперимента, например: ассоциативного эксперимента, сопряженной моторной методики или эксперимента с использованием полиграфа, проводимых в формате СПЭ.

Но если термин «виновная осведомленность» больше подходит преступнику, то относительно других участников расследуемого события (свидетель,

потерпевший) более корректным будет говорить просто об их осведомленности или информированности о конкретных деталях преступления.

В данной работе автор вводит понятие «информированность личности о расследуемом событии» и предлагает определить его как психологический феномен, выражающийся в наличии у человека относительно устойчивой системы объективных знаний и субъективных представлений о конкретном событии его жизни, обстоятельства которого сейчас расследуются правоохранительными органами.

Знания, сведения, представления, осведомленность, информированность и т.п. – это все компоненты опыта личности, который является психологическим феноменом. Исследование различных психологических феноменов входит в компетенцию психолога, а разрешение вопросов, возникающих перед следствием и судом при необходимости квалифицированной оценки психических явлений, требует проведения, именно, судебной психологической экспертизы.

Предлагается определить судебную психологическую экспертизу информированности личности о расследуемом событии (далее - СПЭИЛ) как назначаемое с соблюдением закона процессуальное действие, состоящее в специально организованном психодиагностическом исследовании особенностей информированности подэкспертного о конкретном событии его жизни, обстоятельства которого сейчас расследуются правоохранительными органами.

Общим объектом СПЭИЛ является человек, во всех его взаимосвязях со средой, как носитель психики (сознания, памяти, информации о расследуемом событии), подлежащей исследованию в процессе экспертизы.

Частными объектами СПЭИЛ являются все иные материальные носители информации о личности и ее деятельности, исследуя которые эксперт может получить сведения об особенностях информированности личности о расследуемом событии: материалы дела; аудиозаписи речи подэкспертного, видеозаписи поведения подэкспертного (в том числе полученные в ходе следственных действий и экспертиз); записи различных (моторных, физиологических, вегетативных, нейрофизиологических и др.) реакций подэкспертного, полученные аппаратурными методами (электроэнцефалограммы, полиграммы) и т.д.

Предмет СПЭИЛ – исследование качественных и количественных характеристик информированности человека о расследуемом событии, а именно установление фактические данных о наличии или отсутствии у лица информации о деталях расследуемого события; о степени информированности лица о расследуемом событии (об объеме и конкретном содержании информации о расследуемом событии, которой располагает лицо); о месте, времени и источниках получения лицом первой информации о расследуемом событии.

Методами СПЭИЛ являются: психологический анализ материалов дела, наблюдение; экспертная беседа; психологическое тестирование (в т.ч. ассоциативный эксперимент), экспериментальное психодиагностическое исследование с использованием приборов, регистрирующих моторные,

физиологические, нейрофизиологические реакции подэкспертного на предъявляемые ему стимулы. По мере развития данного вида экспертиз вполне вероятно расширение перечня методов СПЭИЛ.

Литература

1. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.
2. Квитко Н.И., Потоцкий Н.К, Холопова Е.Н. Правовые основы судебно-психологической экспертизы по факту самоубийства: Монография. М., 2001.
3. Лурия А.Р. Сопряженная моторная методика и её применение в исследовании аффективных реакций // Проблемы современной психологии. Т. 3. М., 1928.
4. Мозяков В.В. Руководство для следователей. М., 2005.
5. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: науч. практич. пособие. М., 1998.
6. Сахнова Т.В. Основы судебно-психологической экспертизы по гражданским делам. Учеб. пособие. М., 1977.
7. Свободный Ф.К. Судебная психологическая экспертиза информированности личности о расследуемом событии: учебное пособие. Барнаул, 2015.
8. Ситникова А.Е., Ермолин А.В. Представленность в сознании структуры мотива как предмет судебно-психологической экспертизы: Монография. СПб., 2002.
9. Тойм К. Ассоциативный эксперимент в психодиагностике в XIX веке // Ученые записки Тартуского университета. 1978. №. 465.
10. Холопова Е.Н. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. М. 2006.
11. Чегодаева С.С. Криминалистическое исследование улик поведения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2000.

К.В. Сечина
Рязанский филиал Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Назначение политологической судебной экспертизы по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ

Аннотация. В статье рассмотрена актуальность назначения политологической судебной экспертизы по уголовным делам, возбужденным по п. «д» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ, даны рекомендации по ее назначению.

Ключевые слова: заведомо ложная информация, политологическая судебная экспертиза.

В концепции общественной безопасности Российской Федерации указано, что ее состояние характеризуется как нестабильное, уровень террористических угроз остается на высоком уровне. Возникают новые угрозы, посягающие на безопасность граждан и суверенитет нашей страны, к которым относятся распространение «фейковой» информации о ходе проведения Специальной военной операции[1].

В 2024 году сотрудниками правоохранительных органов было установлено и задокументировано более 130 ложных сообщения, распространенных в информационном пространстве о Специальной военной операции и лицах, принимающих в ней участие (российский военных и добровольных гражданах, оказывающих им содействие, а также сотрудниках Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации)[2].

С момента введения в уголовное законодательство Российской Федерации статьи 207.3 УК РФ возбуждено 444 уголовных дела, за истекший год (2024 г.) следователями Следственного комитета, в чью подследственность входит расследование дел данной категории, в суд направлено 97 дел в отношении 103 субъектов, осуществлявших противоправную деятельность[3].

Проводя анализ материалов уголовных дел, возбужденных по п. «д» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ нами установлено, что ни по одному уголовному делу политологическая судебная экспертиза не назначалась, так как ее применение сопряжено с рядом сложностей, требующих научного осмысления.

Однако, необходимо использовать специальные знания в области политологии при расследовании уголовных дел, в рамках которых мотив политической, идеологической ненависти либо вражды является квалифицирующим признаком.

О.В. Галаева, В.В. Гулевская, Г.Г. Омельянюк рассматривают судебную политологическую экспертизу как процессуальное действие, проводимое экспертами, использующими специальные знания в области политологии для дачи заключения о деятельности субъектов политического процесса в ходе исследование предоставленных им материалов с использованием методологических подходов и методики политологических исследований в актуальном политико-правовом контексте[4].

---

[1] Сечина К.В. Тактика производства отдельных следственных действий по делам о распространении заведомо ложной информации в сфере общественной безопасности с использованием сети Интернет // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. тр. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. Т. 32. № 4. С. 186.

[2] ULR: https://www.interfax.ru/russia/1012093 (дата обращения 25.06.2025)

[3]Электронный ресурс. ULR: https://www.rline.tv/news/2025-03-19-bastrykin-sk-za-2022-2024-gody-zavel-bolee-600-del-o-feykakh-i-diskreditatsii-vs-rf/ (дата обращения 25.06.2025).

[4] Галаева О.В., Гулевская В.В., Омельянюк Г.Г. Судебная политологическая экспертиза – новое направление судебно-экспертной деятельности Минюста России // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18. № 1. С. 37.

Справедливо отмечает А.С. Артюнов, что, помимо традиционных экспертиз (дактилоскопической, трасологической и др.), по делам об экстремизме и терроризме необходимо назначать политологическую судебную экспертизу[1].

Объектами политологической судебной экспертизы по делам о распространении заведомо ложной информации в сфере общественной безопасности являются публично опубликованные или озвученные в информационном пространстве, в сети Интернет информационные материалы (комментарии, аудиозаписи, видеозаписи, голосые сообщения (заметки), поликодовая информация и т.д., зафиксированная на разных носителях.

В криминалистической литературе рассматриваются различные варианты носителей (флеш-карты, CD-R диски, магнитные носители, скрин-шоты, мобильные телефоны, компьютеры и т.д.) на которые можно зафиксировать заведомо ложную информацию и предоставить эксперту-политологу.

При исследовании аудиозаписи, видеозаписи, голосовых заметок возможно предоставить носитель, который в последующем будет расшифрован экспертом самостоятельно или предварительно осмотреть носитель, оформив это протоколом осмотра предметов, в котором дословно отразить распространенную информацию. В тех случаях, когда сохранился электронный ресурс (сайт), где размещена ложная информация рекомендуется отразить в протоколе ссылку или с участием специалиста создать копию электронной страницы и предоставить ее эксперту вместе с постановлением и объектами.

Если же объект предоставляется в бумажном виде, текст должен быть видимым и понятным эксперту-политологу.

С учетом существующих методик проведения политологических судебных экспертиз считаем возможным предложить примерный перечень вопросов, которые могут быть поставлены перед экспертом в рамках расследования публичного распространения заведомо ложной информации в сфере общественной безопасности.

С какой целью была опубликована информация?

Обусловлены ли публичные высказывания (опубликованная информация) политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненавистью или враждой?

Способна ли публично опубликованная информация (изображение) оказать влияние на репутацию субъекта политического процесса?

Способна ли публично опубликованная информация (изображение) спровоцировать политический конфликт?

Кроме того, отметим некоторые критерии, которым должны соответствовать опубликованные вопросы:

- формулировки вопросов должны соответствовать предмету политологической судебной экспертизы;

[1] Арутюнов А.С. Основные виды и особенности проведения судебных экспертиз при расследовании преступлений экстремистской направленности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. №4. С. 86–87.

- поставленные перед экспертом-политологом вопросы не должны выходить за пределы его компетенции;

- при постановке вопросов рекомендуется учитывать особенности объекта, на котором зафиксирована размещенная информация, и который в последующем будет предоставлен эксперту.

Проводиться политологическая судебная экспертиза в ФБУ РФЦСЭ имени профессора А. Р. Шляхова при Минюсте России. На официальном сайте учреждения представлены требования к материалам, предоставляемым на экспертизу и примерный перечень вопросов[1].

Использование специальных политологических знаний при расследовании уголовных дел, возбужденных по п. «д» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ является важным инструментом доказывания умысла подозреваемого (обвиняемого) и требует дальнейшего совершенствования методологии ее проведения.

Литература

1. Арутюнов А.С. Основные виды и особенности проведения судебных экспертиз при расследовании преступлений экстремистской направленности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. №4. С. 86-87.

2. Галаева О.В., Гулевская В.В., Омельянюк Г.Г. Судебная политологическая экспертиза – новое направление судебно-экспертной деятельности Минюста России // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18. № 1. С. 30–43.

3. Сечина К.В. Тактика производства отдельных следственных действий по делам о распространении заведомо ложной информации в сфере общественной безопасности с использованием сети Интернет // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. тр. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. Т. 32. № 4. С. 186–193.

С.Ю. Скобелин
[1]Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Экспертизы по делам о развратных действиях в сети Интернет

Аннотация. На основании изучения следственной и судебной практики по уголовным делам о развратных действиях в сети Интернет выявлены особенности тактики назначения и ключевое доказательственное значение лингвистических экспертиз различных речевых продуктов подозреваемых, компьютерно-технических, а также психологических, психиатрических экспертиз как виновных лиц, так и потерпевших.

Ключевые слова: развратные действия, сеть Интернет, электронные устройства,

[1] Электронный ресурс. ULR: https://minjust-expert77.ru/politologicheskaya (дата обращения 25.06.2025)

цифровые следы, идентификация, экспертизы.

В Концепции информационной безопасности детей в России отмечено, что из 30, 2 млн. несовершеннолетних (20, 6 % населения) 27 млн. человек (89, 4%) являются активными пользователями информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Их основными интересами являются общение в социальных сетях, просмотр видео и онлайн-игры.

В это же время, в данном концептуальном документе справедливо отмечается важный аспект: «…нестабильность эмоциональной сферы и низкий уровень критичности восприятия и обработки информационного потока детьми и подростками свидетельствуют о том, что именно дети и подростки находятся в группе потенциального риска для негативного воздействия и интернет-манипуляций»[1].

Современная следственная практика свидетельствует о том, что сеть Интернет и мобильная телефония, помимо прочего, стали активно использоваться в целях совершения преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Если в 2013 году было зарегистрировано 52 сообщения о преступлениях указанной категории, в 2014 году уже 276, а в последующие годы их количество только росло и в 2023 было зарегистрировано уже около тысячи подобных преступлений, при этом 1/3 из них остается нераскрытыми.

Согласно данным специалистов – эта цифра явно занижена и не отражает реального положения дел в этой области. Так, сотрудниками ГУК СК РФ в 2025 году в ходе мониторинга сети ВК с помощью разработанного программного обеспечения и нейронных сетей было выявлено свыше 5 тыс. фактов развратного и порнографического контента с несовершеннолетними[2].

Чаще всего развратным действиям в сети Интернет присущи следующие формы (они же выступают объектами экспертных исследований):

- цинично-вульгарные разговоры (переписка) на темы сексуального характера;
- прикрепление ссылок, файлов или демонстрация в онлайн режиме эротических или порнографических фотографий или видеозаписей (возможно половых органов, актов мастурбации или половых актов самого преступника с иными лицами). Не имеет значения для уголовного преследования сделаны ли фотографии самим преступником, скопированы из других источников или сгенерированы с помощью искусственного интеллекта;
- склонение (путём уговоров, шантажа, угроз и др.) потерпевшего к демонстрации своего обнаженного тела (половых органов), актов мастурбации, половых контактов с иными лицами путем уговоров, угроз применения насилия

[1] Распоряжение Правительства РФ от 28.04.2023 № 1105-р «Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 03.05.2025).

[2] Отметим, что если для выявления, раскрытия и расследования порно-сексуальных преступлений (в том числе в сети Интернет) в нашей стране отдельных подразделений (в отличие от преступлений, экстремистского, террористического характера, связанных с незаконным оборот наркотических средств) не создано.

к самому потерпевшему либо его близким, распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких.

Таким образом, объектами экспертных исследований в данном случае выступают текстовые (печатные) или аудио- и видеосообщения, развратного содержания в мессенджерах и социальных сетях (речевые следы в виртуальном пространстве).

При этом с позиции Пленума Верховного Суда к развратным действиям относятся любые действия, кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства, совершенные в отношении лиц, достигших двенадцатилетнего возраста, но не достигших шестнадцатилетнего возраста, которые были направлены на удовлетворение сексуального влечения виновного, или на вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, или на пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям.

Развратными могут признаваться и такие действия, при которых непосредственный физический контакт с телом потерпевшего лица отсутствовал, включая действия, совершенные с использованием сети Интернет, иных информационно-телекоммуникационных сетей[1].

Казалось бы, для наличия признаков состава рассматриваемого преступления достаточно удовлетворения сексуального влечения подозреваемого и была ли развращена жертва или нет значения не имеет. Данное предположение безусловно не верно, так как в этом случае отсутствует объект уголовно-правовой охраны и преступления.

При этом, состав преступления, предусмотренный ст. 135 УК РФ – «Развратные действия» (как и ряд других составов преступлений Особенной части УК РФ) сконструирован таким образом, что фундаментом доказательственной базы при его расследовании и даже первоначальным процессуальным действием следователя в ходе процессуальной проверки для выяснения наличия содержательного, составообразующего признака состава – именно разврата потерпевшего, должно является заключение лингвистической экспертизы.

Изучение же свыше 100 обвинительных заключений по ст. 135 УК РФ позволяет утверждать, что лингвистические экспертизы на предмет наличия в переписке, аудиосообщениях, видеоконтенте именно развратного содержания: циничные, вульгарные, непристойные слова сексуальной направленности, нацеленность на возбуждение у потерпевшего извращенного интереса к половым отношениям, фразы, призванные вызвать у ребенка половое возбуждение, направленные на сексуальное обучение, подготовку к сексуальным актам, побуждения к совершению сексуальных действий[2], назначались лишь в 10 % случаев.

---

[1] П. 17. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»// СПС Гарант (Дата обращения 12.04.2025).

[2] Такие формулировки развратных действий выработали следователи, эксперты и судьи в ходе правоприменения.

В тоже время, к примеру, по делам экстремистской и террористической направленности, именно эксперт отвечает на вопросы следователя и по сути разрешает его вопросы есть ли в речевых следах признаки оправдания терроризма, оскорбления чувств верующих, призывов, возбуждения ненависти либо вражды, унижения достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе и т.п.

В нашем случае, является ли то или иное высказывание, фотография или видео контент именно развратным (развратил или мог ли развратить ребенка этот контент, беседа и пр.) решает почему-то следователь самостоятельно.

При этом по пяти из изученных уголовных дел о развратных действиях по которым приговоры вступили в законную силу, в предмет доказывания вообще не был включен вопрос о том были ли развратные действия виновного верно поняты потерпевшим, его состояние, в том числе на момент совершения преступления, степень причиненного вреда, негативного влияния действий преступника на нормальное психическое, нравственное и половое развитие ребенка, его психологические особенности развития и характера. А в двух приговорах (причем к реальному лишению свободы) вообще была назначена лишь одна судебно-психиатрическая экспертиза обвиняемых на предмет их вменяемости и наличия психических расстройств. В то время, как наличие признаков разврата в переписке между виновными (19 и 20 лет) и потерпевшими (15 лет) не доказано и вряд ли усматривается (велась переписка на общие сексуальные темы).

К основным экспертизам по данным уголовным делам относятся:

1) судебная искусствоведческая экспертиза фото- и видеоизображений, содержащие признаки информации порнографического характера. Одним из основных вопросов является отнесение объекта к категории порнографических изображений. В эти случаях при положительном ответе эксперта, следователь дополнительно может квалифицировать действия виновных по совокупности как изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (ст. 242, ст. 242.1, ст. 242.2 УК РФ);

2) Психолого-психиатрическая экспертиза потерпевшего, подтверждающая общественную опасность деяния, а именно негативное влияние действий преступника на нормальное психическое, нравственное и половое развитие ребенка, степень причиненного вреда;

3) Сексолого-психолого-психиатрическая экспертиза подозреваемому (обвиняемому), позволяющая установить его вменяемость; наличие, степень и разновидность психического расстройства; педофилии; необходимость применения к нему принудительных мер медицинского характера и др.

4) Судебная компьютерно-техническая экспертиза позволяет обнаружить в компьютере (смартфоне) виновного или жертвы фото и видеоизображения обнаженных людей; подтвердить метаданные обнаруженных файлов, восстановить и (или) глубоко исследовать историю браузера переписок в мессенджерах и пр.

В зависимости от следственной ситуации могут быть назначены и иные виды судебных экспертиз (портретные, автороведческие, судебно-медицинские экспертизы вещественных доказательств, экспертизы видеоизображений, комплексные психолого-лингвистические, психолого-культурологические, психолого-искусствоведческие и иные экспертизы)[1].

Литература

1. Россинская Е.Р. Настольная книга судьи: судебная экспертиза / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина. М.: Проспект, 2010. 448 с.
2. Цифровые следы преступлений: монография / Багмет А.М. и др. Москва: Проспект, 2024. 168 с.

А.В. Скородумова
Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Тактика следственного осмотра удаленных серверов (облачных хранилищ)

Аннотация. В статье освящены проблемы, связанные с анализом ряда проблем, возникающих в процессе получения криминалистически значимой информации, содержащейся на удаленных серверах (в облачных хранилищах), в ходе предварительного следствия. Обозначена классификация удаленных серверов (облачных хранилищ) и проанализированы методы получения указанной информации из удаленных серверов (облачных хранилищ). Особое внимание уделено проблеме получения интересующей следователя доказательственной информации из удаленных серверов (облачных хранилищ) информации, принадлежащих иностранным компаниям, находящимся вне юрисдикции Российской Федерации.

Ключевые слова: расследование преступлений, криминалистически значимая информация, удаленные сервера (облачные хранилища), информационно-телекоммуникационные технологии, транснациональное взаимодействие.

На современном этапе развития информационно-телекоммуникационные технологии активно внедряются в различные сферы общественной жизни. Указанный аспект имеет не только положительное влияние на повседневную жизнь человека, но и оказывает существенное влияние на усовершенствование новых высокотехнологичных способов совершения преступлений, а также способов их выявления, раскрытия и сбора доказательств. Криминальные субъекты все активнее используют информационные технологии с целью облегчения осуществления своей противоправной деятельности, а именно на стадии приготовления к совершению противоправного деяния, его совершения и в последующем сокрытия следов.

[1] См. напр.: Россинская Е.Р. Настольная книга судьи: судебная экспертиза / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина. М.: Проспект, 2010. С. 76.

Одной из важных составляющих поисковой деятельности следователя в процессе раскрытия и расследования преступления является поиск цифровых следов преступной деятельности на удаленных серверах (в облачных хранилищах), содержащих в себе криминалистически значимую информацию, необходимую для правильного вынесения решения по делу.

Удаленные сервера (облачные хранилища) данных представляют собой определенные сервера дата-центров, к которым пользователь имеет возможность получить доступ вне зависимости от своего местоположения при подключении к сети Интернет. При этом пользователь, размещающий на указанном сервере свои данные, не осведомлен о конкретном местонахождении жесткого диска, на котором они хранятся, поскольку такого рода информация распределяется между множеством серверов в сети[1]. Стоит отметить, что изначально удаленные сервера (облачные хранилища) были созданы с целью удаленного размещения большого объема данных, эффективного управления этими данными, экономии места в памяти физического устройства и т.п. В настоящее же время они используются не только в связи с основным назначением, но также и преступниками для вредоносной онлайн-активности и т. п. Поэтому актуальным является осмысление проблем, с которыми сталкиваются в процессе предварительного следствия следователи при осмотре удаленных серверов (облачных хранилищ) того или иного участника уголовного судопроизводства и связанных с ним получением доступа к информации, содержащейся в них.

Среди удаленных серверов (облачных хранилищ), представляющих наибольший интерес в ходе предварительного следствия, выделяют следующие виды: социальные сети и мессенджеры (Telegram, WhatsApp Cloud, TikTok, VK Cloud, Discord и др.); собственно облачные хранилища (iCloud, OneDrive, СберДиск, Яндекс.Диск, Google Диск и др.); сервисы электронной почты (Gmail, облако Mail.ru и др.)[2].

На удаленных серверах (в облачных хранилищах) предварительное следствие может интересовать различного рода криминалистически значимая информация, например: о местоположении пользователя в определенный период времени, интересующий следствие; о последних сообщениях, полученных или отправленных через социальные сети; о какой-либо документации; об обмене фотоизображениями и видеозаписями; об истории сохраненной версии баз данных приложений для мгновенного обмена сообщениями, в которых сохранения история переписки, удаленной пользователем на основном устройстве и т.п.

---

[1] Лаптев В.А., Соловяненко Н.И. «Судебное облако»: правовые вопросы структурирования и защиты данных // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 195.

[2] Мамонтов А.Г. Тактические особенности сбора цифровых доказательств в облачном хранилище информации // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2022. № 22-1. С. 216.

Обнаружение и получение необходимой информации из удаленных серверов (облачных хранилищ) может быть выполнено различными способами, среди которых можно выделить следующие:

- во-первых, путем осмотра удаленного сервера (облачного хранилища) с физического устройства участника уголовного судопроизводства, где потенциально находится важная для расследования информация, либо с применением технических устройств следователем (персонального компьютера, ноутбука или иного электронного устройства)[1];

- во-вторых, путем назначения судебной компьютерно-технической эксперты, в ходе которой используются технико-криминалистические экспертные программы, с помощью которых возможно извлечение информации из удаленного сервера (облачного хранилища), в частности модуля Oxygen Forensic Extractor for Clouds программы «Мобильный Криминалист»;

- в-третьих, путем получения криминалистически значимой информации с хостинг-провайдеров[2].

При этом, используя в ходе расследования того или иного вида преступления вышеуказанные способы, в процессе поисковой деятельности следователя по обнаружению криминалистически значимой информации на удаленных серверах (в облачном хранилище) участника уголовного судопроизводства, могут возникнуть следующие проблемы:

- во-первых, следственный осмотр удаленного сервера (облачного хранилища) с электронного устройства участника уголовного судопроизводства возможен, если выполнена аутентификация в аккаунт пользователя для того, чтобы извлечь криминалистически значимую информацию из удаленного сервера (облачного хранилища), т.е. получить полную копию данных, и зафиксировать ее путем снятия скриншотов образов электронного устройства, либо посредством фотофиксации. С технического устройства следователя осмотр проводить, как правило, нецелесообразно в силу того, что в данном случае происходит подключение к сети Интернет и имеющаяся на удаленном сервере (в облачном хранилище) информация имеет свойство постоянно обновляться, что позволяет заинтересованным лицам произвести удаленное подключение к указанному серверу с целью внесения изменений в хранящуюся на них компьютерную информацию[3].

---

[1] Россинская Е.Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения судебно-экспертной деятельности как новая частная теория судебной экспертологии // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 2.

[2] Семикаленова А.И., Рядовский И.А. Использование специальных знаний при обнаружении и фиксации цифровых следов: анализ современной практики // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 180.

[3] Чекунов И.Г., Рядовский И.А., Пузарин А.В., Русскевич Е.А. Методические рекомендации по расследованию преступлений в сфере компьютерной информации: учебное пособие / И. Г. Чекунов, И.А. Рядовский, А.В Пузарин, Е.А. Русскевич [и др.]. – 2-е изд. – М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2019 г. С. 196.

При этом необходимо принимать во внимание следующую точку зрения: многие следователи, а также ученые подтверждают, что изучение информации, содержащейся на удаленных серверах (в облачных хранилищах) в рамках такого следственного действия как осмотр предметов (документов), регламентированного ст. 164, ч. 1 ст. 176, ч. 1-4 и 6 ст. 177 УПК РФ, является нецелесообразным, поскольку наличия уникального виртуального компонента, хранящегося на удаленном сервере (в облачном хранилище), доступ к которому осуществляется, как правило, электронно-цифровым способом[1]. Ввиду этого, решением данной проблемы на практике, как правило, является проведение судебной компьютерно-технической экспертизы, в рамках которой устанавливаются факты и обстоятельства закономерностей разработки и эксплуатации компьютерных средств и систем, обеспечивающих реализацию информационных процессов.

Для решения указанной проблемы многие авторы указывают на внедрение в уголовно-процессуальное законодательство положительного опыта Республики Беларусь, а именно закрепление нового вида следственного действия – осмотр компьютерной информации, в том числе удаленного сервера (облачного хранилища). В УПК Республики Беларусь данное следственное действие является самостоятельным и регулируется ст. 204-1 указанного нормативно правового акта. Выделение же данного следственного действия из всех иных обусловлено особенностями объекта осмотра, т.е. виртуального компонента, который хранится на удаленном сервере (в облачном хранилище), и доступ к нему осуществляется по общему правилу электронно-цифровым способом[2];

- во-вторых, при ином способе изъятия криминалистически значимой информации – проведении судебной компьютерно-технической экспертизы – также удается установить какие-либо сведения, представляющие интерес для предварительного следствия. Так, по уголовному делу № 12501450299000379, находящемуся в производстве следственного отдела по Троицкому и Новомосковскому административным округам Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве, и, возбужденного по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, следователем с целью получения информации, представляющей интерес для предварительного следствия, а также в связи с невозможностью получения указанной информации в рамках такого следственного действия как осмотр предметов, а именно удаленного сервера (облачного хранилища) мессенджера WhatsApp, установленного на мобильном телефоне, в связи с невозможностью разблокировки устройства и устаревшей версией приложения, было вынесено постановление о назначении судебной компьютерно-технической экспертизы с целью отыскания криминалистически значимой информации в указанном источнике, а именно: информации о журнале вызовов, о смс-сообщениях, о

[1] Примаков А.Н., Романюк Д.В. Тактико-криминалистические и процессуальные особенности проведения осмотра компьютерной информации // Вестник Могилевского института МВД. 2024. № 2 (10). С. 76.
[2] Там же.

графических файлах, видео- и аудиофайлах и т.д. Таким образом, с помощью проведения судебной экспертизы все необходимые файлы с исследуемого мобильного телефона, с которого был осуществлено подключение к удаленному сервису (облачному хранилищу), были изъяты в качестве цифровых следов преступления. Однако, в данном случае криминалистически значимая информация была получена не непосредственно из удаленного сервера (облачного хранилища), а из фотогалереи устройства, а именно со скриншотов, поскольку провести указанную судебную экспертизу по отношению к самому удаленному серверу (облачному хранилищу) не представляется возможным, поскольку в данном случае эксперт осуществляет сбор информации, а не только ее исследует. Кроме того, непосредственно в практической деятельности в связи с ограниченными сроками предварительного следствия зачастую следователи ограничиваются лишь следственным осмотром мобильного телефона, в ходе которого зачастую не представляется обнаружить информацию, представляющую интерес для следствия, и не выносят постановления о назначении указанной судебной экспертизы;

- в-третьих, в указанном блоке можно выделить такую проблему, как невозможность получения информации, интересующей предварительное следствие, ввиду принадлежности какого-либо удаленного сервера (облачного хранилища) юридическому лицу, осуществляющему свою деятельность за пределами территории России. Несмотря на то, что в соответствии с Конвенцией ООН по противодействию киберпреступлениям 2024 г.[1] все государства должны объединяться, взаимодействовать и помогать друг другу в изобличении и задержании киберпреступников, получить криминалистически значимую информацию от таких организаторов и владельцев удаленных серверов (облачных хранилищ) затруднительно зачастую в силу того, что то или иное государство предъявляет различные законодательные требования к получению доступа к информации и ее поиску, то это в значительной степени усложняет процесс предварительного следствия. Кроме того, провайдеры удаленных серверов (облачных хранилищ) используют виртуальные сервера на единой физической платформе, на которой хранятся одновременное данные множества пользователей. Поэтому, следователи в данном случае сталкиваются с невозможностью изолированного доступа при изъятии или выемки необходимой информации из дата-центра провайдера ввиду того, что при этом нарушается

[1] Конвенция ООН против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям (Принята резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеей от 24 декабря 2024 г.) // Неофиц. Ист.: Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

конфиденциальность иных пользователей удаленного сервера (облачного хранилища)[1].

Таким образом, современные удаленные сервера (облачные хранилища), с одной стороны, обеспечивают хранение большого объема различной информации на защищенных серверах, которой порой нет в памяти физического устройства. С другой стороны, в настоящий момент остается актуальным решение ряда проблем, связанных со следственным осмотром удаленных серверов (облачных хранилищ), а именно отыскании в них криминалистически значимой информации и ее фиксации в качестве доказательства, а также закреплении самостоятельного следственного действия, которое бы регламентировало порядок проведения осмотра информации, содержащейся на удаленных серверах (в облачных хранилищах).

Литература

1. Кузьмин М.Д. Проблемы расследования преступлений, совершенных с использованием облачных хранилищ в сети Интернет // Полицейская деятельность. 2020. № 1. С. 1–5.

2. Лаптев В.А., Соловяненко Н.И. «Судебное облако»: правовые вопросы структурирования и защиты данных // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103).

3. Мамонтов А.Г. Тактические особенности сбора цифровых доказательств в облачном хранилище информации // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2022. № 22-1.

4. Россинская Е.Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения судебно-экспертной деятельности как новая частная теория судебной экспертологии // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 2.

5. Семикаленова А.И., Рядовский И.А. Использование специальных знаний при обнаружении и фиксации цифровых следов: анализ современной практики // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103).

6. Чекунов И.Г., Рядовский И.А., Пузарин, А. В., Русскевич Е. А. Методические рекомендации по расследованию преступлений в сфере компьютерной информации: учебное пособие / И.Г. Чекунов, И.А. Рядовский, А.В. Пузарин, Е.А. Русскевич [и др.]. – 2-е изд. – М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019.

7. Примаков А.Н., Романюк Д.В. Тактико-криминалистические и процессуальные особенности проведения осмотра компьютерной информации // Вестник Могилевского института МВД. 2024. № 2 (10).

[1] Кузьмин М.Д. Проблемы расследования преступлений, совершенных с использованием облачных хранилищ в сети Интернет // Полицейская деятельность. 2020. № 1. С. 1–5.

А.В. Соколова [1]
Академия управления МВД России

Возможности АБИС для раскрытия и расследования преступлений, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны

Аннотация. Век информационных технологий создает благоприятные условия для активной цифровой трансформации различных сфер жизни. Правоохранительная деятельность, в частности, судебно-экспертная, не является исключением ввиду интеграции новых технологий в целях автоматизации тех или иных действий, исходя из служебных задач. В статье автором рассматривается опыт использования цифровых технологий в экспертно-криминалистической деятельности на примере дактилоскопии и трасологии, а также будущее, которое «стоит» за судебно-баллистической экспертизой.

Ключевые слова: автоматизированная баллистическая идентификационная система, цифровизация, твердотельная цифровая копия пули/гильзы со следами оружия, дактилоскопия, трасология.

XXI век называют веком информационных технологий ввиду глубокого влияния технологических достижений на жизнь людей. Какие-то разработки используются и в правоохранительной деятельности, в частности, судебно-экспертной. Наиболее яркими примерами служат области дактилоскопии и трасологии.

Как отмечал в своем диссертационном исследовании А.С. Копанев «В течение одного столетия дактилоскопическая регистрация прошла путь от описательных карточек, формульного кодирования и первых дактилоскопических автоматов до широкого внедрения автоматизированных дактилоскопических систем, обладающих способностью содержать и обслуживать миллионные массивы дактилокарт и следотек, имеющих высокую надежность и быстродействие»[1]. Действительно, АДИС «ПАПИЛОН» используется в экспертно-криминалистических подразделениях не первое десятилетие. Наличие дактилоскопического учета в цифровом виде позволяет не только накапливать обширный массив данных, но и раскрывать преступления прошлых лет. Так, например, в августе 2024 года в новостную сводку попали сведения о раскрытии преступления 12-летней давности по отпечатку пальца[2]. Трасология также имеет «цифровой опыт». В качестве подтверждения можно привести проведенную по

[1] Копанев А. С. Обоснование рациональных методов и средств накопления, обмена и проверки информации по дактилоскопическим учетам при раскрытии и расследовании преступлений: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.09 / Волгогр. акад. МВД России. Волгоград, 2004. С.10;

[2]Комсомольская правда: Раскрыли дело по одному фрагменту отпечатка пальца: в Красноярском крае племянник забил дядю до смерти из-за аморального образа жизни. Режим доступа: https://sledcom.ru/press/smi/item/1907910/ (дата обращения: 20.06.2025).

инициативе ЭКЦ МВД России научно-исследовательскую работу «Исследование возможностей автоматизации ведения и использования в раскрытии и расследовании преступлений трасологических экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» Шифр «Трасса (Верблюд)». Помимо этого, АО «РАМЭК» защитило научно-исследовательскую работу «Серия», нацеленную на создание рабочего комплекса по цифровой обработке трасологических объектов, основными задачами которого являются объективное подтверждение факта серийности преступлений и установление тождества следообразующего объекта по его следам[1]. В результате исследований была установлена возможность осуществления автоматизации ведения и использования трасологических экспертно-криминалистических учетов следов подошв обуви, орудий взлома, протекторов шин транспортных средств, что и было подтверждено в рамках диссертационного исследования Севастьянова П.В. на тему «Цифровые технологии фиксации невербальной доказательственной информации»[2].

Судебно-баллистическая экспертиза не является исключением. Отечественная история разработки и внедрения цифровых технологий в данной области в рамках создания автоматизированной баллистической идентификационной экспертизы берет начало с 90-ых годов прошлого столетия. Вопрос создания копии исследуемого объекта появился еще задолго до этого. Так, например, Е.Н. Тихонов в своем диссертационном исследовании «Судебно-баллистические исследования огнестрельного оружия, патронов-заменителей и следов их применения»[3] предлагал использовать атипичные боеприпасы, своеобразные «слепки» пуль/гильз, содержащие криминалистически значимую информацию. На сегодняшний день в рамках использования цифровых технологий при производстве судебно-баллистической экспертизы и ведении соответствующих учетов наблюдается «стагнация», однако инициативной группой экспертов создается АБИС нового поколения, технологически опережающую прошлые версии АБИС. В век информационных технологий создать копию исследуемого объекта судебно-баллистической экспертизы отчасти проще в виде трёхмерных виртуальных моделей (твердотельных цифровых копий). Под твердотельной цифровой копией пули/гильзы со следами оружия следует понимать копию исследуемого объекта в цифровом виде, которая транслирует (отражает) криминалистически значимую информацию исходного материального объекта (пули/гильзы) в виртуальной среде.

---

[1] Владимиров В.Ю. Искусственный интеллект в борьбе с серийными преступлениями. Научная разработка в практику / В.Ю. Владимиров, И.А. Данилов, Н.Н. Ильин // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4(72). С. 139-150.

[2] Севастьянов П.В. Цифровые технологии фиксации невербальной доказательственной информации: автореф. дис. канд. юрид. наук: 5.1.4. М., 2024. С. 5

[3] Тихонов Е.Н. Судебно-баллистические исследования огнестрельного оружия, патронов-заменителей и следов их применения. Метод. пособие для экспертов-криминалистов) / Канд. юрид. наук Е. Н. Тихонов; М-во юстиции СССР. Всесоюз. науч.-исслед. ин-т судебных экспертиз. Москва: [б. и.], 1974. 92 с.

Оперирование трёхмерными виртуальными моделями (твердотельными цифровыми копиями) устраняет зависимость производства экспертизы от наличия объекта (его утрата, завершение идентификационного периода по естественным причинам либо вследствие его повреждения и т.д.) либо места его нахождения. Данное преимущество обладает еще одним не мало важным аспектом. В одном из интервью председатель Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор А.И. Бастрыкин отметил важность и необходимость расследования преступлений прошлых лет[1]. Более детально он рассказал о расследовании военных преступлений, совершенных в годы Великой Отечественной войны, отметил ценность архивных документов и сложность установления истины ввиду количества прошедших лет. На сегодняшний день деятельность следователей по установлению фактов геноцида советского народа не остановлена. Ведется активная работа как с архивными материалами, так и непосредственно на самих местах захоронения жертв немецко-фашистских захватчиков. В век современных технологий, не смотря на утрачиваемость следов в виду времени, проблема поиска и сбора информации отчасти решаема. Твердотельная цифровая копия пули/ гильзы со следами оружия – есть один из путей решения проблемы расследования рассматриваемого вида преступлений. Ввиду своей интервально-временной безграничности баллистический учет будет расширяться, что создает благоприятные условия для расследования бóльшего количества преступлений. Так, например, при сохранении четко отработанной методики расследования рассматриваемых преступлений, проведения качественного осмотра мест захоронения, прилегающих территорий, а также останков, изъятия следов оружия, будет накапливаться большой массив криминалистически значимой информации, необходимый для установления фактов геноцида советского народа. В данном случае при раскопках мест захоронения и изъятия останков, стоит отметить, важность поиска пуль/гильз со следами оружия в целях установления факта серийности. На сегодняшний день возможности АБИС обладают актуальностью не только при расследовании преступлений, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны, но и, в целом, для сбора криминалистически значимой информации (пули/гильзы со следами оружия), исходя из окружающих нашу страну реалий.

[1] Российская газета. Дело об убийцах народов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rg.ru/2025/05/06/delo-ob-ubijcah-narodov.html (дата обращения: 21.06.2025).

Литература

1. Владимиров В.Ю. Искусственный интеллект в борьбе с серийными преступлениями. Научная разработка в практику / В.Ю. Владимиров, И.А. Данилов, Н.Н. Ильин // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4 (72). С. 139–150.
2. Копанев А. С. Обоснование рациональных методов и средств накопления, обмена и проверки информации по дактилоскопическим учетам при раскрытии и расследовании преступлений: автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / Волгогр. акад. МВД России. - Волгоград, 2004. 24 с.
3. Севастьянов П.В. Цифровые технологии фиксации невербальной доказательственной информации: автореф. дис. канд. юрид. наук: 5.1.4. М., 2024. 22 с.
4. Тихонов Е.Н. Судебно-баллистические исследования огнестрельного оружия, патронов-заменителей и следов их применения. Метод. пособие для экспертов-криминалистов) / Канд. юрид. наук Е. Н. Тихонов; М-во юстиции СССР. Всесоюз. науч.-исслед. ин-т судебных экспертиз. М.: [б. и.], 1974. 92 с.

Е.Ю. Соколова[1]
Научный руководитель: **Т.А. Сааков**[2]
[1,2] Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

К вопросу об определении понятия «добровольческие формирования, организации или лица, содействующие в выполнении задач, возложенных на вооруженные силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации» в научной литературе и правовых документах

Аннотация. Работа посвящена исследованию понятийного аппарата, используемого в статьях 207.3 и 280.3 УК РФ. Рассматриваются и анализируются различные подходы к определению понятий, их правовой статус, а также критерии и условия предъявляемые «организациям и лицам, содействующим в выполнении задач, возложенных на ВС России». Раскрывается внутренняя структура добровольческих формирований, состоящих из добровольческих подразделений, добровольческих батальонов и добровольческих отрядов, демонстрируются отличительные особенности.

Ключевые слова: Вооруженные Силы России, добровольческие формирования, лингвоюридические знания, правовой статус, толкование.

В диспозициях ряда статей, в частности ст. 207.3 и 280.3 УК РФ упоминается перечисление лиц и организаций, помимо ВС России, на которых распространяется состав и переносится ряд задач: «оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач,

возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации».

Федеральным законом от 4 ноября 2022 г. № 419-ФЗ были внесены изменения в № 61-ФЗ «Об обороне» и №76-ФЗ «О статусе военнослужащих», а также введены понятия «добровольческое формирование» и «гражданин, пребывающий в добровольческом формировании» (далее – доброволец).

Согласно п.1 статьи 22.1 «Добровольческие формирования»[1] данные подразделения помощи могут создаваться и действовать по указу Президента подчинении Минобороны РФ. Такой указ был издан 3 февраля 2025 г.№ 59 "Вопросы Общероссийской общественно-государственной организации "Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту России".

Согласно п.3 статьи 22.1. «Добровольческие формирования» в состав которых входят граждане РФ, добровольно поступившие в добровольческие формирования, а также могут входить военнослужащие, направленные в них Министерством обороны Российской Федерации (военнослужащие и сотрудники, направленные Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации). Участники формирований получают статус военнослужащих (закреплено ст. 28 № 76-ФЗ) и несут ответственность на равных.

Стоит вспомнить слова председателя Госдумы Вячеслава Володина: «Закон урегулирует вопросы материального и технического обеспечения добровольческих формирований и определит перечень социальных гарантий добровольцам и членам их семей. По своему статусу добровольцы будут приравнены к военнослужащим по контракту. Это справедливо: они защищают нашу страну»[2].

Основное отличие от военнослужащих ВС РФ, это ограничение в сроке службы, который определен сроком действия их контракта. Стоит упомянуть о том, что минимальный срок данного контракта составляет три месяца. Контракт вступает в законную силу со дня его подписания и прекращает действовать со дня исключения гражданина из добровольческого формирования, при следующих условиях, предусмотренных п.7, 8, 9 ст. 22.1 № 61-ФЗ. Перечислим некоторые из условий: исключение гражданина по состоянию здоровья; прекращение деятельности добровольческого формирования; вступление в законную силу приговора суда о назначении наказания в виде лишения свободы; невыполнение гражданином условия контракта (п. 8 ст. 22.1).

Важным условием принятия гражданина РФ в ряды добровольцев является отсутствие какого-либо отношения к следствию в виде подозреваемого или обвиняемого, а также наличие неснятой или непогашенной судимости за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетнего либо преступлений, предусмотренных статьями 205-

[1] Федеральный закон «Об обороне» от 31.05.1996 № 61-ФЗ.

[2] URL: https://tass.ru/armiya-i-opk/16171221?ysclid=ma004um3q4738863733.

205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 275, 275.1, 276 - 280, 282.1 - 282.3, 360, 361 УК РФ, а также отбывавшим наказание в виде лишения свободы.

В целях удобства граждан были созданы две основных площадки в виде сайтов Доброкор (Добровольческий корпус) и БАРС. На сайте «Доброкор» указана возможность заключить контракт на 6, 8, 12 месяцев. Доброкор, как и другие подобные площадки, является приоритетной системой контрактования Добровольческого корпуса. Говоря о подразделение БАРС-13, стоит отметить, что представляет из себя батальон добровольцев, подчиняющийся Министерству обороне РФ. Аббревиатура БАРС расшифровывается как Боевой Армейский Резерв Страны.

Набирают в военную компанию при посредничестве военкоматов. После этого добровольцы перенаправляются в мобилизационный резерв.

На данный момент в ВС России существует более 30–50 добровольческих формирований по разным открытым источникам.

Добровольческие формирования в свою очередь делятся на добровольческие подразделения, добровольческие батальоны и добровольческие отряды. Все перечисленные виды формирований имеют статус военнослужащих и заключают официальный контракт с Минобороны. Их основное отличие в численности и в выполнении боевых задач.

Разберёмся подробнее, подразделение – общее название воинских формирований (боевых, боевого обеспечения, тылового и технического обеспечения), имеющих постоянную или временную организацию и однородный состав. Оно может вбирать (включать) в себя отделение, взвод, рота и батальон. Подразделения по подчинённости входят в более крупные подразделения или воинские части, органы управления. Численность и роли в каждом подразделении напрямую влияют на оперативные возможности и быстроту реагирования.

Батальон — основное тактическое подразделение полка, бригады. Отдельным батальон считается, когда входит непосредственно в состав соединения. В таком случае он является самостоятельной административной единицей. На уровне батальона численность еще больше возрастает, что приводит к формированию бригады, которая представляет собой крупное формирование, способное к самостоятельным операциям.

Батальоны и отряды чаще всего формируют по принципу землячества, и занимаются этим в том числе региональные власти.

Развитие родов войск и специальных войск привело к образованию танковых, парашютно-десантных, сапёрных, мотоциклетных, связи, автомобильных и других батальонов, а также батальонов специального назначения – авторемонтных, строительных и др. Современный мотострелковый (мотопехотный, пехотный) или танковый батальон состоит из 3–4 рот и различных взводов: миномётного, противотанкового, управляемых реактивных снарядов, связи, разведывательного и др.

Отряд — штатное или сводное (временное) воинское формирование, которое по численности и решаемым боевым задачам находится между ротой и

батальоном. Часто включается в состав более крупных формирований, таких как батальоны или полки. Отрядам поручают, например, охрану определённых участков, оказание огневой поддержки или прикрытие жизненно важных маршрутов. Например, штурмовые отряды — временные формирования, предназначенные для штурма с целью захвата и уничтожения (блокирования) отдельных сооружений, опорных пунктов и долговременных огневых точек (ДОТ) при штурме, атаке. Элемент боевого порядка части (подразделения) [1].

В заключение хочется ещё раз отметить, что наименование формирования – отделение, взвод, рота и т.д. зависит не от численности личного состава, а от рода войск и тех тактических задач, которые возлагаются на формирование данного типа. Отсюда и такой разброс в численности личного состава в формированиях, имеющих одинаковое название. Все данные определения существуют давно в словарях, посвящённых военной тактики и военным основам искусства.

Также п. 11 № 61-ФЗ «Об обороне». устанавливает порядок обеспечения добровольческих формирований вооружением, военной техникой, материально-техническими средствами, порядок выплаты пребывающим в них гражданам РФ денежного содержания и других денежных выплат, продовольственного, вещевого и иных видов обеспечения, оказания медицинской помощи определяются Министерством обороны РФ и даёт гарантии людям, вступившим в добровольцы и членам их семей: супруге, иждивенцам, несовершеннолетним детям, а также детям старше 18 лет, ставшим инвалидами до 18 лет, и детям обучающимся по очной форме до 23 лет.

Порядок заключения и форма контракта для Минобороны утверждены Приказом Министра обороны РФ от 15.02.2023 № 67, а для Росгвардии – Приказом Росгвардии от 26.02.2025 № 59, который действует с 05.04.2025.

Текст контракта с Министерством обороны для добровольцев можно посмотреть в приложение № 3 к Приказу Министра обороны РФ от 15.02.2023 № 67. С 08.04.2025 типовая форма контракта изложена в новой редакции.

Подписанный президентом закон [1] определяет задачи и функционал подразделений, состоящих из добровольцев. Они могут привлекаться для выполнения отдельных задач в области обороны «в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время, при возникновении вооружённых конфликтов, при проведении контртеррористических операций», а также применяться в зарубежных миссиях ВС РФ.

При этом закон о добровольческих формированиях не распространяется на частные военные компании. Об этом ранее сообщил начальник 2-го управления главного организационно-мобилизационного управления Генштаба ВС РФ Александр Туляганов на заседании комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам.

После истечения контракта добровольцы получают статус участника боевых действий посредствам выдачи им удостоверения ветерана боевых действий

[1] URL: https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=11931%40morf Dictionary.

(пенсия, ЖКХ, обеспечение жильём, возможность освоения новой гражданской профессии, поступление в вуз). Добровольцы, получившие ранения или увечья в зоне СВО, могут претендовать на статус инвалида боевых действий, что обеспечивает дополнительные меры социальной поддержки.

Важно отметить, что в простонародье иногда происходит путаница между понятиями статуса «доброволец»:

1. Граждане, заключающие добровольный краткосрочный контракт с Минобороной на период СВО;
2. Граждане в запасе, добровольно пришедшие на мобилизацию;
3. Граждане, вступившие в добровольческие формирования.

Данные категории действуют только на время СВО.

Переходя к лицам и организациям, содействующим в выполнении задач, возложенных на ВС России стоит упомянуть некоторые общие факты. Например, в ФЗ-5 «О ветеранах» также говорится о лицах, вступивших в добровольческие формирования, и о лицах, работающих в организациях, заключившие гос. контракты с Минобороной, следующее:

К ветеранам боевых действий относятся по пунктам 2.2 и 2.4 ст. 3:

2.2) лица, поступившие в созданные по решению органов государственной власти РФ добровольческие формирования, содействующие выполнению задач, возложенных на ВС России (ФСВНГ), в ходе специальной военной операции на территориях Украины, ДНР и ЛНР с 24 февраля 2022 года, а также на территориях Запорожской и Херсонской областей с 30 сентября 2022 года;

2.4) лица, заключившие контракт (имевшие иные правоотношения) с организациями, содействующими выполнению задач, возложенных на ВС России, в ходе специальной военной операции на территориях Украины, ДНР и ЛНР с 24 февраля 2022 года, а также на территориях Запорожской и Херсонской областей с 30 сентября 2022 года.

Также данные лица перечислены в п. 8 и 10 ст. 4 вышеуказанного закона, который посвящена перечню граждан, которые являются инвалидами боевых действий.

Данные категории граждан защищены и упоминаются в Постановление Правительства РФ от 1 августа 2023 г. № 1242 и приказе Министра обороны РФ от 20 сентября 2023 г. № 631, в данных правовых документах закреплены положения связанные с получением вышеуказанных статусов : ветерана боевых действий для участников СВО. Актуально для лиц, заключивших контракт или имеющих иные правовые взаимоотношения с организациями, содействующими выполнению задач, возложенных на ВС России, в том числе и лица, проходившие службу в так называемых частных военных компаниях. Заявления о желании получить данный статус рассматривает комиссия на базе Национального центра управления обороной РФ.

Переходя к вопросу об организациях содействующих в выполнении задач, возложенных на ВС России (ФСВНГ) следует отметить общие обязанности, возлагаемые на данные учреждения любого назначения. Федеральный закон от 26 декабря 2024 г. № 498-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс

Российской Федерации» регламентирует, что организация приостанавливает трудовой договор на весь период прохождения работником военной службы, а не только на тот срок, который указан в контракте. Это распространяется и на лиц, поступившими на службу в войска нацгвардии по мобилизации.

Также организация, в которой работает супруга лица, проходящего военную службу по контракту, обязана предоставить гарантию о том, что на неё не распространяется сокращение, направления в командировки, а также привлечение к сверхурочной работе, работе в ночное время, выходные и нерабочие праздничные дни.

Важным пунктом является то, что: «предоставлять персонал могут частные агентства занятости, прошедшие аккредитацию, уполномоченная организация МИДа, а также юрлица, направляющие работников в аффилированные по отношению к направляющей стороне организации, в АО, если направляющая сторона является стороной акционерного соглашения, и в организации, являющиеся стороной акционерного соглашения. Установлены порядок заключения договора о предоставлении персонала, а также ограничения на направление работников по такому договору. Трудовые отношения между работником и направляющей стороной не прекращаются, а между работником и принимающей стороной - не возникают».

Вышесказанное стало актуальным с 1 марта 2025 г, когда закон вступил в силу, а с 1 января 2025 г. – положение о предоставлении персонала.

Лицам-добровольцам, являющимися работниками организаций, при условии участия в СВО организации предоставляют стимулирующий социальный пакет и социальные гарантии, в случае заключения договора с Министерством обороны по средствам вступления в добровольческое формирование:

- выплата единовременного денежного поощрения;
- ежемесячная выплата денежного поощрения, как правило, в размере не превышающем заработную плату;
- единовременные выплаты лицу в случае (легкого, тяжелого) ранения и его родственникам в случае гибели;
- организация может помочь своему сотруднику-добровольцу дооснащением необходимыми элементами экипировки и средствами тактической медицины для оказания первой медицинской помощи;
- некоторые организации оказывают помощь в закупке беспилотных летательных аппаратов (БПЛА, БЛА) на безвозмездной основе.

В заключение хочется отметить, что законодатель относительно недавно стал закреплять в разных правовых актах, как федеральных, так и иных нормативных документах понятие «добровольческие формирования, организация или лица, содействующие в выполнении задач, возложенных на ВС России (ФСВНГ).

Мы рассмотрели различные аспекты этого нововведения, включая правовой статус, критерии и условия, предъявляемые добровольцам, формы организации и виды деятельности.

В научной и правовой литературе понятие «добровольческие формирования» разрабатывается и закрепляется в большем объеме, иная ситуация с

определениями «лиц и организаций, содействующих ВС России», для них нет единого, устоявшегося определения. В связи с чем возникает ряд проблемных правовых вопросов, таких как ответственность за действия «добровольческих формирований» и их координация, а также границ допустимого содействия, возникает и ряд вопросов «по организациям и лицам»: какой критерий отбора организаций, каким именно образом они оказывают помощь.

А.М. Степырева
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя

Научный взгляд на правосудие: значение экспертизы в практике возмещения имущественного вреда при расследовании преступлений

Аннотация. В данной статье подтверждается значимость и незаменимость проведения экспертиз в ходе расследования преступлений, подчёркивается её влияние на защиту законных интересов граждан.

Ключевые слова: потерпевший, обеспечение имущественного вреда, экспертизы, органы предварительного расследования.

Права потерпевших охраняются законом и именно государство обеспечивает доступ к правосудию и компенсацию ущерба, причинённого преступлением, данное положение закреплено в статье 52 Конституции Российской Федерации. Исходя из указанного положения, у потерпевшего появляются права, регламентированные УПК РФ, в части обеспечения имущественного вреда.

В ходе расследования преступлений органы предварительного расследования исследуют доказательства вины подозреваемого, а также предпринимают все меры, направленные на обеспечение возмещения имущественных прав потерпевшего, на стадии возбуждения и предварительного расследования уголовного дела, однако в практической деятельности возникает немало вопросов в установлении «реального» имущественного вреда, причинённого преступлением, ключевую роль в объективности и точности оценки ущерба играет экспертиза. Назначенная и проведённая экспертиза позволяет объективно установить факты совершённого преступления, размер причинённого вреда, товарную стоимость похищенного или поврежденного имущества.

Процессуальный порядок проведения экспертиз регламентируется статьями 57, 195-207 уголовно-процессуального кодекса РФ. В случаях требующих проведение различных экспертиз следователь, согласно ст. 195 УПК РФ выносит постановление о назначении экспертизы, с этого момента появляется процессуальное основание для её производства.

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, обязательное назначение и производство судебной экспертизы необходимо из-за специфики

доказывания при расследовании уголовных дел о конкретных видах преступлений[1].

При расследовании уголовных дел различные виды проведённых экспертиз имеют большое значение для возмещения имущественного вреда. К примеру, судебно-медицинская экспертиза проводится для установления характера и тяжести причинённых телесных повреждений, причины смерти человека, её результаты используются для расчёта размера компенсации морального и физического вреда потерпевшего, при совершении дорожно-транспортных преступлений, умышленного повреждения транспортного средства проводится автотехническая экспертиза, которая позволяет определить причину аварии, оценить размер имущественного вреда, понесенного потерпевшей стороной.

Так, при расследовании уголовного дела органами предварительного следствия г. Брянска было установлено, что в ходе преступных действий подозреваемого П. был поврежден автомобиль марки «ДЭУ», принадлежащий К. В ходе предварительного расследования была проведена автотехническая экспертиза, по результатам которой экспертами с учётом установленных и исследованных повреждений установлен имущественный вред на сумму 15313 рублей 33 копейки. По результатам рассмотрения уголовного дела в суде г. Брянска судьёй было вынесено решение об удовлетворении гражданского иска и взыскании в пользу потерпевшего П. в счёт возмещения причинённого преступлением имущественного вреда 15313 руб. 33 копеек[2].

Решением судьи Одоевского районного суда Тульской области были удовлетворены требования потерпевшего о взыскании с обвиняемого компенсации морального вреда в размере 150 тыс. рублей, а также расходов на лечение в размере 5225 руб. 47 копеек, которые были установлены в ходе расследования по делу об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью потерпевшего, с учетом конкретных обстоятельств дела, действий ответчика, степени тяжести причиненного вреда здоровью, периодов нетрудоспособности истца, последствий полученного вреда здоровью. При этом установлено, что своими действиями В. причинил потерпевшему телесные повреждения, повлекшие вред здоровью, а именно: перелом основания черепа, перелом большого крыла клиновидной кости справа с нарушением целостности средней черепной ямки справа, переломы стенок правой верхнечелюстной пазухи,

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2006 г. № 3 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ и взрывных устройств»; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений»; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 31 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами».

[2] Сайт адвокатской палаты Брянской области. Режим доступа: https://advokatmashkov.ru/sudebnaya-praktika/ugolovnye-dela/prigovor-po-ch-2-st-167-uk-rf-povrezhdenie-imushchestva-iz-khuliganski-pobuzhdenij.

переломы лобного и височного отростков правой скуловой кости. Таким образом, в ходе рассмотрения уголовного дела установлен факт причинения истцу вреда здоровью[1].

Практика свидетельствует о том, что полнота, всесторонность и объективность расследования многих уголовных дел во многом достигается благодаря использованию заключения эксперта. Заключение эксперта позволяет установить обстоятельства, входящие в предмет доказывания по расследуемому делу, создает благоприятные возможности для использования данного заключения при производстве последующих следственных действий, построении и проверки версий[2].

Таким образом, проведение различного рода экспертиз обеспечивает прозрачность и справедливость уголовного процесса в части возмещения имущественного вреда, защищая права потерпевших и помогая избежать необоснованные претензии со стороны участников уголовного процесса. Каждая экспертиза позволяет обосновать материальные требования, необходимые для восстановления нарушенных прав потерпевших. Объективные заключения различных экспертиз обеспечивают справедливое наказание виновных и полное возмещение ущерба потерпевшим.

Литература

Мишин А.В. Судебная экспертиза в досудебном производстве по уголовному делу: Учебное пособие, Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016.

А.С. Суворов
Российский биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ)

Некоторые вопросы использования искусственного интеллекта в судебно-медицинской экспертизе на современном этапе развития технологий комплексной экспертной практики

Аннотация. В статье представлена информация о перспективных возможностях использования искусственного интеллекта для реализации задач судебно-медицинской экспертизы при составлении и алгоритмизации экспертного заключения.

Ключевые слова: судебно-медицинская экспертиза, экспертное заключение, алгоритм, протоколирование, искусственный интеллект.

Теория и практика доказывания, несомненно, констатирует, что судебно-медицинская экспертиза (далее – СМЭ), как и иная судебная экспертиза, в современной российской правовой системе остается неотъемлемым и

[1] URL: https://sudact.ru/regular/doc/bCwy0LZC7odL/.

[2]Мишин А.В. Судебная экспертиза в досудебном производстве по уголовному делу: Учебное пособие. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 45/

обязательным источником доказательственной информации в уголовном судопроизводстве.

Судебная экспертиза играет ключевую роль на первоначальном этапе расследования и выступает весомым доказательством в суде, что соответствует принципу равенства доказательств (ч. 2 ст. 17 УПК РФ). Отметим, что заключение СМЭ обеспечивает фундаментальную объективность и научную обоснованность уголовного дела. Однако сохраняются проблемы, связанные с эффективностью составления заключений и соблюдением временных рамок. Внедрение искусственного интеллекта в судебно-медицинскую экспертизу (СМЭ) обладает исключительной перспективностью, выходящей далеко за рамки оптимизации текущих процессов. Его развитие способно кардинально трансформировать саму методологию экспертных исследований и создать новые классы доказательств.

Внедрение искусственного интеллекта в судебно-медицинскую экспертизу (СМЭ) обладает исключительной перспективностью, выходящей далеко за рамки оптимизации текущих процессов юридической практики. Его развитие в периоде времени до 2035 года способно кардинально трансформировать саму методологию экспертных исследований и создать новые классы доказательств. Мы прекрасно понимаем и обратную негативную сторону технологического несовершенства процедур исследования ИИ.

Вместе с тем представляется, что развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) делает его внедрение в СМЭ технологически необходимым инструментом современной юриспруденции. ИИ способен оптимизировать анализ данных, минимизировать субъективные (логико-технические) ошибки эксперта и повысить эффективность и качество экспертиз. Вместе с тем, внедрение ИИ в практику составления заключений СМЭ требует комплексного подхода к решению технических и юридических проблем.

Применение ИИ в СМЭ создает систему, позволяющую оперативно моделировать и формировать результаты в виде экспертного заключения как процессуального документа с его приложениями. Обоснованно предполагать, что использование ИИ позволит получать более качественные доказательства (в рамках ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Заключения, сгенерированные с помощью ИИ, могут избежать проблем с логикой изложения и субъективных ошибок, присущих человеку (например, сохранение устаревших фрагментов текста в матрице заключения). ИИ также решает традиционные проблемы СМЭ: длительность анализа материалов и сложность обработки больших объемов данных при установлении причины и времени смерти, идентификации повреждений и интерпретации медицинских данных в уголовно-правовом контексте.

Искусственный интеллект, включая машинное (ML) и глубокое обучение (DL), за последние полгода предложил инновационные решения для преодоления барьеров СМЭ при:

- сопоставлении результатов исследования различных групп общих и частных признаков (диагностическое и идентификационное экспертное исследование) в рамках экспертизы;

- составлении экспертного заключения (идентификационное исследование) с процессуальными и иными материалами для обеспечения полноты доказывания. По нашему мнению, ключевыми направлениями использования ИИ в СМЭ являются:

1. Анализ постановления о назначении СМЭ. Использование ИИ на подготовительном этапе для:

- сопоставления материалов постановления следователя.

2. Анализа и получения дополнительных сведений из электронных справочных правовых систем (Консультант Плюс, Гарант) для толкования вопросов следователя и разграничения положений СМЭ и юриспруденции.

3. Проверки действия нормативных актов (федеральных и ведомственных) и их соответствия действующему Приказу Минздрава России от 25.09.2023 N 491н[1].

Процессуальная проверка включает оценку ИИ соблюдения формальных требований (наличие постановления следователя, оттиска печати, правильность оформления названий экспертного учреждения и экспертизы, номер дела, ссылки на УПК РФ).

Проверка логики и полноты содержания документов подразумевает анализ обоснованности назначения экспертизы, соответствия вопросов (логика, содержание, компетенция эксперта), полноты представленных объектов и материалов дела.

Рекомендации по оптимизации:

а) межведомственная унификация требований к оформлению электронных постановлений (создание единой электронной матрицы) на уровне министерств РФ (разработка совместной инструкции, ведомственных приказов);

б) создание единой системы документооборота и обработки информации с ИИ в экспертной среде;

в) обязательное обучение судей, прокуроров, следователей, дознавателей, судмедэкспертов основам электронного документооборота в закрытых сетях;

г) развитие стандартов качества информации в системе Минздрава РФ и смежных ведомствах, включенных в уголовное судопроизводство.

Интеграция с медицинскими данными предполагает использование ИИ для запросов в Федеральную интегрированную электронную медицинскую карту (ФИЭМК) ЕГИСЗ (п. 4 Инструкции, утв. Постановлением Правительства РФ от 09.02.2022 N 140[2]).

Вместе с тем анализ медицинской и следственной документации. Детальный и комплексный анализ истории болезни, протоколов осмотра места происшествия (ОМП), допросов и др., изучение следов и вещественных доказательств.

---

[1] Приказ Минздрава России от 25.09.2023 № 491н «Об утверждении Порядка проведения судебно-медицинской экспертизы» (Зарегистрировано в Минюсте России 24.10.2023 № 75708).

[2] Постановление Правительства РФ от 09.02.2022 N 140 (ред. от 04.03.2024) «О единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения».

По нашему мнению, перспективно применение ИИ для логического и инструментального анализа транскрибаций протоколов следственных действий (при наличии материалов от правоохранительных органов), обработке изображений и компьютерное зрение.

По нашему мнению, сверточные нейронные сети (CNN) могут быть использованы для анализа рентгеновских снимков (неразрушающий метод) состояния трупа. Результаты лягут в основу описательной части заключения и иллюстрационных таблиц. ИИ обеспечивает высокую точность обнаружения переломов, кровоизлияний, инородных тел (орудий преступления). Сегментация изображений для выделения областей повреждений (критично для установления причины смерти).

Алгоритм работы ИИ при первичном осмотре (труп или живое лицо):

1. фиксация общего состояния (труп: поза, выраженность и локализация посмертных изменений (трупные пятна, окоченение); живое лицо: общее физическое состояние, признаки насилия или заболевания);

2. документирование повреждений (следов): обнаружение, идентификация и иллюстрация частных признаков следов (огнестрельные, колото-резаные раны, странгуляционная борозда и др.) в фототаблице; точное описание локализации, формы, размеров, характера повреждений;

3. фиксация хода и результатов осмотра: протоколирование процедуры фото- и видеосъемки; проведение съемки по правилам криминалистической съемки (узловая, детальная). Возможно дополнительно использование 3D-сканирования, экспертного света для визуализации скрытых следов.

Для улучшения наглядности и практичности результатов судебной экспертизы возможно создавать «цифровые (электронные) двойники» осматриваемых объектов. Так, например, создание высокоточных 3D-моделей трупа или травм живого лица на основе данных компьютерной томографии (КТ), магнитно-резонансной томографии (МРТ), 3D-сканирования и фотограмметрии с использованием ИИ. Позволит дистанционному консилиуму экспертов (судебных медиков и криминалистов) в сети виртуально исследовать объект в интерактивном режиме, сохраняя его в неизменном виде. Также это дает возможности стыковать знания в рамках комплексной экспертизы (например, криминалистической судебно-баллистической, трасологической) и проводить симуляции механизмов образования повреждений (например, баллистическое моделирование прохождения пули, моделирование удара тупым предметом) для проверки версий в дистанционном формате. Моделирование позволяет создавать интерактивные доказательства для суда, наглядно демонстрирующие выводы экспертизы и работать удаленно при даче показаний экспертом.

По нашему мнению, увеличивает возможности прогностической аналитики и установления прижизненности повреждений с высочайшей идентификационной точностью: применение алгоритмов глубокого обучения ИИ к гистологическим срезам тканей для определения с минутной точностью времени наступления смерти или последовательности нанесения повреждений на основе аутопсии.

На систему ИИ может быть возложено составление детальных схем повреждений с шаблонами и соотнесением с фототаблицей. По нашему мнению, возможен поиск микрочастиц и использование ИИ-ассистентов. ИИ может применяться для детального осмотра одежды и тела с целью обнаружения микрочастиц (доказательная информация), например, по системе разбивки тела на участки 10х10 см. Перспективно использование ИИ-ассистентов (наподобие анонсированного Microsoft Dragon Copilot от 03.03.2025 или отечественных аналогов) для:

При составлении экспертного заключения ИИ может проводить анализ голосовых данных эксперта в реальном времени с автоматической транскрипцией. Генерации медицинской документации (включая проекты заключений СМЭ).

На электронную систему возможно возложить разработку экспертных систем ИИ, основанных на машинном обучении на значительных массивах анонимизированных заключений СМЭ, судебных решений и медицинской литературы. Такая система, интегрированная в рабочее место эксперта, сможет (автоматизированное рабочее место эксперта АРМ) в реальном времени предлагать наиболее вероятные интерпретации обнаруженных повреждений или патологий на основе прецедентов.

Так же возможно применение ИИ для быстрой сортировки и первичного анализа данных (медицинских карт, изображений, генетических проб) в условиях массовых катастроф (техногенные аварии, стихийные бедствия, теракты). ИИ сможет оперативно идентифицировать жертв (по стоматологическим картам, ДНК, уникальным признакам), классифицировать типы и тяжесть повреждений, выявлять закономерности для установления причины катастрофы, значительно ускоряя работу экспертных групп.

Важное условие для обработки персональных данных, фото- и видеосъемки живого лица (или трупа) необходимо добровольное информированное согласие (или согласие законного представителя или родственников) в соответствии с ФЗ-152 «О персональных данных»[1]. Это минимизирует проблемы обработки и хранения данных в системе Минздрава РФ.

Необходимо учитывать: Современный ИИ несет риски, прежде всего, потенциальную субъективность и ошибки интерпретации (особенно повреждений), что требует обязательного контрольного анализа экспертом-человеком.

Искусственный интеллект обладает потенциалом для революционизации судебно-медицинской экспертизы, значительно повышая точность и скорость анализа данных. Однако успешное внедрение ИИ требует решения комплекса этических, юридических и технических задач. Ключ к созданию надежных и верифицируемых экспертом систем ИИ, способных укрепить доверие к

[1] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О персональных данных».

выводам СМЭ, лежит в тесном междисциплинарном взаимодействии юристов, медиков и специалистов по данным.

Процесс проведения СМЭ с использованием ИИ — это строгая последовательность действий (алгоритм), обеспечивающая научную обоснованность и процессуальную чистоту доказательств для российского суда. Современные технологии (молекулярная биология, цифровизация) повышают точность исследований, но квалификация и беспристрастность судебно-медицинского эксперта остаются ключевыми факторами. Дальнейшее развитие тактики и методологии СМЭ неразрывно связано с внедрением междисциплинарных подходов и стандартизацией протоколов применения ИИ.

В.Б. Хазизулин
[1] Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Судебные экспертизы по уголовным делам о преступлениях, связанных с оказанием медицинской помощи

Аннотация. В статье приводится перечень судебных экспертиз, наиболее часто назначаемых по уголовным делам о преступлениях, связанных с оказанием медицинской помощи. Рассматривается предмет исследования технико-криминалистической судебной экспертизы документов, почерковедческой и психологической судебных экспертиз, относящийся к делам данной категории. Демонстрируются соответствующие примеры. Обосновывается необходимость системно-коммуникационного характера процессуальных взаимоотношений между следователем и экспертом в процессе назначения и производства данных экспертиз в силу специфики правоотношений в сфере здравоохранения, подлежащих исследованию в процессе расследования.

Ключевые слова: здравоохранение, медицинская помощь, преступление, следователь, уголовное дело, расследование, судебная экспертиза, информационные системы, специальные знания.

Изучение уголовных дел о преступлениях, связанных с оказанием медицинской помощи, свидетельствует, что в процессе расследования по ним на основании постановлений следователей наиболее часто проводятся: комиссионные судебно-медицинские экспертизы (СМЭ) (100 %); технико-криминалистические судебные экспертизы документов (44 %); почерковедческие судебные экспертизы (32 %); психологические судебные экспертизы (2 %)[1].

Приведённые данные показывают, что комиссионные СМЭ назначаются по всем уголовным делам рассматриваемой категории. Необходимость их

[1]См. подробнее: с 2015 г. автором изучено 294 архивных уголовных дела о преступлениях рассматриваемой категории, расследованных в следственных органах СК России в 29 субъектах Российской Федерации.

проведения для оценки качества медицинской помощи очевидна на примере уголовного дела о смерти малолетнего пациента, которого в короткий промежуток времени перемещали по нескольким медицинским учреждениям, в последнем из которых в ходе критического ухудшения состояния его здоровья наступил летальный исход[1]. В связи с этим, опираясь на мнения профессоров А.Ф. Волынского[2] и В.А. Прорвича[3] о роли и значении судебных экспертиз, констатируем, что при расследовании преступлений, связанных с оказанием медицинской помощи, комиссионная СМЭ является одной из важнейших процессуальных форм применения специальных знаний.

Однако следует отметить, что в следственно-судебной практике встречаются случаи, когда комиссионная СМЭ, несмотря на весь её потенциал, объективно не способствует всестороннему установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию[4]. Вместе с тем, такие исследования в целом подвергаются достаточно глубокому научному изучению[5], в связи с чем в настоящей статье полагаем возможным рассмотреть роль и значение других вышеперечисленных судебных экспертиз.

Анализ изученного эмпирического материала свидетельствует, что второй из наиболее часто назначаемых экспертиз (44 %) по уголовным делам обозначенной категории является технико-криминалистическая судебная экспертиза

---

[1]Прокуратура поставила на контроль установление обстоятельств ненадлежащего оказания медицинской помощи малолетнему в Фокино // Прокуратура Приморского края: офиц. сайт. 30.04.2025. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_25/mass-media/news?item=102980486 (дата обращения: 24.06.2025).

[2] Волынский А.Ф. Судебно-экспертный и технико-криминалистический виды деятельности: общее и особенное // Общество и право. 2013. № 1 (43). С. 201-204.

[3] Прорвич В.А. Концептуальные основы судебно-оценочной экспертизы: структурно-содержательный анализ правовых, организационных и методологических проблем: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 517 с.

[4] Напр.: в процессе проведённой комиссионной СМЭ в ходе исследования объема и качества медицинской помощи определить причину наступления смерти Ш., как и дать оценку выявленным её дефектам и определить их роль в наступлении неблагоприятного исхода, не представилось возможным по причине наличия значительных неустранимых нарушений, допущенных в ходе проведения патолого-анатомического вскрытия трупа пациента (См.: Заключение эксперта № 48СМЭ-2023 от 22.08.2023 (ФГКУ «СЭЦ СК России») по уголовному делу № 12302050010000001 (из следственной практики СУ СК России по Приморскому краю).

[5] См., напр.: Васильченко А.В. Особенности назначения и проведения судебно-медицинских экспертиз при расследовании ятрогенных преступлений // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 2 (84). С. 86-90; Хазизулин В.Б. Комиссионная судебно-медицинская экспертиза как элемент доказывания профессионального преступления медицинского работника // Профессиональные правонарушения медицинских работников: междисциплинарный подход. Труды Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 12-13 мая 2022 г., Москва / под общ. ред. И.Ю. Макарова. М.: ООО «Принт», 2022. С. 326-334.

документов, которая проводится в целях выявления возможных фактов искажения медицинской документации.

Обращение к этой экспертизе необходимо при выявлении и фиксации в ходе осмотра такой документации возможных её фальсификаций (исправлений, подчисток, отсутствия отдельных листов или частей и т.п.). В результате необходимо незамедлительно принять меры к назначению данного исследования на предмет установления давности фальсификации и восстановления реального содержания искаженного текста.

Следует заметить, что такая экспертиза реализует специальные знания в сфере криминалистического документоведения. Вопросы её назначения и проведения подробно разработаны и раскрыты в криминалистической науке и в судебно-экспертной деятельности[1].

Особенность данных экспертиз, проводимых в экспертных подразделениях Минюста и МВД России, заключается в решаемых ими задачах: установление давности создания документа и возраста штрихов рукописных записей, факта и способа изменения текста документа, его изготовления путём монтажа, замены отдельных листов, выявление первоначального содержания документа (подчистка, дописка, травление и т.п.), идентификация технических средств (пишущих приборов, принтеров)[2].

Таким образом, технико-криминалистическая судебная экспертиза документов отвечает на диагностические и идентификационные вопросы и позволяет воспроизвести детали создания и искажения содержания конкретного медицинского документа. Решение этих задач, вытекающих из следственных ситуаций, как правило, связано с идентификацией лица, имевшего отношение к фактическому составлению медицинской документации. В связи с этим у следователя также возникает необходимость в использовании специальных знаний в области почерковедческой судебной экспертизы.

Её основу составляет судебное почерковедение – наиболее развитая область научных знаний о судебной экспертизе, методически обеспечивающая

---

[1] См. напр.: Варданян Г.А. Методика расследования преступлений, связанных с производством и обращением не соответствующих лицензионно-разрешительным требованиям и (или) фальсифицированных, недоброкачественных, незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий или биологически активных добавок: дис. ... канд. юрид. наук. Тула, 2015. С. 192–193.

[2] Напр.: в процессе производства технико-криминалистической судебной экспертизы установлено, что в графе «Диагноз» в листке врачебных назначений медицинской карты стационарного больного С. ранее имелась запись «Внебольничная пневмония», что подтвердило факт изменения первоначального содержания указанной записи[2]. Данный вывод в совокупности с иными материалами уголовного дела свидетельствовал о намеренном искажении содержания медицинской документации в целях сокрытия факта ненадлежащего диагностирования пациента. (Заключение эксперта № 1-591 от 22.09.2021 (ЭКЦ УМВД России по Приморскому краю) по уголовному делу № 12102050032000015 (из следственной практики СУ СК России по Приморскому краю).

исследование почерковых объектов[1]. Эта экспертиза является одним из видов криминалистических экспертиз, с помощью которой проводится идентификация исполнителя записи, сделанной от руки, и определяются условия, при которых она произведена. Аналогичную задачу в части идентификации она решает и в отношении подписи, как реквизита документа, содержащего собственноручную роспись физического лица.

Проведённый анализ уголовных дел о преступлениях, связанных с оказанием медицинской помощи, свидетельствует, что по немногим менее 1/3 из них (32 %) назначаются и проводятся почерковедческие судебные экспертизы. Это обстоятельство указывает на значительную следственную потребность в соответствующих специальных знаниях.

Рассматриваемая экспертиза проводится, в частности, в экспертных подразделениях Минюста, МВД и ФСБ России. Исходя из специфики обозначенного объекта исследования, задачи, решаемые в рамках этой экспертизы, по уголовным делам о рассматриваемых преступлениях несколько уже, чем её задачи в целом. В частности, они сводятся к идентификации исполнителя записи (подписи), установлению фактов намеренного искажения почерка или подражания почерку (подписи) другого лица, дифференциации рукописных записей на мужские и женские[2].

Методика данной экспертизы в полной мере определяет требования к предоставляемым эксперту образцам в качестве объектов сравнения[3]. И здесь, как отмечает А.С. Сакович, её результативность будет зависеть от правильно собранных в указанных целях образцов почерка (подписей), где основными характеристиками является надлежащее качество и достаточное количество объектов[4].

---

[1] Жижина М.В. Актуальные проблемы современной практики проведения судебно-почерковедческой экспертизы и пути их преодоления // Российский судья. 2020. № 5. С. 21–28.

[2] Напр.: в ходе производства почерковедческой судебной экспертизы установлено, что подписи от имени врача-травматолога-ортопеда А., расположенные в стоках «Лечащий врач» медицинской карты стационарного больного С., выполнены им же. Это свидетельствовало о фактическом составлении этим медицинским работником указанной карты, в то время как он сообщал, что не помнит таких обстоятельств. Обозначенный вывод обусловлен тем, что подпись рассматривается в качестве реквизита медицинского документа, который подтверждает факт его составления конкретным медицинским работником и аутентифицирует сведения о времени, видах, объёмах и существе медицинской помощи, содержащиеся в этом документе. (См.: Заключение эксперта № 37 от 28.02.2020 (ЭКЦ УМВД России по Приморскому краю) по уголовному делу № 11902050001000022 (из следственной практики СУ СК России по Приморскому краю).

[3] См. напр.: Криминалистика: учебник. Т. 1 / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М.: Экзамен Москва, 2014. С. 393–394.

[4] См.: Сакович А.С. Порядок оценки результатов почерковедческой экспертизы в рамках ст. 95 НК РФ // Вестник арбитражной практики. 2018. № 5 (78). С. 58–61.

Оценивая значимость почерковедческой судебной экспертизы, следует отметить, что руководством нашего государства принято решение о создании Государственной информационной системы персонифицированного учёта в здравоохранении, одним из важнейших элементов которой является электронная медицинская карта[1].

С 01.01.2008 действует ГОСТ Р 52636-2006[2], регламентирующий вопросы создания и ведения электронных историй болезни с персональными медицинскими записями, к которым относятся любые записи, сделанные конкретным медицинским работником в отношении конкретного пациента.

Под электронной историей болезни понимается информационная система, предназначенная для ведения, хранения на электронных носителях, поиска и выдачи по информационным запросам (в том числе и по электронным каналам связи) персональных медицинских записей.

Согласно установленному Минздравом России Порядку[3] ведение медицинской документации в медицинских учреждениях должно осуществляться в форме электронных документов, которые регистрируются в единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения. К ним относятся медицинская карта пациента, получающего медицинскую помощь в амбулаторных условиях, история развития ребёнка, индивидуальная карта беременной и родильницы, медицинская карта стационарного больного и др., каждый из которых предусматривает совокупность электронных медицинских документов в отношении конкретного пациента, формируемых одним или несколькими медицинскими работниками и подписываемых с использованием индивидуальной электронной подписи, а также сведений о состоянии здоровья пациента.

Их использование осуществляется посредством специализированных информационных систем. При этом медицинские электронные документы не должны дублироваться на бумажном носителе, за исключением наличия письменного заявления пациента или его законного представителя о ведении его медицинской документации в бумажном виде.

В данном случае при электронном ведении медицинского документа его оригиналом считается электронная запись в базе данных медицинской информационной системы. Именно на её основе должны приниматься

---

[1] Письмо Минздрава России «Основные разделы электронной медицинской карты» (утв. Минздравом России 11.11.2013 № 18-1/1010) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] ГОСТ Р 52636-2006. Национальный стандарт Российской Федерации. Электронная история болезни. Общие положения» (утв. и введён в действие Приказом Ростехрегулирования от 27.12.2006 № 407-ст) // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Приказ Минздрава России от 07.09.2020 № 947н «Об утверждении Порядка организации системы документооборота в сфере охраны здоровья в части ведения медицинской документации в форме электронных документов» // СПС «КонсультантПлюс».

медицинские решения. Распечатанный же документ считается бумажной копией электронного. Рукописные изменения в нём не считаются действительными[1].

Несмотря на проходящую в данной области стремительную электронизацию медицинской сферы, данный процесс в полном объеме повсеместно пока не завершён, о чём свидетельствуют имеющиеся в практической следственной деятельности факты изъятия медицинской документации на бумажных носителях.

В настоящее время медицинская организация уполномочена самостоятельно принимать решение о полном или частичном («смешанный документооборот») переходе на ведение медицинской документации в форме электронных медицинских документов без дублирования на бумажных носителях, а также о сроках такого перехода, исходя из своей технической готовности[2].

Таким образом, можно констатировать, что процесс внедрения в медицинскую сферу информационно-цифровых технологий запущен и активно набрал свои обороты. В результате по истечении определённого промежутка времени он неизбежно будет завершён. В связи с чем следователи в недалёком будущем повсеместно столкнуться с необходимостью изъятия оригиналов электронных медицинских документов из специализированных информационных систем и электронно-цифровых носителей в целях проведения соответствующих экспертных исследований. При этом, как справедливо отметил А.А. Бессонов, во избежание уничтожения, повреждения и изменения электронных следов следователю во всех случаях необходимо будет прибегать для решения стоящих перед ним задач к помощи специалиста или следователя-криминалиста, имеющего необходимые знания, навыки и оборудование[3]. В данном случае участие последнего допускается, учитывая, что его сфера деятельности фактически пересекается с функцией специалиста.

Приведённые обстоятельства свидетельствует о возрастающей потребности вовлечения в процедуру установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, носителя специальных знаний в информационно-цифровой сфере. Его помощь, как справедливо пишет А.Г. Себякин, необходима также для «преодоления противодействия расследованию, выражающегося в выявлении

---

[1] Зингерман Б.В., Шкловский-Корди Н.В. Электронная медицинская карта и принципы её организации // Врач и информационные технологии. 2013. № 2. С. 37–58.

[2] Письмо Минздрава России от 10.08.2021 № 18-5/1495 «О направлении Методических рекомендаций по поэтапному переходу на ведение медицинской документации в форме электронных документов» (вместе с «Методическими рекомендациями по поэтапному переходу на ведение медицинской документации в форме электронных документов. Версия 1.0», утв. Минздравом России 05.08.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Бессонов А.А. О некоторых возможностях современной криминалистики в работе с электронными следами // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 3 (55). С. 46–52.

сокрытой криминалистически значимой информации на электронно-цифровом носителе и предотвращении попыток её уничтожения»[1].

В таком случае, как мы видим, уже в ближайшее время вопрос проведения почерковедческих судебных экспертиз по медицинской документации в обозначенных выше целях неизбежно утратит свою актуальность.

Процессуальной формой использования специальных знаний при расследовании преступлений в сфере оказания медицинской помощи в некоторых случаях также выступает психологическая судебная экспертиза. К основной её задаче по уголовным делам рассматриваемой категории относится установление юридически значимых психологических последствий, вызванных гибелью новорождённого (утратой плода) либо причинения ему вреда здоровью в процессе ненадлежащего оказания медицинской помощи, связанной с родовспоможением. В таких случаях объектом экспертного исследования является психическая деятельность женщины во время беременности, родов и послеродовой период.

Общеизвестно, что в период беременности у женщины происходит изменения как в физиологическом, так и в психологическом состоянии, что подтверждено исследованиями ряда авторов[2]. На этом фоне перинатальная утрата плода, гибель новорождённого в послеродовой период, как и причинение ему вреда здоровью в период родовспоможения «утрачивают надежду на счастье иметь здорового ребёнка, растить его, радоваться его достижениям и гордиться им»[3]. При наступлении этих последствий женщина, как правило, находится в большой зависимости от эмоционального состояния, психологических особенностей и личностной оценки медицинских манипуляций, совершённых в отношении её плода либо новорождённого ребёнка, в качестве преступного посягательства. Такая ретенция может продолжаться у неё длительное время. Данное обстоятельство, как видно из следственно-судебной практики[4], может являться психической травмой или повлечь иные психосоматические расстройства у женщины.

---

[1] Себякин А.Г. Тактика использования знаний в области компьютерной техники в целях получения криминалистически значимой информации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2021. С. 76.

[2] См. напр.: Лысенко О.В., Лысенко С.В. Психофизиологическая модель течения беременности // Вестник Витебского государственного медицинского университета. 2003. Т. 2. № 4. С. 44-49; Карташова К.С., Шелехов И.Л., Кожевников В.Н., Мытников М.Н. Психологическая характеристика женщин на поздних этапах беременности // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 2. С. 103-106.

[3] Добряков И.В., Блох М.Е., Фаерберг Л.М. Перинатальные утраты: психологические аспекты, специфика горевания, формы психологической помощи // Журнал акушерства и женских болезней. 2015. Т. 64. № 3. С. 4–10.

[4] См. напр.: Уголовное дело № 1-33/2021. Архив Первомайского районного суда г. Владивостока. 2020.

Представляется, что влияние обозначенных последствий на уголовную ответственность медицинского работника не должно оставаться без внимания следователя в целях защиты прав потерпевшего от преступных посягательств и реализации соответствующих конституционных гарантий. Более того, отрицание такой ответственности в ситуациях, связанных с гибелью человеческого плода, по нашему мнению, противоречит общепризнанному принципу социальной справедливости. В связи с чем важно наиболее углубленно подходить к вопросам юридической оценки медицинского сопровождения процесса беременности, родоразрешения и оказания медицинской помощи в послеродовой период, так как данная область медицинской деятельности сопряжена не только с возможностью причинения физического вреда здоровью роженицы, вплоть до её смерти, но и с другими объектами преступного посягательства. Одним из них является человеческий плод, уголовно-правовая защита которого в процессе родового акта остается за гранью необходимой правовой регламентации.

Резюмируя изложенное, надлежит отметить, что проведение как комиссионной, так и других вышеперечисленных судебных экспертиз является специфической частью досудебного производства по уголовным делам названной категории. Вследствие этого, а также в силу особенности правоотношений в сфере здравоохранения, подлежащих исследованию в процессе расследования, отношения «следователь – эксперт», как мы полагаем, должны носить системно-коммуникационный характер и быть нацелены на усвоение первым из них существа экспертного исследования посредством всего комплекса его уголовно-процессуальных полномочий. Именная такая процессуальная деятельность в ходе использования специальных знаний должна рассматриваться в качестве обязательных практических действий следователя и предопределять их порядок[1].

Литература

1. Бессонов А.А. О некоторых возможностях современной криминалистики в работе с электронными следами // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 3 (55). С. 46–52.
2. Бычков В.В., Харченко С.В., Хазизулин В.Б. Особенности расследования преступлений, совершённых при оказании медицинской помощи: учеб. пособие. М.: Московская академия СК России, 2022. 87 с.
3. Варданян Г.А. Методика расследования преступлений, связанных с производством и обращением не соответствующих лицензионно-разрешительным требованиям и (или) фальсифицированных, недоброкачественных, незарегистрированных лекарственных средств,

[1] См.: Бычков В.В., Харченко С.В., Хазизулин В.Б. Особенности расследования преступлений, совершённых при оказании медицинской помощи: учеб. пособие. М.: Московская академия СК России, 2022. 87 с.

медицинских изделий или биологически активных добавок: дис. ... канд. юрид. наук. Тула, 2015. 273 с.

4. Васильченко А.В. Особенности назначения и проведения судебно-медицинских экспертиз при расследовании ятрогенных преступлений // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 2 (84). С. 86–90.

5. Волынский А.Ф. Судебно-экспертный и технико-криминалистический виды деятельности: общее и особенное // Общество и право. 2013. № 1 (43). С. 201–204.

6. Добряков И.В., Блох М.Е., Фаерберг Л.М. Перинатальные утраты: психологические аспекты, специфика горевания, формы психологической помощи // Журнал акушерства и женских болезней. 2015. Т. 64. № 3. С. 4–10.

7. Жижина М.В. Актуальные проблемы современной практики проведения судебно-почерковедческой экспертизы и пути их преодоления // Российский судья. 2020. № 5. С. 21–28.

8. Зингерман Б.В., Шкловский-Корди Н.В. Электронная медицинская карта и принципы её организации // Врач и информационные технологии. 2013. № 2. С. 37–58.

9. Карташова К.С., Шелехов И.Л., Кожевников В.Н., Мытников М.Н. Психологическая характеристика женщин на поздних этапах беременности // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 2. С. 103-106.

10. Криминалистика: учебник. Т. 1 / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М.: Экзамен Москва, 2014. 511 с.

11. Лысенко О.В., Лысенко С.В. Психофизиологическая модель течения беременности // Вестник Витебского государственного медицинского университета. 2003. Т. 2. № 4. С. 44–49.

12. Прорвич В.А. Концептуальные основы судебно-оценочной экспертизы: структурно-содержательный анализ правовых, организационных и методологических проблем: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 517 с.

13. Сакович А.С. Порядок оценки результатов почерковедческой экспертизы в рамках ст. 95 НК РФ // Вестник арбитражной практики. 2018. № 5 (78). С. 58–61.

14. Себякин А.Г. Тактика использования знаний в области компьютерной техники в целях получения криминалистически значимой информации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2021.

15. Хазизулин В.Б. Комиссионная судебно-медицинская экспертиза как элемент доказывания профессионального преступления медицинского работника // Профессиональные правонарушения медицинских работников: междисциплинарный подход. Труды Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 12-13 мая 2022 г., Москва / под общ. ред. И.Ю. Макарова. М.: ООО «Принт», 2022. С. 326–334.

К.И. Харина
Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Использование специальных знаний в расследовании преступных нарушений тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных отправлений, совершенных с использованием информационных технологий

Аннотация. Рассматриваются вопросы применения специальных знаний в расследовании преступлений, посягающих на конституционное право человека – право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных отправлений. Анализируются возможности судебных экспертиз в выяснении отдельных элементов объективной стороны преступления. Затронуты вопросы оказания специалистом помощи в ходе следственных действий по обнаружению, изъятию и фиксации доказательств.

Ключевые слова: судебная экспертиза, тайна переписки, тайна телефонных переговоров, информационные технологии, специальные знания.

В ходе расследования преступлений по делам о нарушении тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных отправлений, совершенных с использованием информационных технологий, возникает необходимость применения специальных знаний. Под специальными знаниями в уголовном судопроизводстве понимаются профессиональные знания, востребованные в ходе расследования уголовных дел, которыми обладают эксперты и специалисты.

Согласно статистике МВД о состоянии преступности за период с 2023-2025 года максимальный процент раскрытых преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий составляет всего 5% от общего числа совершенных преступлений. Одной из причин низкой раскрываемости таких видов преступлений является недостаточный уровень применения специальных знаний на стадии проведения предварительного следствия по уголовным делам, нарушающим конституционные права человека и гражданина, а именно право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, совершенных с использованием информационных технологий.

Верховный суд Российской Федерации в своем постановлении указывает на необходимость наиболее полного использования судебных экспертиз для всестороннего и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам, а также для разрешения вопросов в ходе судебного разбирательства, требующих применения специальных знаний[1].

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Рос. газ. 2010. 30 дек.

Ю.Н. Аргунова в своей работе отмечает, что в настоящее время заключение эксперта, составленное по результатам проведенного им исследования вещественных доказательств и иных предметов и документов, направляемых следователем для установления фактических данных для расследования и раскрытия уголовного дела, стало одним из важных доказательств, от которого на прямую зависит исход дела[1].

Также необходимо указать, что привлечение следователем специалиста в ходе проведения следственных действий по преступлениям, совершенным с применением информационных технологий, стало неотъемлемой частью, поскольку по таким категориям дел крайне важно изъять доказательства грамотно, а в дальнейшем исследовать их для уличения преступника в совершении противоправного деяния.

Исходя из следственной и судебной практики, можно выделить несколько причин недостаточной эффективности специальных знаний в ходе расследования уголовных дел:

– несвоевременность назначения судебной экспертизы по уголовному делу;

– неверная постановка вопросов при составлении постановления о назначении конкретного вида судебной экспертизы;

– неполное предоставление эксперту объектов, необходимых для проведения исследования;

– предоставление эксперту некачественных объектов, необходимых для проведения исследования.

Считаем, что в ходе назначения судебной экспертиз следователю целесообразно проконсультироваться с экспертом по объему предоставления ему необходимых объектов для исследования, а также необходимого комплекса вопросов, входящих в компетенцию эксперта. Важно также оценить выбранное экспертное учреждение с точки зрения обеспеченности современной криминалистической техникой и штатом квалифицированных экспертов[2], поскольку проведение экспертиз возможно не только государственными судебно-экспертными учреждениями, но и частными. Значимость имеет и срок проведения судебной экспертизы, так как предварительное следствие имеет собственные процессуальные сроки, которые следователь должен соблюдать.

Для установления фактических обстоятельств объективной стороны преступного деяния, нарушающего тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных отправлений, совершенных с использованием информационных технологий, могут быть назначены различные виды судебных экспертиз, все будет зависеть от конкретной следственной ситуации. Однако наиболее распространенной является компьютерно-техническая судебная экспертиза, в силу особенности способа совершения таких преступлений, а

[1] Аргунова Ю. Использование специальных знаний в уголовном процессе // Уголовное право. 2009. № 4.

[2] Любовицкий А.В. Оценка заключения эксперта как субинститут судебно-экспертной деятельности // Вестн. Удм. ун-та. Сер. Экономика и право. 2013. Вып. 4.

именно посредством информационных технологий, что относит их к трудно раскрываемым[1].

Компьютерно-техническая экспертиза – это самостоятельный род судебных экспертиз, относящийся к классу инженерно-технических экспертиз, проводимая в целях определения идентификации объекта исследования как компьютерного средства, обнаружения и анализа следовой картины преступления, а также получения доступа к информации на данном носителе для дальнейшего ее исследования[2].

Судебная компьютерно-техническая экспертиза позволяет найти следы преступлений, совершенных в информационно-коммуникационной сети Интернет, что играет важную роль, поскольку тайна переписки и иных сообщений, как правило, нарушается посредством действий, направленных на взлом личной страницы пользователя в социальной сети, в целях получения сведений, содержащихся в переписке пользователя. С использованием информационных технологий преступники нарушают и тайну телефонных переговоров, чаще всего совершая деяния анонимно и удаленно, в чем также присутствует необходимость проведения компьютерно-технической экспертизы для выявления следов преступления. В указанных ситуациях при назначении экспертизы следует задать ряд диагностических вопросов (о характеристиках технического устройства и его деталях, его параметрах, о наличии или отсутствии следов совершения действий с информацией, хранящейся на устройстве), и идентификационных вопросов (установление принадлежности сетевого адреса, id-адреса страницы в социальной сети пользователя и т. д.).

Помимо судебных экспертиз использование специальных знаний может быть реализовано в виде участия специалиста в следственных действиях, как правило, ими выступают специалисты экспертно-криминалистического центра ГУ МВД России. УПК РФ предусматривает случаи обязательного участия специалиста: при копировании информации, содержащейся на электронных носителях, изъятых в ходе производства следственных действий, в случае невозможности их возврата после производства неотложных следственных действий; при изъятии электронных носителей информации при производстве обыска; при изъятии электронных носителей информации при производстве выемки. Исходя из этого, при проведении следственных действий по уголовным делам о нарушении тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных отправлений, совершенных с использованием информационных технологий, проводятся с привлечением специалиста, поскольку доказательствами являются либо сами компьютерные устройства, либо

---

[1] Арсенькина Л.С. К вопросу о судебной компьютерно-технической экспертизе // Научно-технический прогресс как фактор развития современного общества. Сборник статей Международной научно-практической конференции. - 2018. - С. 205-208.

[2] Баринов С.В., Кубанов В.В. Использование специальных знаний в расследовании преступных нарушений неприкосновенности частной жизни // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2015. №1. С. 119-123.

информация, хранящаяся на них, требующая грамотного и полного изъятия и всесторонней оценки.

Таким образом, эффективность раскрытия, расследования преступлений, посягающих на нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных отправлений, совершенных с использованием информационных технологий, существенно зависит от использования специальных знаний, помогающих следователю как при непосредственном проведении следственного действия и обнаружения значимых следов преступления, так и при исследовании в ходе проведении экспертом исследования объектов, предоставленных следователем.

Литература

1. Арсенькина Л.С. К вопросу о судебной компьютерно-технической экспертизе // Научно-технический прогресс как фактор развития современного общества. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2018. С. 205–208.

2. Аргунова Ю. Использование специальных знаний в уголовном процессе // Уголовное право. 2009. № 4.

3. Баринов С.В., Кубанов В.В. Использование специальных знаний в расследовании преступных нарушений неприкосновенности частной жизни // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2015. № 1. С. 119-123.

4. Егорышева Е.А., Егорышев А.С. Некоторые вопросы использования специальных знаний при расследовании неправомерного доступа к компьютерной информации // Эксперт-криминалист. 2011. № 3.

5. Любовицкий А.В. Оценка заключения эксперта как субинститут судебно-экспертной деятельности // Вестн. Удм. ун-та. Сер. Экономика и право. 2013. Вып. 4.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Рос. газ. 2010. 30 дек.

7. Трошенкова А. И. Роль судебной компьютерно-технической экспертизы в раскрытии преступлений // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. №12-2. С. 91–94.

А.С. Хлопотникова
Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Роль пресуппозиций в интерпретации коррупционного содержания

Аннотация. В статье исследуется роль пресуппозиций как ключевого лингвистического механизма передачи скрытых смыслов в коррупционном дискурсе. Рассматриваются шесть основных типов пресуппозиций (экзистенциальные, фактивные, лексические, структурные, нефактивные и контрастивные) с точки зрения их функционирования в противоправной коммуникации. Особое внимание уделяется классификации Е.В. Падучевой, разграничивающей сильные и слабые пресуппозиции по степени устойчивости к отрицанию. На конкретных примерах демонстрируется, как различные типы пресуппозиций используются для завуалирования коррупционных интенции.

Ключевые слова: пресуппозиция, коррупционный дискурс, лингвистическая экспертиза, судебная лингвистика, имплицитные смыслы, юридическая лингвистика, манипуляция.

Коррупционный дискурс, в отличие от явных форм противоправной коммуникации, часто строится на имплицитных стратегиях, позволяющих участникам избегать прямой ответственности. Одним из ключевых механизмов передачи скрытых смыслов в таких коммуникациях являются пресуппозиции – фоновые предположения, которые не выражаются открыто, но подразумеваются и легко распознаются адресатом. Их анализ имеет важное значение для судебной лингвистической экспертизы, поскольку позволяет выявлять коррупционную интенцию даже в отсутствие прямых указаний на противоправные действия.

Пресуппозиция (от лат. *praesuppositio* – «предположение») является ключевой категорией лингвистической прагматики и определяется как имплицитное условие, без которого высказывание теряет смысл или становится абсурдным[1]. Существует несколько основных подходов к классификации пресуппозиций, разработанных ведущими учеными в области семантики и прагматики. Одну из фундаментальных классификаций предложил Стивен Левинсон в своей работе Pragmatics[2], где он выделяет шесть основных типов пресуппозиций:

Первый тип – *экзистенциальные* пресуппозиции, которые предполагают, что объекты, лица или ситуации, упомянутые в высказывании, существуют в реальности или в контексте общения. Они возникают при использовании имен собственных, указательных местоимений. Например, фраза «Эти документы нужно урегулировать» может подразумевать взятку, не называя её прямо. Так,

[1] Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 217–237.
[2] Levinson, S.C. (1983) Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 420 p.

собеседник понимает, что существуют документы, и их «урегулирование» требует неофициальных действий.

Второй важный тип – *фактивные* пресуппозиции, которые были детально исследованы Полом и Кэрол Кипарски[1]. Они предполагают истинность вложенной информации благодаря определённым словам-триггерам (глаголам, прилагательным, существительным). Например, высказывание «Он понимал, что нарушает закон» подтверждает следующий факт: «он нарушил закон». Когнитивный глагол «понимал» автоматически делает вложенную пропозицию «нарушает закон» истинной, независимо от основной части высказывания.

Лексические пресуппозиции — это тип имплицитных смыслов, активируемых конкретными словами-маркерами в высказывании. В отличие от других типов пресуппозиций, они привязаны к определённым лексемам, сохраняются при любых синтаксических трансформациях, обладают высокой степенью конвенциональности. Как отмечает Джордж Лакофф[2], такие слова как «даже», «снова», «уже» несут конкретные пресуппозиционные значения. Например, фраза «Он снова потребовал взятку» подразумевает, что он делал это раньше.

Четвертый тип - структурные пресуппозиции, возникающие в результате грамматической организации высказывания. В отличие от лексических пресуппозиций, обусловленных семантикой конкретных слов, структурные пресуппозиции порождаются синтаксическими конструкциями и сохраняют свою силу при различных трансформациях предложения. В связи с чем этот устойчивый элемент смысловой структуры высказывания часто используется в коммуникации для передачи скрытых смыслов или манипулятивного воздействия. Джон Лайонз показал, что, например, условные предложения («Если ты заплатишь, дело решится») предполагают возможность ситуации[3]. При этом важно отметить, что эта пресуппозиция возможности сохраняется даже при трансформации предложения — например, при его отрицании («Если ты не заплатишь, дело не решится») или превращении в вопрос («А что, если я заплачу?»).

Пятый тип - нефактивные пресуппозиции. Они возникают в конструкциях с определенными глаголами, союзами или синтаксическими структурами, которые не утверждают достоверность события, а лишь выражают возможность, желание, мнение или гипотетичность. Например, высказывание «Я полагаю, что средства использовались по назначению» не заявляет о факте целевого использования средств, а лишь выражает мнение говорящего.

Шестой тип - контрастивные пресуппозиции, исследованные Уильямом Чейфом[4], являются классом имплицитных смыслов, которые возникают при

---

[1] Kiparsky, P. & Kiparsky, C. (1970) Fact. *Progress in Linguistics*, eds. M. Bierwisch, K. Heidolph. The Hague: Mouton, pp. 143–173.

[2] Lakoff, G. (1971) Presupposition and relative well-formedness. *Semantics*: An Interdisciplinary Reader. Cambridge: CUP, pp. 329–340.

[3] Lyons, J. (1977) Semantics. Vol. 1–2. Cambridge: CUP, vol.1, 371 p.; Vol. 2, 897 p.

[4] Chafe, W.L. (1976) Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics and point of view. *Subject and Topic*. New York: Academic Press, pp. 25–55.

противопоставлении элементов высказывания. Автор подчёркивал, что контрастивные пресуппозиции выполняют важную когнитивную функцию - они организуют информацию в сознании участников коммуникации, выделяя наиболее значимые элементы. В его экспериментах было показано, что высказывания с контрастивными маркерами запоминаются лучше и воспринимаются как более значимые. Это связано с тем, что они создают своего рода «семантический перепад», акцентируя внимание на отклонении от ожидаемого. Анализ коррупционных кейсов показывает, что около 63% оправдательных заявлений содержат подобные контрастивные конструкции (данные исследований Transparency International, 2020)[1]. Особенно они характерны для судебных защитных речей («Мой клиент не брал взятку, а получал законное вознаграждение»); фиктивных проверочных отчетов («Нарушения носят не системный, а единичный характер»); официальных опровержений («Это не сокрытие информации, а её защита»);

В русле отечественной лингвистики значительный вклад в изучение пресуппозиций внесла Е.В. Падучева, которая в работе «Высказывание и его соотнесенность с действительностью»[2] предложила различать сильные и слабые пресуппозиции. Сильные пресуппозиции (например, в предложениях с глаголами восприятия) устойчивы к отрицанию. Например, в высказывании "Чиновник не знает, что документы оформлены с нарушениями" пресуппозиция "Документы оформлены с нарушениями" остается истинной даже при отрицании. К числу конструкций, порождающих сильные пресуппозиции, Падучева относит предложения с фактивными глаголами (знать, понимать, осознавать), некоторые виды придаточных предложений и конструкции с определенными дескрипциями. В коррупционном дискурсе такие пресуппозиции часто используются для имплицитного утверждения фактов, которые не могут быть прямо выражены: «Вы ведь понимаете, что без дополнительных условий решение может задержаться» - где пресуппозиция «Существуют дополнительные условия» сохраняется при любых трансформациях высказывания. Рассмотрим механизм работы слабых пресуппозиций на примере высказывания «Если вы хотите ускорить процесс, нужно обсудить условия». В данном случае пресуппозиция «существуют условия для ускорения процесса» может быть нейтрализована за счет того, что высказывание построено как условная конструкция, которая сама по себе не утверждает существования таких условий, а лишь рассматривает гипотетическую ситуацию. В коррупционной коммуникации слабые пресуппозиции часто используются как элемент страховки, позволяющий отступить в случае опасности разоблачения. Различие сильных и слабых пресуппозиций имеет важное значение для лингвистической экспертизы, так как

[1] Transparency International. Global Corruption Report 2020. Berlin: Transparency International, 2020. 320 p.

[2] Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985. 271 с.

позволяет оценить степень устойчивости имплицитных смыслов и их значимость для интерпретации высказывания в целом.

В рамках судебной лингвистической экспертизы коррупционного дискурса применяется комплекс методов выявления пресуппозиций, разработанных с учетом требований действующего законодательства. Основополагающим нормативным актом, определяющим необходимость такого анализа, является Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»[1], который в статье 1 определяет коррупцию как злоупотребление служебным положением. В соответствии с Уголовным кодексом РФ (ст. 290, 291)[2] особую значимость приобретает выявление скрытых форм коррупционных проявлений, что требует применения специальных лингвистических методов.

Проведенное исследование роли пресуппозиций в интерпретации коррупционного содержания подтверждает их ключевое значение как лингвистического механизма сокрытия противоправных намерений.

В заключении проведенного исследования следует отметить, что анализ пресуппозиций в коррупционном дискурсе с позиций их классификации и функциональных особенностей позволил выявить системный характер использования данных лингвистических конструкций для передачи скрытых противоправных интенций. Проведенный анализ подтвердил, что различные типы пресуппозиций образуют в коррупционном дискурсе взаимосвязанную систему, где каждая разновидность выполняет специфическую функцию: от создания общего когнитивного пространства до непосредственной передачи противоправных интенций.

Литература

1. Chafe, W.L. (1976) Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics and point of view. Subject and Topic. New York: Academic Press, pp. 25–55.
2. Kiparsky, P. & Kiparsky, C. (1970) Fact. Progress in Linguistics, eds. M. Bierwisch, K. Heidolph. The Hague: Mouton, pp. 143–173.
3. Lakoff, G. (1971) Presupposition and relative well-formedness. *Semantics:* An Interdisciplinary Reader. Cambridge: CUP, pp. 329–340.
4. Levinson, S.C. (1983) Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 420 p.
5. Lyons, J. (1977) Semantics. Vol. 1–2. Cambridge: CUP, vol. 1, 371 p.; Vol. 2, 897 p.
6. Transparency International. Global Corruption Report 2020. Berlin: Transparency International, 2020. 320 p.
7. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 217–237.

[1] Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. - 2008. - № 52 (ч. 1). - Ст. 6228.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

8. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985. 271 с.

Е.Р. Черевко
ЭКЦ ГУ МВД России по городу Москве

О проблемах применения 3D-моделирования при производстве судебной экспертизы и других следственных действий

Аннотация. В статье анализируются проблемы применения 3D-моделирования при производстве отдельных следственных действий. Особый акцент делается на возможностях его внедрения в производство судебной экспертизы. Обосновывается вывод, что использование 3D-моделирования при производстве следственных действий, имея широкие перспективы в уголовном судопроизводстве, должно быть согласовано с дальнейшим развитием уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: специальные знания, эксперт, специалист, следственные действия, производство судебной экспертизы, цифровые технологии, 3D-моделирование, 3D-технологии.

Основной формой использования в уголовном судопроизводстве специальных знаний[1] выступает участие специалиста и эксперта в производстве следственных действий. Эффективность уголовно-процессуальной деятельности напрямую зависит от того, насколько грамотно организовано с ними взаимодействие следователем и дознавателем. Ведь на принятие законного, обоснованного и мотивированного процессуального решения влияют, в том числе и результаты применения специальных знаний, будь то решение на стадии возбуждения уголовного дела, где необходимо установить признаки преступления (например, постановление о возбуждение уголовного дела)[2] либо решение на стадии

[1] Данное понятие является одной из важнейших категорий для уголовно-правовой науки, в частности уголовного судопроизводства, криминалистики, теории судебной экспертизы и экспертологии. Не ставя для себя задачу подробного исследования в данной статье понятия «экспертология», отметим, что оно полноправно считается наукой о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности (см. об этом подробнее: Россинская Е.Р. Современная экспертология – наука о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 4(40). С. 10–18. В ст. 57 и 58 УПК РФ речь идет о специальных знаниях конкретных лиц, применительно к формулировкам таких участников уголовного судопроизводства, как специалист и эксперт. При этом нормативной дефиниции «специальные знания» в уголовно-процессуальном законе нет.

[2] См.: Гаврилов Б.Я. Правовое регулирование назначения и производства экспертиз и специальных исследований в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник экономической безопасности. 2020. № 5. С. 38-42; Зайцева Е.А., Сидоренко О.В. Практика применения специальных познаний на стадии возбуждения уголовного дела // Проблемы в деятельности органов предварительного расследования и пути их

предварительного расследования, где специальные знания необходимы для формирования доказательственной базы (постановление о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительное заключение, обвинительный акт и обвинительное постановление др.)[1].

В целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, проверки имеющейся и получения новой доказательственной информации производятся следственный эксперимент и комплексная судебная экспертиза, которые нередко требуют значительных затрат времени, труда и наличия соответствующего оборудования.

В настоящее время весьма активно осуществляется процесс имплементации в российское уголовное судопроизводство новейших технических разработок, включая, цифровые технологии[2]. Однако не все возможности цифровых технологий нашли свое практическое применение при производстве следственных действий, в том числе тех, где требуется использование специальных знаний. Так, пока недостаточно активно осуществляется внедрение технологий 3D-моделирования[3] для проведения ситуационных экспертиз с применением анимации и решения поставленных перед экспертом вопросов, а также при производстве других следственных действий. Между тем указанные технологии позволяют не только наглядно продемонстрировать и воссоздать произошедшее событие, а также обстоятельства, дают возможность визуализировать доказательства, обеспечивают полноту экспертного исследования за счет комплексного подхода и взаимодействия в различных областях наук, но и предоставляют новую доказательственную информацию. Такое моделирование может использоваться даже в образовательном процессе юридических вузов при повышении квалификации практических сотрудников, а также в ходе занятий по служебной подготовке, наглядно демонстрируя расположения следовой картины на месте происшествия и предоставляя возможность для совершенствования практических навыков.

разрешения в России: Сборник материалов Всероссийского круглого стола, Ставрополь, 24 марта 2017 года / Под редакцией А.Д. Аветисяна, А.А. Рясова, Д.А. Рясова, Е.В. Сопневой. Ставрополь: Секвойя, 2017. С. 67–72 и др.

[1] См.: Зайцева Е.А. Заключение специалиста – эффективное средство доказывания? // Противодействие преступности: актуальные проблемы теории и практики: Материалы XXVIII Международной научно-практической конференции, Нальчик, 17 мая 2024 года. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2025. С. 47–51; Кудрявцева А.В. Специалист в уголовном процессе и доказательственное значение его деятельности // Уголовный процесс. 2025. № 1(241). С. 24–31 и др.

[2] См. об этом подробнее: Защита прав и интересов в цифровой среде уголовного судопроизводства: монография / Под ред. С.В. Зуева, О.В. Мичуриной. М: Юрлитинформ, 2025.

[3] Принято считать, что 3D-моделирование представляет собой процесс создания трехмерных цифровых объектов с использованием специального программного обеспечения.

Нет сомнений в том, что восприятие реальности при воспроизведении действий, а также обстановки или иных обстоятельств события преступления в ходе производства следственного эксперимента в значительной степени упрощается посредством применения специальных компьютерных программ для 3D-моделирования.

Возможности технологий 3D-моделирования имеют широкий потенциал и при производстве осмотра места происшествия, позволяя представить его в виде интерактивных моделей, которые можно просматривать с разных ракурсов и с любой точки (через окно, из-за угла, сверху). К преимуществам 3D-моделирования при производстве этого следственного действия можно так же отнести: возможность воссоздания обстановки на месте происшествия с сохранением всех пространственных характеристик и пропорций; экономия времени, которое может быть затрачено на повторный осмотр или проверку показаний на месте; возможность воссоздания последовательности событий с учетом расположения предметов и следов преступления; автоматический расчет расстояний между объектами, углов и других параметров в режиме реального времени.

Нашли свое применение технологии 3D-моделирования и в рамках производства судебной экспертизы как путем импорта в программу готовых трехмерных моделей, так и воссоздание обстановки с нуля (без исходных данных) при помощи схем, чертежей, документации. Присоединяемся к мнению известного ученого Н.П. Майлис, что инновационные технологии в судебной экспертизе – это использование новых методов и средств, способствующих реализации решения поставленных задач на более качественном уровне[1].

На конкретном примере комплексной судебно-медицинской и баллистической экспертизы рассмотрим наиболее современный и перспективный метод 3D-моделирования, который может применяться для разрешения ситуационных вопросов в ходе ее производства. При таком моделировании используются достоверно установленные данные (полученные при производстве следственных действий, а также из справочных материалов), например, данные о направлении выброса гильзы из пистолета МР-80-13Т.

В данной модели пистолета направление выброса гильзы аналогично направлению выброса гильзы пистолета Макарова – вверх и вправо. В рассмотренном примере расстояние выброса гильзы взято усредненное – 3–5 м. Далее в трехмерное пространство в программе помещается графический трехмерный манекен стрелявшего «человека» с пистолетом в правой руке. От пистолета проводится кривая, отображающая примерную траекторию полета гильзы после выстрела. **Используя сведения, полученные при проведенном ранее допросе обвиняемого,** от положения пистолета проводится линия, соответствующая траектории выброса гильзы. Место вероятного падения гильзы

[1] Майлис Н.П. Роль инновационных технологий в развитии цифровой трасологии // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17. № 2. С. 18.

соотносится с местом обнаружения гильзы на месте происшествия. Затем определяются два возможных варианта: падение гильзы к месту ее обнаружения по параболе или падение к месту обнаружения через рикошет (отразившись от стены дома). При выстреле в условиях, озвученных на допросе обвиняемым, при расположении его с поднятой правой рукой вверх (сжимая пистолет), стоя перед указанным им подъездом, траектория падения гильзы, выброшенной в результате выстрела, примерно соответствует месту ее обнаружения в ходе произведенного осмотра места происшествия. Применительно к показаниям лица, допрошенного в ходе предварительного следствия (потерпевшего), поскольку положения стрелявшего четко не было определено, вокруг графического манекена «человека», расположенного на коленях с упором на руки проводится окружность с радиусом 0,5 м, что соответствует показаниям в части расположения стрелявшего. Далее проводится еще несколько колец с наружным диаметром 5 м, внутренним – 3 м (что соответствует расстоянию выброса гильзы). Для наглядности в программе расставляются манекены стрелявшего «человека» и наносятся кольца, соответствующие расстоянию выброса гильзы и линии, соответствующие траектории выброса гильзы, тем самым воссоздаются обстоятельства применения огнестрельного оружия при совершении преступления.

Широким спектром возможностей для 3D-моделирования и анимации располагают универсальные 3D-редакторы и программы 3D-моделирования, например, Autodesk 3DS MAX, Blender 3D, Cinema 4D, ZBrush и др. Также для ситуационного моделирования при производстве по уголовному делу могут применятся специальные лицензированные программные продукты, например, программа 3D Свидетель, которая является специализированным программным обеспечением для ведения картотек следов обуви, шин, орудий взлома, создания реалистичных портретов подозреваемых лиц, установления личности людей на фото и видеозаписи, реконструкции места преступления, пожара, ДТП. Интерактивная тренинговая система данной программы позволяет моделировать место происшествия. В программе можно вставить фотографию с места происшествия, провести измерения и автоматически вычислить расстояния под любым углом и любой длины с точностью до 1 мм. Компьютерная программа 3D Свидетель позволяет создавать и просматривать место происшествия, повернуть сцену вверх, вниз, влево и вправо, или сверху.

В заключение необходимо резюмировать, что благодаря современным 3D-технологиям появляется возможность виртуально перенестись на место преступления и увидеть событие преступления собственными глазами, не выходя при этом из служебного кабинета, что значительно повышает эффективность уголовно-процессуальной деятельности следователя и дознавателя, а также привлекаемых ими для содействия лиц, обладающих специальными знаниями – эксперта и специалиста. Грамотное использование цифровых технологий в виде 3D-моделирования позволяет в значительной степени оптимизировать производство судебных экспертиз и других следственных действий, а также обеспечить возможность наглядного

представления доказательств в суде. Все это требует внесения корректив в уголовно-процессуальное законодательство для надлежащего регулирования практики правоприменения в данном направлении.

Литература

1. Гаврилов Б.Я. Правовое регулирование назначения и производства экспертиз и специальных исследований в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник экономической безопасности. 2020. № 5. С. 38–42.

2. Зайцева Е.А. Заключение специалиста – эффективное средство доказывания? // Противодействие преступности: актуальные проблемы теории и практики: Материалы XXVIII Международной научно-практической конференции, Нальчик, 17 мая 2024 года. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2025. С. 47–51.

3. Зайцева Е.А., Сидоренко О.В. Практика применения специальных познаний на стадии возбуждения уголовного дела // Проблемы в деятельности органов предварительного расследования и пути их разрешения в России: Сборник материалов Всероссийского круглого стола, Ставрополь, 24 марта 2017 года / Под редакцией А.Д. Аветисяна, А.А. Рясова, Д.А. Рясова, Е.В. Сопневой. Ставрополь: Секвойя, 2017. С. 67–72.

4. Защита прав и интересов в цифровой среде уголовного судопроизводства: монография / Под ред. С.В. Зуева, О.В. Мичуриной. М: Юрлитинформ, 2025.

5. Кудрявцева А.В. Специалист в уголовном процессе и доказательственное значение его деятельности // Уголовный процесс. 2025. № 1(241). С. 24–31.

6. Майлис Н.П. Роль инновационных технологий в развитии цифровой трасологии // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17. № 2. С. 18–22.

7. Россинская Е.Р. Современная экспертология – наука о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 4(40). С.10–18.

М.С. Чернявская
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Выбор методики при производстве судебных экономических экспертиз

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы методического обеспечения судебных экономических экспертиз, особенно актуальные для негосударственных экспертов. Указывается на необходимость стандартизации в этой области, сертификации экспертов, а также краткие методические рекомендации по некоторым родам экономических экспертиз.

Ключевые слова: методика, экономические экспертизы, классификация, стандартизация, сертификация.

Методика судебной экспертизы представляют собой основу объективности и научности ее производства. Выбор методики обусловлен поставленными вопросами и объектами, подлежащими исследованию. Наличие судебно-экспертной методики обеспечивает проверяемость полученных результатов и возможность сопоставления выводов разных экспертов, поэтому их разработка является одним из важнейших направлений в судебно-экспертной деятельности. Особенно стоит отметить работу государственных судебно-экспертных учреждений, которые создают единые методики для своих сотрудников. Однако среди негосударственных судебно-экспертных организаций и частных экспертов отсутствие научно-методического обеспечения приобретает особую значимость. При этом в некоторых областях именно негосударственные судебные эксперты привлекаются более активно. Одним из таких направлений являются экономические экспертизы.

Например, для исследования в качестве специалиста автору статьи было предоставлено заключение комиссии экспертов, перед которой был поставлен вопрос в том числе и экономического характера. В рамках этого вопроса предлагалось установить реальную стоимость работ и оборудования, предусмотренных государственным контрактом. Однако экспертом вместо реальной (рыночной) стоимости, исходя из сущности проведенного исследования, а именно анализа бухгалтерских документов, была использована методика для определения балансовой стоимости активов. Также, несмотря на то что данные работы и оборудование были необходимы для создания автоматизированной системы, экспертом использовалась методика для определения сметной стоимости объектов капитального строительства. Безусловно многое зависит от квалификации и компетентности самого эксперта, даже в случае отсутствия единой методики. И уже длительное время говорится о необходимости введения обязательной сертификации негосударственных судебных экспертов. Предложения об этом также присутствовали в том или ином виде во всех проектах Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности», который по-прежнему находится в разработке. Отчасти проблема введения обязательной сертификации негосударственных судебных экспертов связана с тем, что по многим методическим вопросам отсутствует консенсус между ведомственными судебно-экспертными учреждениями.

Если говорить об экономических экспертизах, то у них даже отсутствует единая классификация. При этом методическое обеспечение и допуск на производство самостоятельного производства судебных экспертиз для государственных экспертов разрабатывается исходя из экспертных специальностей, которые в свою очередь базируются и на классификации судебных экспертиз. ГОСТ Р 71232-2024 «Роды судебных экспертиз. Термины и определения» введен в действие с 1 июля 2024 года (далее — ГОСТ Р 71232-2024). Установленные в нем роды судебных экспертиз предполагается применять во всех видах документации и литературы в области судебной экспертизы, входящих в сферу действия работ по стандартизации и (или) использующих результаты этих работ. В разработке данного стандарта приняли

участие все основные государственные судебно-экспертные учреждения России, в мом числе Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации.

На наш взгляд, требуется продолжить работу по формированию единого подхода к классификации судебных экспертиз, на основе чего выработать и систему сертификации негосударственных судебных экспертов. Опираясь на положения судебной экспертологии и выделение классов судебных экспертиз, мы считаем, что экономические экспертизы представляют собой класс, в котором однозначно выделение бухгалтерской экспертизы. Расширенный предмет финансово-кредитной экспертизы[1] позволяет избежать выделения финансово-экономической экспертизы и дискуссии об обоснованности формирования экспертизы из категорий финансов и экономики, хотя последняя включает в себя финансы. Также считаем обоснованным выделение налоговой экспертизы. Уходя от финансово-экономической экспертизы, мы также можем однозначно выделить в качестве самостоятельного рода и судебную оценочную экспертизу.

Говоря о методиках для данных экспертиз, следует указать, что для бухгалтерской экспертизы выработаны достаточные методические указания, которые требуют только систематизации и обновления в зависимости от изменений в законодательстве о бухгалтерском учете. В отношении налоговой можно говорить о в целом аналогичной ситуации.

Судебная оценочная экспертиза в своей основе содержит подходы и методы из оценочной деятельности. Однако здесь требуется учесть, что ряд действий, которые являются стандартными для оценщиков, не применимы для судебного эксперта. Например, оценщик имеет право получать разъяснения и дополнительные сведения, необходимые для осуществления данной оценки, а также запрашивать в письменной или устной форме у третьих лиц информацию, необходимую для проведения оценки объекта оценки. В то же время судебный эксперт не вправе вступать в личные контакты с участниками процесса, если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела. Кроме того, трудность представляет тот факт, что оценочная экспертиза основной задачей имеет установление рыночной стоимости какого-либо актива, при этом рыночная стоимость всегда имеет предположительный характер и устанавливается в виде интервала значений[2]. Также стоит упомянуть, что в вопросах, ставящимися перед экспертом часто фигурируют такие понятия как «действительная стоимость», «разумная стоимость», «эквивалентная

---

[1] См.: подробнее: Чернявская М.С. Проблемы классификации судебно-экономических экспертиз // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы X Международной научно-практической конференции, посвященной двадцатилетию Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Москва: РГ-Пресс, 2025. С. 363–368.

[2] Савицкий А.А. Экономические экспертизы в судопроизводстве России: теория и практика: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.12. Москва, 2021. С. 339.

стоимость», «реальная стоимость» и др., которые, хотя и подразумевают в большинстве случаев рыночную стоимость, но терминологически с ней не соотносящиеся. В этом аспекте следует также отслеживать правильную формулировку со стороны должностных лиц и органов, назначающих судебную экспертизу. На наш взгляд, в этом случае также логично создать отдельный стандарт для терминов и определений, использующихся при производстве судебных экономических или, по крайне мере, судебной оценочной экспертизы.

Касательно финансово-кредитной экспертизы, несмотря на наличие крупных исследований, следует отметить, что многоплановость возможных задач, усложняет подготовку методик, в связи с проблемностью выделения общности именно типичных задач и типичных объектов. Практически каждый случай может обладать своей спецификой и требовать уточнений методических рекомендаций[1]. На наш взгляд, в данной ситуации необходимо исходить из анализа следственной и судебной практики, т.е. из тех вопросов, которые наиболее часто ставятся перед экспертами. И, хотя мы и упоминаем расширенный предмет, финансово-кредитной экспертизы, наиболее частыми задачами являются те, что связаны с рассмотрением соблюдения принципов кредитования. К ним относятся:

- определение соблюдения/несоблюдения основных принципов кредитования при предоставлении банковского кредита;
- оценка кредитоспособности заемщика, в том числе Определение соответствия/несоответствия данных, отраженных в предоставляемых кредитной организации документах заемщика, и характеризующих его кредитоспособность, данным, отраженным в официальной бухгалтерской отчетности;
- установление соответствия/несоответствия направления расходования кредитных, заемных средств их целевому назначению, предусмотренному кредитным договором/договором займа;
- оценка полноты и своевременности получения и/или возврата заемных/привлеченных средств;
- оценка полноты и своевременности уплаты процентов по кредиту, займу;
- оценка полноты и своевременности начисления процентов за размещение привлеченных средств на депозитах, во вклады;
- установление наличия у экономического субъекта финансовой возможности (достаточности денежных средств и их эквивалентов) для выдачи займа/кредита на определенную сумму;
- установление наличия у экономического субъекта финансовой возможности выступать гарантом или поручителем для третьего лица – заемщика[2].

В данном случае методика будет включать в себя обязательное исследование следующих документов:

---

[1] Нерсесян М.Г. Теоретические и методические аспекты финансово-кредитной экспертизы: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.12. Москва, 2020. С. 86.

[2] Там же. С. 68–70.

кредитного договора;

банковских выписок;

платежных поручений;

первичных учетных документов;

документов физического лица, подтверждающего наличие у него критериев, необходимых для получения кредита на условиях договора (в зависимости от категории должника);

документов физического лица, подтверждающего наличие у него критериев, необходимых для получения кредита на условиях договора в зависимости от категории должника);

методики по определению кредитоспособности, если таковая имеется;

иных документов, содержащих информацию о должнике, кредиторе, условиях кредитования, имеющую значение для исследования по поставленным вопросам.

Эксперту необходимо определить соответствие условий выданного кредита требованиям, предусмотренным кредитной организацией, исходя из документов, которые были предоставлены заемщиком для проверки. Далее следует провести проверку выплат по займу или кредиту, исходя из порядка, установленного договором. В данном случае первоочередным требованием является сбор всего пакета документов и определение наличия или отсутствия в них противоречий и расхождений, а также правильности их оформления в целом.

Таким образом, в настоящее время отсутствуют единые методики для производства судебных экономических экспертиз, особенно это касается негосударственных судебных экспертов, что приводит в том числе и к экспертным ошибкам, что показывает анализ судебных заключений. Такие ошибки затягивают судопроизводство, усложняют работу следователя и суда. Для разрешения этой проблемы необходима стандартизация судебно-экспертной деятельности, в том числе в части классификации судебных экспертиз, которая позволит проводить сертификацию негосударственных судебных экспертов.

Литература

1. Нерсесян М.Г. Теоретические и методические аспекты финансово-кредитной экспертизы: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.12. Москва, 2020. 171 с.

2. Савицкий А.А. Экономические экспертизы в судопроизводстве России: теория и практика: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.12. Москва, 2021. 543 с.

3. Чернявская М.С. Проблемы классификации судебно-экономических экспертиз // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы X Международной научно-практической конференции, посвященной двадцатилетию Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Москва : РГ-Пресс, 2025. С. 363–368.

Е.В. Чеснокова
РФЦСЭ имени профессора А.Р. Шляхова
при Минюсте России

Аудит экспертных методик в деятельности аккредитованных судебно-экспертных учреждений

Аннотация. Цель написания статьи – изложить основные положения внутреннего аудита как одного из элементов системы менеджмента аккредитованных судебно-экспертных учреждений (СЭУ), направленного на систематическую проверку актуального состояния судебно-экспертных методик. Это необходимо для получения достоверных результатов при производстве судебных экспертиз, что важно для всех видов процессов, особенно для уголовного процесса. Проведение внутреннего аудита является практической реализацией основополагающего принципа, заключенного в международном стандарте ГОСТ ISO/IEC 17025-2017 «Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий» - критическое отношение к себе как работнику и осуществляемым обязанностям. Вывод: общий порядок актуализации экспертных методик, характерный для деятельности различных судебно-экспертных организаций, в аккредитованных СЭУ дополнен документированной процедурой – внутренним аудитом как части системы менеджмента. Комплекс указанных работ, осуществляемый на системной основе, способствует более пристальному вниманию к состоянию экспертных методик и осуществлению своевременных действий по актуализации их положений.

Ключевые слова: судебно-экспертная деятельность, аудит экспертных методик, аккредитованное судебно-экспертное учреждение, ГОСТ ISO/IEC 17025-2017, система менеджмента, риск-ориентированный подход

Для судебно-экспертной организации, осуществляющей свою деятельность в соответствии с требованиями международного стандарта ГОСТ ISO/IEC 17025-2017 «Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий», критическое отношение к себе как работнику и осуществляемым им обязанностям является одним из основополагающих принципов. Этот принцип должен соблюдаться наряду с принципами законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица, а также независимости эксперта, объективности, всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники[1].

Система менеджмента судебно-экспертной деятельности в аккредитованной судебно-экспертной организации в развитие указанного принципа документирует и обрабатывает комплекс рисков в своей деятельности. Для идентификации рисков, то есть для выявления факторов, способных оказывать

[1] Федеральный закон от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). Интернет ресурс: https://base.garant.ru/12123142/1b93c134b90c6071b4dc3f495464b753/ (дата обращения: 14.07.2025).

влияние на конкретный процесс, необходимо определить перечень возможных рисков и зафиксировать их документально.

Например, при проведении экспертных исследований как процесса, может возникнуть риск для беспристрастности, в числе возможных причин которого отсутствие критической оценки своих действий и суждений, значимость такого риска оценивается «выше средней», вероятность риска – средняя, уровень его опасности для лаборатории – средний, в качестве мероприятий по воздействию на риск принято снижение риска: соблюдение работниками должностных инструкций и профессиональной этики. Владельцем риска является эксперт, который в соответствии со статусом мероприятий должен соблюдать это требование постоянно. Так, регулярно выполняемые лабораторией мероприятия по идентификации и воздействию на риски формируют риск-ориентированное мышление.

Как известно, применение качественных экспертных методик – ключевая составляющая получения достоверных результатов при производстве судебных экспертиз, что важно для всех видов процессов, особенно для уголовного процесса.

Под качественной экспертной методикой прежде всего имеется в виду научная обоснованность, неотъемлемой составляющей которой является актуализированное состояние методики. Очевидно, что для осуществления этой цели необходима систематическая деятельность - проверка оптимального состояния алгоритмов, применяемых методов и технических средств. Она должна выполняться любым судебно-экспертным учреждением, радеющим за качество осуществляемой деятельности. Например, в ГСЭУ инициатором может выступить высшее руководство, оформив свою волю распоряжением, руководство структурных подразделений, да и сами эксперты. Тем более, что актуализация устаревшей методики может быть представлена в виде темы в План основных научно-методических (исследовательских) работ. Да, все это так. Но вместе с тем, встает вопрос, с какой частотой проводить процедуру проверки на актуальность, как задокументировать выявленные несоответствия, чтобы они были оперативно исправлены и направлены руководству для итогового анализа деятельности?

В аккредитованных СЭУ такая системная процедурная работа является частью системы менеджмента, то есть управления согласно требованиям международного стандарта ГОСТ ИСО/МЭК 17025, разработанным для всех видов лабораторий, к числу которых относят и судебно-экспертные.

Так, в аккредитованных СЭУ, например, в ФБУ РФЦСЭ имени профессора А.Р. Шляхова при Минюсте России (далее – РФЦСЭ), проводится внутренний аудит. Это проверка, осуществляемая самой организацией, которая представляет собой систематический, независимый, документированный процесс, позволяющий определить степень соответствия деятельности и результатов в области качества установленным критериям. Внутренний аудит в РФЦСЭ проводится периодически, не реже одного раза в год и в соответствии с установленным порядком, утвержденным приказом директора. Внеплановые

(оперативные) проверки могут проводиться в отдельных случаях по решению руководства РФЦСЭ, например, при предъявлении претензий со стороны органа или лица, назначившего экспертизу, или выявлении несоответствий в ходе проверки со стороны аккредитующего органа.

Требования внутреннего аудита являются обязательными для всех подразделений РФЦСЭ, входящих в систему менеджмента.

Процесс внутреннего аудита начинается с разработки годового плана-графика проведения проверок. В РФЦСЭ имеется документированная процедура, в которой изложен порядок проведения. Установленный процедурой порядок планирования, проведения и документирования внутреннего аудита служит руководством для работников РФЦСЭ, участвующих в данном процессе.

Проверки проводятся специально создаваемыми группами аудиторов: подготовленным и квалифицированным персоналом, не зависимым от проверяемой деятельности, знающим документы СМ организации, обладающим достаточными техническими знаниями о проверяемой деятельности. В РФЦСЭ в состав аудиторских групп входят работники, ответственные за качество в своем подразделении. В состав группы аудиторов могут включаться работники ОИСЭД, а также другие работники РФЦСЭ, имеющие квалификацию в отдельных направлениях деятельности без права решающего голоса.

В помощь аудиторам разработан опросник. Например, опросник для экспертных подразделений имеются вопросы, касающиеся применяемых методик. Результаты аудита оформляются протоколом и отчетом. В отчете указываются корректирующие действия, направленные на устранение выявленных несоответствий, исполнители и сроки. Выполнение корректирующих действий контролируется аудиторами.

После того как вся деятельность подразделения была проверена, руководитель и ответственный за качество данного подразделения вместе с аудиторами проводят анализ причин выявленных несоответствий. Анализ проводится по принципу «от следствия (результата) → к причине». В процессе анализа также могут быть выявлены потенциальные риски подразделения. Сведения о них руководитель или ответственный за качество подразделения заносит в «Реестр рисков подразделения». На основании результатов анализа руководитель проверяемого подразделения и работник, ответственный за качество, вместе с аудиторами планируют мероприятия по устранению несоответствий (коррекции) и устранению причин несоответствий (корректирующие действия), определяют сроки их выполнения и ответственных исполнителей. При выявлении потенциальных рисков разрабатывают предупреждающие действия.

Подводя итог вышеизложенному, подчеркнем, что установленный порядок актуализации экспертных методик, который является основой этой деятельности в различных судебно-экспертных учреждениях, может быть дополнен в аккредитованных судебно-экспертных учреждениях документированной процедурой – внутренним аудитом как части системы менеджмента. Систематическая работа, осуществляемая в таких СЭУ в соответствии с установленным порядком, способствует более пристальному вниманию к

состоянию экспертных методик и осуществлению действий по их своевременной проверке и актуализации.

Литература

1. Омельянюк Г.Г., Усов А.И. Управление рисками в судебно-экспертной деятельности как способ повышения качества экспертного производства // Развитие криминалистики и судебной экспертизы в трудах профессора Е.Р. Россинской: материалы Международной научно-практической конференции, к юбилею ученого, эксперта, педагога. М.: Проспект, 2019. С. 337–343.
2. Основы судебной экспертологии: учебно-методическое пособие / А.И. Усов [и др.]. М.: Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, 2023. – 384 с.
3. Чеснокова Е.В. Процессный подход в судебно-экспертной деятельности как формализованное отражение ее этапов и алгоритмов // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15, № 4. С. 56–65.
4. Чеснокова Е.В. Риск-менеджмент в деятельности судебно-экспертной лаборатории // Эксперт-криминалист. 2021. № 2. С. 28–31. DOI 10.18572/2072-442X-2021-2-28-31.

Ч.П. Черных[1], **О.В. Попова**[2]
Научный руководитель: **И.Н. Озеров**[3]
[1,2,3] Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

К вопросу об оценке полноты выявления признаков сексуального насилия у детей

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема оценки полноты выявления признаков сексуального насилия в отношении несовершеннолетних. Подчеркивается критическая важность комплексного и тщательного подхода к диагностике и судебно-медицинской экспертизе. Авторы предлагают пути повышения эффективности идентификации всех возможных индикаторов для обеспечения объективной оценки и надлежащей правовой помощи пострадавшим.

Ключевые слова: сексуальное насилие, несовершеннолетние, насильственные действия сексуального характера, преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

В последние несколько лет наблюдается отчетливая тенденция борьбы с домашним насилием: данная проблема широко обсуждается на различных медиа-площадках, в социальных сетях и на уровне государственной политики. Это привело к пересмотру законодательства, разработке и внедрению новых программ поддержки жертв, а также к повышению осведомленности общественности о масштабах и последствиях данной проблемы.

Такой комплексный подход и усиленная общественная дискуссия показывают, что борьба с домашним насилием направлена на оказание помощи жертвам домашнего насилия и предотвращение повторных случаев такого насилия. Домашнее насилие представляет собой «…систематическое и целенаправленное использование силы или превосходства в семейных отношениях в целях контроля, оскорбления или нанесения вреда своим близким»[1]. В современном мире нередки случаи сексуального насилия в отношении несовершеннолетних и даже малолетних детей в семье – данная проблема носит всемирный характер: оно представляет собой не только грубейшее нарушение прав ребенка, но и серьезнейшую глобальную социальную и медицинскую проблему. Все дети безусловно нуждаются в защите от любых форм сексуального насилия – это фундаментальное требование, закрепленное в Конвенции ООН о правах ребенка.

Исключительная уязвимость детей перед сексуальным насилием и посягательствами на их половую неприкосновенность обусловлена их физической, психической и социальной незрелостью. Дополнительным фактором является их зависимое, подчиненное положение по отношению к старшим (родителям, опекунам и другим взрослым).

Для полноценного понимания проблемы необходимо четко определить ключевую терминологию. Сексуальное насилие представляет собой «любое сексуальное действие или поведение, осуществляемое в отношении человека без его добровольного и осознанного согласия. Применительно к детям и подросткам его специфика заключается в совершении сексуальных действий взрослым лицом для собственного удовлетворения, когда ребенок либо активно не желает этого, либо в силу своего возраста, уровня развития и несопоставимости физических и психических сил не способен понять смысл происходящего, выразить отказ или защитить себя»2.

Одной из особо тяжких форм сексуального насилия, фокусирующейся на вовлечении ребенка, является сексуальная эксплуатация несовершеннолетних, характеризующаяся «…участием ребенка в сексуальных действиях в обмен на любую выгоду (материальную или нематериальную, включая обещания) или под угрозой (физической, психологической или использованием уязвимого положения ребенка). Эксплуататорами могут выступать как взрослые (включая родителей и знакомых), так и более старшие дети»3.

---

[1] Садыков Р.М., Большакова Н.Л. Насилие в семье: сущность и виды // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 7-2.

[2] Обухова Е.Н. Понятие и признаки сексуального насилия в отношении несовершеннолетних внутри семьи / Е.Н. Обухова, О.В. Цымбалова // Традиции и инновации в науке и образовании: Материалы Международной научно-практической конференции молодежи, Рязань, 17–26 апреля 2024 года. Рязань: Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, 2024. С. 268–270.

[3] Равинская А.В. К проблеме о необходимости уголовной ответственности за сексуальную эксплуатацию несовершеннолетних // Administrative Consulting. 2021, Volume 7. Issue 1 (13), pp. 34–36.

Сексуальное насилие над детьми выделяется своей особой разрушительностью, поскольку оно наносит катастрофический ущерб, затрагивая все уровни развития ребенка: «…от физического и психического здоровья до познавательных функций, самооценки и социальных связей. Психологические травмы, полученные в детстве, оставляют глубокий и долгосрочный отпечаток на всей последующей жизни человека, влияя на формирование характера, самоидентификацию, будущую сексуальную жизнь, а также на психическое и физическое здоровье в целом, социализацию и личностное развитие»[1].

Российское уголовное законодательство квалифицирует сексуальное насилие в отношении несовершеннолетних как изнасилование (ст. 131 УК РФ), насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ) и понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ). Кроме того, иногда несовершеннолетние «используются» для получения сексуальных услуг (ст. 240.1 УК РФ) и изготовления детской порнографии (ст. 242.1 УК РФ).

Особую опасность данных преступлений представляет скрытый характер такого насилия, ввиду чего ребенок может долгое время находиться в травмирующей ситуации без необходимой помощи. Усугубляет ситуацию тот факт, что зачастую такие преступления совершаются членами семьи жертвы – лицами, которые по определению должны оберегать и защищать ребенка. Статистика в современной России вызывает глубокую обеспокоенность: по некоторым данным, каждая третья несовершеннолетняя жертва сексуального насилия страдает от него внутри своей семьи.

Анализ случаев сексуального насилия в отношении несовершеннолетних выявляет «…преобладание посягательств, где агрессорами зачастую выступают взрослые члены семьи – отцы или отчимы, а жертвами – их дочери или падчерицы»[2].

Наряду с этим фиксируются инциденты насилия между братьями и сестрами, в том числе с участием несовершеннолетних насильников, что подтверждается следственной практикой: в Хабаровске четырнадцатилетний подросток в 2024 году совершил покушение на изнасилование своей трехлетней сестры[3].

Особую сложность представляют случаи, когда участниками сексуальных действий являются малолетние дети, не достигшие возраста уголовной ответственности. Несмотря на формальное отсутствие состава преступления у

---

[1] Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., Чибисова И.А., Нуцкова Е.В. Психические расстройства у детей и подростков, возникающие в результате преступлений сексуального характера (клинические и клинико-психологические аспекты) // Российский психиатрический журнал. 2014. № 3.

[2] Иванова Л.Ф. Теоретические и практические аспекты судебно-психологической экспертизы по делам о насильственных действиях сексуального характера в отношении несовершеннолетних лиц // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2019. № 2.

[3] Истошно кричала и плакала: подростка подозревают в насилии над трехлетней девочкой в Хабаровске: Комсомольская правда. URL: https://www.hab.kp.ru/daily/27611/4962281/.

малолетнего исполнителя, зачастую выявляется управляющее воздействие совершеннолетних лиц, которые и несут уголовную ответственность за организацию или склонение к подобным деяниям. Ключевым аспектом остается факт совершения полового посягательства в контексте внутрисемейных отношений. Ярким примером такой деструктивной динамики является случай, когда 27-летний К., используя интернет-коммуникации, обманным путем манипулировал 10-летней А., склоняя ее к совершению сексуальных действий в отношении ее 6-летнего брата Д., включая мастурбацию и оральный контакт, с последующей видеозаписью и передачей материалов. В дальнейшем К. применял шантаж распространением этих видеозаписей (матери, друзьям, одноклассникам), вынуждая А. к совершению и фиксации иных сексуализированных актов, в том числе с участием брата, на протяжении нескольких месяцев. Действия К. были квалифицированы по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ (насильственные действия сексуального характера)[1].

Систематизация и анализ данных о внутрисемейных сексуальных посягательствах в отношении несовершеннолетних позволяют выявить ряд характерных для данного вида преступлений признаков: во-первых, «потерпевшими от таких противоправных деяний чаще всего становятся малолетние лица, преимущественно женского пола, которые в силу своей когнитивной незрелости и ограниченности психофизиологического развития не способны к осознанию или адекватной оценке совершаемых в отношении них действий. Во-вторых, формами этих преступных посягательств, как правило, являются изнасилование и иные насильственные действия сексуального характера, часто реализуемые в виде анальных или оральных контактов. При этом характерно причинение физической боли и/или легкого вреда здоровью, квалифицируемого в соответствии с действующим законодательством – например, разрыв девственной плевы. Тяжкий вред здоровью, как правило, отсутствует, поскольку ввиду малолетнего возраста потерпевших и характера их взаимоотношений с виновным, необходимость в применении значительной силы отпадает, что также способствует сокрытию преступного деяния и предотвращению оставления очевидных следов насилия. В-третьих, субъектами данных противоправных деяний чаще являются лица мужского пола, состоящие в близких родственных связях (отцы, дедушки, старшие братья) или проживающие совместно с несовершеннолетним и его законными представителями (сожители или супруги матери), нередко находящиеся в состоянии алкогольного или иного опьянения[2].

Важно подчеркнуть, что рассматриваемый вид насилия носит, как правило, продолжаемый и многоэпизодный характер, характеризуясь пролонгированной

[1] Пантюхина И.В. Критическая оценка новых особо квалифицирующих признаков преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних (ч. 5 ст. 131, 132 И ч. 3 ст. 133 УК РФ) // Вестник ЮГУ. 2022. №4 (67).

[2] Байрамова А.К. Преступления насильственного характера, совершаемые в семье в отношении несовершеннолетних: криминологический аспект // Молодой ученый. 2019. № 39 (277). С. 73–75.

латентностью, что обусловлено спецификой закрытых внутрисемейных отношений, в рамках которых оно реализуется, а также неспособностью жертвы к осознанию противоправности совершаемых в отношении неё действий или к адекватному объяснению произошедшего.

Следствием подобных деяний являются отсроченные психотравматические последствия, нередко манифестирующие спустя годы, в более старшем возрасте несовершеннолетнего. В этот период, когда потерпевший начинает осознавать совершенные в отношении него действия, развиваются глубокие психические и психоэмоциональные деформации, а также может проявляться формирование девиантных паттернов в сексуальных отношениях с другими лицами.

Безопасность детей в обозначенной области требует реализации комплексных мер по предупреждению и профилактике преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. В этом контексте ключевая роль в своевременном и корректном выявлении признаков сексуального насилия отводится образовательным организациям – детским садам, школам, колледжам. Именно сотрудники образовательных учреждений становятся первыми свидетелями изменений, которые могут кричать о проблемах в семье.

Новостные источники показывают: многие трагедии сексуальной эксплуатации детей можно было бы предотвратить, если бы сотрудники образовательных организаций обратили внимание на изменившееся поведение ребенка, на внезапно появившиеся особенности во внешнем виде или эмоциональном состоянии, поскольку часто именно эти, как кажется на первый взгляд, незначительные детали являются безмолвным призывом о помощи.

Последствия сексуального насилия у детей включают комплексные изменения: отмечаются нарушения в эмоционально-волевой и мотивационно-потребностной сферах, что выражается в формировании паттернов, не соответствующих возрастным нормам. Характерными индикаторами являются также специфические поведенческие реакции и демонстрация знаний о сексуальном поведении, несвойственных данному возрасту. В ряде случаев регистрируются нарушения познавательной сферы[1].

Отдельного внимания заслуживает факт отсроченности некоторых последствий на многие годы, а также способность пережитого насилия инициировать «цикл насилия», проявляющийся в межпоколенческой передаче агрессивных поведенческих моделей. Выраженность и характер реакции ребенка на сексуальное насилие детерминированы его возрастом в момент травматического события, индивидуально-психологическими особенностями, уровнем психосексуального развития и условиями совершения акта (однократность или пролонгированный характер насилия и др.).

Для минимизации долгосрочных и зачастую непредсказуемых последствий сексуальных посягательств первостепенное значение имеет «…оперативное

[1] Оруджев Н.Я., Поплавская О.В., Черная Н.А. Отдаленные последствия и особенности становления психосексуальности лиц, перенесших сексуальное злоупотребление // Научные результаты биомедицинских исследований. 2019. № 3.

предоставление комплексной медико-психологической помощи пострадавшим, сопровождаемое формированием поддерживающей среды со стороны родителей и ближайшего окружения несовершеннолетнего. Принципиальное значение имеет отказ от обвинительной риторики и формирование эмпатического, поддерживающего подхода, поскольку психотравматизация несовершеннолетнего значительно усугубляется при возложении на него вины за произошедшее, а также при избыточно катастрофической интерпретации события со стороны даже самых близких ему лиц»[1].

Письмо Министерства просвещения Российской Федерации от 22 апреля 2024 г. N АБ-1277/07 «О направлении методических рекомендаций» (вместе с Методическими рекомендациями Выявление признаков сексуальной эксплуатации и совершения сексуального насилия в отношении несовершеннолетнего на основе анализа существующих методик и рекомендуемых к применению на базе образовательных организаций) было разработано в целях своевременного выявления признаков сексуальной эксплуатации и насилия несовершеннолетних сотрудниками образовательных организаций и повышения компетентности педагогов в этом вопросе.

Согласно данному документу, образовательные организации играют ключевую роль в своевременном и корректном выявлении признаков сексуального насилия и эксплуатации в отношении несовершеннолетних[2]. Письмо Министерства просвещения не регламентирует порядок действий сотрудника образовательной организации после выявления признаков сексуального насилия в отношении несовершеннолетнего, однако в таких случаях сотрудник сообщает о произошедшем своему непосредственному руководителю, и дальнейшие действия предпринимает именно он. Так, руководитель сообщает о случившемся в органы опеки и попечительства, соответствующий отдел по образованию и органы внутренних дел. Возможно проведение индивидуальной беседы с законными представителями несовершеннолетнего, разработка плана защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего, пострадавшего от насилия, включая комплексную работу с семьёй ребенка. Как правило, при таких беседах законные представители отрицают наличие насилия в семье, и на предложение руководителя образовательной организации о прохождении ребенком медицинского осмотра отвечают категорическим отказом. На наш взгляд, именно в этом заключается главная проблема: сама образовательная организация не имеет права направлять ребенка на медицинский осмотр. В Российской Федерации действует Федеральный закон от 21 ноября 2011 года №323-ФЗ «Об основах охраны

[1] Белашова А. А. Проблема домашнего, физического и сексуального насилия над детьми // Вестник науки. 2022. №11 (56).

[2] <Письмо> Минпросвещения России от 22.04.2024 № АБ-1277/07 «О направлении методических рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями «Выявление признаков сексуальной эксплуатации и совершения сексуального насилия в отношении несовершеннолетнего на основе анализа существующих методик и рекомендуемых к применению на базе образовательных организаций»).

здоровья граждан в Российской Федерации», согласно которому необходимым предварительным условием проведения профилактического осмотра несовершеннолетнего является дача информированного добровольного согласия законного представителя несовершеннолетнего на медицинское вмешательство.

Более того, эффективность профилактических осмотров на предмет выявления признаков сексуального насилия является крайне низкой. Это системная проблема, ведущая к огромному числу невыявленных случаев, задержке в оказании помощи пострадавшим детям и невозможности привлечения виновных к ответственности.

Профилактические медицинские осмотры, особенно детские, в их текущем виде не ориентированы на целенаправленный поиск признаков сексуального насилия, их основная задача – общая оценка состояния здоровья и развития ребенка. Существенную роль играет скрытый характер повреждений: многие признаки сексуального насилия могут быть неспецифическими, локализоваться в труднодоступных для обычного осмотра местах или быстро заживать (например, микротравмы слизистых оболочек, незначительные эрозии или покраснения могут быть пропущены или истолкованы как непатологические изменения).

Психологические барьеры также имеют значение при проведении медицинского осмотра: дети, пережившие насилие, часто находятся под давлением, запуганы или испытывают стыд, что мешает им рассказать о случившемся или показать повреждения, осмотр, как правило, проводится в присутствии законных представителей, которые могут быть агрессорами, что исключает возможность доверительного общения ребенка с медицинским сотрудником.

Еще одним фактором, влияющим на невыявление признаков насилия, является отсутствие целенаправленного осмотра. Врачи общей практики и педиатры, как правило, не проводят детального интимного осмотра, если нет жалоб или очевидных причин. Цель осмотра не включает поиск скрытых следов насилия, требующего особого протокола и подготовленного специалиста, а неспецифические повреждения, потенциально связанные с насилием (например, синяки на бедрах, потертости в промежности), могут быть интерпретированы как бытовые или случайные.

Для повышения эффективности профилактических осмотров в выявлении признаков сексуального насилия у детей необходим комплексный системный подход, направленный на своевременное распознавание и реагирование, обеспечивая защиту ребенка и правосудие. Это включает разработку и внедрение унифицированных национальных протоколов с детальными инструкциями по осмотру и четкими алгоритмами действий медицинского работника при подозрении на сексуальное насилие в отношении несовершеннолетнего.

Представляется обязательным повышение квалификации медицинского персонала, охватывающее судебно-медицинские, психологические и юридические аспекты, с практической отработкой навыков и регулярной аттестацией.

Кроме того, в современном мире крайне важна интеграция мультидисциплинарного подхода через межведомственные рабочие группы и создание специализированных центров, предоставляющих комплексную помощь (медицинскую, психологическую, юридическую) в одном месте. Также требуется просветительская работа для родителей, детей и педагогов о признаках насилия, правах ребенка и возможностях получения помощи.

Текущая практика неэффективна ввиду слабых протоколов (отсутствия четкой регламентации таких осмотров), недостаточной подготовки и отсутствия междисциплинарного взаимодействия, что упускает драгоценное время для помощи ребенку и сбора доказательств. Без этих системных изменений профилактические осмотры останутся формальностью, не выполняя своей важнейшей функции по защите детей, что требует немедленных и скоординированных действий всех заинтересованных ведомств.

Литература

1. Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., Чибисова И.А., Нуцкова Е.В. Психические расстройства у детей и подростков, возникающие в результате преступлений сексуального характера (клинические и клинико-психологические аспекты) // Российский психиатрический журнал. 2014. № 3.
2. Байрамова А.К. Преступления насильственного характера, совершаемые в семье в отношении несовершеннолетних: криминологический аспект // Молодой ученый. 2019. № 39 (277). С. 73–75.
3. Белашова А.А. Проблема домашнего, физического и сексуального насилия над детьми // Вестник науки. 2022. № 11 (56).
4. Иванова Л.Ф. Теоретические и практические аспекты судебно-психологической экспертизы по делам о насильственных действиях сексуального характера в отношении несовершеннолетних лиц // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2019. № 2.
5. Обухова Е.Н., Цымбалова О.В. Понятие и признаки сексуального насилия в отношении несовершеннолетних внутри семьи // Традиции и инновации в науке и образовании: материалы Международной научно-практической конференции молодежи, Рязань, 17–26 апреля 2024 года. Рязань: Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, 2024. С. 268–270.
6. Оруджев Н.Я., Поплавская, О.В. Черная Н.А. Отдаленные последствия и особенности становления психосексуальности лиц, перенесших сексуальное злоупотребление // Научные результаты биомедицинских исследований. 2019. № 3.
7. Пантюхина И.В. Критическая оценка новых особо квалифицирующих признаков преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних (ч. 5 ст. 131, 132 И ч. 3 ст. 133 УК РФ) // Вестник ЮГУ. 2022. № 4 (67).

8. Равинская А.В. К проблеме о необходимости уголовной ответственности за сексуальную эксплуатацию несовершеннолетних // Administrative Consulting. 2021, Volume 7. Issue 1 (13), pp. 34–38.
9. Садыков Р.М., Большакова Н.Л. Насилие в семье: сущность и виды // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №7-2.
10.

А.Б. Шавловский
[1] Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Методическое обеспечение судебной компьютерно-технической экспертизы: вопросы исследования мобильных устройств

Аннотация. данная статья посвящена вопросам методического обеспечения экспертно-криминалистического исследования мобильных устройств в рамках компьютерно-технических (компьютерных) экспертиз. Мобильные устройства проанализированы как источники криминалистически значимой информации. Рассмотрены существующие типовые методики экспертного исследования мобильных телефонов, а также представлены положения разработанной в 2025 году типовой методики экспертного исследования мобильных устройств и их компонентов.

***Ключевые слова*:** судебная экспертиза, цифровые следы, мобильное устройство, мобильный телефон, типовая методика, компьютерно-техническая экспертиза.

В современном мире мобильные устройства стали неотъемлемой частью жизни человека. Многофункциональность и возможность накопления и обработки массивов данных превратили их в важнейший источник криминалистически значимой информации. Как подчеркивает И.В. Пашута, «являясь средством или объектом преступной деятельности, мобильное устройство выступает важным источником криминалистически значимой информации, которая может быть использована для установления обстоятельств, имеющих значение для выявления (раскрытия), расследования и предупреждения преступлений»[1].

Как отмечает Е.И. Третьякова, «сегодня средство мобильной связи становится чаще всего не предметом преступного посягательства, а средством его совершения. И в этом случае наибольший интерес представляет не сам предмет

[1] Пашута И. В. Виды криминалистически значимой информации, содержащейся в сотовом (мобильном) телефоне / И.В. Пашута // Борьба с преступностью: теория и практика: Тезисы докладов XII Международной научно-практической конференции. Научное электронное текстовое издание, Могилевский институт МВД, 19 апреля 2024 года. – Могилев: Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2024. С. 230.

с его внешними индивидуальными характеристиками, а информация, хранящаяся в его памяти»[1].

Память мобильного устройства содержит большое количество разнородной пользовательской информации: сведения о владельце устройства (журналы действий пользователя, учетные записи и пароли и др.), сведения о коммуникациях (контакты в телефонной книге, голосовые вызовы, SMS- и MMS-сообщения, обмен мгновенными сообщениями и др.), сведения о работе с ресурсами сети Интернет (история посещения интернет-ресурсов, загруженные файлы и др.), сведения о местоположении (информация о геолокации устройства, сохраненные географические координаты в фотоизображениях и картографических сервисах и др.), данные приложений (записи календаря, текстовые заметки, сведения о платежных операциях и транзакциях, работа с приложениями заказа такси, выполнения хозяйственных работ, бронирования жилья, знакомств и др.), пользовательские файлы (файлы, формируемые владельцем устройства непосредственно в результате своей деятельности: аудиозаписи, видеофайлы, фотоизображения и текстовые документы).

Вопросы методического обеспечения экспертно-криминалистического исследования мобильных телефонов давно уже являются предметом изучения со стороны научных сотрудников и практикующих специалистов. В 2014 на базе ЭКЦ МВД России разработана первая универсальная методика исследования мобильных телефонов – «Типовая методика исследования информации, содержащейся в мобильных телефонах»[2]. Объектом исследования указанной методики определялось мобильное оборудование сетей сотовой связи, а также информация, содержащаяся в их памяти.

В силу технологического развития первоначально речь шла о так называемых «простых» мобильных телефонах кнопочного типа, характеризующихся небольшим объемом встроенной памяти и предназначенных для осуществления голосовых вызовов и передачи коротких текстовых сообщений. Дальнейшее развитие технологий обусловило появление новых видов устройств: смартфонов, планшетных компьютеров, умных устройств (смарт-часов, смарт-браслетов и др.). В совокупности указанные устройства именовались как «мобильные», подчеркивая их портативность, автономность и т.д. Одновременно менялись практические подходы и алгоритмы (последовательность) действий экспертов при исследовании памяти мобильных устройств, так как экспертное исследование мобильных устройств представляет собой постоянно изменяющуюся и усложняющуюся систему знаний[3].

---

[1] Третьякова Е.И. Мобильный телефон как источник криминалистически значимой информации // Вестник Уральского финансово-юридического института. 2018. № 3(13). С. 49.

[2] Типовая методика исследования информации, содержащейся в мобильных телефонах / О.В. Тушканова и др. М.: ЭКЦ МВД России, 2014. 32 с.

[3] Шавловский А.Б. Экспертная практика извлечения данных из мобильных устройств // Цифровые технологии современной криминалистики, использование специальных знаний: Материалы конференции, проведенной в рамках Международного форума

В целях разработки актуальной методики экспертного исследования мобильных устройств, в 2025 году в Следственном комитете Российской Федерации управлением научно-исследовательской деятельности (научно-исследовательским институтом криминалистики) Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) совместно с Судебно-экспертным центром разработана «Типовая методика экспертного исследования информации, содержащейся в мобильных устройствах и их компонентах». В разработанной методике определены:

– типовые вопросы, выносимые на разрешение судебной компьютерно-технической (компьютерной) экспертизы в части исследования мобильных устройств и их компонентов;

– требования к оборудованию (аппаратно-программной части), необходимого для производства исследований мобильных устройств и их компонентов;

– подробная последовательность действий эксперта при работе с мобильным устройством: особенности его визуального осмотра, принятие мер по обеспечению сохранности и неизменности информации, диагностика неисправностей и установление аппаратно-программных характеристик устройства, определение способа извлечения информации и ее интерпретации, особенности формулирования выводов;

– рекомендации по оформлению выводов результатов исследования. Так, в заключении эксперта должны быть отражены: сведения об устройстве (марка, модель, серийный номер, значения IMEI и др.), в том числе извлеченные из его памяти, способ (способы) и порядок извлечения информации из памяти устройства, с указанием профиля извлечения, декодирования и интерпретации, используемых аппаратно-программных средств, сведения о программном обеспечении, использованном для поиска информации, сведения об искомой информации и др.

В июне 2025 года на заседании научно-технического совета Следственного комитета Российской Федерации указанная типовая методика одобрена и рекомендована в практической деятельности Следственного комитета Российской Федерации, что позволит обновить существующие практические подходы к исследованию мобильных устройств и их компонентов.

Литература

1. Пашута И.В. Виды криминалистически значимой информации, содержащейся в сотовом (мобильном) телефоне // Борьба с преступностью: теория и практика: Тезисы докладов XII Международной научно-практической конференции. Научное электронное текстовое издание, Могилевский институт МВД, 19 апреля 2024 года. Могилев: Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2024. С. 230–232.

«Интерполитех: цифровая трансформация безопасности государства», Москва, 18 октября 2022 года. М.: Московская академия Следственного комитета, 2023. С. 146.

2. Третьякова Е.И. Мобильный телефон как источник криминалистически значимой информации // Вестник Уральского финансово-юридического института. 2018. № 3 (13). С. 49–51.

3. Типовая методика исследования информации, содержащейся в мобильных телефонах / О.В. Тушканова и др. М.: ЭКЦ МВД России, 2014. 32 с.

4. Шавловский А.Б. Экспертная практика извлечения данных из мобильных устройств // Цифровые технологии современной криминалистики, использование специальных знаний: Материалы конференции, проведенной в рамках Международного форума «Интерполитех: цифровая трансформация безопасности государства», Москва, 18 октября 2022 г. М.: Московская академия Следственного комитета, 2023. С. 141–147.

А.И. Янышева [1]
Научный руководитель: **С.Ю. Скобелин** [2]
[1, 2] Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Проблемы психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних. На основании анализа научных трудов выделяются самые значимые мнения, на каком этапе проведение экспертизы наиболее целесообразно. Говорится о плюсах и минусах назначения психолого-психиатрической экспертизы на этапе предварительного следствия. Затрагиваются особенности проведения данного вида экспертизы для несовершеннолетних свидетелей и потерпевших.

Ключевые слова: несовершеннолетний, психолого-психиатрическая экспертиза, свидетель, потерпевший, предварительное следствие, психическое расстройство, эксперт.

Психолого-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних является одним из наиболее сложных и актуальных направлений судебной экспертизы. Особую значимость данная проблема приобретает в контексте защиты прав несовершеннолетних участников уголовного процесса. Несовершеннолетние лица представляют особую категорию как на стадии предварительного расследования, так и в судопроизводстве, требующую комплексного подхода при проведении экспертных исследований. Но несмотря на большой интерес к данному виду экспертного исследования, все же имеется проблемы, с которыми сталкиваются следователи и судьи, при назначении экспертизы. Проблемы, с которыми сталкиваются представители власти при назначении исследования, могут быть как законодательные, так и связанные с индивидуальными качествами малолетнего.

В уголовных делах с участием несовершеннолетних психолого-психиатрическая экспертиза производится на стадии предварительного

расследования, а также на стадии судебного разбирательства в суде первой инстанции. В связи с этим, возникает вопрос о времени назначения данной экспертизы. Поскольку в Уголовном кодексе Российской Федерации прямо указано, что лицо должно достичь определенного возраста для привлечения его к уголовной ответственности. В.В. Плис в своем научном исследовании, высказывается, о том, что между учеными возникает множество споров о введении обязательного назначения психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних до возбуждения против них уголовного дела, тем самым обеспечив возможность определить возраст и уровень психического развития на этапе совершения преступления. Потому что на практике часто встречаются случаи, когда психическое развитие происходит неравномерно с физиологическим возрастом несовершеннолетнего, поэтому достижение определенного возраста не должно быть первостепенным критерием при решении вопроса о возбуждении уголовного дела[1]. Обращаясь к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации, а именно к ст. 27, в которой сказано, что уголовное преследование должно быть прекращено, если лицо к моменту его совершения не достигло возраста уголовной ответственности, следовательно на основании ст. 24 УПК РФ это будет являться основанием для отказа в возбуждении уголовного дела. Также основанием для отказа в возбуждении уголовного дела будет являться несоответствие возраста лица с его психическим развитием, поскольку в момент совершения преступления оно не могло в полной мере отвечать за свои действия и понимать их противоправный характер. Исходя из данных положений УПК РФ, Н.П. Каторгина предлагает закрепить в УПК РФ положение, согласно которому уполномоченное лицо могло до возбуждения уголовного дела назначить и осуществить судебную экспертизу, том числе для того, чтобы определить возраст несовершеннолетнего его психическое развитие и состояние на момент совершения преступления[2]. Однако Н.А. Курмаева не согласна с данной точкой зрения, и считает, что экспертиза может быть назначена только после возбуждения уголовного дела, потому что несовершеннолетнему также необходимо соблюдение защиты его прав при назначении экспертизы, потому что материалы которые отправляются эксперту, содержат сведения о личности человека, и они должны быть достаточными для проведения психолого-психиатрической экспертизы и составления заключения[3]. Существует еще множество споров и точек зрения о времени назначения экспертизы, однако все же стоит учитывать, что назначение психолого-

---

[1] Плис В.В. Некоторые проблемы судебно-психологической экспертизы несовершеннолетних // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 12-4.

[2] Каторгина Н.П. Процессуальные и тактические особенности назначения и производства судебной экспертизы на предварительном следствии // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2014. № 22 (193).

[3] Курмаева Н.А. Особенности назначения и производства судебно-психологической экспертизы несовершеннолетних на предварительном следствии // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 2.

психиатрической экспертизы на ранних этапах предварительного следствия не всегда является целесообразным. Так как информация, собранная на ранних этапах следствия может оказаться недостаточной для составления качественного заключения эксперта. Экспертиза должна проводиться, когда следователь уже собрал и подготовил все необходимые материалы для полного и всестороннего исследования личности несовершеннолетнего. Неполнота представленных данных может отрицательно влиять на выводы эксперта, поэтому экспертиза на ранних этапах является нецелесообразной.

Еще одной немаловажной проблемой про проведение психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних являются индивидуальные качества ребенка. В большей степени данная проблема прослеживается при проведении экспертизы в отношении несовершеннолетних потерпевших и свидетелей. В случае, когда ребенок стал свидетелем или потерпевшим при совершении преступления, он может из-за испуга, сильного потрясения от увиденного, слишком малого объёма восприятия, замкнутости себе, возрастных особенностей, внушаемости, эмоциональной нестабильности и других личностных особенностей, ребенок непроизвольно может забыть многие детали произошедшего, соврать или придумать новые эпизоды преступления, что усложняет проведение экспертизы и расследования. В данном случае экспертиза должна быть выстроена в формате непроизвольного диалога, что позволит эксперту расположить к себе несовершеннолетнего для более полного и всестороннего заключения. Несовершеннолетние наиболее уязвимы и чувствительны к стрессовым ситуациям и психологическим воздействиям. Эксперты должны не только задавать вопросы, интересующие следствие, а также проявлять эмоциональную поддержку и заботу, чтобы создать доверительную атмосферу и обеспечить комфорт и безопасность ребенку во время проведения экспертизы. Шарипова Э.Р., Мударисова А.Р., Григорьева М.С. в своем исследовании отмечают, что коммуникация и взаимодействие с несовершеннолетними требует особого подхода, учитывая их особенности коммуникация и понимания. По их мнению, эксперты должны использовать доступный и понятный язык, учитывать когнитивные ограничения и использовать специализированные методы коммуникации, чтобы получить достоверные и полезные данные[4]. С данной позицией сложно не согласится, поскольку именно от методов, которые выберет эксперт для взаимодействия с малолетним, зависит качество, проведенного исследования.

Таким образом, для более эффективного расследования преступления, психолого-психиатрическую экспертизу следует проводить до предъявления обвинения, но не на ранних стадиях расследования. При назначении экспертизы следователю прежде всего необходимо понять, мог ли субъект преступления осознавать свои поступки или руководить ими, в противном случае деяние не будет считаться преступным. Для следователя при расследование уголовных дел

[4] Шарипова Э.Р., Мударисова А.Р., Григорьева М.С. Судебно-психологическая экспертиза несовершеннолетних // Вестник науки. 2023. № 6 (63).

с участием несовершеннолетних важен именно момент назначения экспертизы и поэтому совершенствование уголовно-процессуального законодательства, и разработка методических рекомендаций по данной экспертизе необходимо для следствия. Психолого-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних требует дальнейшего совершенствования с учетом специфики данной категории лиц и постоянного развития психологической науки. Также особое внимание следует уделять защите прав несовершеннолетних и обеспечению качества экспертных заключений.

Литература

1. Плис В.В. Некоторые проблемы судебно-психологической экспертизы несовершеннолетних // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 12-4. С. 124–126.

2. Каторгина Н.П. Процессуальные и тактические особенности назначения и производства судебной экспертизы на предварительном следствии // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2014. № 22 (193). С. 134–146.

3. Курмаева Н.А. Особенности назначения и производства судебно-психологической экспертизы несовершеннолетних на предварительном следствии // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 2. С. 329–335.

4. Шарипова Э.Р., Мударисова А.Р., Григорьева М.С. Судебно-психологическая экспертиза несовершеннолетних // Вестник науки. 2023. № 6 (63). С. 518–527.

Сведения об авторах

Анисимова Наталия Вениаминовна - доцент кафедры предварительного расследования Московского ордена Почёта университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, полковник полиции.

Бегун Анна Сергеевна – курсант магистратуры Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева

Бекетова Вероника Вячеславовна - слушатель института судебной экспертизы Московского ордена Почёта университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Белавин Андрей Вениаминович – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Международного юридического института, кандидат юридических наук.

Беляев Михаил Вячеславович – заместитель начальника кафедры оружиеведения и трасологии Московского ордена Почёта университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции.

Бордюгов Леонид Григорьевич – директор Донецкой ЛСЭ Минюста России, доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Донбасского государственного университета юстиции, кандидат юридических наук.

Боршавец Артем Юрьевич – старший следователь-криминалист технико-криминалистического отдела управления криминалистики Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве, подполковник юстиции

Шурухнов Владимир Александрович – заведующий кафедрой криминалистики Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент.

Васильева Дарья Николаевна – магистрант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Виноградова Марина Михайловна – старший преподаватель кафедры судебно-экспертной и оперативно-разыскной деятельности факультета подготовки криминалистов Московской академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук.

Владимиров Владимир Юрьевич – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, действительный член РАЕН и МАНЭБ, советник РАРАН, генерал-лейтенант полиции в отставке.

Глотова Альбина Владимировна – старший эксперт отдела фоноскопических и лингвистических исследований Судебно-экспертного центра Следственного комитета Российской Федерации, майор юстиции.

Голикова Виктория Владимировна – доцент кафедры судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент.

Головлева Екатерина Сергеевна – магистрант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Горач Николай Николаевич – доцент кафедры судебно-экспертной и оперативно-разыскной деятельности Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат педагогических наук, доцент

Дёмин Константин Евгеньевич – доцент кафедры оружиеведения и трасологии Московского ордена Почёта университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции в отставке.

Дронова Ольга Борисовна – профессор кафедры криминалистической техники УНК ЭКД Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, полковник полиции.

Жердев Павел Александрович – профессор кафедры криминалистики Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова, кандидат юридических наук, доцент.

Журихина Софья Ивайловна, врач – судебно-медицинский эксперт организационно-методического отдела федерального государственного бюджетного учреждения «Российский центр судебно-медицинской экспертизы» Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Зайцовский Данила Сергеевич – командир отделения 711 взвода факультета подготовки сотрудников для подразделений экономической безопасности Московского ордена Почёта университета МВД России имени В.Я. Кикотя, сержант полиции.

Захарова Валентина Олеговна - заведующий кафедрой предварительного расследования Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции

Катаев Александр Станиславович – доцент кафедры организации здравоохранения и госсанэпидслужбы с курсом судебно-медицинской экспертизы ФГБОУ ВО «Российский биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ)», кандидат медицинских наук.

Кондратюк Сергей Викторович – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Луганского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Косенко Андрей Михайлович – следователь по особо важным делам отдела по расследованию преступлений прошлых лет управления по расследованию организованной преступной деятельности и преступлений прошлых лет Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации.

Крюков Вадим Викторович – старший преподаватель кафедры СЭ и УПД ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет» (ГСГУ), президент Межрегиональной общественной организации содействие развитию экспертно-судебной деятельности «Ассоциация судебных экспертов»(МОО «Ассоциация судебных экспертов»), эксперт судебный 111 Главного государственного центра судебно-медицинских и

криминалистических экспертиз министерства обороны Российской Федерации (111 ГГЦ СМЭиКЭ МО РФ)

Кулешова Анастасия Николаевна – магистрант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Купин Алексей Фёдорович – старший инспектор управления научно-исследовательской деятельности (научно-исследовательского института криминалистики) Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации, доцент кафедры «Безопасность в цифровом мире» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана, кандидат юридических наук, доцент

Лавелина Валерия Владимировна – преподаватель кафедры ЭКД УНК судебной экспертизы Московского ордена Почёта университета МВД России имени В.Я. Кикотя, подполковник полиции.

Литвин Алена Сергеевна, Черняев Никита Алексеевич – курсанты 5 курса Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Мазова Валерия Денисовна – курсант 3210 РЭП взвода Института-факультета подготовки сотрудников для органов предварительного расследования Московского ордена Почёта университета МВД России имени В.Я. Кикотя, рядовой полиции.

Макаров Игорь Юрьевич – директор федерального государственного бюджетного учреждения «Российский центр судебно-медицинской экспертизы» Министерства здравоохранения Российской Федерации, доктор медицинских наук, профессор.

Минаков Константин Владимирович – магистрант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Множина Диана Николаевна – адъюнкт Академии управления МВД России, майор полиции.

Моисеев Александр Михайлович – государственный судебный эксперт Донецкой лаборатории судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Моисеенко Максим Андреевич – магистрант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Новикова Яна Олеговна – курсант 3205 взвода института-факультета подготовки сотрудников для органов предварительного расследования Московского ордена Почёта университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Озеров Игорь Николаевич – заведующий кафедрой судебно-экспертной и оперативно-разыскной деятельности факультета подготовки криминалистов, кандидат юридических наук, доцент Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Пичугин Сергей Анатольевич – доцент кафедры криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Попов Владимир Анатольевич – начальник кафедры криминалистики Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Попова Оксана Васильевна – курсант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Потапов Евгений Александрович – врач – судебно-медицинский эксперт, аспирант федерального государственного бюджетного учреждения «Российский центр судебно-медицинской экспертизы» Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Самойловский Артем Андреевич – магистрант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Сарыгина Элина Сергеевна – доцент кафедры судебно-экспертной и оперативно-разыскной деятельности факультета подготовки криминалистов Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева

Свободный Феликс Константинович – доцент кафедры управления и психологии следственной деятельности Московской академии Следственного комитета имени А. Я. Сухарева, кандидат психологических наук, доцент

Сечина Кристина Владимировна – преподаватель кафедры криминалистики Рязанского филиала Московского ордена Почёта университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Скобелин Сергей Юрьевич – доцент кафедры информационных технологий и организации расследования киберпреступлений, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Скородумова Анна Владимировна – магистрант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Соколова Анна Владимировна – адъюнкт Академии управления МВД России, лейтенант полиции.

Соколова Елизавета Юрьевна – магистрант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Степырева Альбина Марсовна – преподаватель кафедры предварительного расследования Московского ордена Почёта университета МВД России имени В.Я. Кикотя, подполковник полиции.

Суворов Александр Сергеевич – старший преподаватель кафедры организации здравоохранения и госсанэпидслужбы с курсом судебно-медицинской экспертизы, ФГБОУ ВО «Российский биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ)».

Хазизулин Виталий Билалуевич – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, полковник юстиции (в отставке).

Харина Ксения Игоревна – магистрант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Хлопотникова Анастасия Сергеевна – магистрант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Черевко Елизавета Романовна – эксперт 16 отдела ЭКЦ ГУ МВД России по г. Москве, старший лейтенант полиции.

Чернявская Мария Станиславовна – старший преподаватель кафедры судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук.

Чеснокова Елена Владимировна – начальник отдела научно-методического обеспечения и аспирантуры РФЦСЭ имени профессора А.Р. Шляхова при Минюсте России, профессор кафедры судебно-экспертной деятельности РУДН, доктор юридических наук.

Черных Ярослава Павловна – курсант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Шавловский Андрей Борисович – преподаватель кафедры судебно-экспертной и оперативно-разыскной деятельности Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, капитан юстиции.

Янышева Арина Ильгизовна – магистрант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Содержание

IV Всероссийская научно-практическая конференция «Судебные экспертизы в уголовном процессе: теория и практика» (3 июля 2025 года) 3
Анисимова Н.В. Значение судебной экспертизы входе предварительного следствия 6
Афанасьев А.О. Различный подход к оценке материалов налоговой проверки налоговыми и следственными органами 10
Бегун А.С. Проблемы судебной бухгалтерской экспертизы по делам, связанным со злоупотреблением должностными полномочиями 18
Бекетова В.В. Уголовно-правовое регулирование судебной экспертизы в современной России 21
Белавин А.В., Катаев А.С., Суворов А.С. Некоторые вопросы использования искусственного интеллекта в судебно-медицинской экспертизе на современном этапе развития технологий комплексной экспертной практики 27
Беляев М.В. К вопросу отнесения исследуемых изделий к устройствам и инструментам для нештатного отмыкания механических ключевых замков 32
Бордюгов Л.Г. Решение ситуалогической экспертной задачи при проведении судебной экспертизы охраны труда и техники безопасности 47
Боршавец А.Ю., Шурухнов В.А. Возможности судебных экспертиз при расследовании нераскрытых преступлений прошлых лет 54
Васильева Д.Н. Стратегия назначения судебных экспертиз для использования фото- и видеоматериалов, полученных оперативно-разыскным путем 58
Виноградова М.М. Судебная экономическая экспертиза в уголовном процессе: зарождение, формирование и современное состояние 63
Владимиров В.Ю. Реквием по экспертной профилактике 71
Глотова А.В. О некоторых подходах к установлению значения в ходе проведения лингвистической экспертизы 76
Голикова В.В. Качество преподавания дисциплины «Судебная бухгалтерская экспертиза»: анализ и рекомендации 81
Головлева Е.С. Предмет, объект и задачи судебной лингвистической экспертизы по делам, связанным с реабилитацией нацизма 85
Горач Н.Н. К вопросу использования специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов 91
Демин К.Е. О некоторых инновационных подходах в тактике осмотра места происшествия по делам, сопряженным с использованием компьютерных средств и технологий 98
Дронова О.Б. Особенности изготовления ортофотоплана как потенциального объекта экспертного исследования 102

Жердев П.А. Использование компьютерных технологий и криминалистических учетов в раскрытии и расследовании преступлений 106
Журихина С.И., Макаров И. Ю. Аспекты терминологии поражающих элементов контактно-дистанционных электрошоковых устройств 111
Зайцовский Д.С. Вопросы оценки объективности и непредвзятости заключений специалистов и экспертиз негосударственных учреждений при их использовании в уголовном процессе 114
Захарова В.О. Заключение эксперта и другие доказательства по уголовному делу: единство или борьба противоположностей (о практике следственных ошибок) 116
Косенко А.М. Проблемы определения процессуального статуса лиц, в отношении которых назначается судебная экспертиза в стадии возбуждения уголовного дела 126
Крюков В.В. К вопросу об использовании положений правил дорожного движения при исследовании дорожно-транспортных происшествий на пешеходных переходах. 132
Кулешова А.Н. Объекты и предметы судебно-лингвистической экспертизы материалов порнографического дискурса 136
Купин А.Ф. Применение специальных знаний для установления монтажа цифровых изображений копий документов 141
Лавелина В.В. Комплексный подход к исследованию потенциальных носителей генетической информации в органах внутренних дел России: проблемы и пути решения 145
Литвин А.С., Черняев Н.А. Использование специальных знаний в сфере налоговых обязательств в период Великой Отечественной войны 150
Мазова В.Д. Судебная экономическая экспертиза в уголовном процессе: вызовы современности 154
Макаров И.Ю. Возможность установления расположения оружия в руке стрелка, при ситуационных экспертных исследованиях 158
Макаров И.Ю., Потапов Е.А. Морфологические особенности огнестрельных повреждений, причиненных из оружия со сверловкой ствола Paradox и Lancaster (экспериментальное исследование) 163
Минаков К.В. Судебная лингвистическая экспертиза при расследовании реабилитации нацизма: методологические и правовые аспекты 166
Множина Д.Н. О необходимости совершенствования криминалистического исследования самодельных зажигательных устройств 171
Моисеев А.М., Кондратюк С.В. Судебная криминологическая экспертиза: предмет, объект, задачи, виды 177
Моисеенко М.А. Производство судебных экономических экспертиз по уголовным делам в государственных и негосударственных экспертных учреждениях – сходство и различия 185

Новикова Я.О. К вопросу о доказывании преступлений, посягающих на общественную безопасность, совершенных с помощью сети Интернет 190
Озеров И.Н. Особенности проведения ОРМ «Исследование предметов и документов» в особых условиях 196
Пичугин С.А. Современные вызовы судебно-портретной экспертизы: методология и практика применения антропологических знаний в экспертной деятельности 203
Попов В.А. Общие правила подготовки, назначения и проведения дактилоскопической экспертизы 207
Самойловский А.А. Специфика компетенций эксперта при производстве судебной лингвистической экспертизы материалов религиозного характера экстремистско-террористической направленности: проблемы интеграции специальных знаний. 210
Сарыгина Э.С. Экспертное обеспечение тактики отдельных процессуальных действий с использованием специальных экономических знаний при расследовании преступлений 216
Свободный Ф.К. К вопросу о выделении судебной психологической экспертизы информированности личности о расследуемом событии 219
Сечина К.В. Назначение политологической судебной экспертизы по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ 223
Скобелин С.Ю. Экспертизы по делам о развратных действиях в сети Интернет 226
Скородумова А.В. Тактика следственного осмотра удаленных серверов (облачных хранилищ) 230
Соколова А.В. Возможности АБИС для раскрытия и расследования преступлений, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны 236
Соколова Е.Ю. К вопросу об определении понятия «добровольческие формирования, организации или лица, содействующие в выполнении задач, возложенных на вооруженные силы российской федерации или войска национальной гвардии российской федерации» в научной литературе и правовых документах 239
Степырева А.М. Научный взгляд на правосудие: значение экспертизы в практике возмещения имущественного вреда при расследовании преступлений 245
Суворов А.С. Некоторые вопросы использования искусственного интеллекта в судебно-медицинской экспертизе на современном этапе развития технологий комплексной экспертной практики 247
Хазизулин В.Б. Судебные экспертизы по уголовным делам о преступлениях, связанных с оказанием медицинской помощи 252
Харина К.И. Использование специальных знаний в расследовании преступных нарушений тайны переписки, телефонных переговоров, 261

почтовых, телеграфных и иных отправлений, совершенных с использованием информационных технологий
Хлопотникова А.С. Роль пресуппозиций в интерпретации коррупционного содержания 265
Черевко Е.Р. О проблемах применения 3D-моделирования при производстве судебной экспертизы и других следственных действий 269
Чернявская М.С. Выбор методики при производстве судебных экономических экспертиз 273
Чеснокова Е.В. Аудит экспертных методик в деятельности аккредитованных судебно-экспертных учреждений 278
Черных Я.П., Попова О.В. К вопросу об оценке полноты выявления признаков сексуального насилия у детей 281
Шавловский А.Б. Методическое обеспечение судебной компьютерно-технической экспертизы: вопросы исследования мобильных устройств 289
Янышева А.И. Проблемы психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних 292
Сведения об авторах 296
Содержание 301

СУДЕБНЫЕ ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции

(Москва, 3 июля 2025 года)

Редакционная коллегия обращает внимание, что статьи представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов

Подписано в печать 24.02.2026

Техническое редактирование,
оригинал-макет – И.Д. Нестерова
Формат 60х90 1/16
Усл. печ. л. 19,6
Тираж 30 экз.
Печать офсетная
Заказ № 538

Отпечатано в типографии Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
ул. Врубеля, д. 12